МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ КОНИ

ИСТОРИЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

Ф. А. Кони

История Фридриха Великого

Москва
2023

УДК 929Фридрих(430)
ББК 63.3(4Гем)51-332
К64

Кони, Ф. А.

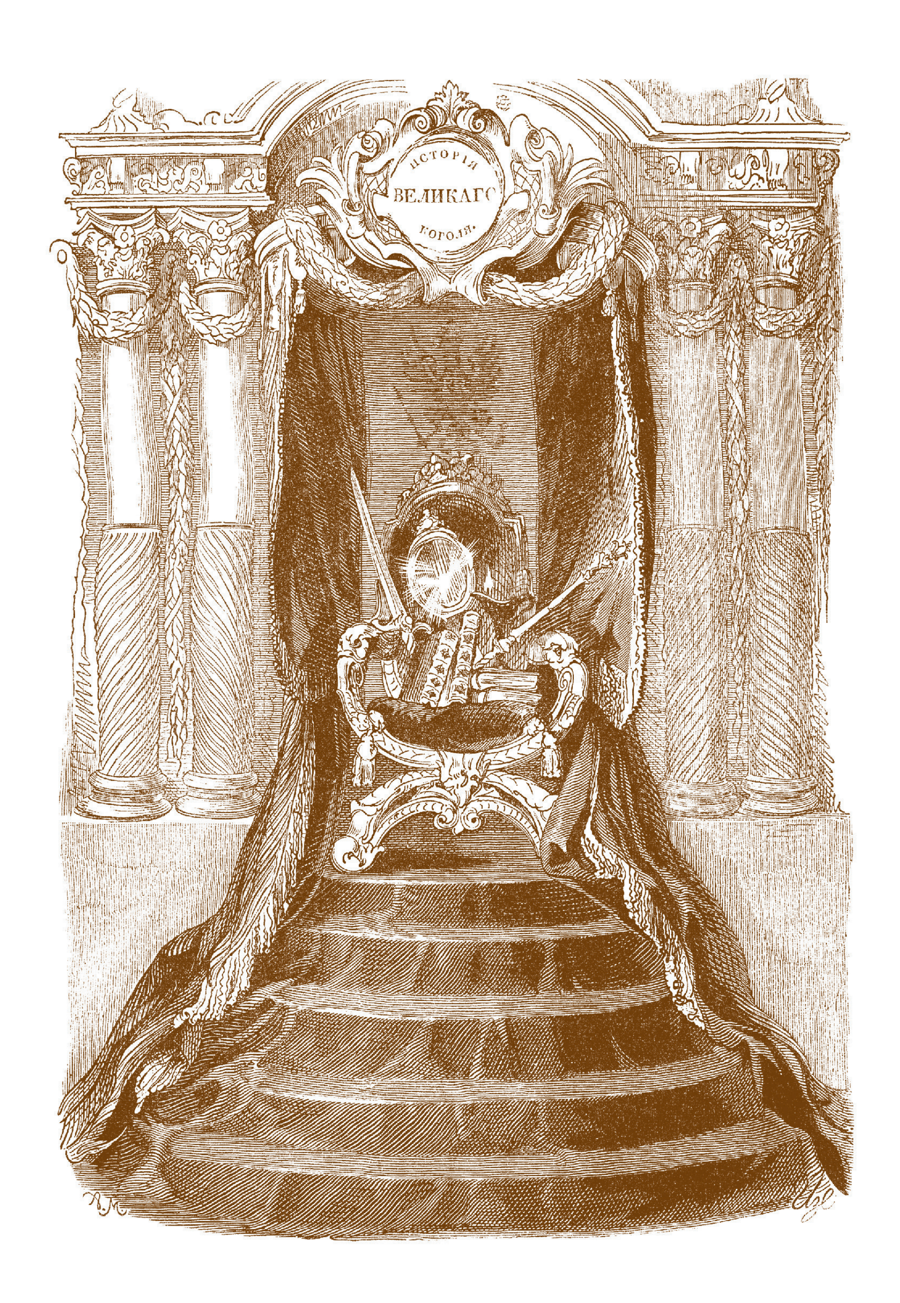
К64 История Фридриха Великого / Ф. А. Кони. — Москва : Директ-Медиа, 2023. — 596 с.

ISBN 978-5-4499-2989-1

Одно из самых значительных биографических сочинений известного русского писателя и драматурга Федора Алексеевича Кони (1809–1879) посвящено описанию жизни прусского короля Фридриха II Великого. Читатель узнает о детских и юношеских годах будущего правителя. На страницах издания интереснейший рассказ о всех военных компаниях короля, включая Семилетнюю войну с Россией. Фридрих II у Ф. А. Кони предстает как всесторонне развитая личность, разбирающаяся как в военной тактике и стратегии, так и в экономике, философии и искусстве. Оценивая заслуги короля, автор отмечает, что за 46 лет правления Фридриха II Пруссия стала процветающим государством, ее территория увеличилась в 2 раза, а главное, Фридрихом II были заложены основы для будущего объединения немецких княжеств в одно государство.

УДК 929Фридрих(430)
ББК 63.3(4Гем)51-332

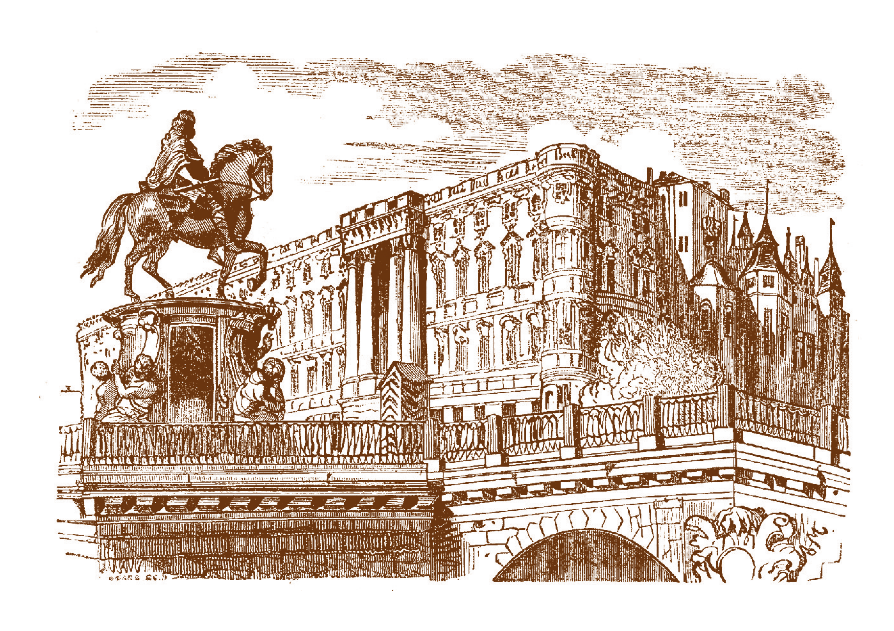
ISBN 978-5-4499-2989-1

ИСТОРІЯ
ВЕЛИКАГО
КОРОЛЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ
ЮНОСТЬ

Книга первая. Юность

Глава I. Рождение

ридрих II, прозванный современниками и потомством Великим, родился 24 января 1712 года, в королевском дворце, в Берлине. Появление его на свет было встречено неизъяснимой радостью, потому что все надежды венценосного семейства покоились на нем. На престоле прусском сидел еще дед новорожденного, король Фридрих I; но он имел единственного сына Фридриха Вильгельма, у которого двое первых сыновей умерли вскоре после рождения. Если бы Фридрих Вильгельм остался без мужского потомства, королевская корона должна была перейти на боковую линию царствующего дома. Эта мысль огорчала старика короля. Ему принесли известие

о рождении внука в ту самую минуту, когда он садился за стол с большой придворной церемонией, по тогдашнему обычаю.

Он тотчас оставил столовую и поспешил лично поздравить августейшую роженицу и поцеловать будущего наследника своего престола.

Вскоре жители столицы были извещены о радостном событии в королевском доме пушечной пальбой и колокольным звоном. Награды, розданные многим почетным лицам, и обед для всех бедных, содержащихся в городских богадельнях, сделали этот торжественный день еще радостнее. Король Фридрих I наследовал государство от отца своего, великого курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма.

Этот курфюрст был первый и единственный монарх в Германии, который после опустошительной Тридцатилетней войны и при могучем перевесе Франции сумел с честью сохранить достоинство своего звания и значение в политической системе Европы. Он возвысил свое государство до уважительного величия и значительной силы.

Он так счастливо вел войны и так мудро управлял, что возбудил неудовольствие при австрийском дворе. В Вене с тревогой замечали, что на берегах Балтийского моря крепкой стопой стал новый великан. Австрийскому властолюбию, которое стремилось к полной власти над всей Герма-

нией, было неприятно, что в руках подведомственного имперского князя расширялось влияние, могущее возрасти до неограниченной власти.

Фридрих I к деяниям своего великого отца прибавил одно, которое свидетельствует о его дальновидной политике и которое впоследствии привело к важным историческим результатам. Он возвысил в достоинство королевства вотчину свою, герцогство Пруссию[1], не входившую в состав германского союза, и в 1701 году (18 января) в Кенигсберге возложил на главу свою королевскую корону.

Надлежало хитро отстранить долговременную оппозицию Австрии, прежде чем Фридрих I мог решиться на такой шаг, но он следовал плану своему с удивительным постоянством до тех пор, пока оборот политических дел не предоставил ему возможность осуществить его.

Как важен был этот шаг, доказывают слова Евгения Савойского, величайшего полководца и политика, которым тогда владела Австрия: «По моему мнению, — говорил он, — министры, посоветовавшие императору признать независимость прусского престола, заслуживают смертную казнь».

---

[1] Восточную Пруссию — Западная Пруссия была отнята у прежних обладателей поляками.

В самом деле, титул короля был не пустой звук, а королевский придворный штат — не ничтожный парад, особенно в тот век, где все ценилось по мерке этикета. Новый титул и штат Пруссии показывали уже дряхлевшему германскому союзу стремление бранденбургского курфюрста выйти из-под влияния его уставов. При дальнейшем развитии бранденбургско-прусского государства стремление это могло созреть до действительной независимости.

Но первому королю новой державы не было суждено свершить этот великий подвиг вполне. Для окончательного переворота необходимы были благоприятные обстоятельства извне, сила и мудрая обдуманность внутри государства.

Фридрих I довольствовался тем, что мог поддержать достоинство своей новой короны приличным блеском и роскошью, и этого, при тогдашнем положении, было, действительно, достаточно. Он окружил себя великолепным двором и соблюдал церемониалы придворного этикета с такой же строгостью и важностью, как коренные законы государства. Он праздновал счастливые события своего правления с такой изысканной роскошью, что приводил в изумление соседей и заставлял благоговеть свой народ.

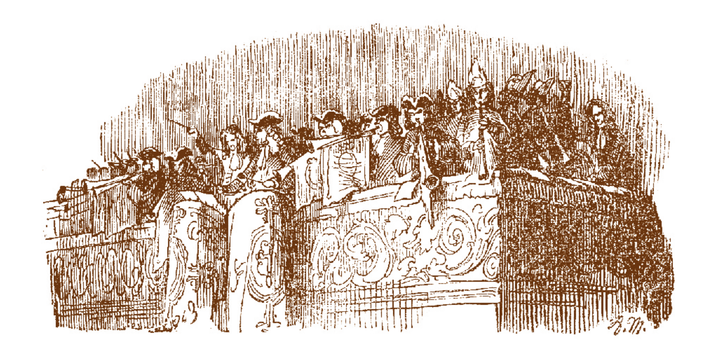
Добродушный нрав довершал остальное — подданные любили его до безумия. Наружному блеску умел он хитро придавать вид внутреннего достоинства, поощрял науки и художества. По его мановению являлись превосходнейшие создания искусства, Андрей Шлютер был один из колоссальных гениев, созданных прихотью Фридриха I: как зодчий и ваятель этот великий художник не имел в Германии предшественников и в новых поколениях не нашел себе равного. В Берлине и основалась академия, душой которой был величайший мыслитель своего времени, Лейбниц. Тогдашнюю столицу Пруссии называли не иначе, как германскими Афинами.

Рождение будущего наследника престола, при обстоятельствах вышеизложенных, было слишком важным событием, чтобы не подать повода к новому торжеству, где бы королевское величие могло выказаться во всем блеске роскоши.

Все почитали счастливым предзнаменованием, что наследник престола родился в январе — месяце коронации короля. Фридрих, чтобы придать этому предзнаменованию еще больше торжественности, поспешил устроить великолепный церемониал крестин, еще в том же месяце. 31 января святое таинство крещения было совершено в дворцовой церкви. Через все залы, от самой комнаты новорожденного до церкви, стояли, в два ряда, придворные, слуги, гвардия в парадных мундирах. Маркграфиня Альбрехт, свояченица короля, поддерживаемая своим мужем и маркграфом Людовиком, младшим братом короля, несла младенца. На голове новорожденного была маленькая корона, пеленки были из парчи, обшитой бриллиантовой тесьмой, концы которой держали четыре графини. В церкви ожидали их король, королева, принц Леопольд Ангальт-Дессауский, главнокомандующий прусскими войсками, и весь придворный штат в торжественной форме. Король стоял под великолепным балдахином, на котором развевались страусовые перья и, под королевской короной, красовался герб Пруссии. Золотые кисти балдахина держали четыре кавалера ордена Черного Орла. Перед ним стоял

стол, покрытый парчой, с золотой купелью. Король сам принял на руки младенца, которого в его честь назвали Фридрихом. Гром орудий и колокольный звон раздались в городе, величественная музыка — в церкви, и святой обряд был совершен.

День заключился блистательным праздником при дворе и в городе.

Спустя несколько месяцев после рождения принца, при первом весеннем тепле 1712 года, в королевском саду, в Кепенике, близ Берлина, роскошно расцвело американское алоэ, посаженное самим королем и которое двадцать четыре года не давало цвета. Дерево, вышиной в тридцать футов, было сверху донизу обсыпано цветами. Народ стекался полюбоваться этим чудом природы. Сотни од, сонетов и песен полетели на бедное дерево, которое никогда не дожило бы до этой чести, если бы господа поэты не открыли тайного смысла и пророческой эмблемы, небезвыгодно могущей быть приложенной к современным обстоятельствам. В роскоши этого дерева представляли они могущество и силу Пруссии, выходящие крепким стволом из недр бранденбургского дома. Расцвет дерева распустил и новые надежды народа: царственный младенец был их залогом. Но многие замечали, что дерево, давая роскошный цвет, само умирало: это перетолковывали в печальное предзнаменование близкой кончины всеми любимого монарха.

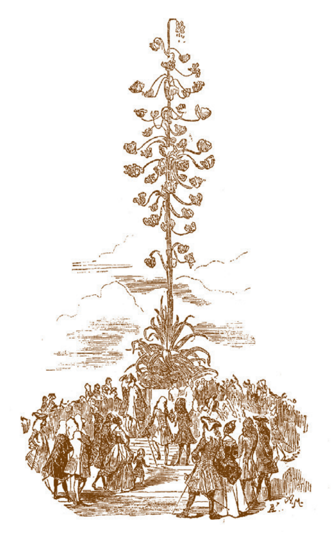
Такое истолкование простого случая было не совсем без основания: король, и без того слабого сложения, давно уже хворал. Рождение внука было последней радостной вспышкой его

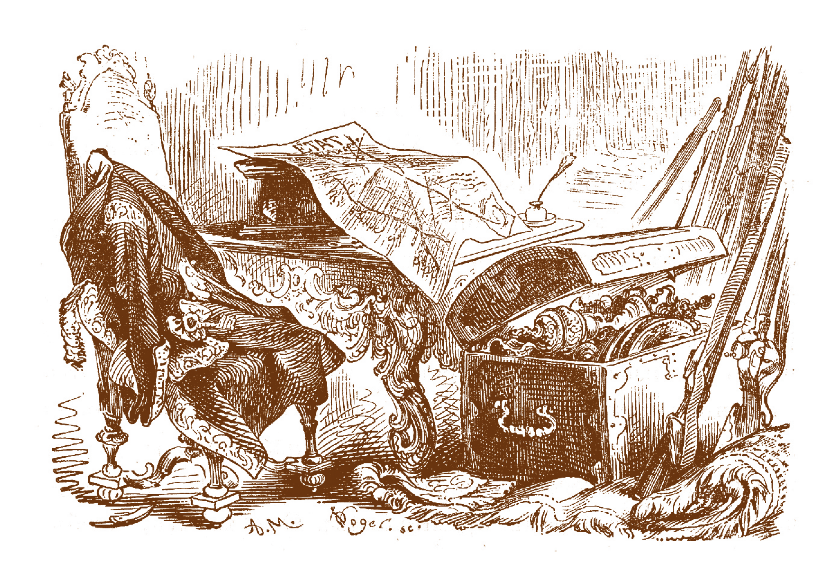
жизни. Год спустя, он в день его рождения в последний раз показался перед народом. Болезнь его приняла опасный оборот. 13 февраля он созвал к одру своему все семейство и первых сановников государства, чтобы с ними проститься.

Он благословил кронпринца и внучат, Фридриха, на руках кормилицы, и четырехлетнюю Вильгельмину, которая с родителями своими стояла на коленях перед его постелью.

25 февраля короля не стало.

Глава II. *Лета младенчества*

мерть Фридриха I произвела большие перемены в делах правления, при дворе и в самом образе жизни королевской фамилии.

Фридрих Вильгельм решительно ни в чем не походил на своего отца. Строгий церемониал двора, которому он до сих пор, поневоле, должен был подчиняться, ему прискучил, а тщеславный блеск празднеств, сделался нестерпимым. Высшие науки и утончение в нравах, на которых покойная мать его, София-Шарлотта, старалась основать его воспитание, казались ему излишеством и даже очень вредной прикрасой жизни. Характер его от природы получил исключительно практическое направление.

Цель, с которой он принялся за новую реформу, состояла в том, чтобы основать государственную казну из сумм, которые прежде расточались на придворную роскошь и были отданы

на произвол временщикам. Таким образом, он думал избавить государство, в случае нужды, от отягчительных займов. Он хотел развить в подданных постоянную деятельность и любовь к труду и поддержать благосостояние королевства строгим и попечительным надзором правительства. Он хотел, чтобы впредь корона его поддерживала значение свое в глазах Европы не пустым блеском роскоши, но сильным и хорошо обученным войском. Все торжества его царствования состояли из смотров и парадов, которые он почитал существенной необходимостью для полного образования войска.

Неутомимая деятельность его вскоре привела к тому, что солдаты его отличались от всех лучших тогда армий быстротой, верностью и правильностью воинских движений и порядком фронта. Он старался даже украсить передовые фронты полков людьми отборными, крепкими, которые и мужественным видом, и ростом могли бы внушить врагам страх и уважение. На красоту формы он употреблял огромные суммы, что, впрочем,

совсем не соответствовало его обычной бережливости, даже, некоторым образом, скупости.

Все государство приняло вид воинственный; испуганное просвещение на минуту приостановилось — Берлин перестал именоваться Афинами, его прозвали Спартой.

Семейная жизнь короля была поставлена на простую ногу. В век, когда от роскоши и просвещения при многих дворах укоренилась порча нравов и наклонность к чувственным увлечениям, а, следовательно, и мелкие страсти, он, простотой своего быта, сохранил при дворе своем приличную важность, а в народе — простоту нравов и национальный характер. Супружеская верность была для него делом святым. Детей своих, которых число в продолжение времени значительно увеличилось, он воспитывал в страхе Божьем и в строгих правилах нравственности. С самых юных лет старался он внушить им любовь к порядку, к правосудию, к правильному образу жизни и уважение к уму и заслугам людей, того заслуживающих. Он хотел образовать из них, как сам говорил, людей практически полезных, и потому все, что только могло относиться к обольщениям светской жизни, к увлечению воображения и сердца и к развлечению ума — было навсегда и бесповоротно изгнано из дворца его.

Правосудие его было строго, но беспристрастно: обиженный мог смело идти к нему и приносить жалобу, и если дело его было право — он мог надеяться на скорый и верный успех. Но он был, в то же время, неумолимым судьей для тех, кто противился его благообдуманным предначертаниям или хотел нововведениями искоренить национальность в обычаях и нравах народа. От природы вспыльчивый, он в подобных случаях часто доходил до забвения величия и важности своего сана.

В первые годы юности сына его Фридриха, который был уже объявлен наследным принцем, невозможно было в точности определить, в какой степени направление ума молодого человека будет согласовываться с мнением и направлением его отца.

Первое о нем попечение было поручено женщинам. Мать его, королева София-Доротея, дочь курфюрста ганноверского, впоследствии короля английского Георга I, отличалась природной

добротой души и необыкновенной склонностью к благотворительности; к тому же она не чувствовала такой антипатии к наукам, как ее супруг. К несчастью, здоровье ее не позволяло ей с полной любовью и всем материнским усердием заняться малюткой Фридрихом.

Воспитание наследника престола было поручено надзору статс-дамы королевы, г-же Камеке. В помощницы ей дана была г-жа Рокуль, старушка, которая ходила за самим королем в его малолетстве.

Ее прямой и благородный характер, ее любовь и привязанность к царствующему дому прусскому, налагали на короля обязанность почтить ее снова таким лестным поручением. Она была родом парижанка и принадлежала к числу реформатов, которые, из ревности к новому исповеданию, добровольно отлучали себя от отчизны, лишая тем окровавленную Францию лучших сил ее. В бранденбургских владениях их принимали радушно: новое государство нуждалось в полезных и просвещенных людях, приносивших с собой образованность и искусства Франции, которой тогда вся Европа подражала. Французский язык сделался тогда общим при дворе и заменил латинский в дипломатических отношениях. От дворов распространился он и в образованных классах народа.

Мудрено ли, после этого, что воспитание двух будущих государей Пруссии было поручено француженкам.

И так, Фридрих с раннего возраста был упражняем преимущественно во французском языке, что осталось не без влияния на позднейшие эпохи его жизни.

Когда Фридриху минуло четыре года, о нем сказано было замечательное

пророчество. В то время находилось в Берлине много шведских офицеров, взятых в плен при занятии Стральзунда прусскими войсками, в день рождества Христова, 1715 года. Один из этих офицеров, по имени Кром, славился своим знанием астрологии и тем, что по руке мог читать будущую судьбу человека. Весь город сходил с ума от его прорицаний. Молва о нем дошла и до двора. Королева и придворные дамы полюбопытствовали узнать от него некоторые тайны из грядущей своей участи. Он был призван на половину королевы. Множество нежных ручек с трепетом отверзались перед его испытующим, пронзительным взглядом, и, к удивлению, многие из его предсказаний сбылись, впоследствии самым поразительным образом. Но все эти пророчества были более или менее верными соображениями ума быстрого и зоркого. Так, например, он предсказал королеве, которая тогда была в благословенном положении, что она через два месяца подарит Пруссии новую принцессу; многим дамам, подходившим к нему с легкомысленным сарказмом, он пророчил скорое удаление от двора и тому подобное. Когда к нему подвели наследного принца, и тот наивно развернул перед ним свою детскую ручонку, Кром с каким-то вдохновенным жаром объявил, что он будет благословен Богом, в юности перенесет много испытаний, а в зрелом возрасте займет одно из первых мест между европейскими государями и будет сильнейшим властителем.

Предсказание вполне оправдалось.

В первые годы жизни, до тех пор, пока воинские упражнения не закалили тела Фридриха, здоровье его было слабо и ма-

ло подавало надежд на долголетие. Это болезненное состояние имело следствием какую-то печальную задумчивость, которая увеличивала опасения его окружавших. Тем более обращали внимание на телесное развитие молодого принца. Он с особенной любовью обращался к старшей сестре своей, посвящавшей ему весь свой детский досуг. Взаимная привязанность сохранилась между ними до самой смерти принцессы.

Одна сцена этой детской любви прекрасно передана потомству в картине знаменитого тогда художника Пена.

Принцу подарили маленький барабан, и придворные с удовольствием замечали, что, вопреки, всегдашней его молчаливости и мирному расположению духа, маленький Фридрих находил особенное удовольствие выбивать на своем барабанчике дроби и марши. Однажды королева дозволила ему это упражнение в своих покоях. Сестра его была тут же со своими игрушками. Ей, наконец, надоел барабанный бой, и она попросила брата покатать ее кукол в колясочке или поиграть с ней цветами. Но принц, который обыкновенно уступал просьбам сестры, на этот раз принял важный вид и пресерьезно ответил ей:

«Выбивать дроби мне нужнее, чем катать тряпки и забавляться цветами». Это замечание малютки показалось королеве столь забавным, что она тотчас же позвала короля, и он был весьма обрадован воинственными наклонностями, которые открывались в его сыне.

Король любил проводить время в кругу своего семейства. Любовь его к детям обнаруживалась в том, что он часто сам принимал участие в их играх. Однажды старый генерал Форсад вошел в покой короля без доклада, в то самое время, когда он играл с принцем в мячик. «Форсад, — сказал король, — ты сам отец и знаешь, что и королю надо иногда быть ребенком, чтобы забавлять королевских детей».

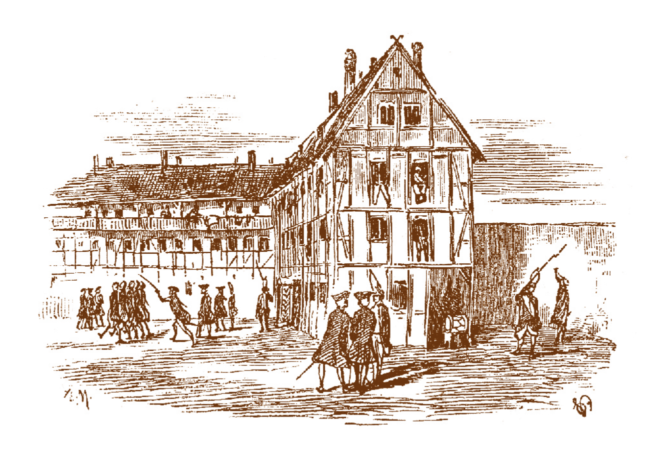
Выше уже было замечено, что королева имела особенную наклонность к благотворительности. Это свойство души своей она старалась передать и своим детям. Принца она рано посвятила в прекрасную должность раздатчика своей милостыни. Бедные, которые с упованием на ее милосердие обращались к ней, были ею всегда отсылаемы к наследнику, который раздавал им щедро деньги и подарки. Может быть, это было следствием дальновидной политики королевы, которая заранее желала приковать сердца народа любовью к будущему монарху. Во всяком случае, прекрасный этот обычай делает честь ее сердцу. Он имел благодетельные последствия на нрав молодого принца: с малых лет показал он уже, как живо к душе его привилось чувство сострадания и милосердия.

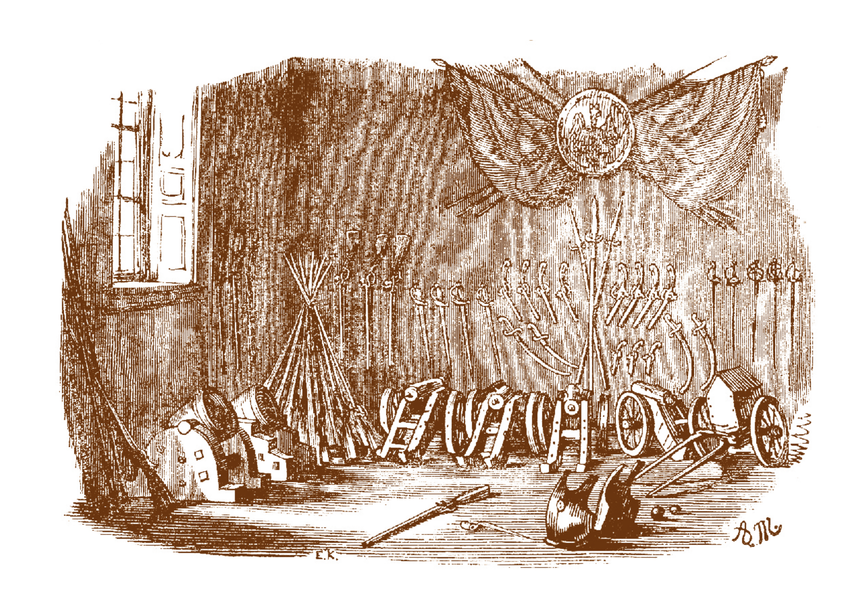
В первые годы своего супружества король и королева имели обыкновение каждое лето ездить в Ганновер, навещать отца королевы. С третьего своего года наследник сделался участником этих путешествий. В Тангермюнде король всегда останавливался на несколько часов для совещаний с чиновниками, которым было поручено управление этой провинцией. При этом собиралась большая часть жителей города, чтобы видеть наследного принца, которому королева дозволяла выходить к народу.

Однажды он попросил у одного из зрителей свести его к булочнику. Тут он проворно расстегнул свой кошелек и высыпал все сбереженные им деньги, прося булок, сухарей, пряников и сахарных кренделей. Часть покупки он взял сам, остальное должны были нести за ним слуги и его провожатые. Потом он обратился к народу и начал обделять хлебом и сухарями бедных, стариков и детей. Обрадованные родители видели все из окон ратуши, в которой остановились, и чтобы продлить удовольствие принца, приказали принести ему новый запас. Каждый год, до двенадцатилетнего возраста, принц повторял раздачу хлеба в Тангермюнде и всегда, за несколько месяцев

до отъезда в Ганновер, начинал уже копить карманные деньги, которые по временам ему выдавались. После вступления на престол Фридрих часто вспоминал это время и говорил, что в Тангермюнде он впервые узнал, что значит, любовь народная и как приятно видеть слезы благодарности на глазах старцев и детей.

Глава III. Детский возраст

Младенчество Фридриха кончилось с седьмым его годом, где кончается и женское его воспитание. Место нянек и надзирательниц заступили воспитатель его генерал-лейтенант граф Финкенштейн и надзиратель полковник Калкштейн. Сыновья этих почтенных граждан и родственные принцы дома бранденбургского сделались товарищами его игр и воспитания. Детская привязанность принца к сыну графа Финкенштейна перешла впоследствии в чувство искренней дружбы, и Фридрих, сделавшись королем, возвысил товарища детства в звание кабинет-министра.

Король дал обоим воспитателям подробную инструкцию, которой они должны были следовать при воспитании принца. Первая статья инструкции была следующая:

«Внушать ему чистую веру в промысел и в суд будущей жизни, чтобы благоговение перед Творцом и страх Божий сопровождали все его помыслы и дела: это единственное средство удержать его в пределах правды и человеколюбия».

В остальных статьях инструкции король поручал развить в принце уважение к королевской власти и доверие к нему: истреблять в нем дух гордости и высокомерия, напоминая ему, что он вознесен на высочайшую ступень в государстве для того только, чтобы нести тяжкую заботу о благе подданных; вселять в него отвращение к лести и презрение к льстецам, показывая ему, что фимиам их есть дым, возжигаемый своекорыстием и низкими видами тщеславия. Он строго приказывал приучать заранее принца к смиренномудрию, к кротости и ласковости, к бережливости и порядку и к собственному обслуживанию каждого дела. Что касается до умственного образования, инструкция указывает только на необходимые знания в практической жизни. По латыне обучать принца было совсем запрещено, зато особенное внимание было обращено на изучение французского и немецкого языков и на ясный, разборчивый почерк.

В преподавании истории приказано было обращать особенное внимание на события в царствующем доме и преимущественно на те, которые могли пояснить тогдашнее положение государств и отношения их к Пруссии. Над развитием телесных сил было велено наблюдать со вниманием, не изнуряя, впрочем, принца непосильными ему занятиями. «В особенности, — гласит инструкция, — вы должны стараться внушить принцу любовь к военному делу и убедить его в мысли, что ничто на свете не доставляет монархам более чести и славы, как добрая шпага: в ней надо искать прочной безопасности отчизны».

Собственно наукам обучал принца француз Дюган, который еще в молодые годы убежал из Франции и нашел приют в Бранденбурге. Король познакомился с ним в траншеях, при осаде Стральзунда в 1715 году. Дюган имел большое влияние на умственное развитие Фридриха, на логическое направление его идей: он руководствовал его при первом мышлении и в выборе первых книг для чтения.

Ему Фридрих обязан знанием всемирной истории и французской литературы. Немецкая словесность была в то время в совершенном упадке, тогда как французская достигала высшей степени силы и славы. В образцовых произведениях последней душа Фридриха почерпала обильную пищу, тем более, что от первой своей воспитательницы он научился владеть французским языком гораздо лучше, чем своим родным. Фридрих уважал и любил Дюгана до самой его смерти.

Изучение латинского языка было запрещено Фридриху королевской инструкцией, как мы выше видели. Но Фридрих впоследствии сам часто говорил, что в детстве имел учителя латинского языка — с позволения короля или нет, неизвестно.

Раз, говорил он, король вошел в комнату в то время, когда учитель начал переводить некоторые статьи из знаменитого уложения «золотой буллы»:

— Что ты делаешь? — спросил король.

— Перевожу красоты из aurea bulla, Ваше Величество! — ответил учитель.

— Aurea bulla? — вскричал раздраженный король. — Вот моя булла, — продолжал он, подняв свою камышовую трость, — если ты не хочешь испытать ее красоты, то убирайся вон отсюда!

Ментор, кажется, слишком хорошо постиг чувствительную сторону этого красноречивого изречения и поторопился исполнить желание монарха. Тем латинское образование Фридриха и кончилось: далее переплета «золотой буллы» он не пошел.

Хотя король не жаловал вообще светского и художественного образования, однако, он любил музыку, и притом музыку высокую, важную, глубоко проникнутую творческим вдохновением, словом, музыку, представителем которой в то время являлся Гендель, любимец короля. Музыкальное образование сына не было им оставлено без внимания. Соборный органист был назначен для преподавания ему основных правил фортепьяно и теории музыки. Но в этом преподавании было слишком много педантизма, и ученик тогда только начал делать успехи, когда музыкальное чувство самобытно развилось в его душе. Он выбрал себе флейту и с необыкновенной страстью упражнялся на этом инструменте.

Еще с большим педантством преподавались принцу догматы веры. Их объясняли в столь кудреватой, темной и мистической форме, что самые высокие, святые истины Евангелия не могли отогреть юной души. К тому же сам король сделал жестокую ошибку, заставляя сына, в случае провинности, в наказание выучивать псалмы и целые главы катехизиса. Могло ли пустить корни в сердце то, что посевалось в памяти насильственно, механически, с угрозой и в наказание?

Зато рано и деятельно старались ознакомить наследника престола с обязанностями службы и военным искусством. При первой возможности с него сняли детское платье, нарядили его

в мундир и приноровили прическу к принятой тогда в прусской армии. Прекрасные, белокурые локоны вились до самых плеч принца, и он радовался свободе своей прически среди двора, потеющего под тяжкими париками, и войска с насаленными косами. Расставание с кудрями стоило ребенку слез, которые робко проглядывали из-под ресниц, в присутствии строгого отца, ожидавшего исполнения своей воли. Придворный парикмахер был тронут горестью принца; он медлил, делая разные высокоторжественные приготовления к стрижке будущего владыки Пруссии, стараясь через то выиграть время.

Король между тем отворил окно и вскоре развлекся разводом, который происходил на дворцовой площади. Тогда парикмахер искусно зачесал кудри принца назад и сплел их проворно в косу, подстригая только излишки волос на висках. Хитрый цирюльник не ошибся в своем расчете; Фридрих впоследствии вспомнил его заслугу и наградил его пенсионом.

Для упражнения принца во фронтовых приемах и военных эволюциях с 1717 года была учреждена кадетская рота, которая впоследствии увеличились до батальона. Семнадцатилетний кадет, унтер-офицер Ренцель, обучал принца ружью. Добродушие

Ренцеля и любовь его к музыке вскоре связали его с принцем тесной дружбой. Двенадцати лет Фридрих уже мастерски знал службу и отлично командовал. Дед его по матери, король английский, посетив Берлин и, по болезни, не покидая комнаты, из окна любовался на военные эволюции, которыми хотел его порадовать внук. Король велел устроить в одном из залов дворца небольшой арсенал, наполнил его пушками, ружьями, тесаками и другим оружием, и принц, шутя, учился их употреблению и легчайшему приложению в военное время. В четырнадцать лет Фридрих был пожалован в капитаны; в пятнадцать — в майоры, в семнадцать — в полковники. Наравне с другими нес он службу, исполняя все обязанности по фронту.

На больших парадах и смотрах, как в Берлине, так и в окрестностях его, обыкновенно присутствовала вся королевская фамилия. Таким образом, наследный принц, еще прежде личного своего участия в службе, был уже приучен к военному делу и глазами отца своего смотрел на важность назначения прусского войска. Позднее король начал брать его с собой на смотры и маневры в провинциях и знакомил с отдельными отрядами войск, занимающих границы или отдаленные гарнизоны. Во время этих путешествий рассматривались и проверялись все дела и по другим отраслям государственного управления, и принц, незаметно исполняя тайные цели своего отца, узнавал весь ход дел в государстве, управление которого должно было перейти в его руки.

Вообще королю хотелось, чтобы принц совершенно походил на него в образе мыслей и действий. Он старался даже пристрастить его к тем удовольствиям, которые ему самому нравились. Так, например, король был страстный любитель охоты и посвя-

щал ей почти весь свой досуг: принц всегда сопровождал его на охоте. По вечерам король обыкновенно собирал около себя кружок из тех людей, которых удостаивал особенной своей доверенностью. В этом обществе, известном под именем «табачной коллегии», по голландскому обычаю курили табак и пили пиво. С совершенной свободой, чуждой всякого придворного принуждения, речь шла о всевозможных предметах.

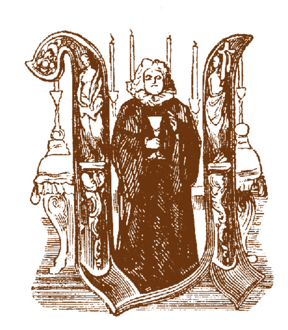

В общество это приглашались известнейшие ученые, для пояснения газетных статей, а более для того, чтобы они из себя представляли, нечто вроде придворных шутов или служили мишенью для тяжеловесного остроумия господ генералов. Сюда обыкновенно приходили принцы по вечерам, прощаться с королем. Иногда король заставлял их тут же упражняться в разных ружейных приемах, под команду кого-нибудь из присутствующих офицеров. Впоследствии кронпринц был принят в действительные члены этого общества.

Глава IV. Семейные несогласия

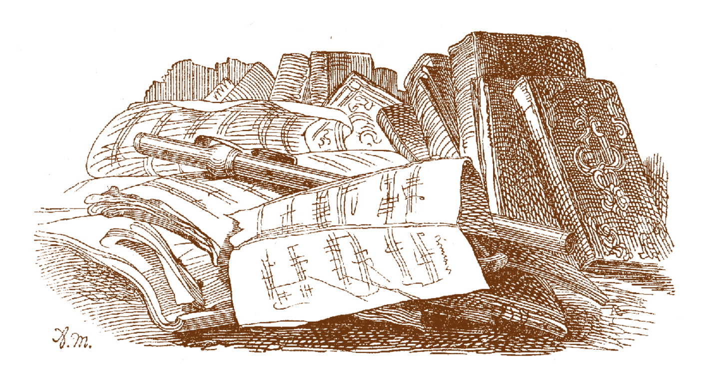
з предыдущего видно, под влиянием каких людей и при каких обстоятельствах Фридрих достиг юношеского возраста. Он сформировался: наружность его приняла самое приятное выражение. Он был довольно высок и строен; черты лица отличались римской правильностью. В глазах просвечивалась душа пылкая и предприимчивая. Разговор его кипел остроумием и ясно изобличал пламенное воображение. Но это воображение увлекало его со стези, начертанной строгим отцом: дух его требовал деятельности и хотел сам проложить себе новую дорогу. Следствием того был разрыв тесных уз доверия между юношей и старцем, отцом и сыном, королем и подданным.

Во множестве важных и мелочных обстоятельств скоро обнаружилось совершенное различие в характерах отца и сына. Принцу прискучили беспрерывные воинские упражнения,

ежедневные смотры и разводы, выправка солдат и бесконечное пехотное учение. Он не постигал пользы от всех этих упражнений. Жестокое обхождение с солдатами приводило его в негодование. Грубая забава охотой была ему противна, а уединение королевского охотничьего замка Вустергаузена, где они проводили большую часть времени, нагоняло на него тоску на душу. Он ненавидел табачный дым, и грубые остроты «табачной коллегии» выводили его из себя. Он не терпел также плясунов на канате и фигляров, которых иногда призывали ко двору для развлечения королевской фамилии и придворных дам. Он неохотно сближался с людьми, которые окружали короля: их суровый нрав и одностороннее образование, зачерствелое в коре старых предрассудков, не постигали и не могли простить его юношеских увлечений. Он отыскивал себе сверстников, одинакового с ним возраста и образа мыслей. Когда король смеялся, принц был мрачен, и нередко с языка его срывались язвительные выражения насчет предметов, которые от времени и привычки к ним обратились в потребность тогдашнего общества.

Королю это не нравилось: он делал сыну частые и строгие выговоры, не разбирая ни места, ни времени.

Для развлечения Фридрих любил играть в шахматы, а король ненавидел эту игру: любимым инструментом Фридриха сделалась флейта, король не мог равнодушно слышать флейты, находя звуки ее чересчур нежными и сладенькими. Кроме того, Фридрих страстно любил французскую литературу, в которой тогда возникли молодые гении и силой своей мысли и таланта попирали все старые предрассудки общества. Он занимался их творениями со всем пламенем юношеского энтузиазма, а такого рода занятия, как мы уже прежде видели, совершенно противоречили образу мыслей короля. Притом, узы мундира слишком стесняли Фридриха: для сердца его не только грудь, но и целый мир в то время казались узкими. Он любил сбросить форму, нарядиться в спокойный французский кафтан, расплести свою косу и завить ее в кудри. Когда король узнавал об этом детском своеволии, то приходил в негодование. «Нет! — говорил он. — Фриц — повеса и поэт: в нем проку не будет! Он не любит солдатской жизни; он испортит все дело, над которым я так долго трудился».

Король принимал слишком строгие меры, и они, отдаляя от него сыновнее сердце, привели к результатам весьма неутешительным. К несчастью, при дворе не было человека, который бы пользовался в равной степени доверием короля и принца и стал примирительным посредником между ними. Всех лучше могла бы пособить горю королева, но, к несчастью, все, что она ни предпринимала для восстановления согласия в семействе, еще более раздувало пожар. Природная доброта ее нрава в этих случаях обращалась в материнскую слабость. Этому же способствовал и план, придуманный ею еще во время младенчества детей и всецело одобренный самим королем.

План этот состоял в том, чтобы еще более скрепить дружбу между домом ее отца и домом бранденбургским посредством новых родственных связей. Она желала увидеть на голове своей старшей дочери Вильгельмины английскую корону, которую надеялась ей доставить через бракосочетание с сыном тогдашнего английского наследного принца, ее брата, а Фридриха ей хотелось женить на его сестре, своей племяннице. Рано начались совещания по этому предмету, и обе стороны были согласны. Оба двора вели окончательные переговоры о выполнении этого плана, от которого ожидали большие выгоды. В надежде на добрые последствия, прусский король в 1725 году пошел даже в союз с Англией и Францией, чтобы сохранить политическое равновесие против союза, составленного Испанией и Австрией, хотя внутренне был убежден, что благо Германии зависит единственно от согласия государств германского союза. Английский двор между тем откладывая решительный ответ о бракосочета-

нии в долгий ящик; прусский король терял терпение; к этому присоединились беспорядки, произведенные прусскими подданными на ганноверской границе; дипломатические сношения приняли характер скрытого неудовольствия, и король, наконец, решительно не хотел более и слышать об этих брачных союзах.

Между тем союз Пруссии с Англией возбудил неудовольствие и ревность в венском кабинете. Австрия, стремившаяся к преобладанию в Германии, с досадой видела, что связи Пруссии с Англией давали новому германскому королевству слишком много самостоятельной силы, и потому было решено, во что бы то ни стало, отклонить прусского короля от союза с Англией и, если можно, привлечь его на свою сторону.

Для этого был отправлен в Берлин австрийский генерал граф Секендорф. Хитрый дипломат так ловко сумел воспользоваться неудовольствиями прусского и английского кабинетов и с таким искусством склонил короля на свою сторону, что в октябре 1726 года в Вустергаузене был заключен между Пруссией и Австрией дружественный трактат, который, впрочем, не был обращен прямо против Англии.

Главная статья этого трактата состояла в следующем: Фридрих Вильгельм требовал, чтобы император австрийский обеспечил ему наследие Юлиха и Берга, а сам, в свою очередь, обещал ему помощь для защиты прагматической санкции, которой престол упрочивался за женской линией австрийского дома.

Император Карл VI, по-видимому, согласился на требования короля, но внутренне готовил план, как воспрепятствовать новому усилению прусской державы, и вскоре потом составил тайный договор с пфальцским курфюрстом, которым обещал упрочить наследие Юлиха и Берга за пфальцским домом. Но разными дипломатическими увертками сумел он очень искусно продлить заблуждение прусского кабинета на несколько лет.

Хитрый Секендорф склонил даже любимца и советника короля, генерала Грумбкова, в пользу Австрии. Грумбков употребил все силы сохранить приязненные отношения Фридриха Вильгельма к Карлу VI и за усердие свое получил от последнего довольно значительную тайную пенсию.

Таким образом, прусский двор разделился на две партии — на австрийскую и английскую, которые употребляли все средства, чтобы достигнуть своих целей.

Королева принадлежала к последней. Она никак не хотела оставить своего любимого плана и пользовалась каждым случаем, чтобы склонить короля в пользу Англии. Но постоянные ее усилия, наконец, до того раздражили короля, что семейное спокойствие в его доме разрушилось совершенно. Между венценосными супругами вкралось обоюдное недоверие, которое разжигали еще более услужливые переносчики и клеветники, за которыми, в таких случаях, никогда дело не станет.

Более всего терпели от этих обстоятельств старшие дети короля, потому что королева сумела склонить их на свою сторону. Доверие короля к сыну заменилось постоянным гневом, любовь Фридриха к отцу — постоянным страхом.

Часто гнев короля доходил до высочайшего раздражения, и это имело следствием, как и всегда бывает в подобных случаях, припадки тоски и меланхолии.

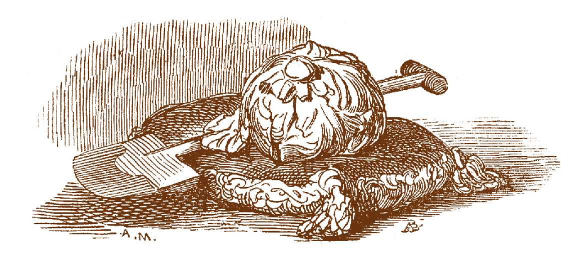
Такой припадок сильной ипохондрии овладел королем зимой 1727 года. Религиозное направление его характера обратилось тут в педантическую набожность, которой он начал мучить все свое семейство. Он выписал себе из Галле знаменитого богослова, профессора Франке, который славился своими христианскими добродетелями, а между тем совсем не по-христиански мстил просвещенному своему противнику, философу Вольфу. Франке ораторствовал за столом короля, за которым только и говорили о библейских предметах. Все удовольствия и, преимущественно, музыка и охота, были преданы проклятию, как греховные побуждения плоти. Король прочитывал своему семейству каждый день, после обеда, по длинной проповеди сочинения Франке. Под конец выбирал он обыкновенно какой-нибудь псалом; камердинер его, хриплый старик, бывший прежде церковным ктитором, делался запевалой, и все присутствующие непременно должны были подтягивать ему хором.

Такого рода занятия совсем не соответствовали деятельному и пылкому характеру Фридриха и старшей его сестры. Важный вид присутствующих, притворная набожность молодых придворных

дам и, в особенности, жалкое лицо камердинера, который всеми силами старался придать своему дребезжащему голосу приятность и звучность, возбуждали в них совсем не те впечатления, какие желал произвести король. Это выводило старика из себя, и он не знал никаких мер своей запальчивости.

Ипохондрия короля возрастала с каждым днем: набожные его занятия давали ей пищу. Наконец, он даже решил отказаться от престола в пользу наследного принца, а самому с женой и дочерьми удалиться в Вустергаузен, чтобы там заняться земледелием и молитвой. Как новый Агрикола, он начертал уже план своим занятиям. Сам он хотел обрабатывать небольшое поле, чтобы «в поте лица снести хлеб свой»; королеве назначались заботы домашние и кухня; старшая дочь должна была заняться тканьем полотна, а младшая должна была присматривать за посевом и уборкой хлеба и за огородами.

Все возможные средства были употреблены, чтобы отклонить короля от этой странной мысли, но представления, просьбы и убеждения оставались тщетными.

Наконец, австрийской партии, которая более всех страшилась перемены в правлении, удалось склонить короля к небольшому развлечению. Его уговорили посетить соседственный дрезденский двор, в роскошных праздниках которого надеялись найти самые верные средства против его болезни. Ему представили, как необходимость, склонить в пользу Австрии короля польского и курфюрста саксонского Августа II. Король убедился в этом и, почти против воли, дал слово предпринять путешествие в Саксонию.

Вскоре последовало приглашение короля Августа II, и в середине января 1728 года Фридрих Вильгельм отправился в Дрезден. Принц Фридрих последовал за отцом.

В Дрездене для молодого принца открылся новый мир. Здесь не было и следа воинской строгости, уединенной жизни, домашнего ограничения, беспрерывных занятий и раболепства, от которых пылкая душа его так страдала в Берлине. Придворная жизнь развивалась здесь перед ним каждый день новой гирляндой удовольствий и праздников; пир теснился к пиру, и самая утонченная изобретательность умела удалить от мысли все заботы и скуку однообразия. Все искусства приносили здесь обильные дани наслаждению, каждое наслаждение возвышалось до восторга.

Король Август, человек с высоким образованием, рыцарской доблестью и необыкновенно сильной организацией, окружил себя всеми удовольствиями жизни и изведал каждое из них до глубины.

Он прилагал все меры, чтобы несколько недель пребывания прусской фамилии в Дрездене показались гостям его мимолетным, очаровательным сном.

Двор Августа был настоящий султанский сераль. Ему было уже 58 лет. Во всю жизнь его одна любимица сменялась другой. Это был тот же Людовик XIV, только в миниатюре. Детям его не было числа. Между сыновьями его отличался граф Мориц Саксонский, который впоследствии так прославился, командуя французскими войсками. С ним Фридрих вошел в тесную дружбу с первого дня их знакомства, и дружба эта не остыла до самой смерти графа. Между дочерьми Августа блистала умом и красотой Анна, графиня Орзельская; к ней король питал особенную любовь и доверие. Она была несколькими годами старше Фридриха. Прекрасный рост, большие пламенные глаза, благородство и любезность, столь свойственные всем полькам, придавали ей неизъяснимую прелесть. Стоило раз с ней встретиться, и всякий мужчина с душой делался ее покорным рабом и поклонником.

Фридрих вскоре почувствовал к ней непреодолимое влечение, которое с каждым днем созревало до первой, пламенной, юношеской страсти. Графиня, казалось, разделяла его чувства. Взор ее часто с негой покоился на его восторженном лице, и эти взоры подливали масло к огню его сердца.

На блистательных маскарадах, где в то время господствовали преимущественно аркадские нравы, Фридрих с жаром преследовал свою пастушку и не спал целые ночи за стихами, когда ему удавалось сорвать божественный поцелуй с беленькой ручки кокетки.

Между тем король Фридрих Вильгельм, видимо, исцелялся от своей ипохондрии. Веселые обеды, за которыми искрились ум и старое токайское вино, рассеяли его хандру. Между обоими королями завязывалась, по-видимому, тесная дружба; хотя патриархальный нрав прусского короля ярко оттенялся от сластолюбивого характера Августа. Одно, чего Август никогда не мог постигнуть, было постоянство в любви и привязанности к женщине. Любопытство подстрекало его испытать, до какой степени это чувство развито в его царственном брате, Фридрихе Вильгельме.

Однажды, после роскошного обеда, после многих и полных тостов, оба короля, в домино отправились на маскарад. Август, не прерывая разговора, водил прусского короля из одной комнаты в другую. Принц Фридрих с другими придворными следовали за ними. Наконец, пришли они в богато убранный покой: все в нем дышало вкусом и негой. Вдруг в одной из стен раздвинулся занавес, и глазам их представилась самая изумительная картина. На атласной кушетке покоилась молодая дама в маске. Одежда ее была в небрежном беспорядке, грудь сильно волновалась и приподымала густые струи темно-русых локонов. Сквозь прозрачные ткани одежды, при ярком свете люстр, рисовались самые роскошные формы. Август, по-видимому, изумленный, тотчас подошел к ней с обычной своей ловкостью и любезностью и попросил снять маску, уверяя, что он вполне убежден, что под ней скрывается самое очаровательь-

ное лицо. Дама медлила. Тогда Август прибавил, что он надеется, что прекрасная дама, верно, не откажет в такой легкой благосклонности двум королям. Эти слова были то же, что приказ, и дама открыла лицо милое, выразительное до последней степени. Август был обворожен. Он изъявлял в самых отборных фразах свое удивление, как он до сих пор не имел случая узнать, что в его королевстве, оказывается, таится такая прелесть.

Фридрих Вильгельм между тем заметил, что сын его был свидетелем этой сцены. Он тотчас заслонил лицо принца шляпой и приказал ему немедленно выйти. Потом он обратился к польскому королю, довольно холодно сказал ему «да, она недурна» и в ту же минуту со своей свитой уехал с маскарада. Дома он жаловался своему любимцу на странное поведение польского короля, и придворным стоило большого труда примирить его опять с Августом.

Между тем прелести незнакомки произвели свое действие на сердце молодого Фридриха. Может быть, Август, устраивая эту комедию, и рассчитывал на такой успех, ибо сближение Фридриха с графиней Орзельской было ему не по душе. Он позаботился о том, чтобы очаровательная незнакомка, известная под именем Формеры, не раз встретилась с принцем и при встрече была не слишком строгой к его исканиям. Хитрость польского короля вполне удалась: Орзельская была забыта. Формера сделалась божеством Фридриха, впрочем, ненадолго.

Пробыв месяц в Дрездене, король Фридрих Вильгельм взял слово с Августа, что и он посетит прусский двор и отправился обратно в Берлин. Здесь началась прежняя однообразная жизнь для Фридриха. Принц впал в меланхолию; он мало ел, заметно худел, и врачи начинали замечать в нем даже некоторые признаки чахотки. Король сетовал; он подозревал, что слишком свободная жизнь в Дрездене была причиной болезни принца. Врачи посоветовали королю как можно скорее женить принца, но он не хотел и слышать об этом и, полагая, что строгий надзор всего лучше поможет его сыну против слишком пылких увлечений молодости.

В это время кронпринц занялся поэзией, и первые его песни были посвящены прелестям графини Орзельской. В мае месяце того же года Август II прибыл в Берлин. В свите его находилась и графиня. При свидании с ней болезнь Фридриха как рукой сняло: он ожил. Тайная любовь и нежные свидания возобновили его силы и снова зарумянили бледные щеки.

Посещение Августа произвело большие перемены при прусском дворе. Король не хотел отстать от роскоши и торжеств дрезденских. Август гостил в Берлине несколько недель, и праздники, по этому случаю, изумляли даже самых близких приверженцев короля.

Глава V. Размолвка

Чем более развивалось в Фридрихе чувство самосознания, тем более требования отца противоречили влечениям его собственного сердца. Это подавало повод к частым неудовольствиям.

Теперь Фридриху женитьба на английской принцессе казалась спасительным средством; через нее ему улыбалась свобода. Он охотно присоединился к партии матери, чтобы помочь ей выполнить любимый ее план. Он даже сам написал в Англию об этом обстоятельстве. Но отношения Англии к Пруссии значительно изменились. Король Георг I умер в 1727 году, ему наследовал сын его, Георг II, брат прусской королевы. Между ним и Фридрихом Вильгельмом исстари велась личная неприязнь. Она началась еще в детстве, когда они вместе воспитывались. Оба давали друг другу насмешливые названия. Георг называл прусского короля «любезным своим братом-капралом» или «песочницей римского престола», потому что Фридрих Вильгельм, несмотря на свои сильные войска, охотнее воевал пером на дипломатическом пергамине, чем оружием в поле. А Фридрих,

в свою очередь, титуловал английского короля «любезным братом своим комедиантом» или, менее остроумно — «господин брат мой, синяя капуста».

Австрийской политике такая неприязнь была совершенно по сердцу, и она хлопотала только о том, чтобы эти милые отношения между двумя королями не переменились.

К этому присоединились еще другие обстоятельства. Прусские вербовщики заходили слишком далеко: они вербовали солдат в ганноверских землях. В 1729 году за это зажглась было война между Англией и Пруссией, но миролюбивый Германский Союз похлопотал о примирении обеих враждующих сторон.

Все это до того раздражило прусского короля, что он приходил в негодование, когда ему только напоминали о двойственном брачном союзе его детей с фамилией Георга. Частые припадки подагры усиливали его раздражительность, и жертвой ее всегда были бедный Фридрих и его сестра.

Молодые люди искали себе утешения в произведениях французской литературы. Они вместе читали «Комический роман» Скаррона и перевели на немецкий язык его сатирические выходки с применениями и намеками на австрийскую партию прусского двора. Едкая насмешка осталась не без последствий: осмеянные еще более вооружали короля против сына и дочери.

Летом, в 1729 году, королевская фамилия жила в Вустергаузене. Здесь наушники успели довести гнев короля до того, что он детей своих совершенно отлучил от двора и позволял им только являться к столу, запрещая притом видеться с королевой. Только тайком, после обеда, когда король обыкновенно уходил гулять, королева решалась беседовать с принцем и принцессой. При этом всегда расставляли караульных, которые должны были извещать о возвращении его величества.

Однажды, караульные прозевали, и вдруг в коридоре, ведущем в опочивальню королевы, раздались шаги Фридриха Вильгельма. Из комнаты не было другого выхода и спастись было трудно. Принц Фридрих проворно отворил шкаф и скрылся в гардеробе своей матери, а принцесса должна была

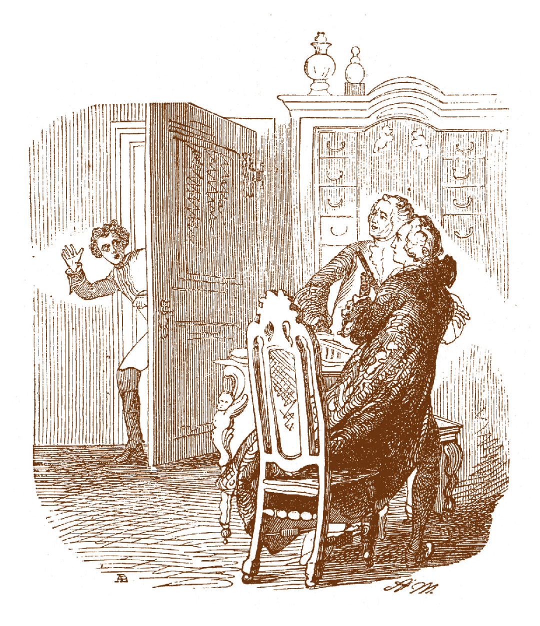
спрятаться под кровать. Королева собственной рукой должна была запереть сына в шкаф, где он мог легко задохнуться. Король вошел и сел в широкое кресло, у самой двери. Прогулка его утомила, и он скоро заснул. Можно себе представить пытку, которую терпели мать, не смевшая пошевельнуться, боясь разбудить грозного своего властелина, и дети, задыхавшиеся в заключении и не дерзавшие подать малейшего признака жизни из опасения открыть тайну! По прошествии двух часов король ушел, и тут только отчаянная, трепещущая королева могла увериться, что эта игра в гулючки не была гибельна для ее сердца.

Подобные сцены случались довольно часто. Наследный принц невольно делался нарушителем отцовских приказаний. Во время пребывания своего в Дрездене он познакомился с превосходным флейтистом, Кванцем. С тех пор он возымел самое пламенное желание брать у него уроки на любимом своем инструменте. Королева, желая сделать приятное сыну, старалась переманить Кванца на прусскую службу. Но Август не хотел с ним расстаться и, снисходя к усиленным просьбам

королевы, дозволил артисту только два раза в год ездить в Берлин, на несколько месяцев, и обучать принца. Само собой разумеется, король Фридрих не знал ни о присутствии Кванца в Берлине, ни об уроках, которые брал у него наследник.

Раз, поздно вечером, Фридрих спокойно сидел в своей комнате с Кванцем. Вместо узкого мундира он надел спокойный парчовый халат, взбитая прическа была расчесана, и волосы спокойно связаны в пучок. Вдруг в комнату вбегает друг Фридриха, поручик Катте, с криком: «Король!»

Если бы бомба упала в комнату, она бы не испугала так учителя и ученика. Опасность была близка, гроза неминуема. И пестрый халат принца, и красный кафтан учителя в эту минуту сделались громоотводами, которые притягивают молнию: король не терпел ни того, ни другого. Катте быстро схватил ящик с инструментами, потащил за собой полумертвого учителя музыки в боковую каморку, которая служила для топки печей, и притаился с ним за дровами. Фридрих только успел надеть мундир и спрятать халат. Король быстро отворил дверь и подозрительно остановился перед бледным принцем. Что

дело не совсем чисто, он узнал сразу по косе сына, которая не подходила под узаконенную форму. Подозрение заставило его обшарить всю комнату. Вскоре он открыл за обоями потайные двери, за ними полки с книгами, французскими кафтанами, нотами и халатами. В один миг все полетело в камин. Когда жертва всесожжения была совершена, король вышел, дав порядочную нотацию сыну. Кванц, едва не обезумевший от страха, остался неоткрытым. Но с тех пор он не являлся более к принцу и не носил красного кафтана в Пруссии.

Вот еще случай в том же роде.

В апреле месяце 1729 года, в одиннадцать часов вечера, дон Луи де Касагранде, посланник его католического величества и кавалер Калатравы, вышел из кабинета короля Фридриха Вильгельма. Он присел на одно из кресел аванзалы, чтобы отдохнуть после продолжительной аудиенции. Более пяти часов сряду был он принужден оставаться в кабинете короля, и во все это время предметом их разговора был только испанский военный устав.

Криадо его превосходительства приготовлялся уже накинуть на плечи своего сеньора богатую шубу, как дверь кабинета вдруг отворилась, и сам король явился на пороге.

— Господин кавалер! — сказал его величество. — Если король испанский может располагать некоторым числом рослых и статных молодцов, то попросите его, чтобы он прислал их ко мне. Я разумею уроженцев Галисии, потому что в этой стране добываете вы лучших своих солдат. Мне будет нужно для третьей роты несколько человек в семь футов; я решительно не хочу, чтобы в ней был хоть один солдат ниже шести футов с половиной. Итак, господин кавалер, не забудьте моего поручения. Желаю вам доброй ночи.

И прежде, чем посланник успел выпутаться из комплимента, которым хотел прикрасить ответ свой, дверь кабинета затворилась.

Вдруг огромный гайдук, запыхавшись, вбежал в зал, и с какой-то особенной таинственностью, пошептавшись с дежурным камергером, тихо отворил дверь кабинета.

— Что тебе надо так поздно? — спросил король гайдука, который остановился почтительно в дверях, видя, что его величество снял свой старый шлафрок и готовится уже лечь в постель.

— Ваше величество, честь имею доложить, что его королевское высочество, молодой принц, вышел из дворца по крыльцу № 4.

— Куда же пошел этот повеса?

— Его высочество изволил перебежать через площадь и вошел в дом под № 9, на Шлосфрейгейт.

— А! А! Так мне придется самому поймать его на деле. Прикажи позвать ко мне графа Финкенштейна. Был ли кто с принцем?

— Поручик фон Катте, ваше величество.

— Надобно добраться и до этого молодца!

Гайдук повернулся налево кругом и вышел из кабинета. Не дав графу Финкенштейну времени узнать от камергера, зачем его потребовали так поздно, гайдук ввел его к королю.

— Славный вы гувернер! — закричал король. — Где принц, где мой наследник?

Гувернер остолбенел и вытаращил глаза.

— Мне донесли, — продолжал король, — что нынче ночью он вышел из дворца и отправился в какой-то дом на Шлосфрейгейте. Следуйте за мной и поучитесь у меня, как надо управляться с молодыми людьми.

Граф Финкенштейн был так смущен, что поклонился, не сказав ни слова, и пошел за королем, который, прицепив шпагу, надел шляпу, обвернул около руки шнурок своей толстой трости и поспешно перешел оба дворцовые двора. Когда его величество явился на первом дворе, часовой закричал «вон!» и солдаты, выбежав из караульни, с необыкновенной быстротой построились во фронт. Все это было сделано с удивительной точностью и без малейшей суматохи. Король с видимым удовольствием глядел на воинственный вид своих Вустергаузеров: это название он дал первой роте Бракемостского мушкетерского полка.

— Я бы очень желал, — сказал он, обратясь к графу Финкенштейну, — чтобы английский генерал Сеймур увидел, как мои Вустергаузеры мечут артикул.

Обрадованный случаем заставить короля забыть досаду, граф спросил его, почему желал он, чтобы именно генерал Сеймур насладился этой прекрасной картиной.

— Потому, что этот эскадронный командир сказал однажды моим при Мальплакете: *Пруссия никогда не будет в состоянии выставить хорошо образованную армию*. Но, кажется, я доказал англичанину противное.

— Но как осмелился он сказать эти обидные слова в присутствии вашего величества!

— О! Как бы желал я дать этому негру такой ответ, которым бы он подавился! Но я тогда был еще кронпринцем, мы были в палатке главнокомандующего, и только одна холстинная занавеска отделяла нас от военного совета. Этому уже 19 лет, кровь закипела у меня тогда в сердце, я дал себе честное слово изобличить когда-нибудь во лжи надутого англичанина. Видишь, я умею держать королевское слово.

— Ваше величество делаете чудеса, которым вся Европа постоянно удивляется!

— О! — отвечал король, приняв эту лесть за чистую монету. — Желал бы, чтобы негодяй, сын мой имел в сердце половину тех чувств, которыми кипела душа моя, когда я был еще наследником. Но он играет на флейте и болтает по-французски, а это самый бедный и самый безбожный язык... Капитан Шепен, скомандуйте караулу «вольно!», а не то у бедняков опухнут руки от тяжелых мушкетов.

Король приложил руку к шляпе, проходя мимо караула, и по крыльцу № 4 прошел на площадь Шлосфрейгейт, где гайдук уже ожидал его у дверей дома под № 9. Видя какого-то прохожего, остановившегося посмотреть на гайдука и мундир его, обшитый позументом, король спросил сурово:

— Ты что здесь делаешь? Где ты живешь? Зачем бродишь по улице? Кто ты такой?

Незнакомец, испуганный этим тоном, сняв шляпу, отвечал:

— Я стекольщик Леонард, с Братской улицы.

— Ты ленивец, бродяга, негодяй! Зачем не сидишь ты дома за работой?

— Ваше величество, у меня нет работы; проведя целый день в лишениях и заботах, я вышел подышать воздухом, потому что днем мне нельзя показаться на улицу — у меня нет другого платья, кроме этого плаща.

— Славное оправдание! Так ты бы искал работы, а не сидел, сложа руки... Я терпеть не могу праздности.

И, сказав это, король начал тростью своей бить стекла в рамах первого этажа того дома, в который, по доносу гайдука, вошел наследный принц. Перебив все, что только можно было разбить, король показал стекольщику на обломки стекол.

— Вот тебе работа, — сказал он с язвительным смехом, — трудись теперь и смотри, чтобы я не встретил тебя опять на улице без дела, не то будет худо!

По знаку короля гайдук позвонил и отошел в сторону, чтобы пропустить его величество. Слуга отворил дверь, и. видя шляпы, обшитые галуном, застыл от страха.

— Кто живет в этом доме?

— Книгопродавец Шпенер, господин генерал, — ответил перепуганный слуга.

— Здесь нет генерала. Я — король прусский, маркграф бранденбургский, курфюрст священной империи и обер-камергер его цесарского величества. Куда надо идти, чтобы найти наследного принца? Я знаю, что он здесь, и потому прошу не лгать...

Трепещущий слуга повел посетителей по лестнице к комнате, в которой был слышан очень жаркий разговор.

— Право, Mercure de France прекрасный журнал! Какие убедительные истины! Какое остроумие! Какая верность и благородство в суждениях!

— Да, ваше высочество, только надо заметить, что и средства этого журнала велики — у него множество сотрудников во всех странах Европы.

— Как бы я хотел завести у нас такой журнал! Неужели это невозможно, Шпенер?

— Ах, принц! Во-первых, надо иметь позволение, а ведь нынче, как вам известно...

— Да, это правда: король, родитель мой, так... строг...

— Да, я строг, и имею причину быть таким, — воскликнул король, входя в комнату и прерывая разговор. — Прошу сказать мне, что вы здесь изволите делать?

Принц Фридрих не отвечал ни слова. Один только взгляд на комнату мог бы уже сказать королю, что привело сына его в этот дом. Несколько шкафов были наполнены французскими книгами, на столе лежали последние номера журнала «Mercure de France», а на пюпитре был раскрыт первый том «Исторического лексикона» Морера. При входе короля принц сидел на диване, подле самого камина, держа в руках свою флейту, а молодой Катте как раз готовился читать ему «Альманах граций».

Книгопродавец Шпенер занимался приведением в порядок тетради эстампов, изображавших французскую гвардию и красные роты, мундиры которых принц только что перед тем сравнивал с мундирами прусских войск.

Появление короля поразило всех, как громом.

— Что ты здесь делаешь, спрашиваю я тебя в последний раз? — сказал он грозно своему сыну.

— Государь, я изучаю военное искусство, сравниваю прусские мундиры с мундирами прочих европейских держав.

— Зачем не сказал ты мне, что хочешь заняться этим? Тебе не нужно было бы бегать по ночам — у меня есть все эти гравюры. Но это опять новая ложь! Ты пришел сюда играть на флейте... Так ты решительно не хочешь отказаться от этого глупого парижского свистка!

— Если я не играю на флейте во дворце, так это для того, чтобы не беспокоить ваше величество...

— Это ли книгопродавец Шпенер?

— Точно так, государь.

— Он очень счастлив, что я нашел у него сына моего не в пьяном виде, а то я велел бы своим уланам уничтожить его вместе с его французской лавкой. Все эти печатные глупости не должны занимать принца. Есть вещи гораздо полезнейшие для изучения — например, рекрутская школа и боевые порядки... Финкенштейн, присматривай за ним строже — я говорю тебе это в последний раз.

Два низких поклона, один, отвешенный графом, другой — книгопродавцем, были ответом на слова короля.

— А! Это поручик фон Катте?

— Точно так, ваше величество!

— Он отправится на дворцовую гауптвахту на двое суток... Зачем пришел ты сюда?

— Его королевское высочество сделал мне честь, приказав следовать за собой.

— А! Так и его королевское высочество отправится туда же. Он не имеет еще никакого права отдавать какие-либо приказания моим поручикам.

— Я исполню волю вашего величества и отправлюсь на гауптвахту, — ответил принц с покорностью.

— Что же касается до такого журнала, как «Французский Меркурий», — прибавил король, — то будь уверен, Шпенер, пока я жив, ты не получишь позволения печатать его в моих владениях.

Король вышел, а принц, приготовляясь следовать за ним, протянул руку бедному Шпенеру и сказал ему на ухо:

— Ты получишь это позволение, когда Бог пошлет мне несчастье лишиться отца.

Фридрих поплатился за посещения Шпенера недельным арестом и после долго не смел казаться королю на глаза. Другие случаи еще более раздражали отца против сына.

Посещение Дрездена было пагубно для молодого принца. Картины жизни, которые он там увидел, наслаждения, которые вкусил, не давали более покоя его огненной натуре, и она громко вопила о правах своих. Принц отыскал себе сердечного поверенного: то был сверстник его, поручик Кит, камер-паж короля. Характеры их симпатизировали, и Кит, по должности своей при короле, часто имел случай предупреждать принца о близких невзгодах и предотвращать грозивший ему удар. Это участие связало их еще более. И в сердечных похождениях принца Кит служил ему преданным пажом. В это время свобода Фридриха несколько увеличилась: гувернеров его отставили от прежней должности.

На эту мысль навел короля генерал Грумбков, который, принадлежа к австрийской партии, видел в графе Финкен-

штейне опасного себе противника. Место надзирателей заступили два товарища, которые должны были всегда быть при принце, но никакого особенно присмотра за ним не имели. В товарищи были избраны королем полковник Рохов и поручик фон Кейзерлинг. Последний был молодой человек с живым характером, весьма хорошо образованный. Впоследствии он сделался задушевным другом принца.

Связь принца с Китом показалась, наконец, королю подозрительной и он, повысив его в чине, перевел из Берлина в дальний полк. Но это ни к чему не привело. Принц скоро нашел себе нового поверенного в поручике Катте, и эта связь была для принца гораздо опаснее первой. Катте был мастер говорить, много читал и притом имел удивительную способность вкрадчивости, несмотря на то, что его сросшиеся брови придавали лицу его какую-то суровость. Он составил себе особенную эпикурейскую систему философии и, прикрывая разгул молодого темперамента цветами скромности и опытного рассудка, сумел прослыть святошой при дворе. Тем неистовее были ночные оргии, когда волк сбрасывал с себя овечью шкуру.

При всем том Катте был не воздержен на язык, так же как и на дары Вакха. Между молодежью, где он играл роль представителя, он любил похвастать своими победами над женщинами, своими связями при дворе и дружбой с наследником престола. Часто он показывал письма принца, в которых тот жаловался на настоящее свое положение, обнаруживал идеи будущего и свои

планы преобразований по восшествии на престол. Услужливые люди, то есть такие, которые умеют вместе услужить, подслужиться и выслужиться, доносили все исправно королю, и старик всегда приходил в решительное бешенство.

Жизнь принца сделалась во сто раз хуже, чем была прежде; все что могло его оскорбить, унизить, огорчить — было над ним исполнено с убийственным расчетом. Король заставлял его нести все тягости капральской службы; при каждом удобном случае при всех осыпал его упреками, не выбирая выражений и, наконец, на большом выходе, трактуя его ниже всех придворных, сказал ему: «Если бы покойный король, мой отец, со мной так обходился, как я с тобой, я давно уж убежал бы из Пруссии. Но для этого нужны твердость духа и сила воли: их в моем наследнике нет».

Эти слова имели на принца гораздо опаснейшее влияние, чем король мог предполагать. Фридрих решительно объявил сестре своей, что долее не будет выносить всех унижений, и, действительно, убежит из отечества. Неоднократно король требовал от принца, чтобы он отказался от престола и права свои предоставил младшему брату, Августу-Вильгельму, который во всем подчинялся неограниченной воле и прихотям отца. Фридрих твердо отвечал, что скорее сложит голову на плаху, чем откажется от законного наследия и хоть на волос уступит права свои на престол Пруссии. Наконец, он даже объявил отцу, что согласен на его предложение, только с тем условием, чтобы король всенародным манифестом объявил, что признает Фридриха незаконным сыном и потому отрешает от наследия престола. Такое условие решительно противоречило правилам короля и его набожной, семейной жизни.

Тайные занятия и удовольствия принца требовали значительных издержек, а он мог располагать только самыми незначительными суммами. Это заставляло его делать долги. Король узнал, что он занял у берлинских негоциантов 7 000 талеров.

Тотчас же был издан указ, которым запрещалось давать взаймы деньги несовершеннолетним, хотя бы они принадлежали к королевскому дому. За нарушение этого узаконения назначена была крепостная работа и даже смертная казнь.

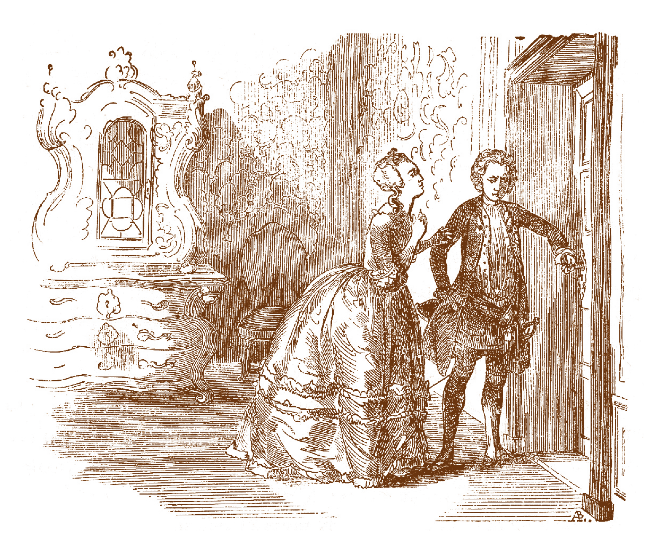
Долги принца более всего огорчали короля, который вообще был скуп на издержки. Последствия были ужасны. Гнев часто до того ослеплял короля, что он забывал, что он отец. Ужасные сцены происходили между ним и Фридрихом, в которых даже жизнь принца неоднократно подвергалась опасности. В порывах гнева король не умел владеть собой. Все это привело несчастного принца к последней точке отчаяния.

«Я должен искать спасения в бегстве! — так писал он к старшей сестре своей. — Я люблю отца моего, уважаю в нем короля, но ненависть его непримирима. Я решаюсь на последнее средство. Я бегу в Англию: там меня примут с открытыми объятиями. Катте и Кит готовы следовать за мной, хоть на край света. Я заготовил паспорта и векселя. Я так устроил дела, что нам не опасны преследования. Королеве я не доверял моей тайны, чтобы она, в случае нужды, с чистым сердцем могла дать клятву, что ничего не знала о моих замыслах. При первой поездке короля во внутренние провинции план мой будет приведен в исполнение. Плачь о бедном наследнике прусского престола».

Напрасно принцесса употребляла все старания, чтобы отвлечь брата от этого гибельного намерения: новые невзгоды его еще более в нем укрепили.

Вскоре представился удобный случай к исполнению плана Фридриха.

Король польский Август в мае 1730 года устроил в Мюльберге великолепный лагерь с праздником, на который собирался и прусский король со всеми принцами и всем своим штабом. Прусский двор был принят в Саксонии почти с баснословной роскошью. Но Фридрих Вильгельм был не в духе. Несмотря на все ласки и почести, оказываемые ему Августом, он понял, что под этой личиной скрывались своекорыстные виды, и что дружба польского короля была только ловушкой, в которой Пруссия должна была оставить свои надежды на Юлихбергские владения. По обыкновению, дурное расположение духа короля обрушилось на молодого принца.

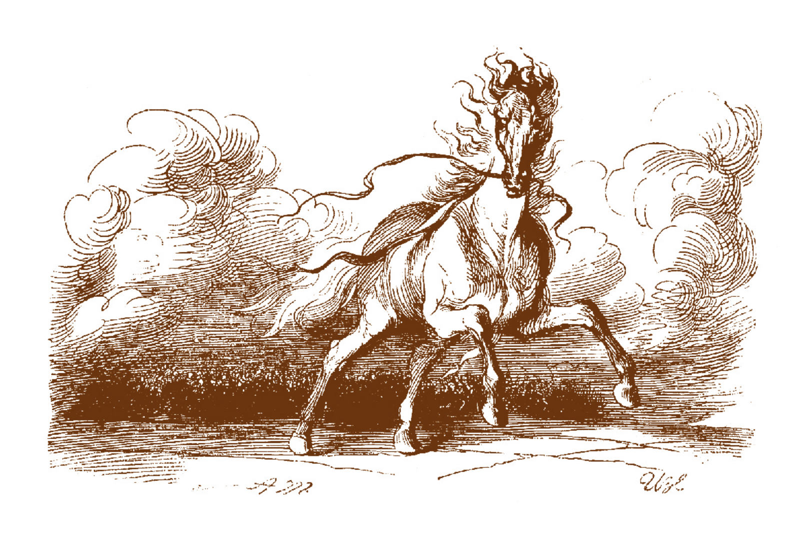
Фридрих через Катте просил кабинет-министра польского короля приказать дать ему хороших почтовых лошадей для двух офицеров, которых ему надо было немедленно отправить. Министру это показалось подозрительным, он доложил об этом своему королю. Август сейчас же понял, в чем дело. Боясь разрыва с Фридрихом Вильгельмом, он уговорил принца, по крайней мере, во время пребывания прусского двора в Саксонии, не покидать своего отца.

Фридрих должен был отложить свое намерение до лучшей минуты. Между тем несколько неосторожных слов обнаружили его тайну при дворе; король узнал обо всем и принял меры.

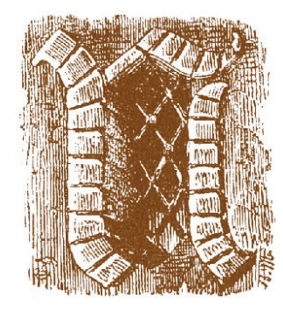
Неожиданный политический оборот обещал совершенную перемену в судьбе Фридриха. Выше уже сказано, что в начале этого года распоряжения к войне Англии и Пруссии были остановлены. Дело дошло до переговоров: Англия желала чистосердечного примирения и союза, и для этого был даже отправлен в Берлин уполномоченный посол от английского кабинета. Сватовство опять пошло в ход, и оба брака принцев должны были скрепить союз двух держав. Но Англия хотела в то же время обеспечить себе искренность и дружбу прусского короля и извлечь его из сетей австрийских

интриг, и потому главным условием мира было удаление от прусского двора Грумбкова. В подкрепление этого требования представлены были неоспоримые доказательства его сношений с венским кабинетом. При такой явной опасности австрийская партия пустила в ход все пружины своей хитрости, чтобы только удержать короля в прежнем его предубеждении против Англии. Это ей вполне удалось. Король резко обошелся с послом, и оскорбленный англичанин почел неприличным продолжать переговоры. Луч надежды принца угас так же быстро, как и возник. Итак, из лабиринта зол ему не оставалось другого выхода, кроме бегства.

Глава VI. Попытка к бегству

о прошествии нескольких недель король предпринял поездку в южную Германию. Принц Фридрих должен был ему сопутствовать. При сильном своем подозрении, король долго не знал, на что решиться: взять ли принца с собой или оставить его в Берлине. Наконец, он решился на первое, полагая, что под его личным надзором принцу труднее будет выполнить свое намерение. Он приставил к принцу трех старших офицеров своей свиты, со строгим приказанием, чтобы один из них, поочередно, неотлучно был при Фридрихе и даже ехал бы с ним в одной коляске.

Фридрих между тем с помощью Катте принял все нужные меры. Еще из саксонского лагеря он написал к английскому королю, прося дать ему при английском дворе приют и защиту. Хотя из Англии последовал ответ не совсем удовлетворительный, Фридрих все-таки решился бежать в Англию через Францию.

Катте, при первом известии о бегстве Фридриха, должен был отпроситься в отпуск за границу, под предлогом женитьбы, лететь в Англию и кончить там переговоры в пользу принца. Ему для этого были поручены деньги, бумаги и все драгоценности Фридриха. Кит также должен был способствовать побегу своим личным участием.

15 июля 1730 года король и вся свита выехали из Берлина и через Лейпциг отправились в Аншпах, где король хотел навестить дочь свою, недавно выданную замуж за молодого маркграфа аншпахского. В Аншпахе Фридрих получил письмо от Катте, в котором тот извещал его, что еще не успел выхлопотать себе отпуск и потому просил принца помедлить с бегством до прибытия в Везель, откуда ему значительно легче будет пробраться в Англию, через Голландию.

Фридрих ответил, что он долее ждать не может, и твердо решился оставить поезд королевский в Синцгейме, местечке между Гейлброном и Гейдельбергом. Он приказывал Катте отправиться в Гаагу, где он его найдет под именем графа Абервиля. Притом он его уведомлял, что, в случае преследования, он на время укроется в монастырях, рассеянных по дороге. В поспешности, с которой Фридрих писал свое письмо, он забыл адресовать его в Берлин и только написал на конверте «через Нюрнберг». Таким образом, письмо попало в чужие руки, к двоюродному брату Катте, который стоял в Эрлангене на вербовке.

Из Аншпаха король поехал в гости к герцогу Виртембергскому, а оттуда в Мангейм. На дороге надо было проезжать местечком Синцгейм. Но маршрут переменился; ночлег, назначенный в Синцгейме, был перенесен за несколько миль оттуда в местечко Штейнфурт. Королю отвели лучший дом, свита разместилась в сараях. Принцу, его камердинеру и полковнику Рохову дан был общий сарай.

Фридрих распорядился сообразно с местом и обстоятельствами. Он воспользовался легковерием одного из королевских пажей, брата Кита, и открыл ему «тайну», что у него недалеко оттуда назначено любовное свидание. Для этого он просил,

чтобы добрый паж, не говоря никому ни слова об этом, разбудил его на другой день в четыре часа утра и достал бы ему хороших лошадей. Сделать это было нетрудно, потому что в местечке производился торг лошадьми. Паж согласился с большим удовольствием.

Едва выглянуло солнце, как услужливый паж пробрался в сарай принца, но в темноте вместо Фридриха разбудил его камердинера. Тот имел довольно присутствия духа притвориться, будто не находит тут ничего подозрительного и преспокойно завернулся опять в одеяло, высматривая, что из всего этого, в конце концов, получится.

Он увидел, как принц торопливо вскочил и оделся, но не в мундир, а во французское платье и в красный сюртук сверху. Потом, на цыпочках, прокрался к двери, осторожно отворил ее, робко озираясь на товарищей, и вышел.

Едва он ушел, камердинер тотчас же известил полковника Рохова обо всем случившемся. Испуганный полковник разбудил еще трех офицеров из королевской свиты и все четверо, подозревая недобрый умысел, пустились отыскивать принца.

Вскоре они нашли его на конном рынке. Принц стоял, прислонясь к повозке, и со всех сторон высматривал пажа, которого

ждал с лошадьми. Появление нежданных гостей привело принца в бешенство и отчаяние, кажется, он был бы в состоянии драться с ними насмерть, если бы имел при себе оружие. Офицеры подошли к нему и с должным почтением спросили, что заставило его высочество так рано подняться с постели и нарядиться в такое странное платье? Он отвечал им коротко и грубо. Рохов между тем ему заметил, что король изволил уже проснуться и через полчаса намерен продолжать свой путь; почему покорнейше просил принца возвратиться и поскорей надеть мундир, чтобы его величество не увидел его в этом костюме. Принц не соглашался. Он отвечал, что хочет прогуляться, подышать утренним воздухом; пусть они не беспокоятся — в назначенный час к отъезду он обязательно явится в приличном, соответствующем его положению платье.

Между тем прискакал паж, с двумя лошадьми. Принц хотел проворно вскочить на одну из них, но офицеры не допустили этого. Он боролся с ними, как отчаянный, но сопротивление было напрасно; сила и большинство одолели. Его заставили возвратиться в сарай, лошадей отослали, пажа взяли под арест.

Королю донесли об этом происшествии; он допросил пажа, но, как не было явных доказательств намерения принца бежать, он смолчал и даже не дал сыну заметить, что обо всем уже знает. Только на другой день, когда поезд прибыл в Дармштадт, король, видя принца сказал ему с насмешкой: «Я удивляюсь, что встречаю вас здесь, я думал, что ваше высочество уже, по крайней мере, в Париже».

Принц ответил, что если бы он этого решительно пожелал, то давно был бы во французских владениях.

Но несчастье принца было ближе, чем он полагал. Едва король доехал до Мейна, откуда предполагал продолжать путь свой вниз по Рейну, как он получил от двоюродного брата Катте эстафету. В ней заключалось письмо принца, которое он, по верноподданническому чувству, не посмел скрыть от короля. Король приказал тотчас же взять Фридриха под стражу и содержать на одной из лучших яхт. За ним смотрели, как за государственным преступником, шпага и все бумаги были у него отобраны. К счастью, он успел еще при первой невзгоде передать своему камердинеру письма, которые могли обличить многих, если не в злоумышлении, так в приязни к нему, что в этом случае было одно и то же. Письма, по его приказанию, были сожжены его верным слугой.

Принц мало заботился о себе, но его сильно тревожила участь друзей, замешанных в его деле. Однако он твердо был уверен, что Катте, верно, уж позаботился о своей безопасности. Кит еще до приезда короля в Везель получил записку от принца, написанную карандашом, со следующими словами: «Спасайся, все открыто!» Он не терял времени, тотчас же вскочил на коня и во весь опор счастливо достиг голландской границы. В Гааге преследовал его еще прусский офицер, отправленный за ним в погоню, но он успел на рыбачьей лодке добраться до Англии. Оттуда он отправился в Португалию и поступил на военную службу.

В Везеле принц был заключен в темницу. К ней приставили часовых с заряженными ружьями. На следующий день комендант крепости, майор Мозель, получил приказание представить своего пленника королю.

Когда принц вошел в комнату, король строго спросил его: зачем он хотел дезертировать?

— Я не мог долее сносить унижение будущего короля Пруссии при дворе его отца.

— Но кто дал тебе мысль спасаться бегством?

— Ваше величество.

— Я? Ты лжешь.

— Нет. Вы часто говорили мне: «Если бы я был на твоем месте и мой отец так бы обходился со мной, я давно бы убежал из Пруссии». Я хотел только уподобиться в силе характера и благородстве мыслей моему родителю и королю.

Король вспыхнул. Он выхватил шпагу и кинулся на Фридриха, но майор Мозель защитил его своей грудью и остановил руку короля.

— Если вашему гневу нужна кровь, — вскричал он, — так пусть льется моя; из этой груди уж много ее пролито за моего короля, достанет и за его наследника!

Смелый, геройский поступок майора образумил Фридриха Вильгельма. Он вспомнил, что перед ним стоит сын и велел тотчас же вывести принца, поручив его надзору четырех надежных офицеров.

— Но берегите его пуще глазу, — прибавил он, — принц мне теперь дороже зеницы ока!

На другой день король отправился в Берлин.

Офицерам дано было приказание выехать из Везеля, спустя несколько дней, и везти принца, как можно секретнее. Строго было им наказано во время путешествия не проезжать через ганноверские владения. Король боялся, что в английских землях найдутся защитники его сыну и смогут его освободить. Также было запрещено допускать до разговора с ним кого бы то ни было.

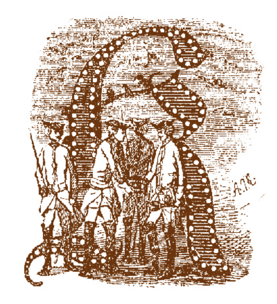
Несмотря на такие предосторожности, принц едва не спасся в самом Везеле. Народ сильно сочувствовал его несчастью, и почти не было молодого человека, который не решился бы жизнью заплатить за его свободу. Ему тайно доставили веревочную лестницу и женское крестьянское платье. Ночью, перерядившись, принц выкинул лестницу из окошка и начал

осторожно сходить по ней. Уж он переступал последние перекладины, еще несколько шагов, и он был бы на земле вне опасности, как вдруг хриплый голос закричал ему: «Wer da?» — Кто идет? — Это был часовой, который повернул из-за угла и которого он прежде не заметил. Он не ответил, солдат выстрелил, и принц едва успел взобраться по лестнице в свою темницу и там сбросить свой маскарадный костюм. Будь ночь не так темна, он, верно, пал бы жертвой бдительности своей стражи.

Глава VII. Суд

атте между тем очень мало думал о своей безопасности. В Берлине уже шептались о тайном заключении наследника престола. Молва росла и становилась всеобщей. Друзья Катте предостерегали его, но он равнодушно ждал, пока седельник окончит заказанное им богатое французское седло, в котором он велел сделать потайные сумки для денег, бумаг и других вещей. Наконец, он отпросился у своего полковника на несколько дней из Берлина, под предлогом охоты. В ночь, накануне его отъезда, пришел приказ арестовать его. Исполнители приказа с намерением медлили, чтобы дать ему время выехать из города и скрыться. Когда они полагали, что он уже далеко, они отправились к нему в дом и что же? — Легкомысленный Катте еще преспокойно курил трубку и допивал свой кофе, наблюдая, как ему систематически седлают лошадь. Судьба его была решена. Запечатанный ларчик с письмами и драгоценностями принца он просил передать королеве.

Вместе с приказом об аресте Катте пришло от короля письмо к гофмейстерине королевы, в котором он поручал ей

предуведомить ее величество о бегстве принца и о его заключении. Ужас и удивление королевской фамилии были совершенно невообразимы.

Еще более беспокоил всех запечатанный ларчик, которого скрыть было невозможно. Его содержание могло быть опасно для королевы и, в особенности, для старшей принцессы. Наконец, решили сломать печать, открыть ларчик, вынуть из него все опасные бумаги, сжечь их и заменить новыми письмами самого невинного содержания.

27 августа король возвратился в Берлин. Первый вопрос его был — где ларчик? Когда к нему принесли его, он с таким нетерпением желал узнать его содержание, что сломал печать и отпер ларчик, не осмотрев его сперва хорошенько. Он полагал, что побег принца был следствием обширного заговора, в котором принимали участие его жена и старшая дочь, под влиянием английской партии. Он подозревал даже, что у них при этом был в виду не один родственный союз с Англией, но еще что-нибудь гораздо поважнее. Но в ларчике он не нашел ничего,

что бы могло подтвердить его подозрения. Вместо того, чтобы успокоить, это еще больше его взбесило. Как обыкновенно, бедное семейство должно было страдать от этого припадка. Одна старушка, Камеке, к которой он питал особенное доверие, старалась его успокоить и смягчить негодование и даже несколько в том преуспела, только ненадолго.

Между тем по приказанию короля Катте привели на допрос. Он отвечал на предложенные вопросы с твердостью и благородством, говорил чистую правду и только скрыл, что принцесса Вильгельмина знала о намерении брата бежать в Англию. Клятвенно подтвердил он, что принц хотел скрыться в Лондон от унижений, но без всяких умыслов против особы его величества.

Все это, однако, не могло потушить искры подозрения в душе короля — она разгоралась более и более и разжигала в нем сильное беспокойство.

После допроса с Катте сняли мундир. Его одели в кафтан из грубой холстины и отправили на гауптвахту, под строгим караулом. Гонение короля обратилось теперь против всех приверженцев и друзей Фридриха, хотя они и не были причастны к замыслам принца.

Так, например, бывший его учитель, Дюган, который теперь занимал место советника, был отрешен от должности и сослан в Мемель, под надзор местного начальства.

Между тем принца привезли в Миттенвальд. Здесь сделали ему первый допрос. Он подтвердил все показания Катте. Генерал Грумбков, который был обераудитором при допросе, старался унизить благородную гордость принца представлением ему великих опасностей в будущем. На это Фридрих отвечал: «Душа моя сильнее всех опасностей, а мужество много крепче моего несчастья. Мы еще поборемся!»

На следующий день Фридриха ночью отвезли в Кюстринскую крепость. Его поместили в замке, в одной из комнат камер-президента Мюнхова. Здесь содержался он со всей строгостью, положенной для государственного преступника.

Ему дали простой синий сюртук: мебель состояла из двух деревянных стульев. Самая простая и грубая пища доставлялась ему, уже нарезанная — ножей и вилок ему не давали. Чернила и перья были изгнаны из его темницы. Даже флейту у него отняли. Дверь его темницы была постоянно заперта и отворялась только один раз в сутки для дежурных офицеров, которые приходили проверять заключенного и приносили ему пищу. За дверями стояли часовые с заряженными ружьями, под окнами тоже. Каждое утро два офицера являлись молча во время обеда принца и тщательно осматривали комнату, нет ли в ней каких-либо следов или приготовлений к побегу.

Между тем, несмотря на такие строгости, нашлась душа, которая сострадала судьбе несчастного Фридриха. Генерал Мюнхов пробуравил в потолке темницы дыру, сквозь которую мог удобно говорить с ним с чердака. Принц жаловался ему на дурную пищу и недостаток духовного развлечения.

Мюнхов скоро нашел случай помочь беде принца. Он выпросил позволение допускать к нему восьмилетнего своего сына. Беседа с ребенком не казалась подозрительной для тюремщиков принца, и мальчика стали допускать в его темницу. В фалдах его детского кафтанчика Мюнхов доставлял Фридриху письма и яства. Кроме того, он заказал ему стол с потайными ящиками; в них принц нашел книги, бумагу и чернила. Дозорные офицеры осматривали только комнату и не прикасались к мебели — этого не было в их предписании.

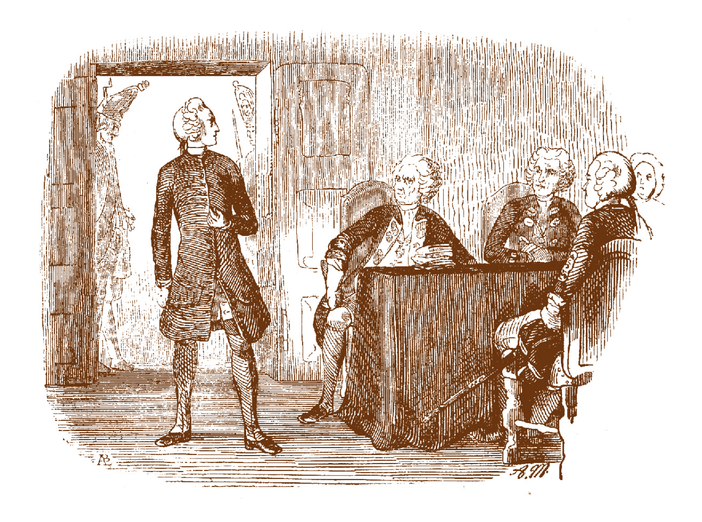

В середине сентября снова явилась следственная комиссия для прослушивания принца. Фридрих по-прежнему был тверд и непоколебим. Презусом комиссии снова был Грумбков. Он советовал принцу, в довольно обидном тоне, оставить свою гордость, иначе, говорил он: «мы придумаем средства смирить вашу спесь».

— Не знаю, что вы в состоянии придумать; знаю только, что ни дерзостью, ни строгостью вы никогда не заставите меня ползать перед собой.

Комиссия показала ему бумаги, найденные в ларчике, и предложила вопрос: все ли они? Принц рассмотрел их, и не находя между ними самых важных, тотчас догадался, что они, верно, скрыты его друзьями. Он ответил, что, действительно,

тут все его бумаги. От него потребовали присяги, однако он сумел отклониться от нее, под предлогом, что не доверяет своей памяти, и, может быть, о некоторых незначительных письмах забыл.

Наконец, ему объявили, что он может надеяться на прощение и милость короля, если откажется от наследия престола. С чувством внутреннего достоинства и гордостью отверг он это недостойное благородного человека предложение.

Таким образом, следствие осталось бесплодным. Король хотел даже предать Катте пытке, но против этого восстали его родственники, которые занимали значительные государственные места. Итак, против принца и Катте оставалось одно обвинение — их преступный побег. Этого было достаточно, чтобы подвергнуть их наказанию по всей строгости закона. Король назначил военный суд над принцем и над Катте.

25 октября суд собрался в Копинге, а 1 ноября возвратился в Берлин. Ему предоставлено было судить принца и его сообщника как военных дезертиров. Суд решил, что принц крови и законный наследник престола не подлежит суду за такое преступление, наравне с простыми членами войска, и потому он предоставляет осуждение его приговору небесному, который дает право правящим. Катте военный суд присудил к лишению чинов и крепостному заключению на несколько лет.

Король был чрезвычайно недоволен этими приговорами. Он объявил Катте оскорбителем королевского величия, потому что тот участвовал в тайных умыслах наследника престола и сносился с враждебными дворами. За такие преступления он заслужил пытку и виселицу, но король, милостью Божьей, снисходя к просьбам и заслугам его родственников и, в особенности, к полезной службе его деда, генерал-фельдмаршала графа Вартенслебена, по великой доброте души своей, обращает гнев в милость, смягчает казнь и приговаривает Катте к отсечению головы на плахе.

Ничто не могло отклонить короля от этого приговора; ни убеждения, ни просьбы Вартенслебена и всех его любимцев.

— Нет! — отвечал он решительно. — Скажите Катте, что мне его жаль, но что делать! Мое правило такое: лучше пусть гибнет виновный, чем правосудие.

Катте прочли приговор. Он спокойно выслушал его с геройской твердостью.

Как прежде был легкомыслен двадцатитрехлетний юноша, так благороден и мужественен был он в последние дни, назначенные для приготовления к казни. Горесть, причиненная его

легкомыслием семейству, глубоко запала ему в душу. Прощальные письма его к родным были исполнены сильного чувства и чистосердечного раскаяния.

Четвертого ноября Катте, по приказанию короля, отвезли в Кюстрин, где назначено было исполнение смертного приговора. Король хотел этим потрясти душу своего сына. 6 ноября была назначена казнь. Принца принудили смотреть на нее из окна. Когда под его окнами повели Катте, в сопровождении двух священников, между военным эскортом, сердце принца не вытерпело, слезы брызнули из глаз и он воскликнул:

— Друг Катте! Прости меня!

Катте взглянул на него с восторженным лицом.

— Будьте счастливы принц — народ ваш будет счастлив. Я рад, что умираю за друга и будущую славу Пруссии!

Кортеж продолжал шествие. На площади Катте принял христианское напутствие духовника и бодро положил свою голову на плаху...

Но принц не вынес этой сцены, казалось, вены его сердца порвались в эту минуту: он без чувств упал на пол.

Меч, который обагрился кровью друга, еще носился над головой самого принца. Угрозы и гнев короля заставили его содрогнуться перед ожидавшей его участью.

Но его заключение наделало много шуму не только в Пруссии, но и при всех европейских дворах. Король принужден был послать в кабинеты германского союза и в другие государства циркулярное объявление о причинах заключения принца с обещанием подробного отчета о действиях следственной комиссии и о приговоре суда. Тут отовсюду появились посольства с заступничеством за принца. С особенной настойчивостью требовал помилования и освобождения Фридриха австрийский двор. Разрыв Пруссии с Англией был явен; австрийская партия торжествовала, но для прочности ее союза ей необходима была дружба и будущего короля Пруссии. Вот почему она теперь приняла так ревностно сторону принца. Не менее участия проявили в судьбе Фридриха лучшие генералы войска. Но на всех совещаниях король выдерживал свой характер: он был непреклонен и хотел судить сына смертным судом.

Тогда военный совет объявил ему решительно, что принц Бранденбургского курфюрстского дома может быть судим и осужден только императором и сеймом. На это король ответил, что ни император, ни весь Германский союз не могут лишить его права, по доброму его усмотрению и закону, осудить в своей земле преступление прусского наследника.

Этот ответ поразил весь совет. Полковник Буденброк, пламенный и честный старик, поседевший в битвах, вскочил со своего места, разорвал свой мундир, обнажил грудь, испещренную ранами, и вскричал: «Король! Пролейте кровь отсюда, но священной крови принца вам не видать, пока еще язык мой не прильнул к гортани!»

Голос совета казался королю голосом народа и сильно поколебал его волю. Остальное довершил благородный старец пастор Мюллер, который напутствовал перед смертью Катте. Он вызвался быть собеседником принца, который теперь более чем когда-нибудь нуждался в духовной пище, и направить его

душу на путь истинный. Король согласился и даже позволил Мюллеру поселиться в смежной комнате с принцем.

Умный священник сумел укоренить во Фридрихе, преданном вере в фатализм, мысль, что гнев короля и смерть его друга были не простым предназначением рока, но непременным следствием его проступка. Возбудив в душе его раскаяние, он тут же поспешил уврачевать ее надеждой на благость небесную и верой в промысел Божий.

Принц как бы переродился. Молитвы, совершаемые им вместе с почтенным старцем, проливали новый свет на его разум и утоляющий бальзам — на раны сердца.

«Но если бы даже Бог, в великой милости своей, простил мое преступление, могу ли я надеяться такого же помилования от человека, от отца и короля моего, так жестоко мной оскорбленного?»

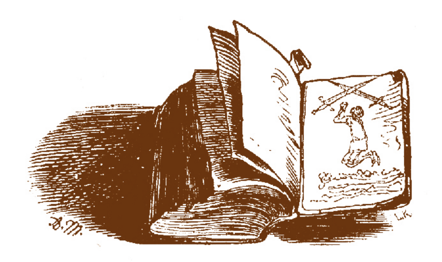
Духовник питал его надеждой и, тайно трогая самые важные струны природы, мирил отца с сыном. Он доносил обо всем королю, и гнев последнего постепенно потухал под слезами принца.

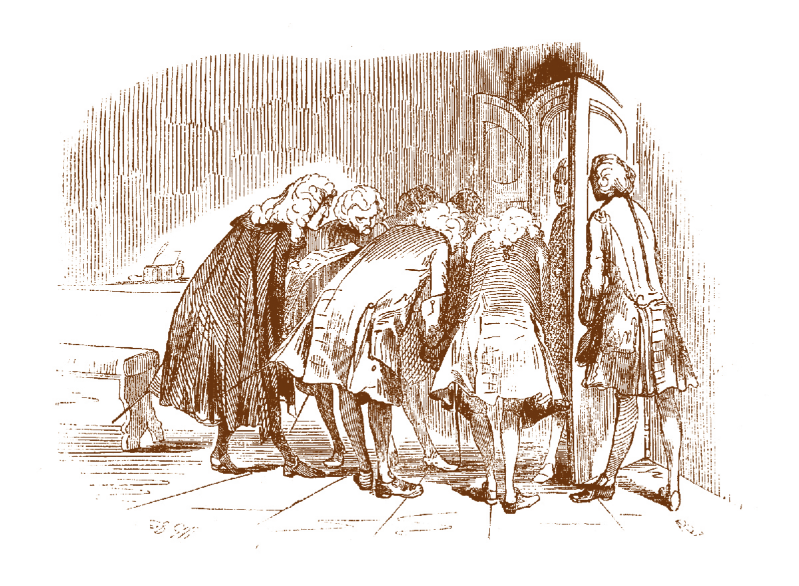
Наконец, от короля пришло приказание освободить принца. Ему позволено было жить вне крепостных стен и даже занять место советника кюстринской коллегии. Но прежде вступления его в новую должность прибыла комиссия из Берлина, перед которой Фридрих обязан был дать присягу в том, что впредь не отступит от воли и приказаний своего отца и короля и будет исполнять возложенные на него обязанности с усердием и покорностью, приличными верноподданному и сыну.

Принц принял присягу. Ему возвратили шпагу и орден. Потом он причастился Святых Тайн и вступил в новое свое звание. Вместо мундира он носил серый кафтан, по краям вышитый золотом. Он написал к отцу письмо, в котором униженно умолял его о прощении и забвении прошедшего. Когда же пастор Мюллер возвращался в Берлин, он поручил ему испросить у короля, как милости, дозволения носить военную шпагу с темляком.

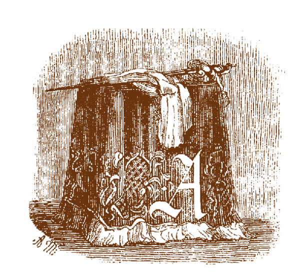
Король пришел в восторг, когда услышал о просьбе сына.

«Так Фриц мой солдат в душе!» — воскликнул он, и это восклицание было первым решительным шагом к примирению.

Глава VIII. Примирение

встрийская партия из самого примирения короля с сыном сумела извлечь пользу. Она приписывала милость короля ходатайству австрийского императора. Посланник Секендорф даже успел довести короля до того, что он в ответе императору, на его письмо, прямо объявлял, что принц Фридрих обязан своим прощением только просьбе его императорского величества. Даже самого Фридриха заставили написать благодарственное письмо к императору, за его милостивое ходатайство.

Но в общем извещении другим дворам король писал просто, что он, по своей королевской милости и отеческому чувству, освободил и простил наследника престола.

На народ освобождение принца произвело самое приятное впечатление. Боязнь за него, во время опалы, была так сильна, что теперь любовь народная к нему почти не знала границ.

Принцу отвели особенный дом в Кюстрине, к нему назначили небольшой штат, и на издержки его стали отпускать, незначительную сумму, которой он должен был очень экономно распоряжаться. Кроме того, ежемесячно он обязан был отсылать королю отчет о своих издержках. Вслед за тем, по определению короля, он был назначен членом военно-судного совета Неймаркского округа, но в определениях совета он не имел права подавать голоса. Члены совета приняли его с искренним изъявлением своей радости и с поздравлениями.

К нему были приставлены опытные люди, которые знакомили его с финансовой системой и внутренними учреждениями государства. В свободные часы от службы он брал практические уроки в сельском хозяйстве и удельном управлении.

Впрочем, положение его было, по-прежнему, не самое завидное: он не смел выезжать из города, чтение книг, в особенности французских, а равно и занятие музыкой были ему запрещены строжайше.

Президент Мюнхов всеми мерами старался доставить Фридриху развлечение, он сумел соединить в своем доме все лучшее общество Кюстрина, всех талантливых людей, всех увлекательнейших женщин. В кругу такого общества Фридрих незаметно приобрел прежнюю веселость и непринужденность характера.

Между дамами особенно отличалась умом и любезностью молодая вдова, Мантейфель, урожденная Мюнхов. Она сумела заслужить дружбу и доверенность принца в такой степени, что разлука с ней казалась ему ужасной. Когда, к концу года, она вздумала было отправиться в свои поместья, Фридрих послал ей приказ, написанный в шутливом тоне, в котором он называл ее *дезертиркой* и объявлял, что за такое преступление она может ожидать в наказание *полное его неудовольствие*.

Королевский запрет читать книги друзья Фридриха, как мы видели, сумели уже смягчить в самой его темнице. Здесь на запрещение обращали еще меньше внимания. Фридрих безбоязненно занимался своим любимым инструментом, флейтой. Он даже пригласил к себе в товарищи гобоиста Фредерсдорфа,

который мастерски играл на флейте. Впоследствии Фредерсдорф получил значительное место при дворе и остался другом Фридриха до самой его смерти.

Фридрих надеялся, что слепая и безропотная покорность воле короля расположит к нему, наконец, сердце отца. Но король все еще недоверчиво смотрел на сына; покорность его он почитал притворством, а явные знаки преданности — скрытой ненавистью.

Прошел год, а положение принца не облегчалось, круг его деятельности не расширялся. Он глубоко проник в науки, которыми занимался, приводил даже в изумление своих наставников свежестью своего взгляда и быстротой соображения, но ему не давали случая употребить с пользой свои сведения. Тоска и отчаяние снова овладели его сердцем. Он начал отыскивать выход из трудного своего положения.

Полагая, что главная причина королевского недоверия к нему основана на предположенном браке его с английской принцессой, он высказал генералу Грумбкову, что решительно оставил прежнюю мысль и теперь охотнее согласился бы жениться на старшей дочери императора, чего желал и сам король. Он набросал план, как привести это намерение в исполнение. По этому плану он решился даже отказаться от прусского престола, в пользу младшего своего брата, потому что в австрийском доме не было мужских наследников, и престол императорский должен был перейти старшей дочери императора, т. е. его жене. Грумбков ясными доводами опроверг план Фридриха и убедительно доказал ему всю несбыточность его предложений.

Однако, действуя в пользу австрийской партии, Грумбков решился, во что бы то ни стало, примирить отца с сыном. В мае Фридрих получил первый знак отцовской милости. Король прислал ему несколько книг духовного содержания и увещательное письмо. После многих убеждений и просьб он, наконец, решился лично увидеться с сыном. В августе 1731 года король объезжал некоторые провинции Пруссии и мимоездом завернул в Кюстрин. Он остановился в губернаторском доме и приказал позвать к себе принца.

Наружность принца во время его страданий до того изменилась, что бледность и худощавость лица его возбудили в короле сострадание. При виде его король встал. Фридрих бросился к ногам отца. Рыдания не дали ему произнести слова. Король его милостиво поднял.

Он в короткой, но сильной речи представил принцу всю важность его проступка и в трогательных выражениях изобразил огорчение, которое он нанес его сердцу своей недоверчивостью. Наконец, когда король опять садился в карету, и Фридрих провожал его до подножки, он обнял принца перед всем народом и обещал скорое облегчение его участи.

Это убедило короля еще более, что примирение с сыном необходимо для него и государственного спокойствия.

Облегчение, обещанное принцу королем, состояло в том, что ему было предоставлено более свободы в жизни.

Фридрих между тем пристрастился к занятиям по сельскому хозяйству, посещал фермы, осматривал общественные здания и часто писал королю о новых учреждениях и перестройках, по его мнению, необходимых.

Между тем в самой королевской фамилии, в Берлине, произошло событие, которое обещало успокоить и примирить королевский дом после всех невзгод.

Принцесса Вильгельмина, несмотря на постоянную мысль матери выдать ее за английского принца, решилась, наконец, выбрать себе мужа из трех принцев, которых предлагал ей король.

Она выбрала наследного принца Байрейтского, молодого человека, умного и благородного по характеру. Король был этим очень доволен. 1 июня отпраздновали сговор, а 20 ноября — свадьбу.

В награду за покорность дочери, король обещал совершенное освобождение Фридриха из ссылки, тотчас же по совершении брака.

На четвертый день свадьбы в королевском дворце был дан великолепный бал. Все были веселы. Новобрачные танцевали менуэт, вдруг вошел в зал принц Фридрих. Рост, наружность и сами манеры в нем изменились. Костюм, в котором его при дворе никогда не видели, также много изменил его.

Никто, кроме короля, не знал о его присутствии, и прошло довольно много времени, пока его заметили и узнали.

Королева сидела за карточным столом. Обергофмейстерина объявила ей о прибытии принца. Она бросила карты, кинулась к нему навстречу и со слезами сжала его в своих объя-

тиях. Принцесса Вильгельмина была вне себя от восторга, когда Грумбков, среди менуэта, сказал ей, что принц в зале. Но и она долго искала его глазами прежде, чем смогла узнать.

Обняв брата, она кинулась к ногам отца и выразила ему чувство своей признательности с таким увлечением, что старик-король заплакал.

Несколько дней спустя высшее сословие офицеров гвардии и полков, стоявших в Берлине, под предводительством князя

Дессауского, подали королю просьбу о принятии вновь на службу наследного принца, к 30 ноября Фридрих был провозглашен шефом одного из пехотных полков. Зимой, однако же, он должен был опять снять с себя мундир, ибо получил поручение от короля осмотреть стеклянные заводы и другие фабрики и определить, какие они могут давать доходы и как их улучшить. Он составил план совершенного преобразования мануфактур в Пруссии, а король, которого каждый новый источник доходов приводил в восхищение, приказал тотчас же проект наследника привести в исполнение.

В январе 1732 года Фридрих впал в тяжкую лихорадку, и тут только оказалось, в заботах короля о его здоровье, как много строгий отец любил своего сына. В феврале король призвал его обратно в Берлин и произвел в полковники и командиры одного из гвардейских полков. Когда Фридрих в Кюстрине прощался с президентом Мюнховым, тот его спросил: «Чего должны ожидать от вашего высочества, когда вы сделаетесь величеством, т. е. которые оказались вашими врагами во время нашей размолвки с королем?»

— Я соберу горячие уголья на их головы, — отвечал Фридрих.

Глава IX. Женитьба

оброе согласие между королем и его сыном, наконец, водворилось совершенно. Как наследник престола, так и король избегали всех случаев нарушить это согласие. Король, узнав по опыту, что природа дала характеру его сына совсем другое направление, и что поэтому нельзя образовать из него свое подобие, полагал, что лучше всего им жить в беспрестанной разлуке. Он назначил ему с полком постоянную квартиру в городе Руппин, за 9 миль от Берлина; эта мудрая мера, с которой связывалась и большая свобода в жизни Фридриха, породила между отцом и сыном обоюдное доверие. Различие их характеров заставляло их иногда смотреть на предметы с разных точек, от этого происходили иногда недоразумения, но они всегда оставались без вредных последствий.

Чтобы обеспечить это согласие, король начал очень серьезно помышлять о женитьбе сына. Австрийская партия и тут осталась не без влияния: она успела обратить взоры короля на Елизавету-Кристину, принцессу Брауншвейг-Бевернскую, племянницу австрийской императрицы. Фридриху Вильгельму это предложение пришлось по душе, потому что он особенно любил и уважал отца принцессы. Принц Фридрих дал свое согласие с отчаянием в сердце. Его уверили, что принцесса нехороша собой и с весьма ограниченными способностями — это его убивало. Сердце его еще было так юно и свежо, так полно поэтических мечтаний, что он не мог вообразить себе холодного брака без любви. Он стал искать средство отделаться от этого союза. Ему гораздо более нравилась принцесса Анна Леопольдовна, дочь Екатерины Мекленбургской, племянница императрицы российской Анны Иоанновны, принятая ею вместо дочери. Но когда он сделал об этом предложение отцу, то австрийская партия, подозревая в том какой-нибудь неприязненный для себя умысел, успела отклонить короля, и принцесса Брауншвейгская была назначена невестой принца.

В марте следующего года посетил берлинский двор герцог Франц-Стефан Лотарингский, будущий зять императора. Его принимали с великолепными празднествами, на которые было приглашено и брауншвейгское семейство. Король воспользовался случаем и тут же обручил принца с Елизаветой-Кристиной. Фридрих сделался покорен, как овечка, слухи о его невесте его обманули: она была прелестна собой и под наивностью и кротостью характера скрывался ум тонкий и образованный. Австрийская партия, со своей стороны, всеми мерами старалась образовать ее по вкусу Фридриха. Они даже отыскали для нее искусного танцмейстера, потому что Фридрих, страстный дансер, заметил, что она не совсем ловко держит себя в менуэте. Свадьба была отложена до следующего года. Венский кабинет старался ее ускорить, боясь потерять то, что им с таким трудом было приобретено. По окончании празднеств наследный принц опять возвратился в Руппин и ревностно занялся образованием своего полка.

Недалеко от Руппина, при Фербелинге, находилось историческое поле: здесь, за полстолетия до того, предок Фридриха великий курфюрст Бранденбургский разбил наголову шведов и освободил от них свои земли.

Принц посетил достопамятное поле и желал узнать на месте все события этого дня. Один старожил Руппина, который в молодости участвовал в этой битве, был его провожатым. Когда принц осмотрел поле, он спросил с усмешкой своего чичероне:

— Не можешь ли ты мне рассказать причину этой войны?

Старик добродушно ответил:

— Наш курфюрст и король шведский в молодости вместе учились в Утрехте и до того меж собой поссорились, что, наконец, надо было подраться.

Добродушный старик не знал, что точно такие же отношения существовали между отцом Фридриха и королем английским, и что в пиру их ссоры Фридрих понес похмелье.

В 1732 году Фридрих Вильгельм обещал свою защиту жителям Зальцбурга, которых притесняли и преследовали за их вероисповедание. Они являлись в гостеприимную Пруссию целыми ватагами. Более двадцати тысяч этих выходцев поселилось

в провинциях Пруссии и Литвы, многие из них потеряли при таком переходе все свое достояние и не имели средств обзавестись на отведенных им землях. Жители Пруссии старались облегчить их участь своими приношениями и помощью.

Вот что писал Фридрих в то время Грумбкову:

«Сердце мое влечет меня поближе познакомиться с участью изгнанников. Мне кажется, нельзя достойно оценить твердость духа этих людей и чувство высокого самоотвержения, с которым они переносили все страдания, чтобы только сохранить святыню веры. Я охотно отдал бы последнюю сорочку, чтобы поделиться с несчастливцами. Прошу вас, доставьте мне средства помочь им. Из моих маленьких доходов я охотно отдам все, что смог сберечь от собственных нужд. Клянусь вам, положение их терзает мне душу».

Любовь и преданность изгнанников к принцу свидетельствуют, что он сокрушался о них не только на словах, но помогал им и на деле.

Доходы принца были еще очень ограничены. Вербовка рослых рекрутов для его полка стоила ему больших денег, и он опять попал в значительные долги.

Сестра его, супруга принца Байрейтского, также нуждалась. Она не получала доходов от берлинского двора, а от байрейтского герцога была ей назначена весьма неудовлетворительная сумма. Обстоятельства Дюгана, учителя и друга Фридриха, были еще печальнее. Он жил в ссылке, почти что нищим.

Все это глубоко огорчало принца. Он себя винил в несчастии всех, кого любил горячо. Между тем австрийская партия не дремала. Она мастерски сумела употребить положение принца в свою пользу. Зная, что не нынче, так завтра Фридрих возьмется за кормило государства, австрийцы старались закупить его расположение всеми мерами. И Фридриху, и принцессе, под благовидной, тонкой причиной, были предложены от агента австрийского двора вспомогательные суммы, которые потом незаметно обратились в ежегодную дань. Принцесса и Дюган имели сильное влияние на Фридриха, следовательно, осмотрительная политика Австрии и их не могла упустить из виду. Дюгану доставили доходное место и назначили ему еще

ежегодный пенсион. Все это сумели так хитро и тайно устроить, что король и понятия не имел об этом деле.

К несчастью, австрийская политика не сумела хорошо замаскироваться в глазах принца, поэтому «благородные и бескорыстные» виды ее скоро обнаружились.

Главный интерес, для которого так хлопотал император Карл VI, была прагматическая санкция, долженствовавшая обеспечить за дочерью наследие престола. Союз с Пруссией был заключен потому, что Пруссия хотела, в случае нужды, подтвердить прагматическую санкцию оружием. С Англией Австрия находилась в неприязненных отношениях, потому что Англия составляла оппозицию. Но вот вдруг обстоятельства изменились: Англия приняла сторону Австрии. Австрия тотчас стала заискивать прочной дружбы английского кабинета, и Пруссия была выбрана средством к этому.

Английскому королю весьма хотелось одну из дочерей своих видеть на прусском престоле. Едва желание это было обнаружено, как австрийская партия пустила в ход все пружины своих интриг и начала работать с таким же усердием над завязкой нового брака, между Фридрихом и английской принцессой, с каким прежде трудилась в пользу брауншвейгской

принцессы. Рвение австрийской партии доходило до того, что даже накануне бракосочетания Фридриха она делала еще королю самые убедительные предложения разорвать объявленный брак.

Однако на этот раз все фокусы хитрой дипломатии не удались — Фридрих Вильгельм остался непоколебим.

Итак, 12 июня 1733 года совершился брак Фридриха с принцессой Елизаветой-Кристиной Брауншвейгской. Вся королевская фамилия отправилась в Сальцдалум, загородный дворец герцога Людовика Брауншвейг-Волфенбютельского, деда невесты, который принял на себя все свадебные распоряжения. Брачное торжество было отпраздновано великолепнейшим образом, но на всех главных действующих лицах были печальные физиономии. Королева была в отчаянии, что все ее любимые планы разрушились, невеста в этом замужестве следовала не влечению своего сердца, а только непременной воле родных. Фридрих вздыхал об идеалах своего сердца, которые навсегда должен был изгнать из груди своей, король негодовал на австрийцев, австрийцы косились на короля. Знаменитый проповедник, аббат Мосгейм между тем проговорил свою по-

здравительную речь, упомянул довольно пышно о всеобщей радости, и все пошло своим порядком.

Несколько дней спустя вся королевская фамилия возвратилась в столицу Пруссии. После торжественного въезда в Берлин принялись опять за пиры и празднества и, кстати, заодно обвенчали принцессу Филиппину-Шарлотту, младшую сестру Фридриха, с наследником брауншвейгского престола, принцем Карлом.

Для Фридриха отвели нынешний королевский дворец. Кроме того, король купил ему замок Рейнсберг, в двух милях от Руппина, «чтобы жена не отвлекала его от обязанностей службы».

Глава X. Первое знакомство с войной

о сих пор Фридрих видел военное дело только на плац-парадах и разводах — теперь ему представился случай познакомиться с ним поближе, на поле битвы.

Повод к войне, в которой Пруссия приняла участие, подали споры о Польше. Король Август II умер 1 февраля 1733 года. Он, в противность польским постановлениям, которые престол делали избирательным, хотел передать корону своему потомству. Хотя это стремление при жизни Августа не имело успеха, однако сын его, Август III, который наследовал от него саксонское курфюршество, явился претендентом на польский престол. Россия и Австрия вмешались в это дело и оспаривали его права. Соперником ему явился Станислав Лещинский, тесть французского короля Людовика XV. Лещинский основывал свои права на том, что он, еще при жизни Августа II, когда тот был побежден Карлом XII, получил от победителя польскую корону. За него стоял его зять.

Сама Польша была в печальном положении: партии раздирали ее на части, своеволие достигло высшей степени, ичуждые

державы управляли ее судьбой. Австрия вступилась за Августа III. Франция обрадовалась случаю и поспешила объявить ей войну, в надежде расширить свои владения в немецких землях.

Фридрих Вильгельм примкнул к союзу России и Австрии против Франции. Он отправил к австрийскому войску от себя 10 000 человек.

Начальство над австрийской армией принял Евгений Савойский, знаменитый уже по многим победам. Король обрадовался случаю познакомить Фридриха с войной под руководством такого опытного полководца, и кронпринц последовал за прусскими полками добровольцем. Французская армия, которая быстро двинулась в Германию, осаждала крепость Филиппсбург, на Рейне. Войско Евгения двинулось на помощь. Главная квартира его находилась в Визентале — небольшой деревне, которая отстояла от французских шанцев на пушечный выстрел. Сюда прибыл Фридрих 7 июля. Он тотчас отправился к Евгению, желая взглянуть на семидесятидвухлетнего героя. Фридрих попросил у него позволения поглядеть, как герой добывает себе лавры, и Евгений на тонкий комплимент ответил лаской. Он жалел, что прежде не имел удовольствия видеть при себе наследника прусского престола, чтобы показать ему многое, чего он повторить не в состоянии, и что могло бы принести пользу хорошему полководцу. «А в вас, — прибавил он с миной знатока, — все обличает мне будущего героя».

Евгений пригласил принца к обеду. Пока сидели за столом, французы открыли сильный огонь. На это не обращали внимания, и разговор спокойно продолжался. Но Фридрих радовался, когда он провозглашал тост, и вслед за тем раздавался неприятельский залп, вместо музыки.

Евгений полюбил Фридриха. Его юношеское увлечение, его остроумие и зрелый рассудок привлекали к нему седого полководца. На другой день он посетил его в палатке вместе с герцогом Виртембергским и просидел у него довольно долго. Когда оба гостя собрались идти, Евгений случайно пошел вперед, за ним следовал герцог. Фридрих, который давно знал герцога, обнял и поцеловал его. Евгений обернулся и спросил:

— А разве мои старые щеки не стоят, по-вашему, поцелуя вашего высочества?

— О нет! — ответил Фридрих. — Но я не почитал себя достойным прикоснуться к челу, увенчанному лаврами!

И они дружески обнялись.

Евгений, в знак любви своей, подарил Фридриху четырех рослых, мужественных рекрут. Фридрих был приглашаем к каждому военному совету. Он разделял все труды полевой службы. Каждый день, во время осады, он объезжал линии и был первым при каждом значительном деле. Раз, он выехал с большой свитой, чтобы осмотреть расположение операционных линий под Филиппсбургом. На обратном пути через редкий перелесок неприятели навели на него свою артиллерию и осыпали его ядрами. Деревья с треском рушились по сторонам, а он ехал спокойно, шагом, и даже рука, державшая поводья, не обличала в нем ни малейшей робости.

Вскоре прибыл в лагерь и король Фридрих Вильгельм. Евгений расхваливал ему принца и предсказывал, что он со временем будет великим полководцем. С этих пор король начал смотреть на сына совсем другими глазами — его воинское самолюбие было затронуто за живое.

Как глубоко было впечатление, произведенное на Фридриха Евгением, ясно видно из стихотворения, которое он написал в лагере. Это ода славе. Он почитает славу основой каждого величия как на поле чести, так и на поприще слова, приводит примеры из истории, в особенности прославляет подвиги Евгения, и заключает прорицанием своей будущности. Вот заключительная строфа этой замечательной оды:

О слава! В жертву я перед тобою
Кладу цветистый радостей венок!
Я твой! Разлей над жизнью молодою
Твоих лучей блистательный поток.
Хоть полчища смертей грозятся мне бедою
Ты можешь удержать дух мужества в груди...
О, отвори врата могучею рукою.
Чтоб на стезю твою я гордо мог войти...
С тобою жить хочу и умереть с тобою!

Однако этот поход был не такого свойства, чтобы участникам его доставить славу. Австрийские полки, дурно выправленные и обученные, составляли разительный контраст с превосходным

порядком и стройностью войск прусских. Фридрих, по окончании похода, чувствовал совершенное отвращение от хвастовства и беспорядочности австрийцев, и это имело значительное влияние на позднейшие его планы в отношении к Австрии.

Евгений уже утратил пылкость молодости и не решался чрезмерно рисковать. Вместо того, чтобы воспользоваться невыгодным положением французов и с быстротой и решимостью напасть на них, союзные войска молча смотрели на их осаду Филиппсбурга. Наконец, крепость была взята неприятелем, и все надежды на великие подвиги для австрийцев окончательно разрушились.

Фридриху иногда приходили самые странные идеи в голову. Среди досуга и бездействия лагерной жизни ему пришло в голову, что сон есть ограничение жизни, потому что он останавливает ее деятельность. И вот он с несколькими товарищами, которых увлек своим парадоксом, вздумал воздерживаться от сна. Кофе служил противоядием против требований природы. Таким образом, он не спал четыре дня подряд и едва не поплатился за свои опыты тяжкой болезнью.

Прусский король в августе оставил войско, весьма недовольный дурным ведением войны. Дорогой он тяжко заболел и поспешил в Берлин. Фридриху был отдан приказ отвести прусские войска на зимние квартиры. Он поспешил исполнить приказание и в октябре прибыл к своему семейству.

Король не вставал с постели всю зиму. Фридриху предоставил он честь заниматься государственными делами и подписывать все бумаги вместо него.

Король выздоровел весной, но следы тяжкой болезни не были еще совсем истреблены. В ознаменование своих милостей, он в 1735 году произвел Фридриха в генерал-майоры.

Австрия между тем оказалась неблагодарной в отношении к Пруссии за оказанную ей помощь. Австрийский кабинет, забывая примерное благородство и искренность Фридриха Вильгельма, стал требовать, чтобы он выдал Австрии Станислава Лещинского, который после неудачи в Польше нашел себе убежище в прусской земле и был принят королем дружелюбно, Фридрих Вильгельм отказался наотрез.

Тогда Австрия, полагая, что не имеет более нужды в помощи Пруссии, вступила в мирные переговоры с Францией. Вследствие условий между обеими державами, Австрия отдала Станиславу Лотарингию с тем, чтобы по смерти его она перешла к Франции, а герцогу лотарингскому вместо того дали Тоскану. Франция за это, со своей стороны, обеспечивала по мере сил прагматическую санкцию императора.

При заключении мира о прусском короле и не подумали, его даже и не известили о переговорах. Но оскорбление дипломатических приличий было доведено австрийским кабинетом до высшей степени: в начале 1736 года император выдал старшую дочь свою Марию-Терезию за герцога Лотарингского — и об этом не дали знать Фридриху Вильгельму.

Негодование прусского короля против Австрии явно обнаружилось. Он и не скрывал своих мнений даже при австрийском посольстве. Однажды, после разных колких насмешек над действиями австрийского двора, он быстро встал и, опираясь на плечо Фридриха, сказал с воодушевлением: «Но, погодите — вот мой мститель!»

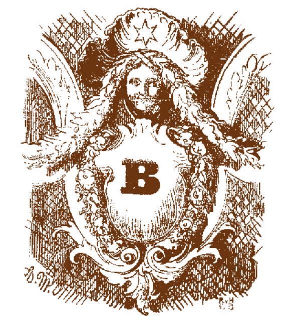
В начале 1739 года Австрия заключила с Францией трактат, по которому наследие Юлиха и Берга, из-за которого так хлопотал прусский король, должно было перейти к тогдашнему принцу Сульцбахскому.

Трактат этот был начертан австрийским кабинетом, который настаивал еще на том, чтобы Франция оружием обеспечила этот акт, в случае, если бы Пруссия объявила против него протест.

Глава XI. Жизнь в Рейнсберге

о время тяжкой болезни отца Фридрих не раз с сокрушением восклицал: «Боже мой! Я бы охотно отдал одну руку, чтобы продлить жизнь короля еще хоть на двадцать лет; если бы только и король дал мне полную свободу в жизни!»

Желание Фридриха исполнилось. Король, по выздоровлении, дал ему полную свободу жить где и как ему вздумается. Фридрих выбрал местопребыванием прелестный замок свой Рейнсберг. Здесь проводил он жизнь между друзьями, занимаясь в дни, свободные от службы, всеми любимыми своими предметами: живописью, музыкой, литературой.

Барон Бильфельд, один из его современников, который принадлежал к небольшому числу избранных посетителей Рейнсберга, оставил довольно верное описание этого очаровательного места. Вот оно:

«Замок Рейнсберг имеет прекрасное местоположение. Огромное озеро омывает его стены. Противоположный берег озера окаймлен

дубовым и осиновым лесом. За ним видны окрестные села и города. Прежде замок состоял из главного корпуса и флигеля с башней. Архитектор Кнобельсдорф, по приказанию и плану Фридриха, пристроил, в симметрию, еще флигель с башней. Обе башни соединены галереей, состоящей из двойной колоннады, так что весь замок получил вид четырехугольника. Вход украшен четырьмя статуями, держащими фонари. На двор ведет великолепный портал, с надписью:

Friderico tranquillitatem colenti.

Внутренность замка роскошна и отделана с большим вкусом. Везде блестит золоченая резьба и скульптура. Принц любит скромные цвета, поэтому все обои, гардины, мебель — светло-лиловые, светло-зеленые, небесного и телесного цвета. Зал, который должен быть украшением всего замка, еще не отделан окончательно. Его одевают в мрамор и украшают зеркалами и бронзой. Знаменитый Пен расписывает плафон. Сады Рейнсберга еще не очень разрослись, но расположение их грандиозно.

Все, живущие в замке, пользуются совершенной свободой. Они видят принца и супругу его только за столом, за игрой, на балах, концертах и других увеселениях, в которых им дозволено принимать участие. До обеда каждый занимается, чем хочет, в своей комнате. Потом все собираются в столовую, к общему столу. Все занятия принца обличают человека с душой. За столом он говорит много, умно и остро. На каждый предмет, о котором бы ни шла речь, находит он множество новых и оригинальных замечаний.

Остроумие его походит на вечный огонь Весты. Он любит противоречия и рад, когда с ним спорят. Он часто шутит и даже дразнит, но без всякого обидного намека, и сам первый смеется остроумному возражению на шутку.

Библиотека принца прелестна. Она помещается в одной из башен и окнами обращена в сад и на озеро. В шкафах со стеклами собрано небольшое количество лучших французских книг. Портрет Вольтера во весь рост есть единственное украшение библиотеки. Он — любимый писатель принца. Вообще Фридрих очень привержен ко всем нынешним прозаикам и поэтам Франции.

После обеда все собираются в боковом зале, около кофейного стола. Одна из дам, по очереди, разливает кофе. Тут шуткам и любезностям нет конца.

Вечер посвящен музыке. Обыкновенно принц составляет концерт и сам в нем играет на флейте. Он мастерски владеет этим инструментом: в игре его много чувства и вкуса. Он сам сочинил несколько сонат. На концерты эти приглашаются жители замка по выбору.

Фридрих отличается и в танцах. Он ловок и грациозен. Он любит все удовольствия, кроме охоты. Вот, как он о ней выражается:

— Это не удовольствие, а убийство души, потеря времени и столь же полезное занятие, как сметание пыли в камине.

Принцесса — идеал красоты, доброты и любезности. Ее кроткий и радушный нрав привязывает к ней все сердца.

Недавно у принца был прелестный бал, который скорее можно назвать маскарадом. Принц явился не в мундире, а в богатом шелковом кафтане и таком же камзоле, вышитых золотом. Весь его двор последовал его примеру. Многие оделись пастушками золотого века, а дамы — пастушками. Эта идиллия в лицах началась в саду, тотчас после обеда. Нельзя пересказать всех наслаждений этого вечера, где роскошь затмевалась простотой, а простота возвышалась необыкновенной свободой и вкусом. Замок здешний — настоящий храм чудес! Превосходный стол, чудесное вино, прелестные женщины, отличная музыка, упоительные праздники и все волшебство искусств и наук соединено здесь, чтобы обворожить человека и дать новую прелесть жизни».

Автор этих записок забыл упомянуть об одном из главнейших удовольствий замка Рейнсберга — о великолепных придворных спектаклях.

Спектакли эти составлялись из людей, окружавших принца и его придворных дам. Он сам принимал в них участие. На сцене ставились только произведения Расина и Вольтера. Принц играл в «Митридате» Расина главную роль, а в вольтеровом «Эдипе» — Филоктета. Тут показал он удивительный трагический талант, много воодушевления и чувства.

Сам замок в то время получил особенное поэтическое значение. Издревле велось предание, которое подтверждали многие антиквары, что настоящее название замка не Рейнсберг, а Ремусберг. По древним преданиям Ремус или Рем, брат Ромула, после основания Рима был изгнан своим братом, удалился на островок Ремус, находящийся посреди озера, и тут основал новое царство. Древние мраморные саркофаги, отрытые на острове, подали повод к такому предположению. При Фридрихе старинное сказание снова ожило: два итальянских монаха, вследствие найденной ими латинской летописи, явились на остров отыскивать могилу римского героя. Многие древности, найденные при этом на острове, придавали их предположению вид правдоподобия. Тогдашние

критики (такие же хитрецы, как и нынешние), зная, что это открытие доставляет удовольствие Фридриху, не пускались в слишком резкие опровержения этой басни — и замок стал называться Ремусбергом.

Фридрих до того увлекся поэтической стороной открытия, что начал даже близких к себе людей называть римскими именами. Так, например, Кейзерлинга он прозвал Цезарионом, Иордана — Тиндалом и т. д.

Поэтическое направление его духа еще больше обнаружилось в том, что он вздумал основать рыцарский орден, заключавший в себе всех близких и дальних друзей его.

Патроном ордена был избран Баярд, герой французской истории. Эмблему его составлял лавровый венок, на котором лежал меч с известным девизом Баярда:

«Без страха и упрека».

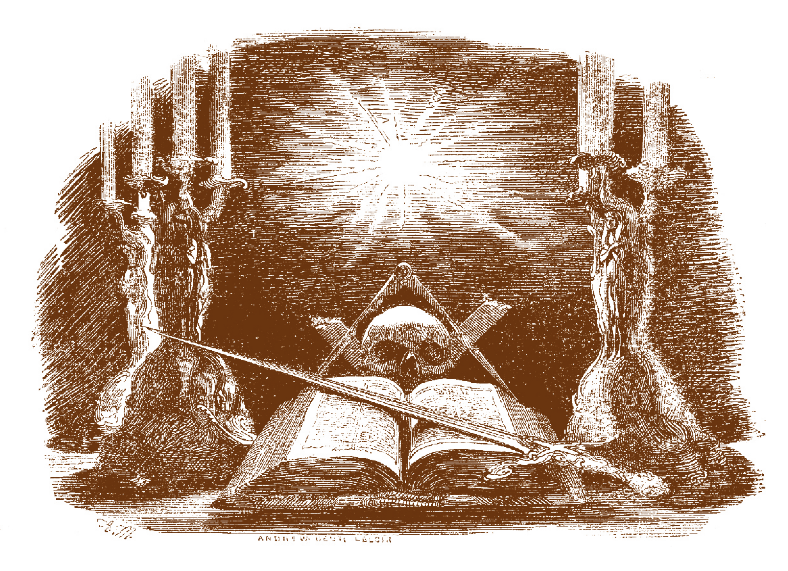
Гроссмейстером ордена был сделан Фуке, тот самый, который впоследствии, между героями Фридрихова царствования занял такое почетное место. Только двенадцать членов составляли орден. Обет их был: доблесть душевная, храбрость воинская и слава вождя. Рыцари носили кольца, в виде согнутого меча, с надписью:

«Да здравствует, кто не сдается!»

Члены ордена получили особенные прозвища: Фуке назывался *целомудренным*, Фридрих — *постоянным*, герцог Вильгельм Баварский — *золотым колчаном*.

То же поэтическое направление вместе с неизъяснимой любознательностью побудили Фридриха вступить в братство вольных каменщиков. Он был принят в 1738 году — с соблюдением всех таинственных обрядов общества.

Большую часть времени Фридрих посвящал занятиям серьезным и учению. Он старался пользоваться свободой своей теперешней жизни. Беспрестанно был он углублен в чтение творений классических писателей древности и, в особенности, историков.

Прочие науки его также интересовали, и он старался входить в переписку с известнейшими учеными того времени, с естествоиспытателями, богословами, философами и докторами. Чтобы ближе ознакомиться с политикой своего века и с военным искусством, он постоянно переписывался с Грумбковым и князем Леопольдом Ангальт-Дессауским.

Особенно его занимали главные философские идеи: общие права человечества, отношение конечного к бесконечному, временного к вечности, созданного к создателю, человека к Богу.

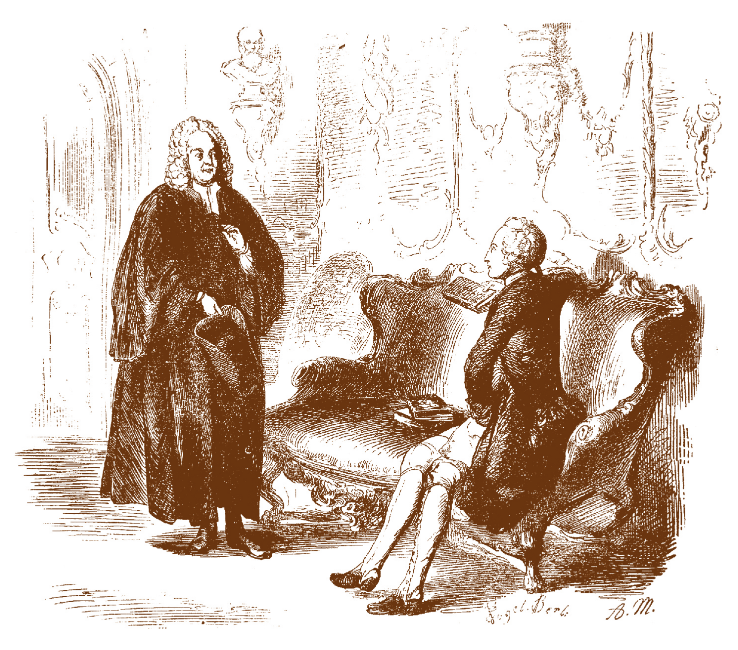
Для этого он заводил знакомство и связи с умнейшими проповедниками в Германии.

В 1736 году он слушал проповедь Бособра в Берлине, которая привела его в совершенный восторг. Он тотчас же пожелал сблизиться с Бособром и пригласил его к себе. Беседа с почтенным старцем очень увлекла его.

При прощании он обещал проповеднику взять его старшего сына к себе на воспитание. Вскоре потом Бособр умер, и Фридрих свято сдержал данное слово.

Что казалось ему непонятным в богословии, Фридрих старался пояснить себе нравственной философией. В то время первое место между мыслителями занимал Вольф, выгнанный

Фридрихом Вильгельмом из Галле. Друзья указали Фридриху на Вольфа. Он велел перевести на французский язык его «Логику», «Нравственную философию» и «Метафизику».

Из этих-то источников получило направление его духовное бытие, которое впоследствии постоянно оставалось верным первым убеждениям.

Но природа создала Фридриха для деятельности политической, и потому он скоро должен был оставить для нее поприще своих философских исследований. Однако все его сочинения, не исторического содержания, трактуют о предметах исключительно философских.

Особенную привязанность Фридриха приобрел человек, который тогда стал во главе французских мыслителей и необычайной энергией и силой души своей разливал новый свет над Европой: это был Вольтер.

Великое влияние Вольтера на современные умы, конечно, покоилось не на глубине знания, и еще менее на пламени вдохновения. Он купил себе первенство в ученом мире беспре-

рывной борьбой с идеями века, которые побеждал оружием мысли или насмешки. Он зажег факел истины и здравого смысла в темном царстве предрассудков и заблуждений; он выигрывал гибкостью своего ума и таланта, который с равной силой проявлялся во всех областях наук, искусств и беллетристики. Он сумел приблизить новые свои идеи к понятиям толпы, облекал их в остроумие и всю роскошь колорита, которая требовалась духом времени.

Все, что он писал, носило на себе печать практической жизни.

Фридрих с восхищением читал творения Вольтера. Наконец, в 1736 году он письменно обратился к сорокатрехлетнему автору с предложением своей царской дружбы. Между ними завязалась переписка, которая продолжалась сорок два года, до самой смерти Вольтера.

Фридрих слепо был предан Вольтеру. О портрете его, который висел у него в библиотеке над письменным столом, он говорил: «Эта картина, как Мемноново изображение, звучит под блеском солнца и оживляет дух того, кто только на нее взглянет».

Фридрих намеревался сделать роскошное издание «Генриады» Вольтера и украсить ее картинками Кнобельсдорфа. Но намерение его не исполнилось.

— Одна мысль «Генриады», — говорил он, — стоит целой «Илиады» Гомера.

Вот до чего доходило его пристрастие к Фернейскому философу.

Фридрих отправил Кнобельсдорфа посланником к Вольтеру, для поднесения ему своего портрета. Вольтер взамен прислал ему некоторые свои сочинения, которые не дерзал еще выпустить в свет.

Фридрих сохранял рукописи, как величайшую драгоценность, и называл их своим золотым руном.

Время, прожитое Фридрихом в Рейнсберге, было, так сказать, временем его приготовления к высокому призванию.

Кроме мелких стихотворений, написанных им в эту эпоху, особенно замечательны два рассуждения: «Взгляд на настоящее состояние государственной системы в Европе» и «Антимакиавеллизм».

В первом Фридрих рассматривает критическое положение Европы, вследствие союза Франции с Австрией. Он показывает, какие важные последствия должны произойти от стремления Франции к расширению своих пределов, и Австрии — к преобладанию над Германией, если другие державы не будут развивать новых сил для соблюдения политического равновесия. Он заключает трактат свой выводом, что слабость государей происходит только от незнания собственных сил и средств и от ложной мысли, что народы существуют для них, а не они для народов. Этому убеждению сам Фридрих остался верным до последней своей минуты. Фридрих хотел напечатать свое рассуждение в Англии, но потом раздумал, и оно явилось в свет в полном собрании его сочинений, изданном через несколько лет после его смерти.

Другое рассуждение, труд более обширного объема, написал Фридрих в 1739 году. Оно известно под именем «Антимакиавеллизм» и составляет опровержение книги «О государе», написанной в начале XVI столетия знаменитым флорен-

тийским историком Николаем Макиавелли. Книга «О государе» — образцовое произведение, если принять в соображение тогдашние отношения. Она заключает в себе соображения, каким образом достигнуть и утвердить единодержавие в государстве (во Флоренции того времени). Фридрих рассматривал эту книгу, как учение о деспотизме. Он почитал Макиавелли самым вероломным советником государей, клеветником их прав, тайным противником их обязанностей. Следуя за флорентийским писателем шаг за шагом, он с воодушевлением доказывает, что не деспотические и преступные действия, а добродетель, справедливость и милосердие должны быть главными орудиями государей, и через них только правитель может стяжать доверенность, любовь народа и прочное счастье на престоле. Это рассуждение имеет то же основание, как и первое, а именно, что государя должно рассматривать как верного попечителя и защитника прав народов, ему вверенных Провидением. В его рассуждении читатель мог ясно видеть беспристрастную, историческо-ученую оценку творения Макиавелли, которое сочинитель оспаривал не только в частностях, но и в общем объеме.

Как мнение наследника сильной державы, готовящегося вступить на престол, рассуждение Фридриха возбудило всеобщее внимание. Рассуждение его вышло в свет без имени автора, в Голландии, где он велел напечатать свою книгу под надзором Вольтера, но автор скоро был открыт, и все любопытствовали узнать, будут ли слова Фридриха согласовываться с его деяниями.

Глава XII. Смерть Фридриха Вильгельма I

чень часто Фридрих должен был отлучаться из Рейнсберга или по делам службы, или по требованию короля. Кроме того, он часто объезжал отдаленные провинции государства, чтобы покороче ознакомиться с их состоянием и управлением.

Фридрих употреблял все меры, чтобы заслужить милость короля точным исполнением своих воинских и государственных обязанностей. Он заботился о том, чтобы его полк на ежегодных смотрах и маневрах был одним из лучших и опытнейших. Такое усердие невольно отстраняло все неудовольствия, которые король все еще по временам обнаруживал к Фридриху за его наклонность к ученым занятиям. Фридрих употреблял также все средства для вербовки в рекруты людей самого большого роста и красивой наружности и помещал их в полк, шефом которого был сам король.

В характере короля Фридриха Вильгельма произошла также значительная перемена в последние годы его жизни. Видя

успехи Фридриха и общее уважение к его познаниям, король начал смотреть на искусства и науки, как на предметы не столь бесполезные в государстве и понемногу даже убеждался, что они необходимы для нравственного совершенствования народа и государя.

«Важную, утешительную новость могу я тебе сообщить, — так писал Фридрих к одному из близких себе людей. — Король, отец мой, ежедневно по три часа читает философию Вольфа! Слава Богу! Наконец достигли мы торжества разума». В последнее время своей жизни Фридрих Вильгельм усердно желал исправить прежние свои заблуждения, ему хотелось снова привлечь в Пруссию изгнанных им ученых и философов. Но этого сделать он не успел. Торжество мысли и просвещения было предназначено царствованию его преемника.

Величайшее благоговение к народолюбивому чувству своего отца ощутил Фридрих, сопутствуя ему в 1739 году в путешествии по Пруссии. Он был свидетелем благословений, которыми осыпала короля целая провинция, населенная зальцбургскими изгнанниками. Вот что писал он по этому случаю из Литвы к Вольтеру:

«Мы прибыли в страну, которая, по моему мнению, есть Nec plus ultra образованного мира. Эта малоизвестная в Европе провинция — новое создание короля, моего отца. Она была опустошена чумой; двенадцать или пятнадцать опустелых городов и от четырех до пяти сот необитаемых деревень представляли печальное зрелище. Король не щадил издержек для осуществления своих благотворных видов. Он построил вновь города, учредил превосходные заведения, созвал со всех сторон Европы несколько тысяч семейств. Теперь поля обработаны, страна населена, торговля процвела, всюду изобилие и счастье — пустыня стала плодоноснейшей провинцией целой Германии. И все это дело короля, который не только приказывал, но сам был главным лицом при исполнении, сам начертал планы и привел их в действие, не щадил трудов, поощрений, огромных сумм и наград для того, чтобы упрочить благосостояние полумиллиона мыслящих существ, обязанных ему своим довольством и счастьем. Я нахожу в этом великодушном подвиге, в этом превращении пустыни в населенную, плодоносную и счастливую страну нечто героическое, и надеюсь, что вы разделите мое мнение».

Путешествие по Пруссии доставило кронпринцу особенный и вовсе неожиданный знак отеческой милости. Король подарил ему свои богатые конные заводы, приносившие ежегодного дохода от десяти до двенадцати тысяч талеров. Фридрих тем менее мог этого ожидать, что король незадолго до того снова был к нему суров и несколько раз не совсем кротко выражал свои чувства. Подарок короля был для него весьма важен, потому что обыкновенного его дохода далеко не доставало на его издержки, и он был вынужден делать значительные займы за границей.

С этих пор между отцом и сыном совершенно водворилось согласие, возраставшее с каждым днем. Фридрих Вильгельм мог с полной доверенностью передать в руки сына судьбу своих подданных. Давнишний его недуг возобновился с большей силой и превратился в опасную водяную болезнь с самыми тяжелыми признаками. Всю зиму король тяжко страдал. Фридрих большую часть этой зимы провел возле него. О нежном соболезновании сына свидетельствуют его письма.

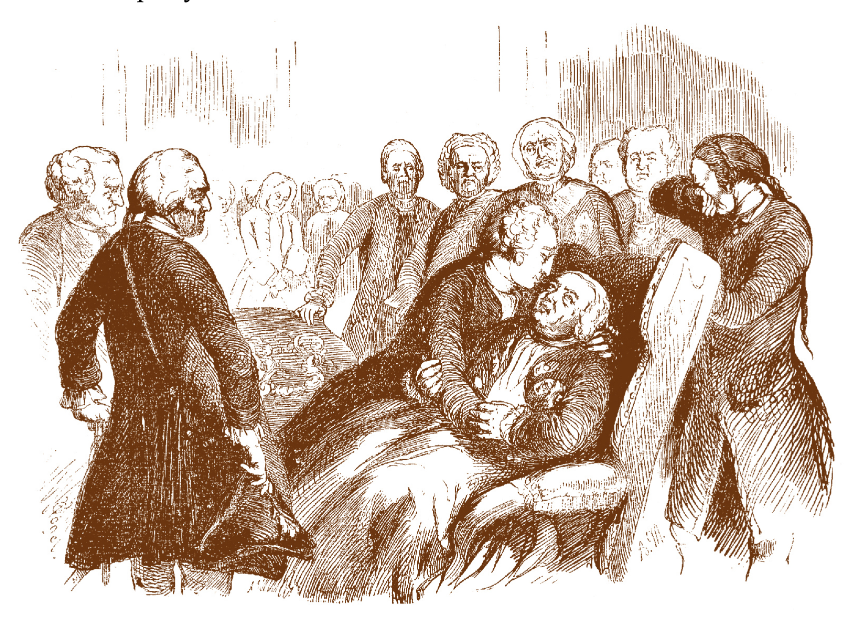
Весной, когда положение короля, казалось, несколько облегчилось, Фридрих отправился в Рейнсберг. Вскоре прибыл туда курьер с известием о весьма опасном положении здоровья его величества. Фридрих поспешил в Потсдам, где король жил во все время болезни. Жизненная сила отца еще раз вспыхнула. Фридрих нашел его на площади, подле дворца, сидящим в подвижном кресле, на котором его возили, потому что ноги давно уже отказывались служить ему. Он смотрел на закладку одного соседского дома. Едва увидел он издали сына, как простер к нему объятия, в которые принц бросился со слезами. В таком положении оставались они долго, не говоря ни слова. Наконец король прервал молчание. «Хотя я всегда был к тебе строг, — сказал он, — но вместе с тем постоянно любил тебя со всей горячностью отцовского сердца; за то Бог дал мне сладкую минуту еще раз увидеться с тобой». Потом он приказал перенести себя в комнату и в продолжение целого часа наедине беседовал с сыном, отдавая ему с редкой твердостью отчет о всех внутренних и внешних делах своих.

На другой день кронпринц и многие высшие сановники находились при короле. Он, обращаясь к ним, сказал:

— Не правда ли, Господь ко мне очень милостив — он даровал мне достойного и благородного преемника!

Фридрих встал и с жаром поцеловал руку отца, который привлек его к себе на грудь, долго держал крепко в объятиях и воскликнул:

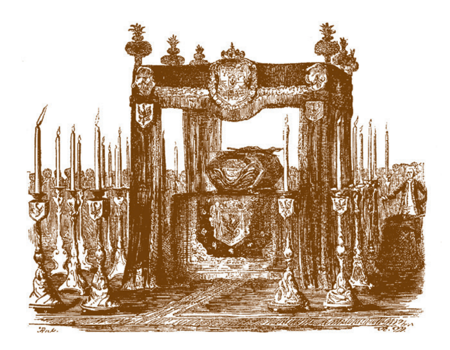
— Боже! Умираю спокойно. Сын мой не посрамит любви моей к народу!

Несколько дней спустя король велел созвать рано утром в приемную всю свою свиту, министров и всех штаб-офицеров своего полка. Его вынесли в зал в подвижном кресле. Он был покрыт плащом и до того слаб, что едва мог внятно говорить. Он приказал сыну стать возле себя и, взяв его за руку, дал знак, чтобы дежурный офицер прочел бумагу, заранее приготовленную. Она заключала в себе последнюю его волю. Он торжественно передавал королевство и полк свой наследному принцу, убеждая подданных быть столь же верными его сыну, как они были ему. Напряжение сил, однако же, так истощило его, что он тотчас же после того велел перенести себя в кабинет и лег в постель. За ним последовали кронпринц

и королева. С необыкновенным мужеством перенес он последние, предсмертные страдания, вскоре начавшиеся, и среди тихой молитвы испустил дух. Это было 31 мая 1740 года.

Перед кончиной король дал приказание похоронить его как можно проще. Фридрих, однако, не исполнил его волю: он велел составить пышную погребальную процессию. Принц боялся, чтобы народ, которому неизвестна была последняя воля короля, не приписал отсутствие обычной церемонии неуважению, основанному на прежних его неприятностях с отцом. Фридрих сам при описании жизни своего отца говорит с благородной сыновней любовью об этих неприятностях. Домашние огорчения этого великого государя мы прейдем молчанием — надо быть снисходительным к погрешностям детей, из уважения к доблестям их отца.

КНИГА ВТОРАЯ.
СЛАВА.
E. Kretzschmar. sc.

Книга вторая. Слава

Глава XIII. Начало царствования Фридриха

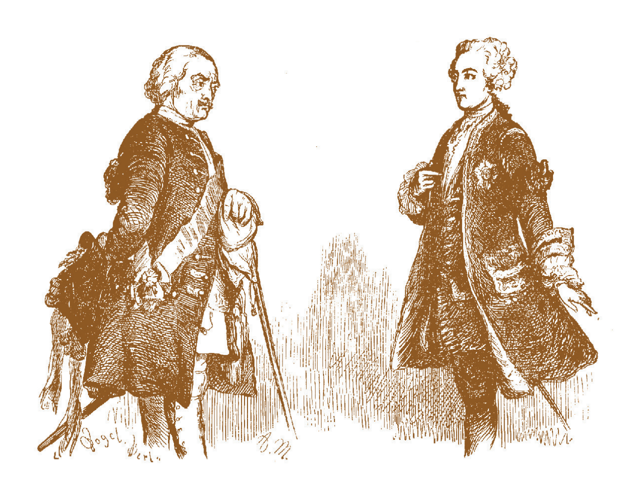
ридрих был глубоко огорчен смертью своего отца. Он чувствовал к покойному какое-то благоговейное чувство, вполне сознавая, что Фридрих Вильгельм своими неусыпными трудами на пользу и славу Пруссии приготовил ему прочное и блистательное поприще. Он решился принести ему дань истинного уважения, следуя с неутомимой силой по стопам покойного, управляя по данному образцу механизмом государства, искусно устроенным, и прибавляя новое только там, где его светлый взгляд видел необходимость преобразования. С неутомимым усердием, подавляя свою скорбь, предался он вполне высокому

призванию, и уже в первые дни его царствования было возвещено народу, что он желает сохранить прежний порядок и какие нововведения почитает совершенно необходимыми.

Такое вступление юного короля готовило одним неприятные, другим радостные последствия. Предполагали значительные перемены в учреждении государственном, думали, что люди, окружавшие близко Фридриха Вильгельма, имевшие на него влияние, теперь заменятся другими и будут занимать не столь блестящие места. Но Фридрих не хотел нанести оскорбления истинной заслуге и забывал даже свои прежние личные отношения — для общей пользы. Так, рассказывают о старом полководце, принце Леопольде Дессауском, который прежде принадлежал к австрийской партии, что он с печальным лицом и со слезами на глазах представился Фридриху, говорил ему речь и просил оставить его и сыновей при прежних должностях в армии. Фридрих на это отвечал, что он нисколько не устраняет его от занимаемых им мест, надеясь, что принц будет служить ему столь же верно, как отцу его, но прибавил: «Что же касается до влияния и силы, то в мое царствование никто, кроме меня и закона, не будет иметь силы и влияния на народ». Еще более изумились, когда Фридрих прежнего министра финансов фон Бодена, которого обвиняли в пристрастии и лихоимстве, и к которому он прежде сам не благоволил, но которого способности умел ценить, не только оставил при прежней должности, но еще подарил ему великолепный, вновь выстроенный дом.

Другие, напротив, ошиблись в своих блестящих надеждах, основанных на прежних связях с кронпринцем. Так, подвергся строгому выговору короля заслуженный генерал-лейтенант фон дер Шуленбург, когда он без позволения оставил свой полк, чтобы лично принести Фридриху поздравления с восшествием его на престол. То же было со многими другими искателями счастья. Поздравительные стихотворения, которые отовсюду присылались к королю, плохо вознаграждали труд стихотворцев. Некоторые из прежних его любимцев узнали на опыте, что они неверно судили о его характере. Один из них поспешил отправить к приятелю своему в Париж приглашение, в котором

уверял, что он теперь найдет Эльдорадо в Берлине, и что они смогут вести самую веселую жизнь в обществе Фридриха. По несчастью, Фридрих вошел незаметно в комнату сочинителя и, стоя позади его, прочел письмо. Он взял его, из рук писавшего, разорвал и сказал с важным видом: «Шуткам теперь конец!»

Напротив, те из друзей Фридриха, которых истинная преданность, заслуги и способности были испытаны, видели перед собой почетное поприще: Фридрих умел каждому из них назначить такое место, на котором он, сообразно своим способностям, мог содействовать благу государства. Пострадавшие прежде за него невинно нашли теперь полное вознаграждение. Отец несчастного Катте был пожалован в фельдмаршалы и графы, все прочие родственники Катте взысканы были особенной милостью короля. Верный Дюган был возвращен из заточения, и Фридрих дал ему возможность спокойно провести остаток дней. Также возвратился в Берлин Кит и был пожалован шталмейстером и капитаном армии. Камер-президент фон Мюнхов, который много пострадал во время пребывания Фридриха в Кюстрине, был теперь вместе с сыновьями щедро осыпан разными милостями.

Матери своей он оказывал до самой ее смерти истинно сыновнее почтение. Когда она, по смерти короля, приветствовала

его словами «ваше величество», он, прервав ее, сказал: «Называйте меня всегда вашим сыном, это имя для меня дороже королевского титула». С таким же высоким уважением встретил он свою супругу. В Пруссии распространился слух, что он хотел развестись с ней и вступить в новый брак, по причине ее бесплодия. Но Фридрих и не думал о разводе. Напротив, рассказывают, что по вступлении на престол он тотчас же представил ее двору. «Вот ваша королева!» — сказал он и в присутствии всех обнял ее с нежностью и поцеловал. Однако, вскоре они стали жить порознь и виделись только при торжественных случаях. Нежная женская кротость, составлявшая внутреннюю жизнь этой редкой женщины, не согласовалась с остротой ума и пылким характером Фридриха. Но он поставил себе в обязанность оказывать ей все почести, как царствующей королеве и строго наблюдал за этикетом, требуя, чтобы придворные и послы других держав воздавали ей должную дань уважения. За это до самой смерти его она питала к нему преданность и принимала самое искреннее участие во всем до него касавшемся.

Когда вскоре по вступлении на престол государственные чины, министры и генералы представились во дворец, для принесения присяги, Фридрих объяснил им свои намерения касательно нового правления. «Хотя мы (так говорил он им) весьма благодарны вам за верную службу вселюбезнейшему нашему родителю, но мы не желаем, чтобы впредь для обогащения нашего угнетался беднейший класс наших подданных. Ныне мы обязываем вас заботиться о благе государства с такой же ревностью, как о собственном нашем, тем более, что мы не полагаем никакого различия между собственными нашими и государственными выгодами. Требую даже, чтобы вы всегда отдавали преимущество государственным выгодам перед личной пользой короля».

Эту любовь к народу, редкую в государях того времени, питал Фридрих во все время своего царствования и тем привязал к себе народ неразрывными узами. Зима, предшествовавшая смерти короля, была постоянно холодная и продолжалась более полугода, последствия были ужасные: неурожай, всеобщая дороговизна, а во многих местах даже голод. Но голос бедствия скоро достиг до слуха Фридриха. На другой же день после вступления своего на царство он велел открыть все казенные, запасные амбары и продавать хлеб по весьма дешевым ценам. Где не доставало запасов, туда отправлены были значительные суммы для немедленной закупки хлеба за границей.

Равным образом приказано было королевским лесничим продавать по низкой цене добываемых в лесах зверей и птиц. Многие налоги на жизненные припасы были на некоторое время совсем уничтожены. Наконец, крайне нуждающимся розданы были более или менее значительные суммы, оставшиеся от сбережения в государственном хозяйстве. Радостный крик признательного народа приветствовал юного короля везде, где он только появлялся. Уже в первые дни своего царствования Фридрих ревностно обдумывал средства возвысить благоденствие своих подданных. Для улучшения и умножения мануфактур были приняты им весьма деятельные меры; искусным мастерам, желавшим переселиться из-за границы в прусские владения, были предоставлены важные выгоды.

Не менее того Фридрих, очень ясно постиг необходимость охранения разбросанных владений прусского государства сильным войском и важные выгоды, могущие оттого последовать для его управления, при перемене политических обстоятельств. Как мало сначала, казалось, природные его склонности согласовались со строгостью военной службы, столь же ревностно стал он заниматься ей теперь. Всякое излишество и роскошь в военном быту были им отменены совершенно. Таков был именно случай со знаменитой *гвардией великанов*, которую содержал покойный король в Потсдаме для своего собственного удовольствия. Притом рассказывают, что сам Фридрих Вильгельм, незадолго до смерти, поставил на вид своему сыну огромные суммы, отпускаемые на содержание этого войска, и что он советовал распустить его. Гвардия эта явилась в последний раз 22 июня, при похоронной церемонии своего учредителя; вскоре затем она была раскассирована по полевым, полкам. Это доставило Фридриху средство умножить свою армию в несколько недель более, нежели десятью тысячами человек.

Впрочем, отнимая блеск у мундиров, он заботился об украшении почетных полковых знаков. На всех знаменах и штандартах появился прусский Черный Орел с мечом и скипетром в когтях и с надписью «за славу и отечество» (Pro gloria et Patria).

Существеннейшие перемены, произведенные Фридрихом, касались развития тех жизненных потребностей, которые у его отца ускользнули из виду. Фридрих Вильгельм обращал внимание только на материальное благо своего государства; духовная его жизнь была в оковах. Фридрих дал свободу мысли и тем приобрел для государственной силы подпору, гораздо могущественнейшую меча и огнестрельного оружия. Открытое мнение при его отце не было дозволено; публичные ведомости, сначала совсем запрещенные, были допущены впоследствии, но при самых стеснительных ограничениях. Фридрих тотчас же по вступлении на престол разрешил издание двух газет, которые вскоре приобрели значительный вес, и для которых он сам иногда писал отдельные статьи. Он положил основание Академии наук и вызвал в Берлин знаменитых ученых из разных стран. В особенности Фридриху хотелось заманить опять в Берлин философа Вольфа. Для этого он написал пастору Рейнбеку, поручая ему это дело. Вот подлинные слова его письма:

> «Человек, ищущий и любящий истину, дорог каждому гражданскому обществу; я полагаю, что почтенный Рейнбек сделает завоевание для области истины, если ему удастся склонить Вольфа на отъезд в Пруссию».

Вольф исполнил желание высокого своего ученика и приехал в Галле, где ученый факультет торжественно его принял. Вскоре за тем последовало королевское повеление, по которому из природных подданных только учившиеся два года в одном из прусских университетов могли поступать на государственную службу. Общество вольных каменщиков (масонов) было дозволено всенародно, и сам Фридрих принял звание магистра в одной из значительнейших масонских лож.

От такого направления духа короля, наконец, свободно развились и образовались и другие отрасли государственного быта. Веротерпимость была одним из важнейших законоположений,

которыми Фридрих начал свое царствование: он неутомимо противодействовал прежним злоупотреблениям или одностороннему ограничению. Другим законом было постановлено открытое, согласное с разумом, судопроизводство. Но чтобы ввести его в употребление, необходимо было, сперва составить искусное и обдуманное предначертание. Сначала последовали некоторые постановления, цель которых была ознакомить только с духом нового правления, а потом, постепенно, появлялись и сами узаконения. Первым указом Фридриха была уничтожена унизительная для человечества судебная пытка. Прочие государства последовали его примеру гораздо позднее.

Все учреждения такого рода, сделанные в первые месяцы царствования Фридриха, были его собственным трудом — министры только исполняли его приказания. Чрезвычайной деятельностью, строгим разделением времени делал он возможным то, что доселе было неслыханно, он сам лично за всем наблюдал, все сам испытывал и всему давал должное направление. И за всем тем он умел находить еще время и посвящать несколько свободных часов искусствам, музыке и поэзии; но эти упражнения служили ему только отдыхом, в котором душа его черпала новые силы для своей неутомимой деятельности.

В середине июля отправился Фридрих в Кенигсберг для принятия присяги от прусских чинов. Там возложил на себя дед его королевско-прусскую корону. Фридрих Вильгельм отвергнул этот внешний обряд, и Фридрих не признал нужным вводить его снова. Коронование происходило 20 июля.

Впрочем, Фридрих был доволен своим пребыванием в Кенигсберге. Проповедь, говоренная при короновании придворным проповедником Квандтом, заслужила особенное его одобрение; он всегда слушал Квандта с наслаждением, и впоследствии, в одном сочинении о немецкой литературе, упоминает о нем, как о превосходнейшем ораторе Германии. Особенное удовольствие доставила ему процессия кенигсбергских студентов с факелами и с музыкой; в благодарность он велел учредить для них богатую гостиницу. Он также остался доволен смотром войска, в Кенигсберге расположенного. Эти

дни ознаменовал он многими благодеяниями для города и целой провинции, оправдав на деле слова выбитых по случаю его коронования медалей — «Счастье народа».

По возвращении Фридриха из прусской провинции последовало в Берлине, 2 августа, принятие присяги от курмаркских чинов. Когда Фридрих, по окончании церемонии, вышел на дворцовый балкон, народ приветствовал его громким криком: «Да здравствует король!» Против обыкновения и этикета оставался он полчаса на балконе, устремив твердый, внимательный взор на бесчисленную толпу, собравшуюся перед дворцом: он, казалось, забылся в глубоком раздумье. На розданных в Берлине медалях была надпись «Во имя истины и правосудия».

Спустя короткое время Фридрих снова оставил Берлин для коронования в принадлежащих государству вестфальских провинциях. Прежде посетил он старшую свою сестру, маркграфиню Байрейтскую, в ее столице. Отсюда, после быстрого переезда, появился он в Страсбурге, ему хотелось хоть однажды быть на почве Франции и видеть тамошнее войско. Чтобы

его не узнали, он принял имя графа фон Фура и взял с собой небольшую свиту; с ним были только две кареты.

По прибытии в Страсбург Фридрих велел немедленно изготовить себе французское платье, по последнему вкусу, чтобы совершенно походить на француза.

В одном кофейном доме познакомился он с французскими офицерами, которых пригласил к себе на ужин. Роскошное угощение, приятность его беседы привели в восхищение гостей, но тщетно старались они узнать настоящее имя и звание своего хозяина. На другой день Фридрих был на параде. Здесь узнал его один солдат, находившийся прежде на прусской службе; немедленно дали знать губернатору, маршалу Броглио, и Фридрих не мог отстранить почестей, должных его сану. Скоро весть распространилась по целому городу; народ был в восторге, что видит посреди себя юного короля, слава которого пронеслась по свету еще до вступления его на престол. Портной, сделавший новое платье, не хотел брать денег, довольствуясь честью, что работал на прусского короля. Вечером город был иллюминован; повсюду раздавался громкий клик «да здравствует король прусский!»

Из Страсбурга поехал Фридрих по Рейну в Везель. На этот раз путешествие по Рейну было сопряжено не с таким неприятным чувством, как за десять лет, когда Фридриха везли под строгим караулом, как позорного преступника. Но во время дороги он заболел продолжительной лихорадкой. Она была причиной, что Фридрих не поехал, как намеревался, в Брабант, посетить Вольтера, в то время там жившего. Но для самолюбивого Вольтера достаточно было одного желания короля, и он поспешил сам явиться к своему высокому почитателю в замок Мойланд, близ Клеве. Фридрих сожалел, что не мог достойным образом встретить знаменитого писателя, по причине своей болезни, но личным знакомством с Вольтером был столь же восхищен, как прежде его произведениями.

«Вольтер красноречив, — писал Фридрих вскоре после того к Иордану, — как Цицерон, приятен, как Плиний, умен как Агриппа; одним словом — он соединяет в себе все доблести и

дарования трех величайших умов древности. Его дух работает непрестанно, каждая капля чернил под его пером превращается в остроумную мысль. Он читал нам превосходную свою трагедию «Магомет»; мы были от нее в восхищении, я только удивлялся и молчал. Ты найдешь меня, по возвращении, весьма болтливым; но вспомни, что я видел два предмета, лежавшие у меня всегда на сердце: Вольтера и знаменитые французские войска».

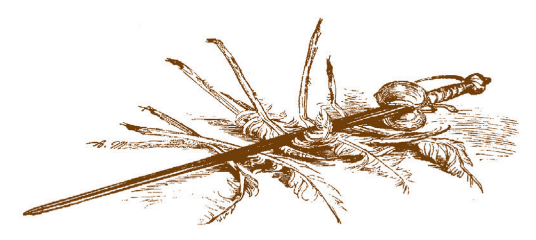
На обратном пути присутствовал Фридрих в Зальцдалуме на бракосочетании своего брата, принца Августа Вильгельма, с сестрой своей супруги, брауншвейгской принцессой Луизой-Амалией.

Поездка в Вестфалию для коронования подала повод к политической демонстрации, ясно обнаружившей его характер в делах политики. Не прошло еще трех недель его царствования, как последовал другой подобный случай. Курфюрст Майнцский, по участию в наследстве после ландграфа Гессен-Кассельского и графа Ганауского, родственника Бранденбургского дома, объявил неосновательные притязания на некоторые владения в Ганау. Фридрих послал 19 июня к курфюрсту серьезное увещание, прося его оставить свои притязания и не нарушать государственного спокойствия. Вследствие того курфюрст удалился со своими войсками.

Важнее было второе событие. Пруссия, по наследству, получила во владение княжество Герсталь на Маасе, в округе епископства Литтихского. Герсталь в царствование короля Фридриха Вильгельма возмутился и был принят под защиту епископом Литтихским, которому сильно хотелось овладеть им совершенно. Фридрих Вильгельм тщетно старался направить дело на добрый путь. Теперь Герсталь, находившийся все еще под защитой епископа, не хотел присягнуть Фридриху. Фридрих послал из Везеля одного из высших своих сановников к епископу и велел настоятельно потребовать от него определительного объяснения его поступков и объявить ему в то же время о последствиях, которым он может подвергнуться. Епископ не дал объяснения, и 16 000 человек прусского войска вступили в область епископа. Испуганный епископ обратился

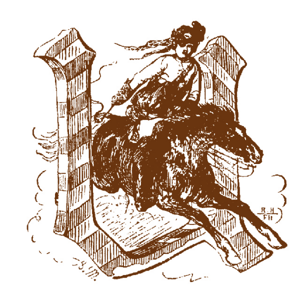
ко всем соседним владетелям и даже к императору, с просьбой о защите. Император написал к Фридриху письмо, в котором называл поступок его самоуправством и приказывал ему войти с жалобой в имперский сейм. Но Фридрих, зная хорошо, как мало выиграет своей жалобой, оправдывался на бумаге, а войска своего не выводил. Затем епископ прибегнул к переговорам с Фридрихом, и 20 октября последовал договор, по которому Фридрих уступил епископу княжество Герсталь за значительную сумму денег. Вероятно, отдаленность Герсталя от прочих его владений склонила его к уступке.

Так прошли первые пять месяцев царствования Фридриха. Свободная, самостоятельная сила, с которой он за все принимался, была его современникам столь чуждой, необыкновенной, что они не могли объяснить себе всего величия такого явления. Но наступила пора его блестящего поприща, и тогда образ его действий сделался ясным даже и для близорукого глаза.

Глава XIV. Начало первой Силезской войны

стинное наслаждение обещала первая осень царствования Фридриха двору и жителям Берлина. Вольтер, по приглашению Фридриха, прибыл в столицу Пруссии. Король мог теперь беседовать с ним с большей свободой, чем при первом беглом свидании.

Кроме Вольтера собралось около Фридриха еще несколько ученых и остроумных людей. Прибыли также в гости обе его сестры маркграфини Байрейтская и Аншпахская. Литературные вечера, концерты, празднества предвещали, по-видимому, длинный ряд удовольствий.

Между тем прибыл курьер с известием, что император Карл VI умер 26 октября 1740 г. Фридрих в то время был в Рейнсберге, где хотел успокоиться от возобновившихся лихорадочных припадков.

«Теперь наступило время, — писал он Вольтеру, — когда старой политической системе должно дать совершенно новое направление; оторвался камень, который скатится на

многоцветный истукан Навуходоносора и сокрушит его до самого основания».

Истукан, о котором писал Фридрих, приснился некогда царю Навуходоносору, и сновидение это было истолковано пророком Даниилом. Истукан был изваян из драгоценных металлов, а ноги его были из смеси железа с глиной, так что он не мог устоять от малейшего потрясения. Такого же свойства были австрийские владения. Это огромное государство не имело внутренней силы; несчастливо веденная в последнее время война с Турцией истощила и последние вспомогательные средства. Принц Евгений, бывший долгое время опорой государства, умер, и место его некому было занять. Карл VI всю жизнь свою домогался получить согласие европейских государств на то, чтобы передать престол дочери своей Марии-Терезии; совет Евгения, лучше обеспечить прагматическую санкцию войском в 180 000 человек, чем шаткой надеждой на обещания, остался без внимания. Напротив того, Пруссия стремилась вперед с юношеской силой. Хоть и часто издевались над королем Фридрихом Вильгельмом, что он употреблял чрезмерные издержки на войско, которое между тем почти совсем не бывало в деле, но войско это пользовалось миром, чтобы укрепиться, приобретало опытность и теперь стояло выше всех европейских армий. В то же время области Пруссии были в цветущем состоянии, доходы значительны, долги не обременяли государства, в королевском казнохранилище было в наличности около девяти миллионов талеров. С такими средствами сильный, мужественный дух Фридриха мог действовать самостоятельно и заставить признать свое величие и внутреннее призвание.

Австрия уже несколько столетий была более, нежели в двусмысленном положении относительно бранденбургско-прусского государства. Отношения ее к Фридриху Вильгельму известны: права его на Юлих и Берг были тогда же признаны императором, а другие претенденты устранены. Теперь Фридрих, опираясь на свою военную силу, мог бы снова предъявить эти права, но он ясно видел опасность, которой при этом мог подвергнуться: ему надлежало бы бороться со многими противниками и оставить целое государство без войск, направив всю силу на один отдаленный пункт. Несравненно важнее были

другие притязания, на которые Фридрих имел права, и которые, при тогдашних обстоятельствах, казалось, поставили бы ему более верное приобретение, а государству значительные выгоды. В Силезии, в разные времена, достались по наследству его предкам многие княжества — Егерндорф, Лигниц, Бриг и Волау, но венский кабинет всегда удерживал их незаконно за собой. Обстоятельство это и прежде подавало повод к спорам. Наконец, при великом курфюрсте, когда нуждались в его помощи против Турции, австрийский двор оказал мнимую уступку, предоставив Бранденбургу взамен тех княжеств Швибузский округ, составлявший несравненно меньшую часть; но прежде того разными происками склонили сына курфюрста к тайному обещанию, по вступлении своем на престол, снова возвратить округ Австрии. Когда сын, тогдашний король Фридрих I, вступил на царство и сообщил министрам свое тайное обещание, то глазам его открылись происки императорского двора. Будучи обязан сдержать свое обещание, он выполнил его с тем условием, что предоставляет своим потомкам возвратить принадлежащее им по праву в Силезии.

«Если Богу угодно, — так говорил он, — чтобы обстоятельства Бранденбурга и впредь были таковы, как теперь, то мы должны быть довольны; если же суждено иначе, то потомки мои сами увидят, что им должно предпринять».

Фридрих, действительно, знал, что ему делать. Живой порыв юного короля к славным подвигам нашел себе достойную цель; бесконечное продолжение государственной тяжбы не могло довести его до желаемой цели, и он решился воспользоваться благоприятным обстоятельством и права свои заменить силой.

Фридриху не нужно было продолжительных приготовлений, чтобы поставить войско на военную ногу. Хотя он сообщил свой план только немногим доверенным лицам, но необыкновенные движения, снаряжение войска, усиление артиллерии, учреждение магазинов и т. п. возвестили всем, что предстоит какое-то важное предприятие. Все ждали с изумлением и любопытством; носились различные слухи; дипломаты отправляли и принимали курьеров, не зная определенно плана короля. Фридрих, нарочно заставлял войска делать движения,

по которым скорее можно было предполагать поход на Рейн, к Юлиху и Бергу, нежели в Силезию. Превратные толки, ходившие в народе, его чрезвычайно увеселяли.

«Пиши ко мне обо всем смешном, — говорил он в письме из Руппина к Иордану, — что говорят, думают и делают мои добродушные пруссаки. Берлин теперь похож на Беллону в родах; надеюсь, что она подарит свету прекрасное дитя, а я постараюсь стяжать доверие народа какими-нибудь смелыми и удачными предприятиями. О, тогда я был бы чрезвычайно счастлив! Такие обстоятельства могут дать твердое основание моей славе!»

Между тем нельзя было долго скрывать, что прусские войска собрались на силезской границе. Австрийский двор был уведомлен посланником своим, находившимся в Берлине, об опасности; министр Марии-Терезии написал в ответ, что он не может и не хочет верить таким известиям. Несмотря на то, маркиз Ботта был отправлен из Вены в Берлин для точнейшего исследования замыслов Пруссии. Ботта скоро понял план короля. Желая глубже проникнуть в намерения Фридриха, он в первую аудиенцию свел речь на Силезию, жаловался на чрезвычайно дурные дороги, которые теперь от наводнений так испорчены, что решительно нельзя по ним проехать, Фридрих тотчас понял намерение посла, но отвечал ему сухо: «Вы правы, но большой беды еще нет: величайшее несчастие, которому можно подвергнуться на такой дороге, есть то, что замараешься грязью».

В декабре все было готово к началу войны. Намерение вступить в Силезию перестало быть тайной. Фридрих отправил посланника, графа Готтера, в Вену, с изъяснением австрийскому двору своих прав на Силезию и мер, которыми хочет,

в случае нужды, заставить уважать их. Перед отъездом своим к войскам он дал отпускную аудиенцию маркизу Ботта, причем известил его о своем намерении.

— Ваше величество, — воскликнул Ботта, — вы ниспровергаете австрийский двор, но вместе с ним и сами падете в бездну!

Фридрих возразил, что от Марии-Терезии зависит принять его предложения. После некоторого молчания, Ботта насмешливым тоном продолжал:

— Ваши войска прекрасны, ваше величество, я согласен в том; наши не так красивы, но они уже окурены порохом. Умоляю вас, обдумайте свои намерения.

Король вспыхнул и быстро ответил:

— Вы находите, что мои войска красивы; скоро вы сознаетесь, что они хороши.

Маркиз Ботта хотел сделать еще некоторые замечания, но Фридрих прервал его речь, говоря:

— Теперь уже поздно: шаг за Рубикон сделан.

Перед отъездом своим к войску он созвал главных своих офицеров и, прощаясь с ними, сказал:

— Господа! Я предпринимаю войну и не имею других союзников, кроме вашего мужества и вашей доброй воли. Дело мое правое, и я ищу заступничества у счастья. Помните постоянно славу, которую приобрели ваши предки на полях Варшавских, Фербеллина и в знаменитом Прусском походе великого курфюрста. Ваша участь в собственных руках ваших: отличия и награды ждут только ваших блистательных подвигов. Не почитаю нужным подстрекать вас к славе: она всегда была у вас перед глазами, как цель, достойная ваших стремлений. Вы вступите в битву с войсками, которые под начальством принца Евгения снискали бессмертие. Правда, принца уже нет, но победа наша над такими противниками будет не менее знаменита. Прощайте! Отправляйтесь немедленно к войску, а я скоро явлюсь между вами в сборном месте, где ожидает нас честь отчизны и слава!

13 декабря был большой маскарад во дворце. Громкие звуки музыки сливались с веселым говором блестящих и разнообразных масок. Танцы не прекращались. Никогда еще при дворе не бывало такого великолепного и веселого праздника.

Сам король был в особенно приятном расположении духа, шутил, танцевал, был любезен до крайности. Время незаметно приблизилось к полуночи. Вдруг в залах хватились короля: но его нигде не было. Можно себе представить всеобщее удивление, когда гофмаршал, выходя из внутренних покоев, объявил, что король изволил оставить столицу и уехал в действующую армию к силезской границе.

14-го числа Фридрих прибыл в пограничный город Кроссен. К несчастью, в тот самый день с колокольни соборной церкви сорвался колокол и упал на землю. Это имело самое невыгодное влияние на армию, солдаты посчитали этот пустой случай за дурное предзнаменование. Но Фридрих сумел придать ему совсем другое значение.

«Будьте покойны, друзья мои! — говорил он войску. — Падение колокола имеет для нас благоприятный смысл, оно значит, что высокое будет унижено!»

Под высоким он разумел Австрию, которая, в сравнении с Пруссией, конечно, могла назваться высокой державой. Солдаты поняли его намек, и новая бодрость одушевила их сердца.

16 декабря Фридрих вступил на силезскую землю. На границе встретили его два священника, посланные депутатами от протестантов города Глогау. Они умоляли короля, в случае осады города, не делать приступа с той стороны, где находилась протестантская церковь.

Церковь эта была построена вне городских укреплений. Комендант города Глогау, граф Валлис, опасаясь, чтобы Фридрих во время осады не выбрал этой церкви своим опорным пунктом, предполагал сжечь ее до основания.

Фридрих велел кучеру остановиться, чтобы выслушать просьбу пасторов.

— Вы первые силезцы, — сказал он им, — которые просите меня о милости; желание ваше будет исполнено.

Тотчас же был послан адъютант к графу Валлису с обещанием, что Фридрих не поведет осады с той стороны, и протестантская церковь осталась нетронутой.

Прусское войско шло вперед и не находило перед собой неприятельской армии. Слабый силезский гарнизон едва был достаточен для прикрытия главных укрепленных мест. Австрия не могла так скоро выслать помощи, о которой ее неутомимо и усердно умолял бреславский обер-амт, видя приближающуюся опасность. Итак, одни только дурные дороги и дождливая погода мешали быстрым действиям Фридриха. К жителям Силезии были разосланы манифесты, которыми всем и каждому предоставлялись прежние права и владения и даже обещаны были разные льготы. Фридрих объяснял в них, что вступает в Силезию

с оружием в руках только на случай вмешательства в его права посторонних лиц, а совсем не для разорения жителей. И в самом деле, в войске наблюдалась самая строгая дисциплина, и за все, взятое у жителей, платилось щедрой рукой. Все это расположило силезцев к Фридриху; особенно полюбили его протестанты, которые видели в нем избавителя от многих зол и притеснений. Австрийское правительство рассылало свои протесты против манифестов Фридриха, но они не имели успеха.

Между тем города Силезии, через которые должно было проходить прусское войско, находились в затруднительном положении, не зная, которой стороны держаться: сохранить ли верность австрийскому правительству или присягнуть королю прусскому. Начальствующие городами придумывали по этому случаю разные хитрости, которые иногда оканчивались чрезвычайно забавной развязкой. Так, подходя к Грюнебергу, к первому значительному месту Силезии, пруссаки нашли ворота города затворенными. Тотчас был отправлен офицер, который именем короля потребовал сдачи города. Его повели в ратушу. Там был собран совет из всех ратсгеров под председательством бургомистра. Офицер потребовал ключи, но бургомистр отвечал, что он не может и не имеет права их выдать. Тогда офицер объявил, что город будет штурмован и отдан на расхищение войску.

— Что делать! — отвечал бургомистр, пожимая плечами. — «Вот ключи, они лежат на столе совета. Конечно, если вы захотите, вы можете их взять, препятствовать вам я не в силах, но сам не могу отдать их ни в каком случае».

Офицер засмеялся, взял ключи и велел отворить ворота.

Полки вошли в город. Главнокомандующий генерал Шверин[2] послал сказать бургомистру, чтобы он, по военному обычаю, взял ключи назад. Но бургомистр не хотел исполнить приказания.

— Я не отдавал ключей, — отвечал он, — и не могу их взять обратно. Но если генералу угодно положить их на место, с которого они взяты, то я, конечно, не в силах противиться.

Генерал Шверин донес об этом случае королю, и Фридрих смеялся от души находчивости бургомистра. Он приказал отнести ключи с барабанным боем и почетным караулом в ратушу и положить на прежнее место.

Один только город Глогау встретил прусские войска неприязненно. Комендант наскоро исправил крепость и привел в порядок орудия и запасы продовольствия для жителей и гарнизона, приготовляясь выдержать осаду. Но зимнее время и дождливая погода делали долговременную осаду невозможной, и потому Фридрих, расположив один корпус, под начальством

---

[2] Шверин происходил из древней дворянской Фамилии. Он родился в 1684 году, в шведской Померании. Лишившись рано родителей, он был воспитан дядей, который служил в голландском войске. В 1700 году дядя определил его в свой полк прапорщиком. В 1706 году он совершил, под начальством Мальборуга и принца Евгения, поход, был произведен в капитаны и перешел в мекленбургскую службу, где и дослужился до чина полковника. В 1712 году герцог Мекленбургский посылал его в Бендеры, с тайными поручениями к Карлу XII. По возвращении он был произведен в бригадные генералы и вскоре отличился победой своей при Валтмюле над императорскими войсками, высланными для решения распри, возникшей между герцогом и мекленбургским дворянством. В 1720 году он вступил в прусскую службу с чином генерал майора, не раз был посылаем для дипломатических переговоров в Саксонию и Польшу. В 1730 году он был назначен губернатором Пейца, в 1731 произведен в генерал-лейтенанты, а в 1739 в генералы от инфантерии и пожалован в кавалеры ордена черного орла. Фридрих II, вскоре по вступлении на престол, сделал его Фельдмаршалом и возвел в графское достоинство.

принца Леопольда Дессауского, под стенами и в окрестностях города, с остальным войском пошел на Бреславль.

Город Бреславль в то время пользовался различными льготами, имел свои права, которые ставили его почти наравне с вольными городами. Одно из главнейших состояло в том, что австрийское правительство не могло ставить в городе свои гарнизоны, потому что Бреславль имел свою собственную милицию, составленную из граждан. А потому, когда австрийский корпус был отряжен для защиты города и предполагалось сжечь предместья, жители возмутились, не хотели впускать имперских войск и сами решились отстаивать свою свободу. Но пока длились споры и переговоры, прусские полки, предводительствуемые полковниками Броком и Посадовским, явились под стенами и овладели всеми предместьями города. Это быстрое и неожиданное движение привело в ужас бреславцев. Не надеясь на свои укрепления, они боялись штурма и разграбления и потому тотчас же приступили к переговорам, отворив Фридриху ворота. Он оставил город на прежних правах, объявил его нейтральным и велел уволить австрийских офицеров, присланных для военных распоряжений. Много помогла ему в этом случае протестантская часть жителей Бреславля, которая под начальством какого-то восторженного сапожника почти насильно принудила ратушу к сдаче города.

3 января Фридрих торжественно вошел в город. Народ встретил его с криками радости. Жители видели в нем не врага, а спасителя своих прав, веры и достояния. Въезд был великолепный. Впереди ехали королевские экипажи, за ними вели лошадей и мулов, покрытых синими бархатными попонами, вышитыми золотом и отороченными соболями. Затем следовали отряд лейб-гвардии и парадная королевская карета, выбитая внутри желтым бархатом; в ней, как символ королевской власти, лежала голубая бархатная мантия с золотыми орлами, подбитая горностаем. За каретой ехали принцы, маркграфы, графы и генералы прусского войска и, наконец, сам король, верхом, в сопровождении небольшой свиты. Король кланялся народу приветливо, снимая шляпу.

В тот же день был дан обед, на который были приглашены члены ратуши и депутаты от дворянства. После обеда Фридрих верхом обозревал город. Подъехав к великолепному дворцу, построенному иезуитами, он остановился, задумчиво поглядел на него, и, наконец, сказал: «Вероятно, император имел большой недостаток в деньгах, когда духовенство вынуждено было воздвигать такие здания на свой счет».

На следующий день был бал при дворе. Фридрих сам открыл его с одной из знатнейших бреславских дам. Но, по обыкновению своему, скоро исчез между танцующими и поспешил за войском, которое между тем уже далеко подвинулось вперед.

Город Олау сдался королю без сопротивления: между тем генерал Геце быстро перешел Одер и занял Намслау. В то же самое время фельдмаршал Шверин и генерал Клейст с авангардом обложили Оппель и Троппау: оба города сдались на капитуляцию. Но Бриг и Нейсе держались крепко и, несмотря на все увещания и угрозы, не хотели отворять ворот своих счастливому завоевателю. Бриг, как и Глогау, был оставлен в блокаде, но около Нейсе, главной крепости Силезии, Фридрих сосредоточил все свои силы, в твердом намерении взять ее штурмом.

Фридрих был в восторге от своих успехов. Он покорил богатую землю, почти не обнажая меча и с самой незначительной потерей. Он многого ожидал впереди от этой первой удачи.

Восторг его особенно изливался в дружеских письмах к Иордану, кроткий, миролюбивый нрав которого составлял совершенный контраст с пылким, воинственным духом Фридриха. Вот два письма Фридриха, написанные к Иордану под стенами Нейсе, которые очень хорошо поясняют отношения и характеры обоих друзей.

«Мой милый господин Иордан, мой нежный господин Иордан, мой кроткий господин Иордан! Мой добрый, мой милый, мой кроткий, мой нежный господин Иордан! Уведомляю Вашу Веселость, что Силезия почти покорена, и что Нейсе бомбардируется. Приготовляю тебя к великим предприятиям и предвещаю счастье, какого своенравное лоно фортуны никогда еще не порождало. Будь моим Цицероном в защите моего дела — в совершении его я буду твоим Цезарем. Прощай! Ты сам знаешь, что я от всей полноты сердца твой друг».

Фридрих

Два дня спустя он написал Иордану следующее письмо:

«Имею честь уведомить Ваше Человеколюбие, что мы приняли все христианские меры бомбардировать Нейсе, и что мы окрестим город огнем и мечом, если он не сдастся добровольно. Впрочем, нам так хорошо, как еще никогда не бывало, и скоро Вы о нас ничего более не услышите, потому что в десять дней все будет кончено, а через две недели я буду иметь удовольствие опять Вас видеть и беседовать с Вами. Прощайте, господин советник! Развлекайте себя Горацием, изучайте Павзания и утешайтесь Анакреоном; что же касается до меня, то я пока имею одно утешение: пушки, ядра и фашины. Молю Бога, чтобы он поскорее послал мне более приятное и мирное занятие, а Вам даровал здоровье, радость и все, чего желает Ваше сердце».

Фридрих

Однако предсказания Фридриха не сбылись. Крепость Нейсе не сдалась. Гарнизон ее, под начальством опытного и храброго коменданта, полковника Рота, выдерживал мужественно неприятельский огонь и самую усиленную осаду. В течение трех дней пруссаками брошено было в город 1200 бомб и 3000 каленых ядер — все напрасно. Умная распорядительность Рота делала штурм решительно невозможным. При довольно значительном морозе по ночам подливали воду во рвы, пред-

местья были сожжены дотла, а стены и валы каждое утро обдавали водой, так что они всегда были подернуты льдом.

Испытав все усилия, Фридрих оставил город в блокадном положении и, не желая обессиливать войско, и без того истомленное быстрыми переходами и холодами, разместил его по зимним квартирам, а сам, через Лигниц, отправился в Берлин, куда и прибыл 26 января.

Между тем Австрия слишком поздно догадалась выслать войско на помощь Силезии. Фельдмаршал Броун соединил несколько сборных отрядов близ Троппау; но они были вытеснены генералами Клейстом и Шверином в Моравию. Оба полководца заняли позиции за Оппой и перерезали австрийцам путь к Силезии. Таким образом, к концу января почти вся Силезия, от Кроссена до Яблунки, находилась в руках Фридриха.

Глава XV. Поход 1741 года

очно молния пронеслась весть о покорении Силезии через всю Европу. Одни дивились смелости юного короля, другие порицали ее, называя безумством и дерзостью. Никто не мог предполагать, чтобы Пруссия, это маленькое, еще молодое королевство, могла вступить в борьбу с могущественной Австрией, силы и средства которой заставляли трепетать все остальные державы. Можно было предвидеть, что недавний мир Европы надолго будет нарушен. Прагматическая санкция не могла обеспечить спокойствия Австрии: по примеру Фридриха, должны были восстать и другие претенденты на наследие Карла VI, и всеобщая война казалась неизбежной. Действительно, вслед за покорением Силезии восстал и курфюрст Баварский Карл-Альбрехт, который, впрочем, не признал прагматической санкции и объявил свои права на часть австрийских владений и даже на императорскую корону. Но курфюрст не мог подкрепить своих притязаний силой. Гораздо бóльшая опасность угрожала Марии-Терезии со стороны Франции, которая, по всем вероятиям, должна была воспользоваться удобным случаем, чтобы

снять маску дружбы и откровенно возобновить старинную борьбу с Австрией.

Между тем во время самых действий Фридриха в Силезии, уполномоченный посол его, граф Готтер, хлопотал в Вене, стараясь уладить дело миролюбиво и соблюсти все выгоды своего монарха. Он предлагал его именем прусские войска и финансы на защиту Марии-Терезии, голос и подпору Фридриха при избрании ее супруга, герцога Франца Лотарингского, в императоры. Но все представления его оставались тщетными: венский кабинет, несмотря даже на усилия Англии склонить его к уступке, не соглашался отдать Фридриху богатую Силезию. Министры отзывались о Фридрихе с некоторым пренебрежением; они говорили, что он как обер-камергер империи обязан подавать умывальник императору и, стало быть, не имеет права предписывать законов дочери императора. Притом сама Мария-Терезия объявила, что не намерена вести с Фридрихом переговоров до тех пор, пока он не выведет своих войск из Силезии; в таком только случае обещала она ему забвение всего прошедшего и не хотела с него требовать вознаграждения за все понесенные убытки.

Итак, переговоры, не привели ни к какому результату; граф Готтер возвратился в Берлин без всякого успеха.

Фридрих не унывал: он решился всеми мерами разрушать политические козни Австрии и поддержать свои завоевания силой оружия.

Между тем и Мария-Терезия не оставалась в бездействии. Связанная родственными узами с Георгом II, она надеялась на помощь Англии и Ганновера. Ко всем значительным дворам Европы были отправлены посольства, чтобы объяснить дело, показать несправедливость притязаний прусского короля и просить помощи против дерзкого завоевателя.

В Россию в то же время был послан маркиз ди Ботта с намерением склонить принцессу Анну Леопольдовну, управлявшую Россией именем сына своего, императора Иоанна Антоновича, на союз с Австрией. Задача была трудной, потому что Россия незадолго перед тем (16 декабря 1740 года) заключила союз с

Фридрихом II, на обоюдном обещании обеих держав: помогать друг другу во всякой войне, кроме персидской или турецкой. Союз этот казался довольно прочным, тем более, что был поддерживаем Минихом, в то время весьма сильным в кабинете министров. Но маркиз ди Ботта как опытный царедворец с первого взгляда сумел проникнуть в положение дел при русском дворе и, не боясь Миниха, начал искать расположение противной ему партии. Самыми близкими людьми к правительнице были — граф Линар, посланник саксонский, и графиня фон Менгден, служившая старшей фрейлиной. Они почти неразлучно проводили время с Анной Леопольдовной и, стараясь ее развлекать и забавлять в часы досуга, часто управляли ее волей в делах государственных. Ловкий, умный, красивый собой, маркиз ди Ботта скоро сделался четвертым неизбежным лицом в царственных и дружеских беседах правительницы. Мудрено ли, что при помощи графа Линара, которому от саксонского курфюрста также было предписано всеми мерами стараться расстроить союз России с Пруссией, ди Ботта скоро достиг своей цели.

Началось с того, что принцессу Анну вооружили против главных лиц кабинета министров, против вельмож, наиболее преданных пользам государственным, против Остермана и Миниха. Остерман, боясь немилости и желая приобрести полное доверие правительницы, пристал к стороне Линара и Ботта. Один Миних, как скала, отражал все удары и, убежденный в неправоте и даже вредных последствиях предлагаемого союза с Австрией, стоял грудью за Фридриха. Он представлял кабинету, что «нарушением договора с Пруссией без всякой причины теряется доверие к России и других держав; сам Фридрих может сделаться врагом России, тем опаснейшим, что владения его в близком соседстве с нами; русский кабинет покажет явное легкомыслие, не оправдав своих уверений в дружбе, без всякого повода со стороны Пруссии, свято сохранившей свои обязательства». Но как ни сильны были доводы и патриотическое увлечение фельдмаршала, противная сторона восторжествовала. Правительница изъявила ему даже свое

неудовольствие за излишнее усердие к пользам прусского короля; старик, глубоко оскорбленный, подал в отставку — и вскоре австрийская партия с восторгом узнала, что главный ее противник уволен со службы и удален от двора.

Но предсказания Миниха вскоре оправдались на деле: нарушение договора с Фридрихом стоило России войны со Швецией.

Мы уже сказали, что Франция, хотя и в дружбе с Австрией, весьма желала, по примеру Фридриха и Карла-Альбрехта Баварского, воспользоваться частицей наследства австрийского императора. Успехи Фридриха радовали ее, тем более что обессиливали Австрию, а союз его с Россией был порукой, что успехи эти будут продолжительны и прочны, потому что этот союз обеспечивал собственное его государство и, стало быть, давал ему полную свободу действовать против Марии-Терезии. Перемена обстоятельств, произведенная при русском дворе маркизом ди Ботта, сильно обеспокоила Францию, и версальский кабинет решился втайне употребить все свои дипломатические хитрости, чтобы не дать России возможности содействовать Марии-Терезии. Для этого надо было запутать Россию во внешнюю войну и взволновать внутри. Обе цели были достигнуты Францией с удивительным искусством и необычайной быстротой.

В июле 1741 года шведский сенат, подстрекаемый французским красноречием и подкупленный французским золотом, объявил России войну, под предлогом: доставить русский престол законной его наследнице, дочери Петра Великого. Хоть война эта была незначительна сама по себе, но она заняла на время русские силы и отвлекла их от западных границ, а в то же время забросила искру волнения внутри государства. Император был еще ребенок; правительница с некоторого времени занималась беспечно делами, предоставив кормило правления своим временщикам, по большей части иностранцам — это возбуждало беспокойство и неудовольствие в народе, так как раны, нанесенные ему Бироном, были еще слишком свежи и оправдывали его опасения. Отставка Миниха, любимого и уважаемого войском, также возбудила ропот. С другой

стороны, хитрый агент кардинала Флери, граф Шетарди, через лейб-медика Лестока возбуждал Елизавету Петровну к объявлению своих прав на русский престол. Настоятельное убеждение правительницы, чтобы Елизавета вышла замуж за одного из мелких германских владетелей, было перетолковано царевне в дурную сторону: ее убедили, что это насильственная мера удалит ее навсегда из России. Елизавета, которая равнодушно смотрела на свои царственные права, вступилась за личную свою свободу, и в ночь на 25 ноября 1741 года она при помощи камер-юнкера Воронцова и Преображенского полка прочно воссела на престол великого своего родителя.

Дела России приняли другой вид. Франция торжествовала, и Фридриху, стало быть, со стороны России больше нечего было опасаться.

Но в то же время, как маркиз Ботта действовал на Россию в пользу Австрии, Мария-Терезия старалась вооружить против Фридриха папу и через него подействовать на прочие католические державы. К успеху такого намерения подал повод сам Фридрих. Узнав об утесненном состоянии протестантов в Силезии и о недостатке священнослужителей, он отправил туда до тридцати протестантских пасторов, все людей избранных. С одной стороны, он тем пособлял нуждам края, с другой — имел в виду и политическую цель. Через этих людей, которые могли иметь нравственное влияние на народ и все были ему преданы душой и телом, он хотел расположить умы в свою пользу. Тотчас было о том донесено папе, в преувеличенном виде, с опасениями, что Фридрих намерен ввести Лютерово учение во всех покоренных им землях. Папа, в ужасе, разослал воззвания ко всем католическим дворам об уничтожении «еретического маркграфа Бранденбургского».

Фридрих принял деятельные меры против этого воззвания: он обнародовал манифест, которым объявлял полную веротерпимость во всем своем государстве и, в особенности, в Силезии, где обещал каждого защищать в правах его церкви. Этот манифест успокоил обнаружившееся было волнение, и воззвание папы осталось гласом вопиющего в пустыне.

С первыми лучами весны начались военные действия в Силезии. Мария-Терезия поручила главное начальство над войсками фельдмаршалу графу Нейпергу, воину, поседевшему в школе принца Евгения. Сборное место австрийской армии находилось при Ольмюце; оттуда Нейперг намерен был идти в Верхнюю Силезию, для прикрытия Нейсе, а часть своих войск отправил для ограждения графства Глацкого.

Фридрих также отправился в Силезию. До начала войны он хотел еще осмотреть свое войско, стоявшее на зимних квартирах, и собрать подробные сведения о положении страны и местностях. В эту рекогносцировку пустился он с незначительной свитой. Около горной цепи, отделяющей Силезию от графства Глацкого, он, было, дорого поплатился за свою отвагу. Несколько раз австрийские гусары прорывались за прусские кордоны и делали неожиданные нападения на аванпосты. Теперь, узнав от лазутчиков, что сам король объезжает передовые отряды, они решили захватить Фридриха в плен, во что бы то ни стало, и тем задушить войну в самом ее зародыше. По счастью, вместо королевской свиты, они напали на эскадрон прусских драгун. Завязался отчаянный бой. Фридрих, услышав перестрелку, наскоро собрал горсть солдат и поспешил на помощь драгунам, но опоздал, и сам вынужден был, после отчаянного сопротивления, спасаться бегством. Судьба, видимо, его хранила: из всей свиты уцелел только один его адъютант, Глазенап. Оба кинулись на проселочную дорогу, но след их, несмотря на всю быстроту коней, не мог скрыться от взора неприятелей. В величайшем беспорядке достигли они до ворот великолепного монастыря Каменца, на берегах реки Нейсе. Фридрих объявил желание видеть настоятеля и был впущен. Настоятель, почтенный старик, аббат Стуше, с одной из монастырских башен видел происходившую невдалеке от обители резню и тотчас догадался, по расстроенному виду и по следам крови на мундире Фридриха, что гость его беглец. Он принял его ласково и повел в свою келью. Вскоре один из послушников таинственно вызвал аббата из комнаты и сообщил, что отряд австрийцев устремляется на монастырь. Стуше на минуту задумался и тотчас потом отдал свои приказания послушнику.

Вдруг, совсем не в обычное время, монастырские колокола ударили к вечерней молитве. Изумленные монахи поспешили в храм. Церковь блистала всеми огнями, как в праздничный день, орган загремел, на хорах раздались торжественные гимны. Никто не понимал, что означает такое неожиданное молебствие. Но общее изумление еще более увеличилось, когда перед престолом, возле старого аббата, появился новый священнослужитель, монах, никому не знакомый, который помогал настоятелю в отправлении божественной службы. Вдруг двери храма с шумом растворились, и восемь-десять человек гусар вошли в церковь с обнаженными саблями. Но вид торжественной службы поразил их и остановил у порога: как ревностные католики, они преклонили колена, положили оружие и, приняв благословение аббата, тихо вышли из храма. Между тем весь монастырь был обшарен их товарищами. Глазенап попался в плен, но Фридриха нигде не могли отыскать и решились преследовать по всем тропинкам и дорогам, ведущим от монастыря. По окончании молебствия аббат возгласил ектинию о здравии и счастии монарха.

— Братья, — сказал он, потом, обращаясь к монахам, — мы недаром молили Господа! Судьбы его непреложны и милосердие велико! Воздадим ему благодарение на коленах: он помог нам спасти короля!

Все глаза обратились на незнакомца — по лицу его катились слезы, он преклонил колено пред почтенным старцем и принял его благословение. Это был сам Фридрих.

Впоследствии Фридрих часто посещал монастырь Каменец, одарил его богатыми вкладами и по смерти аббата Стуше установил там ежегодную панихиду в день его кончины, а новому настоятелю предписал с каждым из умирающих в монастыре монахов посылать от него поклон к Стуше[3].

---

[3] Немецкий историк Рёденбек, издавший «*Дневник Фридриха Великого*», отвергает это событие; он говорит, что оно не может быть справедливо, потому что в нем слишком много романического. Но другие писатели принимают его за факт, и не без основания: в переписке Фридриха с аббатом Стуше, не раз упоминается о благодарности короля за чудесное его спасение. Кроме того, сам Фридрих сознается в «Истории своего времени» (гл. 3), что он поступил безрассудно, отваживаясь на такую опасность с незначительной свитой; что если б его успели взять в плен,

Смотр войск убедил Фридриха, что его солдаты полны отваги и нетерпения сразиться с неприятелем. Король начал составлять план будущих действий вместе с графом Шверином, который так хорошо изучил военное искусство в Нидерландах, под руководством Мальборо и принца Евгения.

По совету Леопольда Дессауского Фридрих решился на штурм крепости Глогау. В ночь на 9 марта приступ начался с пяти различных точек в одно и то же время. Ко второму часу пруссаки овладели крепостью и городом, но ни один дом не был разграблен, ни один гражданин не претерпел обиды: строгая дисциплина господствовала в армии Фридриха, который за это раздавал солдатам значительные суммы денег и всевозможные награды.

Наконец Фридрих узнал, что Нейперг ведет свою армию к Нейсе. Надлежало помешать этому движению, потому что крепость Нейсе составляла один из главных опорных пунктов прусского войска. Предположено было, чтобы Фридрих и Шверин, который прикрывал Верхнюю Силезию, двинулись в одно время и соединились в Нейстаде при Егерндорфе. Осада Брига была снята, потому что Фридрих хотел сосредоточить все свои силы. До пруссаков доходили самые неверные сведения о расположении и направлении австрийской армии, так что они вынуждены были беспрестанно менять свой маршрут. Восьмого апреля, при переходе через реку Нейсе, близ Михелау, Фридрих наткнулся на передовой отряд австрийских гусар. Завязался бой, пруссаки остались победителями и захватили сорок пленных. От них узнали достоверно, что австрийская армия на подходе к Олау, где находился главный магазин и вся запасная артиллерия Фридриха. Медлить было невозможно, надлежало вступить в бой решительный, отчаянный. К несчастью пруссаков, на следующий день пошел такой сильный снег с вьюгой, что невозможно было различить предмет на расстоянии трех шагов. Через лазутчиков успели, однако, узнать, что неприятель придвинулся к Бригу.

война бы кончилась, австрийцы остались бы победителями без боя, а превосходная прусская пехота пропала бы без всякой пользы.

На следующий день, 10 апреля, солнце поднялось во всем своем величии из-за Силезских гор. День был теплый и ясный. В пять часов утра прусские войска остановились у деревни Погрель и выстроились против дороги, ведущей в Олау. По собранным сведениям, австрийцы ночевали в деревнях Мольвице, Гюперне и Грюпингине. На расстоянии 2000 шагов от Мольвица Фридрих развернул фланги и выдвинул артиллерию, выжидая появление неприятеля. Австрийцы даже не подозревали такого опасного соседства и преспокойно готовились к дальнейшему походу. Если бы Фридрих действовал решительнее в эту минуту, он окружил бы всю австрийскую армию и захватил бы ее врасплох. Но он был еще слишком неопытен в военном деле и придерживался старого предрассудка: драться не иначе, как лицом к лицу и в открытом поле[4]. Только к двум часам пополудни австрийцы выстроились в боевой порядок, и действия начались. Пруссаки открыли сильный огонь из тридцати орудий. Левое крыло превосходной австрийской кавалерии, под начальством генерала Ремера, не выдержало картечного града и с остервенением ринулось на правое крыло прусского войска. Кавалерия Фридриха, невыгодно поставленная, от сильного натиска подалась назад и затоптала свои пехотные полки, расположенные за нею: австрийцы ворвались также в сметенные ряды. Открылся настоящий ад: вопли отчаяния и крики неистовства оглашали воздух; штыки, сабли и карабины действовали в одно время: все перемешалось и пере-

[4] Фридрих II: «История моего времени».

путалось до того, что стреляли по своим и чужим, без разбора. Наконец, пруссаки были совсем опрокинуты и бросились бежать врассыпную.

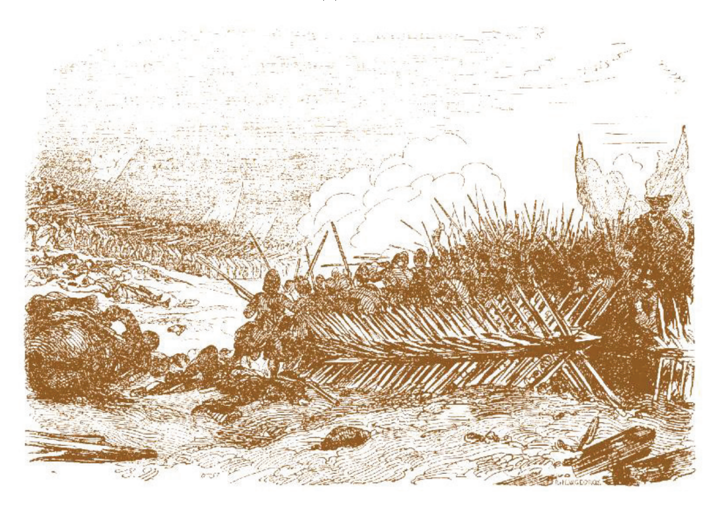
Фридрих сам командовал правым крылом и был в отчаянии. Видя бегущих солдат, он старался их удержать, кое-как успел привести в порядок два эскадрона и с криком «Братья! Честь Пруссии, жизнь вашего короля!» повел их опять в битву. Но и это усилие не помогло: солдаты должны были покориться перевесу сил и снова обратились в бегство. Под самим королем убили лошадь, раненый драгун уступил ему свою и тем спас его от опасности.

Не зная, что начать, совершенно потерявшись, Фридрих, сквозь дым и дождь ружейных пуль, поскакал на левое крыло, которым командовал Шверин. Старик умолял короля не подвергаться явной опасности, уверял, что первая неудача не решает еще дела, и убедил его перебраться за Одер, где герцог Голштинский стоял близ Штрелина, с семью батальонами пехоты и семью эскадронами конницы, чтобы, в случае отступления пруссаков, прикрыть их переправу через Одер.

После долгих убеждений Фридрих решил последовать совету фельдмаршала и под маленьким прикрытием жандармов поскакал в Оппельну. Но жандармы, истомленные битвой, на измученных лошадях своих не могли поспеть за королем и его свитой, скакавшими во весь опор; они отстали в городке Левене. В полночь Фридрих прискакал к воротам Оппельна — ворота были заперты. Король послал двух офицеров с приказанием отпереть. На зов часовых «кто идет?» офицеры отвечали: пруссаки. Ружейный залп, сквозь решетку ворот был ответом. Фридрих с ужасом узнал, что австрийцы накануне еще вытеснили прусский гарнизон из Оппельна и заняли город. В тот же миг он оборотил коня и поскакал назад, свита последовала за ним. Темнота ночи скрыла их от преследователей. К утру, в совершенном изнеможении сил, возвратился он в Левен, но тут ожидало его известие, которое обрадовало его сердце и заставило забыть усталость.

При удалении короля с поля битвы австрийская конница устремилась на центр, прикрытый артиллерией, и на левое

крыло, где неподвижной стеной стояла пехота, осыпая неприятеля беспрерывным огнем. Австрийцы побили прусских канониров и отняли у пруссаков много орудий, которые потом обратили на них же. Пять часов длился жаркий бой. Генерал Ремер пал мертвый, Шверин был тяжко ранен и отнесен за фронт. Принц Леопольд Дессауский принял главное начальство над прусскими войсками. Вечер сгущался, битва оставалась еще нерешенной. Наконец, прусская пехота, потратив все патроны, дружно ударила в штыки, австрийская кавалерия в беспорядке бросилась назад и смешала свою пехоту. Нейперг старался водворить порядок в строю, но пруссаки воспользовались замешательством неприятеля. Раненый Шверин велел посадить себя на коня и при барабанном бое и звуке труб всей армии скомандовал: «Марш, марш!» Дружный натиск опрокинул совсем неприятеля. В это время на поле ринулись с криком еще десять эскадронов прусской конницы, которые были отправлены из Олау, но не поспели к битве. Их неожиданное появление решило дело. Нейперг вынужден был ретироваться. Пруссаки ударили отбой и трубным звуком возвестили победу. Поле битвы осталось за победителями.

Фридрих узнал о победе в самую минуту своего прибытия в Левен. С радостью на лице и во взоре поскакал он тотчас же

в Мольвиц. Он объехал поле сражения, покрытое мертвыми и ранеными, и с горестью остановился перед своим любимцем, капитаном гвардии Фицгеральдом, у которого ядром оторвало обе ноги.

— Как!? — вскричал он, всплеснув руками. — И тебя постигло такое ужасное бедствие!

— Благодарю за участие, ваше величество! Но бедствия большого нет; будьте здоровы и счастливы, а для меня все кончено! — С этим словом он умер. Фридрих пожал руку мертвеца и молча удалился.

Со стороны Пруссии насчитали 2500 убитыми и 3000 ранеными. Первый гвардейский батальон лишился половины лучших своих офицеров, из остальных восьмисот только 180 могли продолжать службу, прочие были изувечены.

Дорого стоила Фридриху эта первая победа, но зато она принесла ему значительную нравственную выгоду. Глаза Европы обратились на него, как на человека, которому назначено ввести новый порядок вещей в политическом мире. Австрия, этот Немейский лев между европейскими государствами, увидела в нем своего Алкида. Мнение, что войска принца Евгения непобедимы, было опровергнуто самым блистательным образом, а прусская пехота, о которой думали, что она годна только для красивых разводов и парадов, показала на деле, что это лучшее, обученнейшее и храбрейшее войско на западе. На Фридриха перестали смотреть, как на безумца, кидающегося, очертя голову, в неравный бой. В нем увидели государя, действующего самостоятельно и хладнокровно, с твердым сознанием имеющихся у него сил и средств.

Победа при Мольвице дала Фридриху возможность снова предпринять осаду Брига. Город сдался на капитуляцию. Тогда все войска были соединены в лагере при Штрелене, чтобы таким образом прикрыть всю Нижнюю Силезию.

Здесь Фридрих провел два месяца: жил между своими солдатами в палатке, изучал их характер, пополнил войско новобранцами и ежедневно упражнял кавалерию, чтобы придать ей более ловкости и проворства. В то же время он занимался поэзией и музыкой.

Вскоре Штреленский лагерь сделался всеобщим политическим конгрессом, отовсюду спешили туда послы: Франция, Англия, Испания, Швеция и Дания, Россия, Австрия, Бавария и Саксония вступили в переговоры и совещания с прусским королем.

До сих пор Франция молча радовалась несогласию Пруссии с Австрией и тайно поддерживала его своими происками и золотом. Успехи Фридриха заставили ее действовать определеннее. Желая от души разрыва с Австрией, к которому Франция не могла приступить явно, потому что признала прагматическую санкцию Карла VI, Флери, тогдашний глава французского правительства при слабом и больном Людовике XV, решил действовать сторонними средствами.

Мы уже сказали, что Карл-Альбрехт Баварский, женатый на Марии-Амалии, дочери австрийского императора Иосифа I, ближайшей наследнице австрийских владений, объявил свои претензии на императорскую корону, но не имел средств поддержать своих требований оружием. Флери решил помочь ему к достижению цели и потому заключил с ним союз в Нимфенбурге. Целью хитрого Флери было также поживиться частицей австрийских владений. Вследствие того он отправил к Фридриху маршала Бельиля, с предложением присоединиться к этому союзу, обещая за то вытребовать ему права на Нижнюю Силезию. Фридрих, зная, что на поддержку Австрии соединяются ганноверские и датские войска, принял предложение Флери с удовольствием и пятого июля присоединился к Нимфенбургскому союзу. Он просил только сохранить его втайне до тех пор, пока Франция снарядит и выставит свое войско.

Вскоре Нимфенбургский союз увеличился еще присоединением к нему польского короля и курфюрста саксонского, Августа III, и королевы испанской Елизаветы. Подстрекаемый примером Карла-Альбрехта Баварского, Август III также объявил претензии на австрийское наследие, основывая их на правах жены своей Марии-Иозефы, старшей дочери Иосифа I. А Елизавету Испанскую, вечно хлопотавшую о том, чтобы доставить сыну своему кусок хлеба, как она сама выражалась, Франции нетрудно было склонить на свою сторону.

Между тем там и сям соединялись еще австрийские полки, и малая война не прекращалась. Между множеством стычек австрийцев с пруссаками особенно замечательно сражение при Ротшлоссе, в котором впервые отличился, впоследствии знаменитый сподвижник Фридриха, Цитен[5]. Он напал на 1400 австрийских гусар, которые соединились близ Ротшлосса под начальством одного из величайших партизанов своего времени, генерал-майора Барони, и разбил их наголову. За эту битву король произвел Цитена в полковники, а вскоре потом сделал шефом всех прусских гусар.

Нейперг, давая полную свободу партизанам тревожить прусские разъезды, замышлял план, как бы нанести более чувствительный удар Фридриху. После битвы при Мольвице он ретировался за Нейсе и расположился лагерем. Через ловких шпионов, которые нарочно попадались в руки пруссаков, он старался распространить мысль, что войска его совершенно расстроены, что он ждет нового набора для приведения их в порядок и ранее, как через три месяца, не в состоянии продолжать военных действий. Когда, по мнению его, Фридрих должен был убедиться в справедливости таких известий, он вдруг поднялся с места, чтобы обойти прусскую армию и захватить Бреславль.

Но прусского короля нелегко было обмануть. Слушая шпионов, он сам наблюдал за Нейпергом и легко смог проникнуть в его намерения. Тотчас же он отправил три батальона пехоты и пять эскадронов конницы к Бреславлю. Ему хотелось овладеть городом без кровопролития, какой-нибудь хитростью. Случай помог ему.

В Бреславле образовалось общество старых дам, ревностных католичек, душой преданных австрийскому правительству.

---

[5] Иоганн Цитен родился в 1699 году, близ Рупина. Пятнадцати лет он вступил в военную службу, но почитая себя обойденным, через два года вышел в отставку. В 1726 году он опять определился в драгунский полк. За ссору с одним из начальников, он целый год сидел в крепости и потом был исключен из службы. Благодаря сильной протекции некоторых генералов, его приняли в 1730 году опять на службу во вновь сформированный лейб-гусарский полк, где он и дослужился до чина ротмистра. В 1733 году он участвовал в походе против Франции и за то повышен в майоры. В этом чине он действовал и в Силезкую войну, под начальством Винтерфедьда.

При посредстве монахов они успели склонить на свою сторону нескольких членов ратуши и решили всеми мерами споспешествовать австрийскому фельдмаршалу овладеть Бреславлем и действовать оттуда против Фридриха.

Король узнал об этом вовремя, через преданную ему даму, которая очень искусно сумела попасть в общество и, вкравшись в доверенность, выведать все подробности их тайны. Под предлогом совещаний Фридрих пригласил к себе в лагерь главных членов магистрата и спросил их: «Во всей ли точности бреславское начальство исполняет права нейтралитета?» Ратсгеры ответили, что они ни в чем не отступали от своих обязанностей. Тогда король показал им письма, из которых ясно было видно, что они подвозили съестные и полевые припасы австрийскому войску, отправили 140 000 гульденов к Марии-Терезии и находились в письменных сношениях с Нейпергом. Улики были налицо: ратсгеры во всем сознались.

— На первый раз, — сказал им Фридрих, — я хочу быть милостив, но за ваш проступок требую услуги. Если вы нарушили права нейтралитета для австрийцев, то можете нарушить их и для меня, чтобы поправить дело. Мне надо перебраться за Одер и для того провести несколько отрядов через Бреславль. Надеюсь, что не встречу противоречий в бреславском магистрате[6].

Члены магистрата были на все согласны, радуясь, что так дешево отделались.

Итак, отправленные Фридрихом к Бреславлю полки вступили в город. Городовой майор, впереди войск, провожал их через улицы. Но вдруг полки поворотили к главной площади. Майор, полагая, что они сбились с пути, хотел им показать ближайшую дорогу к Одерским воротам, но принц Леопольд Дессауский очень вежливо попросил его вложить шпагу в ножны и отправиться на покой в свои казармы, объяснив ему, что цель вступления войск — не путь через город, но полное занятие его.

На другой день, 10 августа, было объявлено, что город лишен нейтральных прав, и что жители должны являться в ратушу для принесения присяги королю. Все австрийские чиновники были

[6] Рейхе: «Фридрих Великий и его время».

уволены от службы, после присяги совершено торжественное молебствие, а вечером город был иллюминован. Фридриху возвестили о занятии Бреславля через выстрелы из пушек, которые были расставлены на всем протяжении от города до Штреленского лагеря.

Нейперг узнал довольно поздно, что пруссаки его предупредили. Он занял выгодную позицию в горах и продолжал малую войну, не допуская неприятеля до решительного дела.

Пока эти события совершались в Силезии, две французские армии вступили в Германию. Одна, под начальством маршала Мелебоа, приблизилась к границам Ганновера, а другая, под командой маршала де Белиль, пошла на помощь к Баварии и в середине августа, наконец, соединилась с баварскими полками.

Миролюбивый король Георг II, видя опасность ганноверской области, поспешил объявить себя нейтральным, а курфюрст баварский вступил в австрийские владения.

Неудача Нейперга и взятие Фридрихом Бреславля побудили Марию-Терезию к уступке. В лагерь к Фридриху был отправлен для переговоров лорд Робинсон, английский посланник при венском дворе. Почтенный джентльмен, весьма высокопарно и с необычайной важностью старался запугать и озадачить Фридриха могуществом и средствами Австрии и, наконец, предложил ему, как особенную милость Марии-Терезии, Лимбург, Гельдерн и 2 000 000 талеров контрибуции, если он откажется от Силезии и выведет свои войска. Фридрих отвечал Робинсону такими же напыщенными фразами, в том же патетическом тоне и кончил речь свою следующими убедительными словами:

«Разве Мария-Терезия почитает меня нищим? Чтобы я отступился от Силезии за деньги, тогда как приобрел ее жизнью и кровью моих воинов? Если бы я был способен на такое низкое, презренное дело, мои предки вышли бы из гробниц и грозно потребовали отчета: Нет, сказали бы они, в тебе нет капли нашей крови! Ты должен драться за права, которые мы тебе доставили, а ты продаешь их за деньги! Ты пятнаешь честь, которую мы завещали тебе, как самое драгоценное наше наследие. Ты недостоин царского сана, недостоин престола, ты — презренный торгаш, которому барыши дороже славы! Нет,

господин посол, скорее я готов похоронить себя и все мое войско под развалинами Силезии, чем перенести такое унижение»[7].

С этими словами, не ожидая возражений лорда Робинсона, он взял шляпу и вышел из палатки, оставив велеречивого британца в совершенном недоумении. Посланник возвратился в Вену со своим донесением.

Через несколько недель он опять явился в лагере Фридриха и привез с собой карту Силезии. На ней были обозначены чернилами четыре княжества в Нижней Силезии, которые венский кабинет решил уступить Фридриху.

На это король отвечал коротко и ясно: «Это годилось бы прежде, теперь не годится!»

Между тем положение Марии-Терезии становилось с каждым днем затруднительнее. На английского короля нельзя было более надеяться. Польский король требовал себе Моравию и, в случае отказа, грозил взять ее силой. Курфюрст баварский 3 сентября взял Линц и принял там присягу жителей как будущий эрцгерцог австрийский, потребовал контрибуцию с целой области и так быстро двинулся к Вене, что Мария-Терезия вынуждена была со всем двором удалиться в Пресбург, взяв с собой государственный архив и все свои драгоценности.

[7] Раумера: «Фридрих II».

В таких критических обстоятельствах, стесненная со всех сторон, она, наконец, решилась послушаться английского министра, лорда Гиндфорта, который советовал ей прибегнуть к старинной политической уловке: перессорить всех ее неприятелей между собой. Для этого надо было кончить дело с главным и опаснейшим врагом, королем прусским, и согласиться на все его требования. Лорд Гиндфорт отправился к Фридриху. Переговоры начались 8 октября в Клейн-Шеллендорфе: туда же был приглашен Фридрихом и фельдмаршал Нейперг. Решили: до заключения формального мира сделать перемирие, которое с обеих сторон держать втайне; австрийцы должны были сдать крепость Нейсе и, таким образом, оставить за прусским королем всю Нижнюю Силезию; на зимние квартиры Фридриху дозволялось проникнуть с войском даже в Верхнюю Силезию, с тем однако, чтобы он не брал с жителей никакой контрибуции. А чтобы лучше скрыть этот договор от прочих союзников, было положено продолжать малую войну.

Тотчас по окончании переговоров Фридрих осадил и взял Нейсе. Австрийцы ретировались из Силезии, прусские войска заняли графство Глацкое и, таким образом, придвинулись к баварскому войску, которое находилось в Богемии, где курфюрст баварский принял титул богемского короля и потом отправился в Мангейм ждать, пока его выберут в австрийские императоры.

Австрийский двор, цель которого была, как мы видели, перессорить союзников, поторопился распустить слух о Клейн-Шеллендорфском трактате.

Такое вероломство возмутило Фридриха, и он почел себя вправе также нарушить свои условия. Вследствие того он отправился в Бреславль и 7 ноября назначил день присяги и торжественного восшествия на престол.

К этому дню в Бреславль собралось 4000 депутатов от всех городов и ведомств Силезии. При колокольном звоне и радостных криках народа Фридрих в золоченой карете, запряженной восемью парами лошадей, подъехал к ратуше, перед которой стояла в строю вся его гвардия, и где все государственные чины были собраны и ожидали его прибытия. Он вошел в тронный зал. Там наскоро был для него приготовлен трон из старого

императорского кресла. У вышитого на нем двуглавого орла была снята одна голова, а на грудь его был помещен вензель Фридриха — таким образом, герб австрийский сделался прусским.

В течение полутораста лет, со времен императора Матфея, Силезия не видела подобного торжества: можно себе представить, какое сильное впечатление оно должно было произвести в народе.

Фридрих взошел на ступени трона в своем обыкновенном воинском мундире, без всех королевских регалий. Фельдмаршал Шверин забыл принести государственный меч, который должен был держать по правую руку короля.

Фридрих вынул из ножен свою шпагу, ту самую, которой была завоевана Силезия, и подал ее фельдмаршалу.

Министр Подевильс произнес краткую, но сильную речь, приличную случаю. В ней он от имени короля обещал силезцам сохранение всех их прав, защиту и помощь. Потом он громко прочел присягу, все присутствующие повторили ее за ним и, наконец, каждый, поодиночке, подходил к трону, клал руку на Евангелие и целовал государственный меч, в знак преданности и повиновения. Громкое «Да здравствует король Фридрих, наш герцог и повелитель!» заключило церемонию. Король снял шляпу в знак благодарности и удалился. Затем был дан народу праздник, а вечером на всех окнах и на улицах заблистали щиты и транспаранты с различными радостными надписями и эмблемами.

За этим днем последовал ряд праздников, на которых Фридрих сумел привязать к себе все сословия своей любезностью и добротой.

Но более всего восхитил и расположил к нему силезцев его великодушный поступок. По обыкновению, города представили ему как новому герцогу хлеб-соль, состоящую из бочки золота. Так велось с давних времен. Фридрих отказался от этого подарка.

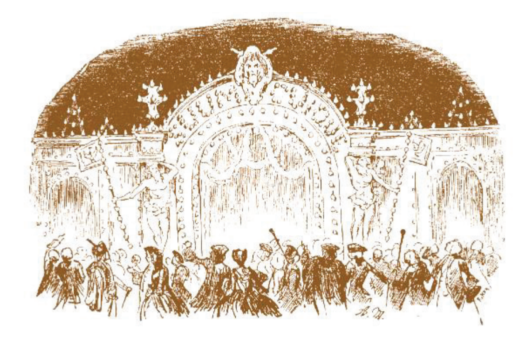
— Эта страна, — говорил он, — слишком пострадала от войны, чтобы я мог принять от нее такую жертву. Напротив, я

сам помогу народу в его нуждах, чтобы он не имел причины роптать на перемену правительства.

Манифестом он простил крестьянам податные долги, приказал им выдать хлеб на посев и раздать беднейшим семействам необходимые суммы на поправку и обзаведение. Дворянам он дал новые звания и чины. Католическому духовенству была дарована полная свобода строить латинские церкви и отправлять богослужение по римскому обряду[8].

Облагодетельствовав, таким образом, завоеванную страну. Фридрих 12 ноября возвратился в Берлин.

[8] Беккера: «Всеобщая история».

Глава XVI. Поход 1742 года

чень счастливо действовала баварская армия осенью 1741 года. Мы видели, что Карл-Альбрехт дошел почти до Вены. Действуя скоро и решительно, он без всякой потери мог бы достигнуть своей цели и воссесть на престоле Австрии в самой ее столице. Впоследствии, имея империю и все ее средства в руках, он мог бы поддержать свое право и, удовлетворив союзников уступкой нескольких областей, прочно утвердиться на императорском престоле.

Но совет, данный Марии-Терезии хитрым англичанином, возымел уже свое действие. Слухи о Клейн-Шеллендорфском трактате возбудили в союзниках взаимную зависть, подозрение и недоверчивость.

Увлекаясь этими чувствами, и курфюрст баварский вдруг переменил план свой и, вместо того, чтобы овладеть столицей империи, оставил Австрию и направил свои войска на Богемию, опасаясь, чтобы Август III не опередил его и не приобрел этой страны в свою пользу.

Быстро подступил он к Праге, после двенадцатидневной осады взял город, провозгласил себя королем богемским и принял присягу новых своих подданных. Оттуда он отправился в Мангейм, чтобы достигнуть главной своей цели, короны императора, владеть которой он страстно мечтал.

24 января 1742 года желание его исполнились: он был избран в римские императоры под именем Карла VII. Но приобретя, таким образом, тень власти, он навсегда утратил действительную власть: он носил титул императора, а престол императорский был в чужих руках.

В своем стесненном положении Мария-Терезия обратилась к венграм и назначила в Пресбурге государственный сейм. Она явилась на престоле в национальном костюме венгерских королей, держа на руках своего младенца-сына, впоследствии императора Иосифа II. В кратких, но полных искреннего чувства словах она изложила печальное свое положение. Ее молодость, красота и несчастья возбудили в венграх неимоверный энтузиазм. Магнаты выхватили сабли из ножен и, подняв руку в знак клятвы, с одушевлением воскликнули: «Жизнь и кровь за нашу королеву! Да здравствует Мария-Терезия!»

За клятвой вскоре последовало и дело. Половина Венгрии стала под ружье. 15 000 дворян соединили под свои знамена многочисленные толпы кроатов, пандуров, валахов и тирольцев. Французско-баварское войско, которое не последовало за Карлом-Альбрехтом в Богемию, было выгнано из Австрии; венгры преследовали его даже в самой Баварии, и в день провозглашения Карла императором они завоевали его собственную столицу, Мюнхен. Венгры опустошали Баварию с ненасытной жаждой мести.

Эти обстоятельства заставили Фридриха теснее примкнуть к его союзникам и подумать об их выгодах, тем более что Австрия уже всюду разгласила о Клейн-Шеллендорфском договоре, а между тем и не думала о заключении действительного мира с Пруссией. Надлежало оправдать себя в глазах союзных держав, и Фридрих решил снова приняться за оружие.

Чтобы отвлечь австрийские войска от Баварии, Фридрих намерен был вторгнуться в Моравию, но так как Моравия,

по предварительным условиям, была уже обещана саксонскому курфюрсту и королю польскому Августу III, то он желал, как можно более пощадить свое войско и потому хотел вытребовать главную армию для этого завоевания у Саксонии.

Отпраздновав в Берлине, 6 января, свадьбу брата своего, принца Августа Вильгельма, он немедленно отправился в Дрезден.

Но Фридрих скоро увидел, что достигнуть цели не так легко, как он думал. Сластолюбивый и беспечный Август III утопал в неге и удовольствиях; всеми делами государственными управлял его именем хитрый и своекорыстный министр, граф Брюль, который был на тайном жалованье у Австрии и неохотно одобрял все то, что могло служить к ее ущербу. Кроме того, Брюль, как и все мелочные души, перед величием гения, чувствовал себя неловким и униженным в присутствии Фридриха и потому, совершенно естественно, питал к нему тайное недоброжелательство.

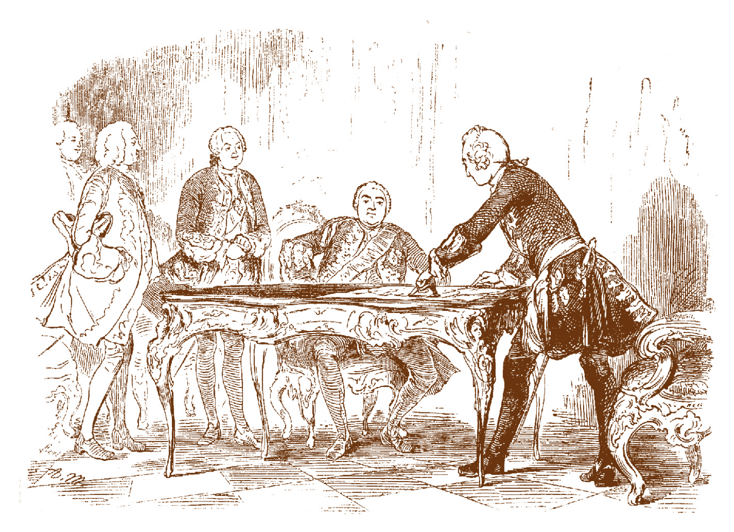
Но Фридрих с первых слов понял своего антагониста и решил против него действовать его же оружием: дипломатическими хитростями.

Составлена была конференция в королевских покоях. Кроме Фридриха и Брюля в ней участвовали и некоторые саксонские генералы. На каждое предположение Фридриха Брюль находил возражения и ловкие увертки, которые Фридрих, однако, тут же опровергал самыми ясными доводами. Несогласия продолжались до тех пор, пока не вошел король Август III, который в конференц-зал заглянул случайно, как иногда богатый барин, сквозь дверь, заглядывает на потолок, который ему расписывает искусный живописец.

Брюль воспользовался обменом обычных вежливостей между королями и, зная характер своего государя, поспешно сложил карту Моравии, которая была развернута на столе. Фридрих пригласил Августа присесть к столу, спокойно развернул опять карту и постарался растолковать Августу, на что были нужны его войска и как важны для него должны быть предполагаемые операции. Август слушал и на все вопросы

Фридриха отвечал только: «Да... это так... конечно...», но на лице его, наконец, стали изображаться нетерпение и скука. Брюль, который мучился, как при пытке, в продолжение всей этой сцены, воспользовался счастливыми признаками монаршей скуки: в первую удобную минуту молчания он вынул часы из кармана и ловко заметил, что сейчас начнется опера.

Для Августа такое известие было слишком важно, чтобы он мог еще пожертвовать несколькими минутами совещанию о делах Моравии. Он поспешно встал и хотел идти в театр, но Фридрих, в свою очередь, воспользовался его нетерпением и не выпустил бедного короля до тех пор, пока он не одобрил его план и не объявил своего согласия.

Итак, во главе саксонской армии Фридрих пошел через Богемию в Моравию. В Ольмюце он соединился с корпусом прусского войска, который, по его распоряжению, выступил в Моравию из Силезии. Первые дела были увенчаны успехом. Пруссаки проникли в Австрию. Гусары Цитена, составляя авангард, достигли почти до самой Вены, и столице империи угрожала вторичная опасность.

Но вскоре Фридрих убедился, что все успехи не приведут его к желанной цели. Саксонцы портили самые лучшие его комбинации, мешали и даже вредили его действиям на каждом шагу.

Саксонские генералы неохотно соглашались на его предложения, исполняли их вяло и нерадиво, а само войско гораздо больше думало о грабежах, чем о мужественной борьбе с неприятелем.

Фридриху понадобилось осадить крепость Брюнн. Он потребовал у Августа необходимую для осады артиллерию. Август ответил, что у него нет денег на орудия, а в то же самое время заплатил 400 000 талеров за весьма редкий зеленый бриллиант, который, не задумываясь, купил для знаменитой своей зеленой кладовой.

Это выводило Фридриха из себя; он дал слово никогда не действовать с помощью союзников или соединяться только с такими войсками, которые будут находиться в полном его распоряжении.

Между тем и австрийская армия вступила в Моравию. Фридрих принял всевозможные решительные меры к обороне, но саксонские солдаты везде оказывались непокорными, трусами, а иногда даже изменниками.

Потеряв терпение, Фридрих решился совсем оставить свое намерение завоевать Моравию и, собрав свое войско, вывел его в Богемию, где стояла главная его армия.

Саксонский министр Бюлов, который сопровождал Фридриха в походе, старался всеми мерами отклонить короля от этого решения. Но Фридрих был неумолим.

— Кто же доставит королю Августу моравскую корону, если вы нас оставите? — воскликнул Бюлов.

— Любезный друг, — ответил Фридрих, — короны сперва добывают — пушками, а потом украшают бриллиантами.

Во время этих действий в Моравии другой корпус прусской армии, под начальством принца Дессауского, овладел крепостью Глац, и принц от имени короля принял присягу на подданство и верность всего графства Глацкого.

Фридрих разделил свою армию на два корпуса. Первый, под начальством принца Ангальтского и фельдмаршала Шверина, он расположил в укрепленном лагере при Ольмюце, а другой поместил в Богемии, между Эльбой и Сассавой.

Здесь прусские войска провели четыре месяца в совершенном бездействии. Фридрих душевно желал мира, и переговоры

с Австрией начались снова — англичане приняли на себя посредничество. Но теперь им еще труднее было согласить обе стороны. Фридрих неотступно требовал всю Силезию и графство Глацкое. Австрия, со своей стороны, ободренная несколько своими первыми успехами и надеясь на Венгрию и Францию, с которой вела тайные переговоры, неохотно соглашалась на такую значительную уступку.

Фридрих решил еще раз попытаться оружием принудить венский кабинет к уступке. Случай померяться силами очень скоро представился.

Брат мужа Марии-Терезии, принц Карл Лотарингский, отличный и смелый воин, вместе с опытным фельдмаршалом Кенигсеком повели значительную армию через Дейчброд и Цвитау в Богемию. Намерение их было: мимоходом разбить пруссаков, которых число они почитали вдвое меньше, чем оно было на самом деле, захватить их магазины в Нимбурге и потом отнять Прагу у французов и баварцев.

Чтобы предупредить удар, Фридрих с авангардом 15 мая двинулся вперед, а принцу Леопольду Дессаускому приказал следовать за собой малыми переходами. В то же время он просил маршала Броглио, который с французскими отрядами стоял на Молдаве, присоединиться к его армии. Броглио отвечал, что не имеет на то предписания, но что тотчас же отправит эстафету с запросом в Париж и, получив разрешение своего правительства, немедленно последует за королем. Фридриху нельзя было ждать ответа, он решился действовать один.

Он продолжал поход, но едва вступил в Куттенберг, как принц Лотарингский повернул вправо, чтобы не встретиться с Фридрихом, и потом прямо пошел на принца Дессауского.

Принц Леопольд наскоро составил план действий, послал известить короля о перемене обстоятельств и расположил войска. К восьми часам утра, 17-го числа, король прибыл со своим авангардом и нашел обе армии в боевом порядке и в готовности вступить в битву.

У пруссаков было более восьмидесяти орудий, это давало им значительный перевес над неприятелем, артиллерия которого

была довольно слаба. Прусская армия расположилась на высотах за местечком Шотузиц. Она состояла из 30 000 человек, австрийцев было 40 000. Фридрих сам распоряжался битвой, а австрийские военачальники действовали отдельными корпусами, каждый по своему усмотрению. Битва длилась с восьми часов утра до двенадцати.

Австрийская конница начала атаку. Она была встречена пушечным громом. Первым беспорядком, произведенным тремя залпами, воспользовалась прусская кавалерия, которая нагрянула на атакующих с фланга и опрокинула их. Но от быстроты этого движения поднялась такая сильная пыль, что пруссаки не в состоянии были рассмотреть врага и, таким образом, лишились всех выгод своего нападения. После того Кенигсек повел пехоту своего правого крыла против прусской инфантерии, которая была довольно невыгодно поставлена близ Шотузица. Несмотря на все содействие прикрывавшей ее конницы, она должна была отступить. Австрийцы овладели местечком Шотузиц и зажгли его со всех концов.

Но вместо пользы, они причинили себе значительный вред: пламя и сильный дым совершенно разделили обе армии, австрийцы должны были остановить свое преследование, а пруссаки имели время прийти опять в порядок. Во время этого замешательства Фридрих с неимоверной быстротой напал на левое крыло неприятеля и потеснил австрийскую конницу на ее правое

крыло так, что она помешала собственной пехоте занять свои позиции и произвела величайшую суматоху.

Между тем, чтобы занять остальную часть неприятельского войска, которая находилась близ Шотузица, и отнять у нее возможность подоспеть на помощь атакованного войска, Фридрих фальшивым движением своей пехоты обнаружил перед неприятелем свой вагенбург и парк. Австрийцы с жадностью кинулись на обозы и пороховые ящики и, таким образом, были отрезаны от главной армии. Этим ловким маневром Фридрих выиграл битву в три часа времени. Австрийцы обратились в бегство в величайшем беспорядке, несмотря на то, что из всей прусской пехоты только четыре полка были в деле. У бегущих отнято было восемь пушек, множество солдат и офицеров захвачено в плен. Между последними находился австрийский генерал Полланд, который был тяжко ранен и не мог следовать за ретирующейся армией. Фридрих посетил его в палатке, нарочно для него разбитой, утешал умирающего надеждой на выздоровление, приставил к нему лучших полковых врачей и, взамен за свое участие, узнал от него, что Франция ведет с Австрией тайные переговоры с намерением вступить в союз.

Это известие несколько обеспокоило и раздражило Фридриха. Из всех нимфенбургских союзников одна Франция могла служить ему некоторой опорой, но и с ее стороны он испытывал вероломство. Такие обстоятельства заставили его подумать о мерах к прекращению войны с Австрией, тем более что из восьми миллионов талеров сохранной казны, завещанной ему отцом, теперь оставалось в наличности не более 150 000: шесть с половиной миллионов были потрачены на завоевание Силезии. Продолжение войны могло сделаться отяготительным для его подданных, а это никак не согласовалось с его правилами и образом мыслей.

В Шотузицкую битву Пруссия потеряла четыре тысячи человек; урон Австрии простирался до шести тысяч. Фридрих очень хорошо знал, что этой победой обязан не столько своей распорядительности и военным талантам своих генералов, как одному из тех непостижимых случаев, которые само Провидение посылает

для решения судеб мира. Не менее того он гордился ей, потому что этот новый блистательный успех приближал его к желанной цели. Среди поля битвы обнял он принца Леопольда и произвел его в генерал-фельдмаршалы. Всем генералам и офицерам был роздан орден Достоинства, солдаты получили денежные награды.

С самого поля битвы Фридрих отправил посольства ко всем своим союзникам с известием о победе. К королю французскому он написал следующие строки:

«Ваше Величество! Принц Лотарингский на меня напал, и я разбил его!»

Курфюрст Баварский или император Карл VII пришел в такой восторг при этом известии, что возвел Фридрихова посланника, барона Шметтау, со всем его потомством, в графское достоинство империи. Король Август III, получив также извещение о победе Фридриха, спросил посла: «А каково действовали мои саксонцы?» — Добрый король и не знал, что его войска совсем не участвовали в этой войне.

Мысли и чувства самого Фридриха в эту эпоху надо изучать в переписке его с Иорданом. Вот что писал он своему другу после Шотузицкой битвы:

«Итак, друг твой в течение тринадцати месяцев вторично одержал победу! Кто бы мог сказать за несколько лет перед сим, что школьник, который учился у тебя философии, у Цицерона — риторике, у Байле — здравому суждению, будет некогда играть в свете военную роль? Кто бы поверил, что Провидение выберет поэта на то, чтобы опрокинуть систему европейских государств и совершенно изменить все политические комбинации королей? Когда-то мы опять увидимся под мирными буками Рейнсберга или под роскошными липами Шарлоттенбурга? Когда мы опять пофилософствуем на досуге о глупости человеческой и о ничтожестве нашего положения? Я жду этой счастливой минуты с большим нетерпением: испытав все на свете, человек возвращается к лучшему».

Новая победа Фридриха заставила и венский кабинет подумать о мерах к прекращению отяготительной войны. Гордость Марии-Терезии смягчилась, она увидела ясно, что борьба с юным, пламенным завоевателем завлечет ее слишком далеко — надлежало решиться на уступку.

В лагерь при Заславле, где находилась главная квартира Фридриха, был отправлен английский посол лорд Гиндфорт как посредник и миротворец. Фридрих уполномочил своего министра, графа Подевильса, окончить дело по его усмотрению. Переговоры начались в Бреславле 11 июня 1742 года. Условия мира были следующие: Мария-Терезия уступала Пруссии Верхнюю и Нижнюю Силезию и графство Глац, за исключением городов Троппау, Егерндорфа и горной цепи по ту сторону реки Оппы. Пруссия принимала на себя австрийский долг в 1 700 000 рейхсталеров, занятых у Англии под залог Силезии.

Тотчас после обоюдных ратификаций прусские войска вышли из Богемии; часть их, через Саксонию, перешла в бранденбургские владения, другая заняла границы Силезии, чтобы защищать вновь приобретенные провинции. Фридрих объявил своей армии о заключении мира, дал офицерам великолепный обед и первый провозгласил тост за здравие и счастье Марии-Терезии.

До отъезда своего в Берлин он сперва объехал все крепости в Силезии, приказал их исправить, а некоторые города вновь укрепить.

Из Бреславля он написал к Иордану следующее письмо:

«В восемь дней я кончил больше дел, чем комиссионеры дома “Австрия” наделали их в восемь лет. И почти все мне удалось довольно счастливо. Я исполнил все, чего требовала честь моего народа, теперь приступаю к тому, чего требует его счастье. Кровь моих воинов для меня драгоценна: закрываю все каналы, из которых она могла бы еще пролиться. Теперь могу снова отдать тело наслаждениям, а душу — философии. Пока в моем мозгу одни счеты да цифры, но по возвращении я выброшу весь этот вздор из головы, чтобы наполнить ее чем-нибудь лучшим. Я написал стихи и потерял их, начал читать книгу — ее сожгли, играл на фортепьяно — его разбили, объездил лошадь — и она охромела. Остается только, чтобы ты заплатил мне изменой за дружбу — и я повешусь».

В Берлин Фридрих прибыл 12 июля, а 28-го мир Пруссии с Австрией был окончательно заключен и подписан. Англия приняла на себя ответственность за точное исполнение договора. В Берлине мир был отпразднован торжественным образом,

и жители столицы всячески старались выказать свой восторг и любовь к победоносному своему монарху.

Вслед за тем все союзные дворы были извещены о заключении мира. Можно себе представить, какое волнение произвело это событие в европейских кабинетах. Больше всех был поражен Флери. Старый политик, не мог перенести мысли, что Фридрих, ученик в государственной науке, которого он хотел употребить только орудием для своих целей, перехитрил его. Он не верил глазам своим и несколько раз принимался перечитывать присланный рескрипт прусского короля.

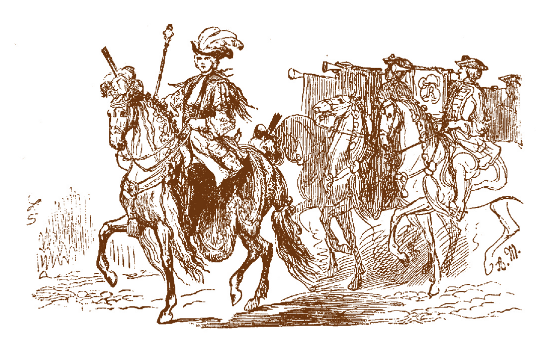
«Я слишком хорошо знаю прямой и благородный образ мыслей Вашего Величества и не могу допустить малейшее подозрение, что Вы хотите нас оставить!» — Так писал Флери к Фридриху и, действительно, он хорошо постиг характер прусского короля. Фридрих сам сознавался Иордану, что шаг этот стоил ему сильной борьбы с самим собой. «Но что делать, — прибавил он, — где между необходимостью обмануть или быть обманутым нет середины, там для монарха остается только один выбор».

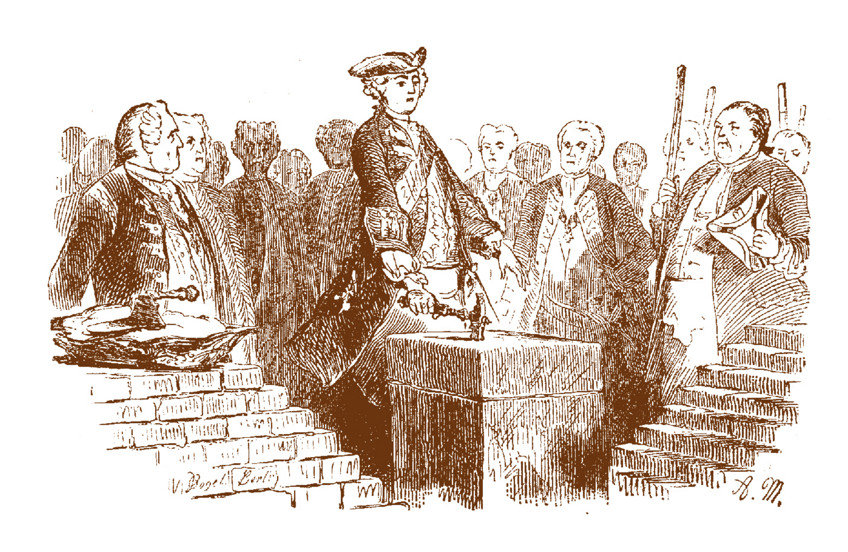
Фридрих изложил кардиналу Флери необходимость такой меры и все причины, которые побудили его к решительному

шагу. Кардинал на это возразил, что пишет ответ свой слезами, и заключил письмо так:

«Ваше Величество делаетесь теперь судьей целой Европы: это самая блистательнейшая роль, какую Вы могли принять на себя».

Но Мария-Терезия была в совершенном отчаянии. Она говорила, что у нее из венца вырвали драгоценнейший камень и, если верить лорду Робинсону, то добрая королева плакала каждый раз, когда встречала силезца, но, к несчастью, почтенный джентльмен любил иногда прикрасить речь свою невинной риторической фигурой.

Глава XVII. Два года мира

рмия Пруссии была сильно расстроена войной. Прежде всего Фридрих позаботился о приведении ее в порядок, о пополнении и усовершенствовании своих полков. Военные действия открыли ему многие недостатки в войске, которые надлежало исправить, но в то же время они показали и хорошие стороны, которые ему хотелось развить еще более.

В одном из своих стихотворений он сказал:

Чтобы государство не теряло своей славы,
И на лоне мира должно
Заниматься суровой военной наукой.

Эту мысль старался он оправдать на деле. Неловкость и дурное устройство прусской конницы было им вполне испытано в Силезскую войну. С этой стороны Австрия имела над ним большой перевес: венгерские гусары и вообще все легкое конное войско австрийской империи почиталось тогда образцовым.

Фридрих вполне оценил его достоинства во время своих битв, и зоркий глаз его тотчас постиг, в чем состояли главные его преимущества.

Итак, первой заботой его было преобразовать на австрийский образец свою кавалерию, оставленную отцом его без всякого внимания. Он утроил ее комплект против прежнего, делал беспрерывные маневры и с помощью Винтерфельда и неусыпного, деятельного Цитена скоро поставил конницу, особенно гусар, на высокую степень совершенства.

Эти воинские заботы Фридриха, который, как мы видели из письма его к Иордану, душой стремился в область мысли и мечты, занимали его так сильно не потому, что он увлекся своими успехами и пристрастился к войне, но потому, что кусок, вырванный им из когтей могучего австрийского орла был слишком лаком и должен был возбудить зависть в других державах. Он предвидел, что последствия Силезской войны поведут за собой еще новые брани и торопился быть готовым на всякий случай, чтобы лицом к лицу во всеоружии встретить каждого нового неприятеля.

Он делал частые смотры войскам своим, упражнял их, придумывал разные перемены в обмундировке и в самих приемах, приучал их к быстрым и неожиданным движениям. При теплом, сознательном чувстве любви к отчизне, которым были одушевлены прусские солдаты, он сделал из них послушную, органическую машину, действующую по убеждению и страшную для врагов.

После войска, вторую заботу для Фридриха составляла вновь завоеванная область, Силезия. Дорого стоило ему ее приобретение, но он не жалел трат на то, чтобы привести ее в цветущее состояние. Он вполне постиг, что в ней, при хорошем устройстве, может открыться неисчерпаемый источник государственного обогащения.

Для большего обеспечения Силезии крепости ее умножились, многие города были обнесены новыми стенами, старые укрепления исправлены и расширены.

На возвышенном месте, по ту сторону реки Нейсе, откуда Фридрих сам навел первую пушку на крепость во время ее осады, он основал новые укрепления. 30 марта 1743 года он лично присутствовал на закладке и своей рукой положил основные камни, соблюдая масонские обряды, так что эта закладка была как бы собранием ложи вольных каменщиков Пруссии и Силезии, в ордене которых Фридрих занимал степень гроссмейстера. Все постройки силезских укреплений производились под руководством генерал-майора фон Вальраве[9].

[9] Инженер Вальраве родом нидерландец. Во время войны за испанское наследство он находился в голландской службе. При осаде Дуэ, в 1710 году, он участвовал в штурме крепости, под начальством принца Леопольда Дессауского. Принц был свидетелем его неустрашимости и в 1714 году рекомендовал его королю прусскому. Фридрих Вильгельм принял его на службу с чином капитана. Вскоре он был произведен в полковники и удостоен потомственного дворянства. В первую Силезскую войну он руководил осадой Брига и по взятии крепости пожалован чином генерал-майора. Фридрих поручил ему, по окончании войны, осмотр, постройку и переправку всех крепостей Силезии и Магдебурга. Вальраве был человек пылкого характера, с самыми необузданными страстями. Вино, женщины и карты составляли для него главные наслаждения и цель жизни. Им приносил он в жертву все, не исключая даже своей совести и чести. Но жажды его к деньгам ничто не могло утолить и все средства к стяжанию казались ему позволительными. Так продал он за значительные деньги планы всех прусских укреплений иностранным дворам. Фридрих узнал об этом под рукой, но не имея явных улик, начал внимательно следить за его действиями. Вскоре открылось, что

Город Глац был обращен в одну из значительнейших крепостей Силезии. Во время фортификационных работ около Глаца были найдены две старинные статуи, изображавшие св. Непомука, покровителя Богемии, и св. Флориана, защитника от огня. Когда король прибыл в Глац для осмотра новых укреплений, ему донесли о находке и спросили, что он прикажет сделать с этими статуями.

«Св. Флориан, — отвечал Фридрих, — пригоден от огня: это дело частное и до меня не касается, но покровителя Богемии мы должны чтить и уважать. Пусть на дворце выстроят башню и на ней поставят св. Непомука».

Приказание короля было исполнено в точности. Когда Фридрих вторично приехал в Глац, он увидел, что статуя поставлена лицом к Силезии. «Нет, — сказал он с улыбкой, — это не так: св. Непомук должен глядеть на ту страну, которой покровительствует, а наши дела до него не касаются». Таким образом, статуя была обращена к Богемии.

Вальраве при постройках вел непозволительные сделки с подрядчиками, обсчитывал казну и таким образом воровал у государства большие суммы. За это он был взят под стражу, осужден, и заключен в один из магдебургских казаматов, который сам построил.

В 1773 году он умер в заключении и завещал все свое огромное состояние королю. Фридрих отдал приказ раздать его бедным офицерам. На вопрос магдебургского губернатора, где король прикажет похоронить Вальраве, Фридрих отвечал: «Хорони его, где хочешь, только не в крепости: я не верю этому плуту даже после смерти».

Особенное внимание обратил Фридрих на укрепление города Козеля, близ австрийской границы. Он сделался одним из главных пунктов пограничной линии.

Позаботясь о безопасности Силезии, Фридрих обратил все свое внимание на внутреннее ее устройство.

Город Бреславль получил подтверждение всех своих привилегий; он был украшен многими новыми зданиями и переименован в третью столицу прусского королевства. Для оживления силезской торговли Фридрих учредил в Бреславле две ярмарки и, чтобы придать им более значения, сам, со всем двором своим, посетил их два раза. Он уговаривал торговцев заводить фабрики и мануфактуры и даже давал им для этой цели заимообразно значительные суммы денег. Промышленный и ремесленный класс народа был им особенно поощряем, потому что в нем Фридрих видел основание будущего довольства страны и своего обогащения.

Все изгнанные австрийским правительством за религиозные убеждения получили позволение возвратиться в Силезию, а для дряхлых солдат и пострадавших в войне были заведены инвалидные дома.

Вникая в поземельное управление и в судопроизводство, Фридрих остался весьма недоволен силезскими чиновниками. Он нашел, что большая часть из них, занимая значительные места с большим влиянием, были люди, не знающие дела, властолюбивые и недоброжелательные, которые интригами, связями и деньгами добились своего звания. Они употребляли власть свою во зло, со всем легкомыслием и бессовестностью наемников и людей продажных. Бедный народ, отданный им в жертву, слезами и последним куском хлеба должен был платить за их роскошь и плодами своего кровавого пота удовлетворять их жажду к стяжанию. В судопроизводстве господствовал такой же беспорядок и та же профанация правосудия. Судьи и судебные места делали, что хотели. К древним римским законам были, в разные времена, прибавлены новые, совершенно противоречащие прежним эдикты, и это представляло блюстителям закона обширное поле ворочать уставами по своему произволу и толковать узаконения и

так, и сяк, смотря по тому, что выгоднее и доходнее. Вся юстиция двигалась на колесах, которые и правый, и виноватый должны были смазывать для того, чтобы они тронулись с места. Притом жалованье чиновников было так ничтожно, а костюм их так смешон и в таком неуважении у народа, что только самые негодные и необразованные люди поступали на службу, в надежде будущих благ от своего места. Полиция, учреждаемая в городах для соблюдения безопасности, спокойствия и достояния жителей, становилась для народа новым отягощением: для содержания ее с жителей взимались значительные поборы и, сверх того, торговый класс и всякий, кто только хотел заниматься своим делом беспрепятственно, должен был откупаться деньгами, чтобы в своих хранителях не найти грабителей. Дань, платимая полицейским чиновникам, почти вошла в порядок вещей, и при исправном платеже каждое противозаконие и отступление от порядка сходило с рук откупившемуся нарушителю.

Притом на этих людей не существовало никаких ревизий и поверок, никто не справлялся об источниках их обогащения. Тайные агенты австрийского правительства наблюдали только за мнениями людей о правительстве, а не за поступками его представителей[10].

Такое положение дел, в розысканиях которого Фридриху много помог министр Коччеги, сильно взволновало и опечалило правдолюбивого короля. Он начал серьезно подумывать о средствах к преобразованию всего устройства силезского управления и поручил Коччеги начертать план новых постановлений. Несмотря на ревность, с которой Коччеги принялся за работу, труды его, на время, остались бесплодными, потому что встретили сильного противника в тогдашнем министре юстиции Арниме, заклятом враге всех нововведений.

Фридрих пока удовольствовался тем, что сменил главных чиновников Силезии и заместил их избранными людьми из силезцев же, честность и верный взгляд которых имел случай сам испытать. Если этой мерой зло не прекратилось совершенно,

[10] Зейферта: «История жизни и царствования Фридриха II».

то оно хоть несколько уменьшилось. Для страждущего народа и это было уже великим благодеянием. Фридрих притом издал указ, чтобы все уголовные дела представлялись на его рассмотрение.

«Я не хочу, — писал он в указе, — чтобы с моих подданных в провинциях сдирали кожу по произволу»[11].

Другой указ его еще замечательнее:

«До меня доходят частые слухи, — пишет он генерал-директории, — что многие из подданных моих приносят самые горькие жалобы на бесконечные прижимки от чиновников, что они ими разорены вконец и часто приведены в такое положение, что не только должны отказаться от своей собственности, но даже бежать из отчизны. Притом эти люди тем несчастнее, что на все свои законные жалобы не находят суда и помощи в высших инстанциях, потому что кригскамера и палата уделов поставили себе за правило не исправлять, а защищать своих подчиненных. Я нисколько не расположен терпеть такое бесчинство и, хотя не хочу на первый случай лишать чиновников законных выгод купленных ими мест, но в то же время не дозволю им различными изворотами и под самыми бессовестными предлогами высасывать кровь моих подданных, не допущу, чтобы они доводили их до нищеты, присваивали себе их достояние и даже изгоняли из родины. Посему повелеваю: генерал-директории впредь не смотреть вскользь на жалобы подданных, подаваемые на чиновников; не снисходить к законопреступным поступкам своих подчиненных и строго внушить кригскамере и палате уделов, чтобы они никогда не оставляли без помощи и внимания крестьян и других подданных, а виновных чиновников, несмотря на их звание, значение и место, тотчас бы отрешали от службы.» — Дан 7 августа, 1742 года.

Побывав в Ахене на водах, Фридрих возвратился в Силезию, объехал ее по всем направлениям, во все вникал сам, все исследовал и на каждом шагу оставлял за собой доволь-

---

[11] «Ich will nicht, schrieb er in einem Dekret— dass meine Untertanen in den Provinzen willkürlich die Haut abreißen».

ство и благословения. В течение года Силезия, без всяких налогов и утеснительных мер, при новом порядке, принесла ему значительные доходы, и казна его возросла до того, что, в случае перемены обстоятельств, он мог вести войну на экономические суммы, не прибегая к займам и нисколько не обременяя государство.

Пруссия также вкусила плоды его заботливости. Разные новые постановления, насчет промышленного и мануфактурного быта, расширили круг ее торговой деятельности и открыли новые отрасли обогащения. Особенное внимание короля было обращено на улучшение дорог и водных сообщений. Реки Эльбу и Одер он приказал соединить каналом, к постройке которого тотчас же было приступлено.

Науки и художества, убитые в Пруссии суровым царствованием Фридриха Вильгельма, начали быстро развертываться и процветать при теплоте душевной Фридриха II. Академия наук получила статус и большие привилегии. Со всех концов просвещенного мира стекались в нее ученые и литераторы, были осыпаемы милостями короля и принимаемы ко двору с особенными почестями.

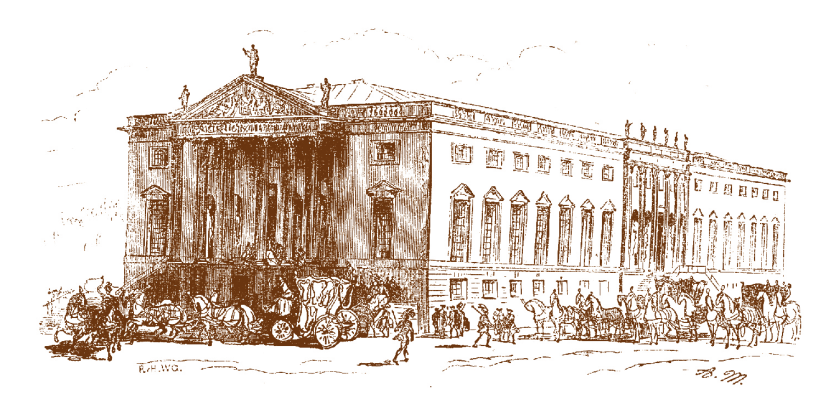
Король установил значительные денежные премии, чтобы поощрить членов академии к состязанию и труду. Для людей науки у него не было ни в чем отказа, и умственный труд он ценил наравне с заслугой государственной.

Первое заседание Академии было открыто в королевском дворце, в Берлине, под председательством самого Фридриха.

Сам Фридрих, среди неусыпных правительственных забот, находил еще время для занятий ученых и литературных. Кроме множества стихотворений он в эти мирные годы успел написать первую часть «*Истории своего времени*», заключающую в себе первую Силезскую войну. Это замечательное сочинение по сжатости и определительности слога, по своей строгой истине, по ясности и оригинальности изложения, достойное стать наряду с творениями классических историков древности, которых Фридрих так прилежно изучал и так хорошо понял. Кроме того, к свадьбе своего друга Кейзерлинга, он сочинил комедию, в трех действиях, под названием «*Школа света*».

Она была представлена в великолепном новом оперном театре, построенном Кнобельсдорфом; здание это сделалось одним из лучших украшений столицы Пруссии.

Чтобы дать приблизительное понятие о неусыпных и многосторонних трудах Фридриха, здесь, кстати, привести несколько отрывков из писем его к Вольтеру, написанных в эту эпоху.

«Прошу Вас, почитайте меня искренним другом. Ради Бога, пишите ко мне, как к человеку, презирая вместе со мной титул, звания и наружный блеск. До сих пор у меня еще так мало времени, что я не могу прийти в себя. Много сделано и еще более замышляю. Работаю обеими руками: с одной стороны для войска, с другой — для народа и наук. Я думаю, что со смерти отца моего, я весь принадлежу государ-

ству. При таком убеждении я трудился изо всех сил и старался сделать все от меня зависящие распоряжения к общему благу. Во-первых, я увеличил силу государства 35 батальонами пехоты, пятью эскадронами гусар и одним эскадроном лейб-гвардии и положил основание нашей новой Академии. Вольфа, Мауперция, Вокансона и Альгаротти я уже приобрел, от Гравесанда и Эйлера жду ответа. Я учредил новый департамент мануфактур и торговли, а теперь зазываю на службу живописцев и ваятелей. Но всего труднее для меня основать во всех провинциях новые хлебные магазины, которые могли бы снабдить все государство хлебом на полтора года».

Из откровенности, с которой написаны эти письма, можно заключить о расположении Фридриха к Фернейскому философу. Хитрый Вольтер не упустил случая воспользоваться этим расположением и, чтобы сберечь своему высокому почитателю драгоценное время, потраченное на письма, явился лично в Берлин. Приезд его был истинным торжеством при дворе прусском.

Чтобы придать себе еще более веса, Вольтер вздумал разыграть роль политического агента со стороны версальского кабинета, но так как у него не было верительных грамот от французского правительства, то Фридрих обратил его выдумку в шутку. Каждый раз, когда Вольтер заикался о политике и государственных делах, Фридрих просил его прочесть сцену из трагедии, к сюжету которой относились его политические воззрения.

Несмотря на эти маленькие колкости, которые прямо указывали Вольтеру его место, он был ласкаем и превозносим похвалами как самим королем, так и всем двором. Но Фридрих любил в Вольтере один его гибкий ум: как человека, он разгадал его давно и убедился, что характер поэта не совсем чист от нравственных пятен. Потому он ставил с большой роскошью трагедии его на сцене, аплодировал им от души, хвалил поэта, осыпал его подарками, но не допускал его в святилище своих политических замыслов.

Вообще роскошь придворных праздников была доведена Фридрихом до небывалого блеска. Он хотел явиться в глазах иностранных принцев и послов, посещавших его двор, достойным представителем одной из главных германских держав. Хотя он очень экономически распоряжался при каждом новом

учреждении, но на придворный блеск и на уплату знаменитым артистам не щадил ничего. Эти издержки входили в его политические планы.

Зато лучшие танцовщики Франции, первые певцы Италии и виртуозы целого мира являлись попеременно то на берлинской сцене, то в залах Шарлоттенбургского дворца. Но если кто из этих артистов зазнавался или относился к нему с нескромными требованиями, Фридрих тотчас давал ему отставку, говоря: «Бывши принцем, я платил из своего кармана, но теперь я король и, стало быть, казначей моего народа».

Таким образом, отставил он знаменитого балетмейстера Потье за то, что он невежливо и высокомерно обошелся с одним из директоров оперы. Потье был в связи с девицей Роланд, превосходной танцовщицей, отличавшейся, кроме того, красотой. Опала Потье заставила и ее подать в отставку. Король готов был удвоить ее жалованье, чтобы только удержать ее в Берлине, но ни за что не соглашался для нее оставить Потье. Он написал по этому случаю статью, которую приказал напечатать во всех берлинских газетах.

«Не входя в подробное исследование, — говорит он в этой статье, — какого рода отношения г-жи Роланд с г. Потье, надо, к сожалению, сказать, что все старания разлучить их, при отставке Потье, остались тщетными. Наслаждение видеть на нашей сцене одну из первоклассных танцовщиц Европы можно было купить не иначе, как приняв в то же время на свое попечение и первейшего глупца и невежду, какой когда-либо состоял в штате Терпсихоры. Что делать! Нет золота без примеси, нет розы без шипов!»

Много издерживал Фридрих на публичные здания, которым придавал красивый вид, созидая их в строгом классическом стиле, по всем правилам греческой соразмерности. К Шарлоттенбургскому дворцу сделана была великолепная пристройка, в которую он поместил музей древностей, купленный им по смерти кардинала Полиньяка. Для всех построек в столице им была учреждена особенная комиссия строений, составленная из талантливых и опытных зодчих. В ней знаменитый Кнобельсдорф занимал почетное место.

Фридрих всеми силами стремился к трем предметам: развить дух трудолюбия в своем народе, поощрить разработку первоначальных или сырых произведений Пруссии и не допустить звонкой монете выходить из пределов государства.

Зная, что многие богатые люди часто ездят за границу для удовольствия, расточают в чужих краях значительные суммы денег и перенимают у чужестранцев одни смешные стороны, он запретил своим подданным выезд из Пруссии совершенно и предоставил это право, с личного своего разрешения, только торговым людям и больным[12].

Эта благоразумная мера удержала многих молодых людей на родине и заставила их употребить с пользой лучшее время жизни — или на службе государственной, или на поприще каких-нибудь наук.

«Я ничего не жалею, чтобы привлечь отовсюду первоклассных ученых и лучших учителей в Пруссию, — говорил Фридрих, — зачем же моим подданным искать образования вне отечества? Государству нужны люди, а не обезьяны».

В 1743 году, по смерти последнего графа Остфрисландского, Фридрих присоединил его провинцию к Пруссии, потому что Бранденбургский дом еще в 1644 году получил на эти земли императорскую инвеституру. Маленькая страна, заботами Фридриха, в два года совершенно изменила вид свой: промышленность и торговля, получившие от присоединения ее к Пруссии более обширный круг деятельности, развились вдруг в ней с необыкновенной быстротой.

Занимаясь неутомимо внутренним устройством своего государства, Фридрих не упускал из виду и политической арены. С той минуты, как он оставил военное поприще, дела европейские приняли совсем другой оборот. Австрия, дотоле утесненная, начала торжествовать, и успехи ее оружия были так важны, что невольно возбуждали беспокойство прусского короля, тем более, что в прежних союзниках своих он теперь увидел тайных врагов и завистников. Безопасность вновь присоединенных им земель и необходимость поддержать значение,

---

[12] «Прошедшее, настоящее и будущее Пруссии» — соч. Эрнести.

которое он приобрел между европейскими державами, заставили его снова вмешаться в паутинную сеть тогдашней международной политики.

Избавясь от Фридриха после Бреславльского мира, Австрия сразу же обратила все свое внимание на другого опасного врага своего, герцога Баварского, или императора Карла III, который за последнее время успел очистить Баварию от венгров и снова завладел своей столицей.

Австрийские войска сперва обратились против французов, занимавших Богемию, и вытеснили их оттуда в Прагу, где маршалы Броглио и Бельиль едва смогли спасти свою армию от голодной смерти, выведя ее в темную ночь тайком из города и оставив в нем только человек 800 старых инвалидов, которые, наконец, сдались на капитуляцию и получили дозволение удалиться в Эгер. Французские войска были преследуемы до самого Рейна.

Очистив Богемию, австрийцы всеми силами ударили на Баварию. Принц Карл Лотарингский разбил 9 мая часть баварской армии при Симпахе, а 8 июня овладел снова Мюнхеном. Как бы в отмщение за то, что герцог Баварский объявил себя королем в Праге, Мария-Терезия приняла присягу Мюнхена и всей Баварии.

Георг II, доселе руководимый советами министра Вальполя, оставался спокойным зрителем всех событий, но при новом своем министре, Картрайте, и он принял деятельное участие в войне. Англия вела войну с испанцами, Франция им помогала — за то Георг решился помочь Австрии против французов. Для этого он вошел в союз с Нидерландскими штатами в пользу прагматической санкции и осенью 1742 года выставил против французов армию в 50 000 человек. Несмотря на протесты Фридриха и императора Карла VII, Георг повел свое войско в феврале 1743 года через Юлих и Кельн к Майну, разбил шестидесятитысячный корпус французов при Геттингене и преследовал его за самый Рейн.

Фридрих не мог оставаться равнодушным зрителем этих событий. От него не скрылось, что между Австрией, Англией, Голландией и Сардинией заключен в Вормсе союз для взаимного

обеспечения владений. Он узнал также, что и Саксония заключила трактат с Австрией, с той же целью. Фридрих понял ясно, что намерение союзников — отнять у него Силезию. Подозрения его еще более увеличились, когда он узнал содержание трактата с Саксонией, в котором даже не было упомянуто о статьях Бреславльского мира, и когда достал копии с переписки Георга II и Марии-Терезии. Мария-Терезия жаловалась, что, по случаю Вормского союза, ее опять принуждают к уступке сардинскому королю Пьяченцы и части Миланской области, так как прежде заставили уступить Фридриху Силезию. На это английский король, истинный британец, отвечал очень значительно:

«Ваше Величество, Вам должно быть известно: что хорошо брать, то хорошо и возвращать».

В то же время Франция и император Карл VII сделали австрийскому кабинету весьма выгодные мирные предложения. Мария-Терезия с гордостью их отвергла и думала только об устранении Карла-Альбрехта и об избрании в императоры своего супруга.

Тогда император, который в стесненном положении жил во Франкфурте, обратился с просьбой о помощи к Фридриху. Фридрих рад был случаю начать дело для собственного своего обеспечения.

Мысль его была составить из маленьких германских владений союз, который бы мог парализовать перевес австрийских сил. Поэтому весной 1744 года он объехал Германию, под предлогом посещения сестер своих в Аншпахе и Байрейте. Но трудно было склонить мелких князей на такое предприятие: одни боялись, другие не понимали мысли Фридриха, третьи, наконец, требовали денег. С большими усилиями удалось Фридриху составить так называемую *Франкфуртскую унию*, цель которой была «даровать Германии свободу, императору — престол, а Европе — мир». К этому союзу он старался склонить главного врага Австрии, Францию, войска которой находились еще в границах Германии, и которая одна была в состоянии поддержать унию своими капиталами. Но версальский кабинет не соглашался на его предложения. Вследствие

того большая часть союзников, боясь издержек, отступилась от Франкфуртской унии.

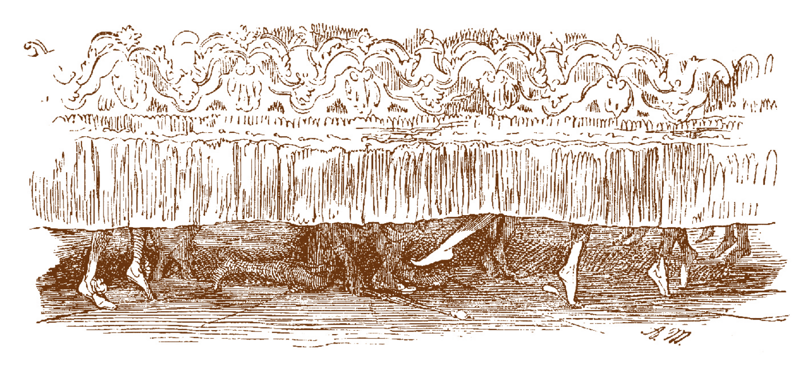
Во Франции с недавнего времени произошли большие перемены: кардинал Флери умер, при дворе не было человека, который мог бы достойным образом занять его место. Началось царство женщин, т. е. правление любимиц Людовика XV: герцогини Шатору, маркизы Помпадур, графини Дюбарри. Интригам, несообразностям и противоречиям не было конца. Двор наполнился любезниками и шаркунами. Ум употреблялся на острые слова и мадригалы, а ходом политики управляла прихоть.

С таким двором трудно было ладить дела.

Однажды Фридрих очень остроумно дал это почувствовать французскому посланнику, находившемуся в Берлине. В театре давали новый балет. По неосторожности машиниста занавес приподняли несколько прежде времени, и зрители увидели множество ног, которые прыгали и делали пируэты.

Король обратился к английскому посланнику и сказал ему довольно громко, чтобы французский посол мог слышать его слова:

— Посмотрите — вот настоящая картина французского министерства: одни ноги, без головы.

После бесплодной переписки с французским кабинетом Фридрих решил отправить в Париж для личных переговоров графа Ротенбурга, который знал хорошо положение тамошнего двора и был в коротких связях со значительнейшими людьми, потому что сам прежде находился на французской службе.

Но чтобы лучше убедиться в способностях своего посла, Фридрих предварительно призвал графа в свой кабинет и подверг его довольно оригинальному испытанию. Фридрих принял на себя роль французского министерства и придумывал на предложения своего посланника всевозможные препятствия и возражения, не щадя даже самого себя. Ротенбург так искусно спорил с королем, так ловко отражал каждый удар, что Фридрих, наконец, воскликнул:

— Если ты и там будешь так умно говорить и придумывать такие убедительные доводы, то я не сомневаюсь в успехе!

Король не ошибся: Ротенбург действительно очень счастливо исполнил свое посольство. 5 июня 1744 года Франция, на основании Франкфуртской унии, составила с Пруссией оборонительный союз против Австрии, который должен был обеспечить права императора Карла VII. Франция обязалась выслать две армии, одну на Нижний, другую на Верхний Рейн, против Англии и Голландии, а Фридрих должен был овладеть Богемией и защищать ее и Силезию от австрийского оружия.

Прусскому королю оставалось только обеспечить себя со стороны северных держав. С Россией он не мог войти в союз против Австрии и Англии, потому что при нашем дворе тогда слишком крепко держали сторону англичан, которые платили нам за то огромные суммы денег. С Марией-Терезией Елизавета Петровна находилась в дружеских отношениях. Притом первый министр ее, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, помогая императрице в ее внутренних преобразованиях, хлопотал только о том, чтобы сохранить мир России с соседями.

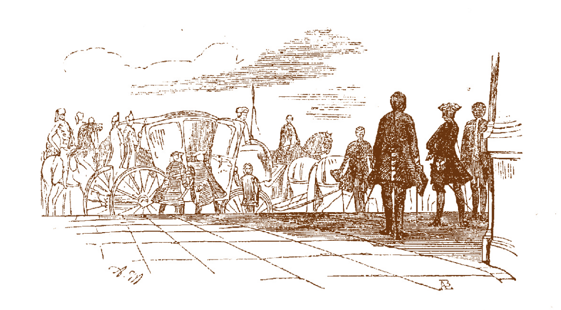
Фридрих придумал другое средство расположить Россию в свою пользу. Тотчас почти по вступлении своем на престол императрица избрала себе наследником сына старшей сестры своей Анны Петровны, Карла-Петра Ульриха, владетельного герцога Голштинского. В 1742 году он был вызван в Россию и, по принятии православного вероисповедания, наименован Петром Федоровичем. Фридрих сумел склонить императрицу на брак его с принцессой Софией-Августой Ангальт-Цербской[13],

[13] Впоследствии — Екатерина Великая.

которая была воспитана в Пруссии, и родитель которой служил фельдмаршалом в прусском войске. Эти отношения доставили ему в то время некоторое влияние на русский кабинет.

Со Швецией он вступил в теснейшие отношения. Он успел просватать сестру свою Ульрику за наследника шведского престола. Обручение было совершено в Берлине 17 июля 1744 года. Со стороны Швеции был отправлен в Берлин граф Тессин с отборнейшим шведским дворянством. Место жениха заступал прусский принц Август Вильгельм. Блистательнейшие празднества следовали за этим торжеством до самого дня отъезда принцессы. Прощание короля с любимой сестрой было трогательно: он проводил ее до кареты и при последнем поцелуе не мог удержаться от слез.

Вследствие этого брака и шведский король присоединился к Франкфуртской унии как ландграф Гессен-Кассельский. Тайной целью этого союза было завоевание Богемии в пользу императора и Пруссии. Теперь Фридрих был довольно силен и мог предупредить замыслы своих врагов.

Глава XVIII. Вторая Силезская война. Поход 1744 года

итрый французский военный министр д'Аржансон придумал довольно удачное средство, чтобы воодушевить несколько французские войска, которые, по недостатку средств и неполновластию своих вождей, претерпевали доселе жестокие поражения в Германии. Он уговорил самого Людовика XV отправиться к армии, вступившей в Нидерланды. Личное присутствие короля сильно подействовало на солдат, и в короткое время ряд побед доставил в руки французов Менен, Иперп, Кноке и Фюрн и дал им средство проникнуть в Эльзас.

Но вторая французская армия на Верхнем Рейне, против которой действовал австрийский генерал Траун, была не так счастлива. Австрийцы теснили ее со всех сторон: Траун проник в Эльзас, а передовые его отряды переходили уже в Лотарингию. Фридриху нельзя было долее мешкать. Разделив войско

свое, состоявшее из 100 000 человек, на три большие колонны, он двинул их в Богемию. Предварительно он издал манифест, которым увещевал богемцев не принимать никаких враждебных мер, называя свою армию «императорскими вспомогательными войсками». Одну колонну он сам повел через Саксонию, по левому берегу Эльбы, другую вел наследный принц Дессауский Леопольд через Лаузиц, а третью двинул фельдмаршал Шверин из Силезии, через Браунау. Два отдельных корпуса, один под начальством князя Дессауского, другой под командой генерала Марвица, в то же время прикрывали границы Бранденбурга и Верхней Силезии.

Поход был устремлен в Богемию. При первом известии о движении прусского короля Мария-Терезия отозвала принца Лотарингского с Рейна, чтобы остановить прусскую армию. Фридрих это предвидел. План его был, чтобы французы последовали по стопам австрийцев и, тревожа их отступление, помешали бы им дойти до Богемии. Вторая французская армия должна была вторгнуться в Вестфалию, чтобы прикрыть пруссаков со стороны Ганновера. Все было рассчитано верно, при деятельном и согласованном содействии союзников успех был бы несомненный.

Император Карл VII послал к саксонскому королю, в Дрезден, реквизиториальную грамоту, испрашивая для своих вспомогательных войск свободного пропуска через Саксонию. Август III в это время был в Варшаве; министры было воспротивилась. Фридрих, не обращая на них внимания, повел свою армию прямо к Пирну, где к нему примкнули и магдебургские полки, пришедшие через Лейпциг. Во время всего похода, совершенного с неимоверной быстротой, наблюдалась в войске строгая дисциплина, за продовольствие и все потребности армии платилось жителям чистыми деньгами и щедрой рукой. Саксонцы, видя в прусских войсках свои выгоды, и не думали мешать их походу.

Цитен с лейб-гусарами составлял авангард перед колонной Фридриха и очищал королю дорогу. Один кавалерийский полк князя Эстергази встретил его на богемской границе, но был опрокинут и почти весь уничтожен. Во всей остальной Богемии пруссаки не нашли сопротивления и неприятельских войск.

Итак, 2 сентября вся прусская армия соединилась под стенами Праги. Австрийский генерал Батиани, стоявший в Баварии, поспешил прикрыть столицу Богемии двенадцатитысячным корпусом. Шесть тысяч человек работали день и ночь над укреплениями. Фридрих не мог предпринять осады, потому что тяжелая артиллерия его еще не поспела на место.

Только 10 сентября пруссаки открыли подступы с трех различных сторон. На следующее утро Шверин овладел крепостцей Жижки и двумя редутами. Король сам наблюдал на пригорке за действиями Шверина. Неприятель, видя множество блестящих мундиров, навел в ту сторону орудие, и рядом с королем был убит картечью двоюродный брат его, маркграф Бранденбургский Фридрих.

Смерть этого принца сильно огорчила Фридриха. Зато он усилил действия свои против Праги, и на следующий же день пруссаки открыли такой страшный огонь по крепости, что во многих местах повредили укрепления, зажгли водяную мельницу, разгромили множество домов и прорвали плотины на Молдаве. Вода до того спала во многих местах, что можно было перейти реку вброд и, таким образом, взять город штурмом, потому что с этой стороны он совсем не имел никаких укреплений.

Коменданты Праги, Огильви и граф Гарш, видя невозможность противиться, сдались со всем гарнизоном и были отведены,

как военнопленные, в Силезию. 16 сентября город был занят, и прусское войско немедленно двинулось далее.

Города Табор, Будвейс и Фрауэнберг сдались один за другим, и Фридрих быстро придвинулся к границам Австрии. Это направление король принял по плану, предварительно составленному с Людовиком XV. Но действия французов совсем не согласовались с его предположениями. Они не только не преследовали принца Лотарингского в Эльзасе, но дали ему даже возможность, в виду соединенных французско-баварской и гессенской армий, переправиться через Рейн и беспрепятственно достигнуть Богемии. Сами же французы, думая только о личных своих выгодах, сделали нападение на южные австрийские владения.

Положение Фридриха сделалось весьма невыгодным. Принц Карл Лотарингский соединился с генералом Батиани, составив, таким образом, войско в 90 000 человек, занял почти неприступный лагерь в Прахинском округе и намеревался в тылу прусских войск переправиться через Мульду, отрезать их совершенно от Праги и лишить всех средств к продовольствованию армии.

Появление сильного вспомогательного войска породило в фанатической Богемии народную войну, которую австрийское правительство еще более разжигало своими прокламациями. Дворянство, духовенство и народ одинаково ненавидели пруссаков и смотрели на них, как на еретиков. Побуждаемые религиозным фанатизмом, подстрекаемые представителями церкви, богемцы почитали каждое средство к истреблению врагов позволительным. Прусские войска были лишены всех средств к пропитанию: крестьяне жгли и зарывали в землю хлеб, бросали свои жилища и скрывались в леса. Того из них, кто решился бы подать малейшую помощь прусским солдатам, ожидала верная и мучительная смерть от своих. Малые прусские партии, которые пускались на фуражировку, попадались в засады и были истребляемы без милосердия. Ропот поднялся в изнуренном войске, многие солдаты разбежались, а другие громко изъявляли свое неудовольствие.

При таких обстоятельствах нельзя было и думать, защищать Прагу, а тем более идти в саму Австрию. Кроме того,

неприятель так мастерски окружил Фридриха, что перерезал ему решительно все пути к сношению с другими союзниками. Целый месяц король не получал никаких известий и не знал, что происходило вне его лагеря. К решительной битве он никак не мог принудить неприятеля, несмотря на то, что австрийская армия была вдвое сильнее прусской.

Все его усилия оканчивались только маневрами между реками Сассавой и Эльбой, причем генерал Траун, командовавший австрийцами, всегда умел выбрать такую выгодную позицию, что Фридриху невозможно было его атаковать.

После долгих совещаний со своими генералами Фридрих решил ретироваться. 9 ноября прусские войска, преследуемые австрийской легкой конницей, с большой потерей переправились через Эльбу при Коллине и Куттенберге.

Фридрих принял меры, чтобы удержаться на правом берегу Эльбы, намереваясь при Коллине вступить в решительный бой с неприятелем. А чтобы сохранить сообщение Праги с Силезией, он занял Коллин и Пардубиц (оба на той стороне реки) сильными гарнизонами.

Принц Лотарингский, принудив изнуренные голодом прусские гарнизоны к сдаче городов Табора, Будвейса и Фрауэнберга, последовал по стопам Фридриха. Дойдя до Эльбы, он посчитал поход оконченным и, не желая дать Фридриху сражения, занял близ Брелоха укрепленный лагерь. Но венский кабинет прислал ему предписание непременно продолжать войну, перебраться через Эльбу, перерезать сообщение пруссаков с Прагой и, таким образом, очистить от них Богемию совершенно. Исполнение этого предписания принц Лотарингский поручил Трауну.

Траун следовал тактике Фабия Кунктатора. Не допуская прусского короля до решительного дела, он производил фальшивые маневры и распускал слухи, что главная цель австрийцев — овладеть Коллином и Прагой. Этой хитростью он отвлек внимание Фридриха от Эльбы и заставил его обратить главные силы на два пункта, где надо было ждать атаки австрийцев. Весь берег Эльбы был уставлен прусскими ведетами и так хорошо защищен, что даже нельзя было подозревать

покушения к переправе со стороны австрийцев. Несмотря на то, вся прозорливость Фридриха не помогла.

За день до начала военных операций Траун, в сумерки, с величайшей осторожностью, переправил вплавь через Эльбу человек тридцать улан и гусар. Они счастливо достигли берега, не были замечены прусскими патрулями и скрылись в прибрежном лесочке. Оттуда они нападали на всех офицеров, которые были отправляемы королем с приказаниями к Цитену, оберегавшему берег.

В ночь на 19 ноября, когда все внимание Фридриха было обращено на Коллин, где он с рассветом ожидал неприятельского нападения, австрийская и саксонская армии тихо приблизились к Эльбе, против местечка Тейниц. Ночь была довольно темная. Осторожность австрийцев доходила до того, что почти не было слышно стука оружия: конница спешилась и вела лошадей в поводу, пионеры действовали молча, как мертвые. Между тем вдали, по направлению к Коллину, мелькали бивачные огни, слышались песни солдат.

Прусские ведеты тогда только увидели неприятеля, когда подведены были последние понтоны к их берегу. Они ударили тревогу, но было поздно. Цитен и капитан Ведель бросились к месту опасности, первый с тремя эскадронами гусар, второй с одним батальоном пехоты. Тотчас же был отправлен офицер с известием к королю и с просьбой о помощи. Когда они прибыли к Эльбе, мост был уже наведен, и все возвышения берега заняты неприятельской артиллерией и пехотой. Картечный град встретил пруссаков, целые ряды их полегли на месте, но ничто не могло устрашить отважных вождей. Два раза они оттесняли австрийцев, но все напрасно: подкрепляемые новыми переходящими полками, австрийцы опять овладевали своей позицией. Батальон Веделя, ослабевший от значительной потери, был, наконец, отстранен; новые силы австрийцев ринулись на берег, но Цитен ударил на них с такой быстротой и неистовством, что опрокинул их совершенно, часть затоптал в реку, часть потеснил на мост. Это заставило австрийцев усилить огонь из орудий и выдвинуть новые полки. Между тем Траун отдал приказ наводить понтоны в разных местах, и приказание

его исполнялось с неимоверной быстротой, под выстрелами пруссаков. К королю были отправлены новые гонцы: надежда на помощь подкрепляла дерущихся. Но помощь не являлась. Пять часов отстаивали Цитен и Ведель свой пост, и, наконец, потратив весь порох, потеряв две трети людей и видя невозможность долее удерживать неприятеля, они решили ударить отбой. Ретирада их была совершена так быстро и с таким искусством, что австрийцы не успели даже захватить раненых.

Фридрих узнал обо всем случившемся, когда в лагерь прискакали Цитен и Ведель. Он слышал перестрелку, но полагал, что это первый приступ австрийцев к Коллину. Отправленные к нему за помощью офицеры не достигли до лагеря: они были захвачены уланами, которые скрывались в лесу. Таким образом, австрийское войско спокойно перебралось за Эльбу. Сам принц Лотарингский был изумлен беспримерной храбростью Веделя и Цитена, которые с горстью пруссаков так долго преграждали ему путь.

— Да, — сказал он, обращаясь к своему штабу, — как счастлива была бы Мария-Терезия, если бы имела в войсках своих таких героев, как эти два офицера!

Фридрих, узнав все подробности дела, обнял Веделя и назвал его «прусским Леонидом».

Переход Карла Лотарингского через Эльбу решил судьбу кампании. Все планы Фридриха были окончательно расстроены. Он решил оставить неприятелю Прагу и вывести войска свои в Силезию, где мог разместить их на надежные зимние квартиры. Это намерение было немедленно приведено в исполнение. В трех колоннах прусская армия двинулась в обратный поход.

Адъютант Фридриха, отправленный в Прагу с приказанием, чтобы стоящие там полки следовали за главной армией, счастливо прокрался сквозь неприятельские войска и достиг своего назначения. Генерал Эйнзидель, командовавший гарнизоном Праги, оставил город 26 ноября. Он не исполнил приказания короля, который предписал ему, до выхода из Праги, разрушить главные укрепления города, забить крепостные орудия, сжечь лафеты и все оружие из арсенала потопить в реке. Во время ретирады он, сверх того, по неосмотрительности подвергал свой корпус неоднократно явной гибели и даже понес значительный урон. Фридрих за то отставил его от службы; сам князь Леопольд Дессауский, который, сперва покровительствовал генералу, обвинил его кругом. Фельдмаршал Шверин, который во всем соперничал с князем Дессауским, принял на себя защиту Эйнзиделя, постарался оправдать его поступки обстоятельствами и довел короля до того, что он на него прогневался. Самолюбие Шверина было сильно оскорблено: он немедленно подал в отставку и был вскоре уволен.

4 декабря прусское войско вступило в Силезию; 6-го Фридрих распрощался со своими солдатами, печальную участь которых братски делил во всю несчастную кампанию, и возвратился в Берлин.

Во второй части «Истории своего времени» Фридрих описал эту войну и подверг свои ошибки строгой критике. Вот что он говорит, между прочим:

«Все выгоды этой кампании были на стороне Австрии. Генерал Траун играл в ней роль Сертория, а прусский король — Помпея. Действия Трауна должны служить образцом для каждого полководца,

который любит военное искусство. Хороший военачальник обязан подражать ему, если только имеет необходимые на то способности».

Король сам сознался, что этот поход был для него военной школой, а Траун — учителем. Прусская армия, которая хотела поглотить Богемию и овладеть Австрией, испытала участь так называемой «непобедимой армады» Филиппа II.

«Но счастье имеет для предводителей часто гораздо печальнейшие последствия, чем неудачи: первое делает их самонадеянными, последние учат их осторожности и скромности».

Едва Фридрих оставил свое войско, как многочисленные отряды австрийцев и венгров, несмотря на зимнее время, вторглись в Силезию и в графство Глацкое. Прусские корпуса заперлись в укрепленных местах. В то же время австрийское правительство издало в Силезии манифест, в котором Мария-Терезия объявляла, что «Бреславльский трактат был у нее исторгнут насильственно, что она разрешает силезцев от присяги на верность прусскому королю и просит вспомнить счастье, которым Силезия не так давно наслаждалась под австрийским владычеством».

Фридрих быстро принял меры противодействовать австрийцам. Он поручил начальство над силезскими войсками Леопольду Дессаускому, а против манифеста Марии-Терезии издал прокламацию, в которой успокаивал жителей Силезии и показывал им «счастье, которым наслаждалась эта страна под австрийским владычеством» в настоящем свете.

Несмотря на трудные переходы и ненастную погоду, пруссаки атаковали австрийцев в разных пунктах, причинили им большой вред и вытеснили их совсем из Силезии. 21 февраля 1745 года в Берлине пели уже благодарственный молебен за освобождение Силезии от неприятелей. Войска вступили в зимние квартиры, но в продолжение всей зимовки были тревожимы набегами пандуров и венгров.

В Берлине короля ожидало счастливое семейное событие. Брак Фридриха был бесплодный. Отправляясь во второй Силезский поход, он провозгласил брата своего, Августа Вильгельма, наследным принцем. Теперь у принца родился первый сын[14]. Это очень обрадовало Фридриха, потому что рождением младенца обеспечивалось престолонаследие царствующего дома. Чтобы показать, как высоко он ценит такое счастье, король на другой же день собственноручно надел на младенца орден Черного Орла.

Между тем на политическом горизонте собирались над Фридрихом новые тучи. В начале 1745 года Австрия заключила в Варшаве вторичный союз с Англией, Голландией и Саксонией. Август III обязался выставить значительное войско за огромные суммы денег, которые должна была выплатить Англия. За то Саксонии была обещана инвеститура на некоторые провинции Пруссии, а Австрии — возвращение Силезии и графства Глацкого.

К большому несчастью Фридриха, 20 января умер император Карл VII. Сын его Макс за возвращение ему отчины согласился заключить мир с Австрией и отказался совершенно от всех притязаний на наследие Карла VI и на императорскую корону. Мария-Терезия торжествовала: ничто не мешало теперь избранию супруга ее в императоры, потому что все претенденты сами отказались от своих прав. Для совершенного спокойствия ей оставалось только возвратить Силезию — она решила достигнуть этой цели во чтобы то ни стало.

Таким образом, Франкфуртская уния расстроилась сама собой. Фридриху оставалась одна надежда на Францию, но все

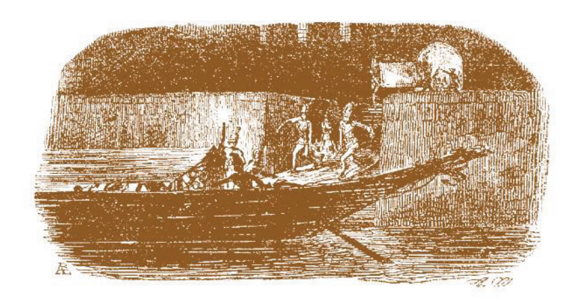
---

[14] Впоследствии — король Фридрих Вильгельм II.

его убеждения не могли склонить Людовика XV к продолжению войны в Германии. Со смерти Карла VII он почитал дело свое законченным, и обратил все силы против Фландрии, где войска его вскоре одержали знаменитую победу при Фонтенуа.

Фридрих увидел, что при таких обстоятельствах он может полагаться только на самого себя. Надлежало увеличить силы Пруссии, и на этот предмет он не пощадил ни государственной казны, ни даже собственного достояния. Из казначейства было вынуто шесть миллионов талеров, со всего государства сделан поземельный побор в полтора миллиона. Вся серебряная утварь, украшавшая дворец: канделябры, столы, люстры, камины и даже серебряные духовые инструменты, заведенные Фридрихом-Вильгельмом I, были обращены в деньги. Каждую ночь двенадцать гайдуков переносили вещи на лодки и отправляли их на монетный двор. Все делалось тихо и скрытно, чтобы не возбудить в народе беспокойства и опасений таким явным признаком государственной нужды. Но эти распоряжения дали королю возможность увеличить войско и обеспечить его на долгое время всем необходимым.

Окончив военные приготовления, Фридрих 15 марта отправился опять к армии.

Глава XIX. Поход 1745 года

спытав несчастье, Фридрих стал действовать гораздо осторожнее. Он не хотел сам отыскивать битвы, как в предыдущую кампанию, а решился выждать нападения австрийцев на Силезию. По приготовлениям неприятеля можно было заключить, что он намерен вторгнуться в Силезию со стороны Богемии.

Фридрих с удовольствием узнал, что опасный его соперник, Траун, отозван к итальянской армии, и что место его в неприятельском войске заступили другие вожди, которые все вместе не имели сотой доли его дарований.

Чтобы сбить с толку прусского короля и скрыть от него настоящую точку нападения, австрийцы отправили несколько легких отрядов, которые рассыпались по всей Верхней Силезии. Завязалась малая война. Беспрерывные стычки с венграми и пандурами служили только упражнением для прусской

кавалерии, но никак не могли отвлечь внимания Фридриха от действия главной неприятельской армии.

Винтерфельд был героем этих мелких сражений. Почти каждый день он одерживал победу над отдельными австрийскими отрядами, брал в плен солдат, отнимал обозы и пороховые запасы. Король был им очень доволен. За эти действия Винтерфельд получил генерал-майорский чин.

Фридрих сосредоточил главные свои силы близ Франкенштейна, а двоюродный брат его, маркграф Бранденбургский Карл, с девятитысячным отрядом занял крепости Егерндорф и Троппау. По соображениям Фридриха, австрийская армия должна была явиться из-за гор у Швейдница, Глаца или Егерндорфа, стало быть, в этой позиции он мог ее встретить лицом к лицу. Главную квартиру свою он поместил в монастыре Каменце, где был некогда так счастливо спасен аббатом Стуше, и где надпись на бронзовой доске и картина доныне повествуют об этом удивительном событии.

Но позиция Фридриха имела свои невыгоды: от Егерндорфа до Нейсе оставался значительный промежуток, не занятый войсками. Австрийцы воспользовались этой оплошностью, прошли туда с двадцатитысячным корпусом, отрезали там

ландграфа от главной армии и постарались оттеснить короля в Верхнюю Силезию, чтобы таким образом очистить своей армии широкую и спокойную дорогу.

Фридрих проник в их замысел, отдал им в жертву Силезию до самого Козеля и думал только о том, как бы соединить корпус маркграфа с главной армией, чтобы потом всеми силами нагрянуть на врага и с первого раза нанести ему решительный удар. Но к совершению плана короля не было никакой видимой возможности. Всякое сообщение с маркграфом было преграждено, австрийцы заняли все дороги и стерегли их неусыпно. Не только курьер, даже переодетый шпион не проскользнул бы сквозь непроницаемую сеть, которой они окружили Фридриха.

Медлить было невозможно. Фридрих решился на жестокую, но почти необходимую игру. Он поручил Цитену пробиться с гусарами сквозь неприятельские линии и, во что бы то ни стало, доставить к маркграфу приказание, чтобы он немедленно двинулся к Франкенштейну.

С сердечной горестью принял Цитен приказ короля, но поклялся исполнить его непременно. Слезы брызнули из глаз его, когда он тронулся с места. Он знал, что ведет храбрый полк свой на верную смерть и внутренне дал себе слово быть первой жертвой роковой экспедиции, не желая видеть ее погибели. Каждому солдату было передано предписание короля, чтобы хоть один из них, если уцелеет, мог доставить его по назначению. Минута, в которую этот превосходный полк отделился от своих товарищей, чтобы никогда более не возвращаться к ним, была торжественна и умилительна. Несмотря на то, каждый солдат бодро шел в открытую могилу, в твердом убеждении, что умирает на пользу отчизны и во славу своего короля — так велико было патриотическое увлечение, которым Фридрих умел воодушевить свое войско.

Ловко придуманная хитрость и странный случай помогли Цитену счастливо исполнить поручение короля и спасти свой полк. Близ Отмахау он переправился через Нейсе и ночью, по разным тропинкам и проселочным дорогам, пробрался до Нейштата, где, совершенно отдельно от прусской армии, стоял небольшой отряд в гарнизоне. Не доходя до крепости, он узнал,

что в эту самую ночь значительный австрийский отряд пытался взять город, но безуспешно. Цитен остановил свой полк и велел солдатам надеть новую обмундировку, которая им только что была выдана перед походом. Она состояла из синих ментиков и медвежьих шапок, вместо прежних красных доломанов и плисовых киверов. Форму эту австрийцы еще никогда не видали на прусских войсках и, сверх того, она очень подходила к одному из их собственных гусарских полков. Когда с рассветом австрийский отряд двумя колоннами двинулся назад к своему лагерю, Цитен с полком своим примкнул к арьергарду. Несколько венгров, которые служили у него в полку, пошли вперед, балагурили и занимали австрийских солдат россказнями, чтобы отвлечь их внимание. Таким образом, Цитен продолжал свой марш под неприятельским прикрытием с шести часов утра до четырех пополудни. В продолжение этого времени их обогнали два драгунские полка, но никто и не подозревал поддельных австрийцев. Наконец, достигнув до Леобшюца, австрийский отряд поворотил вправо к своему лагерю, который находился в четверти мили, а Цитен гикнул своим удальцам и, как стрела, пустился влево. Тут только австрийцы увидели обман. Пока они пришли в себя и решили, что начать, Цитен ускакал уже далеко; за ним пустились в погоню, но он отбился. Ночью прорвался он через несколько кордонов и, ко всеобщему изумлению, на следующее утро явился к маркграфу с предписанием короля.

Гораздо больше труда представлял поход маркграфа Карла. На каждом шагу встречал он неприятельские отряды, которые преграждали ему дорогу. С каждым из них дрался он поодиночке, и, наконец, победителем привел свой корпус в королевский лагерь.

Австрийские и саксонские войска соединились у Траутенау и оттуда двинулись к силезской границе. Фридрих отступил к Швейдницу и занял очень выгодную позицию. Чтобы ободрить неприятеля, он распустил слух, что хочет двинуться к Бреславлю, приказал чинить дороги, ведущие к этому городу, и даже снял свои аванпосты, расставленные в горах. Видя такие распоряжения, неприятель поддался на обман и начал действовать смелее. Австрийско-саксонская армия выступила из-за гор. На

широкой равнине, при Гоген-Фридберге, она расположилась на дневку. Здесь главные вожди составили военный совет, как удобнее и легче овладеть Силезией. На следующее утро был назначен дальнейший поход. Прусские войска были совершенно скрыты от неприятеля пригорками и кустарниками.

В ночь на 4 июля Фридрих приказал всей своей армии с возможной тишиной и осторожностью собраться к Штригау и расположил ее так, что мог атаковать неприятеля со всех сторон. К рассвету полки его стояли уже в боевом порядке.

Едва поднялось солнце, как саксонская армия стала спускаться с гор, чтобы занять Штригау. Пруссаки поздоровались с ними картечью. Неожиданная встреча смутила саксонцев. В тот же миг правое крыло прусской армии, под начальством генерала Демулена, бросилось в атаку с таким неистовством, что саксонцы не устояли, смешались и в беспорядке обратились в бегство, прежде чем австрийцы, ничего не понимающие, смогли узнать, в чем дело.

Принц Лотарингский, главнокомандующий соединенными войсками, слышал перестрелку, но полагал, что это действие первого приступа на Штригау. Он узнал истину только тогда, когда несколько саксонских полков с отчаянием бросились к нему навстречу и объявили, что почти вся армия легла на штригауских полях. Тогда фельдмаршал быстро изготовился к бою и немедленно повел австрийцев в долину.

Но и они были встречены пруссаками с тем же геройством и неустрашимостью. Прусские колонны двигались вперед с необузданной быстротой и опрокидывали все, что попадалось им на пути. Один полк отличался перед другим храбростью; вся битва была для них будто состязанием о первенстве. В несколько часов битва была решена, и около полудня пруссаки уже праздновали победу.

Особенно отличился Байрейтский драгунский полк. Под начальством генерала Геслера он разбил и обратил в бегство двадцать неприятельских батальонов, захватил в плен 2500 человек и отнял 66 знамен и пять орудий. За это король наградил храбрый полк особенными знаками отличия и собственноручно повязал крест Достоинства на его знамя. Генерал Геслер получил титул графа.

Необыкновенное воодушевление прусской армии происходило оттого, что сам Фридрих подавал ей пример величайшего самоотвержения и личной неустрашимости. Австрийцы устроили батарею из сорока орудий, которая громила и рассекала прусские полки по всем направлениям. Фридрих взял три батальона отборных людей и сам повел их против огнедышащего жерла. Люди валились около него, как снопы, но он, впереди всех, на коне, ободрял солдат и с тремястами пятьюдесятью солдатами достиг батареи. Тут велел он им ударить в штыки и первый вскочил на вал.

Битва эта, которая называется Гогенфридбергской или Штригауской, дорого стоила австрийцам. Они лишились 4000 человек убитыми, 7000 пленными и, кроме того, множества орудий и знамен. Пруссаки потеряли только 2000 человек.

Перед самым началом дела к Фридриху прибыл кавалер де Ла-Тур, посол от Людовика XV, с известием о победе при Фонтенуа. Он просил короля о дозволении пробыть в его главной квартире и посмотреть на военные действия.

— Вы хотите узнать, за кем останется Силезия? — спросил его Фридрих.

— Нет, — ответил де Ла-Тур, — я хочу только быть свидетелем, как ваше величество караете своих врагов и защищаете права своих подданных.

По окончании дела Фридрих изготовил ему ответ к Людовику XV. Он был короток:

«Я расплатился при Фридберге по векселю, который вы на меня выставили при Фонтенуа».

Это сардоническое замечание не могло понравиться французскому королю. Впрочем, он сам подал к тому повод. До начала кампании Фридрих употребил все меры, чтобы заставить Людовика подействовать решительно против Австрии. Людовик отвечал, что он и так не шутит с австрийцами и в доказательство приводил свои победы.

Фридрих заметил де Ла-Туру, что во Фландрии французы имели дело только с шестью тысячами австрийцев, и что победы Людовика, хотя и очень знамениты, но в отношении к его союзникам приносят почти такую же пользу, как битва на берегах Тигра и Евфрата или взятие Пекина.

Фридрих преследовал бегущего неприятеля до самого горного хребта. Тут он приказал ударить отбой, чтобы дать отдых своим солдатам, измученным быстрым переходом прошедшей ночи и жаркой битвой в продолжение дня. На другой день король отправил вслед австрийцам генералов Демулена, Цитена и Винтерфельда. Они настигли неприятельский арьергард, разбили и разогнали его, отняли еще несколько пушек, знамен, лошадей и полевых ящиков. Австрийцы бросились в Богемию, прусская армия последовала за ними.

Когда король прибыл в Ландсгут, его окружила с неистовым криком толпа крестьян, вооруженных вилами, серпами, топорами и косами. Они просили позволения перерезать всех католиков за притеснения, которые они претерпели от ненавистного католического духовенства.

— Что вы, что вы, дети! — воскликнул Фридрих. — Разве вы не христиане? Разве не помните святого писания? Сам Спаситель

повелевает вам устами моими: *любите враги ваша, благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть и изгоняющие вы*.

Крестьяне, пораженные словами короля, успокоились:

— Ты прав, отец наш! — восклицали они. — Не нам судить виновных, а творцу небесному и его избранникам! Молча разошлись они по домам, а Фридрих возблагодарил Бога, что мог спасти католиков от возмездия за их Варфоломеевскую ночь.

Во Фридбергской битве отличились и два брата короля, принц Август Вильгельм и принц Генрих, которому минуло только восемнадцать лет. Первый со своей бригадой атаковал неприятеля под самым сильным огнем, а второй служил при короле адъютантом. Французский генерал, маркиз Валори, который был свидетелем геройской неустрашимости принца Августа, говорил о ней после битвы с удивлением.

— Поверьте, — отвечал ему принц, — нигде нельзя быть безопаснее, как между такими товарищами, но надо уметь доказать, что предводитель их достоин.

И действительно, прусские солдаты оказали в этом замечательном деле неимоверные подвиги. Все планы Фридриха были ими исполнены с изумительной точностью, изобретенные им *фланговые атаки*, погубившие врага, совершались с баснослов-

ной быстротой и ловкостью. Сам Фридрих, удивленный своим войском, говорит в «Истории своего времени»:

«Земной шар не крепче покоится на плечах Атласа, как Пруссия на такой армии».

Король последовал за неприятельской армией в Богемию, чтобы лишить богемские пограничные земли всех съестных припасов и заставить австрийцев выбрать себе зимние квартиры подальше от Силезии.

Карл Лотарингский занял укрепленный лагерь близ Кенигингреца. Фридрих разбил свой лагерь рядом с ним при Хлумеце. Три месяца обе враждующие армии жили бок о бок спокойно. Иногда только австрийский партизан барон Тренк нападал на прусские провиантные подвозы, и это причиняло по временам легкие сшибки, не имевшие никаких важных последствий. Пруссаки тешились этой малой войной, как забавой для развлечения. Лихой австрийский партизан Франчини выезжал ежедневно в разъезды, как странствующий рыцарь, отыскивая геройских похождений. Прусские партизаны, со своей стороны, также искали встречи с ним: их схватки походили более на рыцарский турнир, чем на серьезное дело. При одной из таких схваток австрийские офицеры сказали прусским с особенной вежливостью:

— Господа, с вами чрезвычайно приятно драться: всегда чему-нибудь научишься!

Пруссаки отвечали им столь же обязательно:

— Это оттого, господа, что вы были нашими наставниками, и если мы выучились хорошо защищаться, так это потому, что нас всегда мастерски атаковали.

И вслед за тем началась резня, от которой несколько десятков человек с обеих сторон легли на месте.

Между тем тотчас по удалении прусских войск, венгры и кроаты проникли в Верхнюю Силезию, рассеялись по ней врассыпную, начали грабить, и захватили крепость Козель. Король послал туда двенадцатитысячный отряд, под начальством генерала Нассау, с приказанием очистить страну от венгров и непременно занять Козель. Нассау разогнал кроатов

и так быстро и неожиданно обложил крепость, что гарнизон ее очнулся только при взрыве бомб и гранат, которые посыпались на город и укрепления. Видя, что защищаться невозможно, гарнизон стал просить о свободном выпуске из крепости.

— Господа, — сказал Нассау парламентерам, — хотя вы защищались очень храбро, но я уже отвел вам квартиры в Бреславле; итак, решайтесь скорее и оставьте здесь оружие, чтобы оно вас не беспокоило в дороге.

Три тысячи кроатов сдались и были отведены как военнопленные в Бреславль, а Нассау преследовал венгров до самой Моравии.

Другой сильный отряд, под начальством князя Дессауского и генерала Геслера, Фридрих отправил к Галле, чтобы удержать саксонцев, которые угрожали вторгнуться в Бранденбург.

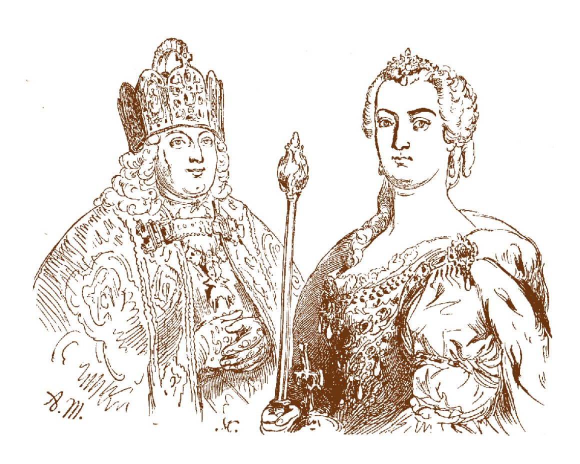
Приняв все меры к защите, король начал думать о средствах к примирению. Через посредство Англии надеялся он склонить Австрию и Саксонию к миру и даже соглашался признать супруга Марии-Терезии императором.

Он вошел в переписку с Георгом II и успел составить с ним в Ганновере трактат, по которому Англия бралась склонить Марию-Терезию на подтверждение Бреславского мира и заставить остальные державы признать Силезию собственностью прусского короля.

Но Георг II слишком понадеялся на себя при заключении этого трактата: Мария-Терезия и слышать не хотела о мире.

— Скорее откажусь от короны, чем от Силезии, — говорила она английскому министру в ответ на предложение Георга. А при избрании ее супруга в императоры голос Фридриха стал бесполезен, потому что большинство курфюрстов было и так на ее стороне. И действительно, несмотря на протесты прусского и курфальцского послов, 13 сентября гроссгерцог Франц Лотарингский был во Франкфурте провозглашен императором.

Эта удача еще более возбудила гордость Марии-Терезии. Она объявила решительно, что до тех пор не успокоится, пока не принудит к покорности возмутившегося подданного. Так называла она Фридриха.

Саксония противилась миру так же упорно. Августу III хотелось утвердить польский престол за своим потомством. Для этого ему нужна была подпора Австрии. Притом, по договору с Марией-Терезией, ему были обещаны княжества Саганское и Глогауское, которые могли служить связью между Саксонией и Польшей.

Итак, Фридриху оставалось одно средство: вынудить мир силой оружия.

При нем находилось только 18 000 человек. Этого было недостаточно, чтобы держаться в Богемии. Он принял меры к отступлению в Силезию и для того переместил свой лагерь в Штауденц.

Карл Лотарингский между тем получил новые подкрепления из Австрии; войско его состояло из 40 000 человек. Почти ежедневно являлись курьеры от Марии-Терезии с предписаниями действовать как можно решительнее против пруссаков. Узнав, что Фридрих намерен ретироваться, принц решился атаковать его арьергард и потом, окружив главную прусскую армию в горных ущельях, нанести ей окончательный удар. Враждебные армии находились друг от друга на расстоянии двенадцатичасового перехода.

Рано утром 30 сентября, когда Фридрих снимался с лагеря, и часть его войска двинулась уже в поход, ему вдруг донесли, что австрийцы подходят к ним со всех сторон в боевом порядке.

Король не задумался ни минуты. Он наскоро построил всю свою армию в одну линию и сам объезжал фронт под градом

картечи, которой австрийцы осыпали пруссаков с двух батарей в двадцать восемь орудий. В ту самую минуту, как лошадь короля, испуганная чем-то, взвилась под ним на дыбы, пуля попала ей прямо в голову и положила на месте. Сама судьба хранила монарха, и этот случай придал еще более бодрости его солдатам. Позиция Фридриха была довольно невыгодная, потому что у него не хватало людей, чтобы прикрыть все важнейшие пункты, но и австрийцам было не лучше: у них, напротив, было слишком мало места, чтобы развернуть все свои силы. Фридрих воспользовался их положением. Он приказал фельдмаршалу Буденброку атаковать австрийскую кавалерию. Двенадцать прусских эскадронов совершенно опрокинули пятьдесят пять австрийских. Австрийцам решительно невозможно было ни отодвинуться назад, по причине гористой местности, ни действовать против неприятеля, потому что эскадроны были расположены один за другим, и первый эскадрон, не выдержавший атаки, опрокинулся на второй, второй — на третий и так далее, пока вся кавалерия не была приведена в такой беспорядок, что солдаты вынуждены были сдаваться пруссакам почти без боя.

В то же время пехота правого крыла, под начальством генерала Бойена и полковника Гайста, пошла на обе неприятельские батареи и после жаркой встречи и отчаянного сопротивления овладела ими.

Центр австрийской армии, расположенный на крутой возвышенности, которая была защищена прилеском, оставался еще нетронутым. Фридрих послал против него свои гвардейские полки под начальством принца Фердинанда Брауншвейгского. Судьбе угодно было, чтобы в этой битве два родных брата встретились как враги. Австрийским центром командовал старший брат прусского генерала, принц Людвиг Брауншвейгский. Здесь пруссаки оказали чудеса храбрости: чтобы достигнуть до неприятеля, они должны были продираться сквозь кусты и взять крутую возвышенность почти приступом, при сильном отпоре и несмолкающем беглом огне неприятелей. Но и здесь они остались победителями.

Австрийцы старались еще кое-где держаться на возвышенностях, но полки их были слишком расстроены, а пруссаки, обод-

ренные успехом и побуждаемые примером вождей, не давали ни минуты отдыха и делали нападения со всех точек. Наконец, австрийцы, потеряв всякую надежду удержать за собой поле битвы, в беспорядке обратились в бегство, оставив пруссакам богатую добычу.

Пруссаки преследовали бегущих до деревни Сор, от которой битва эта и получила свое название. Австрийцы потеряли до десяти тысяч человек, из которых часть легла на месте, часть попалась в плен. Один Борнштедский кирасирский полк отнял у них десять знамен, 15 пушек и захватил 1700 пленных. Потеря с прусской стороны простиралась до 3000 человек. Между павшими в битве были принц Альбрехт Брауншвейгский и генерал Бланкензе.

Особенным мужеством и распорядительностью в этом деле отличился знаменитый впоследствии полковник Форкад. Во время сражения, ворвавшись в неприятельские ряды, он дрался впереди своих солдат, как отчаянный, но был ранен пулей в ногу, упал на месте и был отнесен за фронт. По окончании дела король, рассуждая о действиях своих офицеров, сказал, что большей частью победы обязан неустрашимости Форкада. Кода, после второй Силезской войны, Фридрих возвратился в Берлин, Форкад явился во дворец, чтобы поблагодарить короля за этот лестный отзыв. Но от боли в раненой ноге он не мог стоять и вынужден был прислониться к окну. Фридрих бросился за стулом и принудил Форкада сесть, несмотря на все его отговорки.

Будь покоен, любезный полковник, — сказал ему Фридрих, — такой храбрый и отличный офицер, как ты, стоит того, чтобы сам король подал ему стул.

К особенностям Сорской битвы принадлежит то, что у прусского войска были отняты все обозы, и даже сам король лишился своего походного багажа, так что кроме мундира, который был на нем, у него ничего не осталось. Левое крыло и центр прусской армии не имела времени укрыть свой багаж. Отряды австрийских партизан Надасти и Тренка бросились его грабить, вместо того, чтобы драться. Отыскав в обозе короля и офицеров значительное количество вина, они перепились, начали неистовствовать над освободившимися там женщинами и ранеными и дали пруссакам полную свободу поражать в это время их товарищей. Отчасти это послужило в пользу прусского войска, но зато и австрийцы отличились: они до того очистили обозы, что вечером, когда король пожелал ужинать, не нашлось даже черствой корки хлеба. Генералы вынуждены были разослать адъютантов в разные стороны, чтобы отыскать чего-нибудь на ужин королю. Одному из них удалось найти солдата, у которого был целый хлеб. Солдат не хотел его отдать ни за какие деньги, но узнав, что хлеб назначается для короля, не поверил адъютанту, и сам пошел в королевскую ставку. Там узнал он истину.

— А, если так, — сказал солдат, разломив хлеб пополам, — то дело сладится: король дрался, как и мы, с ним можно поделиться по-братски.

Когда ему король предложил денег, он не взял их:

— За короля я отдавал даром жизнь, а уж за хлеб и подавно не возьму с него денег. Деньги солдат берет только с врага, а не с товарища.

Даже чернил и пера не могли достать королю. Фридрих вынужден был отправить депешу к министру своему в Бреславль на лоскутке бумаги, на котором написал карандашом:

«Я разбил австрийцев, отнял пушки, забрал пленных — вели петь Te Deum».

К Дюгану он также написал коротенькое письмо, вот его содержание:

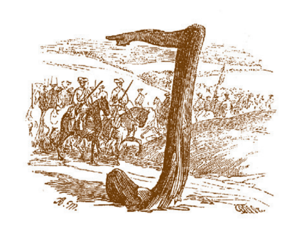
«Я кругом ограблен! Сделайте одолжение, купите мне “Боало” в маленьком издании, с примечаниями, “Введение во всеобщую историю” Боссюэта и Цицерона. Я думаю, вы найдете все эти книга в библиотеке моего милого Иордана».

Итак, прусский король в короткое время одержал две новые победы, но это его нисколько не подвинуло вперед. Он ждал мирных предложений со стороны Австрии, но Австрия молчала. А между тем, по недостатку провианта и по причине раздробления прусского войска, победитель вынужден был добровольно ретироваться от побежденных. Пять дней стоял он на поле битвы, а потом отодвинулся к Траутенау, где и пробыл до 16 октября. Когда и здесь были потрачены последний клок сена и последний сухарь, Фридрих повел всю армию в Силезию. Этот поход совершился не без сшибок с неприятелем, который караулил пруссаков в горных ущельях. В Силезии армия стала на кантонир-квартиры между Швейдницем и Штригау; генерал Демулен протянул кордоны по границе; принц Леопольд Дессауский принял главную команду, а Фридрих отправился в Берлин.

Глава XX. Последняя вспышка второй Силезской войны

Иордан один не встретил с обычной радостью победоносного короля при торжественном въезде его в столицу Пруссии. Все ликовало вокруг Фридриха, но его сердце стеснялось тоской. Во время второй Силезской войны он лишился двух ближайших друзей, которых называл своим семейством: Иордана и Кейзерлинга. Еще до отъезда в Берлин писал он г-же Кама:

«Ради Бога, позаботьтесь о дочери покойного Кейзерлинга, она так же, как и отец ее, принадлежит к семейству моего сердца. Я сам осиротел вместе с нею, потеряв ее отца и моего Иордана, и скорбь моей души печальнее каждого траура, который их родные могут наложить на себя. Когда я развернул присланные мне книги Иордана, сердце мое облилось кровью. С трепетом думаю о возвращении в Берлин, вспомнив, что этого человека, который меня так любил, нет уже в живых. Трудно будет мне отвыкнуть от наслаждения, которое неизменно доставляла мне дружба Иордана и Кейзерлинга».

При таком направлении духа Фридрих думал только о мерах к прекращению войны, которая становилась для него

тягостной. Он полагал, что новые его победы заставят Австрию и Саксонию приступить к решительным переговорам.

Но не так думали его враги. Они желали гибели соперника и к этой цели устремили все свои мысли и действия. 8 ноября, в то самое время, как гарнизонную церковь в Берлине украшали завоеванными трофеями, король, через шведского посланника при саксонском дворе, получил сведения о новых враждебных починах своих неприятелей.

Саксонский министр Брюль, личный враг Фридриха, составил хитрый план, как погубить его еще в течение той же зимы. План состоял в том, чтобы через Саксонию проникнуть в Бранденбург, отнять у Пруссии Силезию в первые зимние месяцы, захватить Берлин и снова переименовать прусского короля в маркграфы Бранденбургские. Австрия с восторгом приняла мысль Брюля. Было предположено: главной австрийской армии, под начальством принца Лотарингского, немедленно, через Лаузиц, двинуться на Берлин; другому корпусу, в 10 000 человек, отделенному от рейнской армии, под командой генерала Грюна, соединиться под Лейпцигом с саксонскими войсками, напасть на пруссаков при Галле и потом также идти на Берлин. В самой столице Пруссии союзники хотели принудить Фридриха возвратить Австрии Силезию, а Саксонии уступить герцогство Магдебургское, с городами Котбусом и Пейцем.

Вся деятельность и душевные силы Фридриха пробудились при этом известии. Дело шло о вопросе: «быть или не быть». Медлить было некогда. В тот же день созвал он военный совет и решил, как действовать при этой неожиданной опасности.

Принц Дессауский получил приказание тотчас же отправиться к войску, стоящему у Галле, и приготовить его к походу. Оттуда ему назначено было двинуться в Саксонию, а сам Фридрих с силезской армией хотел проникнуть в Саксонию через Лаузиц. Таким образом, пруссаки с двух противоположных сторон должны были подойти к Дрездену. Для прикрытия Берлина оставлен был незначительный гарнизон, но сами жители составили порядочный корпус милиции, который ежедневно обучался военному делу. Около столицы выводили

полевые укрепления, чтобы оградить ее от первого нападения неприятеля; с той же целью было поручено генералу Гаку с 5000 солдат идти навстречу врагу, при первом его появлении, и вступить с ним в битву. Пятьсот подвод были приготовлены, на случай несчастья, для отправления в Штеттин государственных архивов, казны и прочих ценностей.

Распорядившись всем в Берлине, Фридрих 15 ноября прибыл к армии в Лигниц. Здесь узнал он из депеши Винтерфельда, который оберегал границы Лаузица, что 6000 саксонцев прошли в Верхний Лаузиц через Циттау, и что главная армия Карла Лотарингского следует за ними.

Фридрих решил употребить ту же хитрость, которая ему однажды помогла. Он соединил около себя все войска, какими мог располагать, генералу Нассау приказал из Верхней Силезии передвинуться к Ландсгуту, чтобы прикрыть границу, и заградил все пути, по которым до австрийцев могли доходить известия о движениях его армии. Между тем к неприятелю посылались перебежчики, которые уверяли, что король более всего боится за свою столицу и думает только о ее прикрытии, для чего спешит через Кроссен перебраться в Берлин, чтобы предупредить Карла Лотарингского. Для большего утверждения неприятеля в этом мнении он приказал исправлять дороги к Кроссену и выстроить по этому направлению несколько магазинов. По берегам Бобера, Квейса и Нейсе были протянуты кордоны, которые, внимательно наблюдая, никого не пропускали в Саксонию.

Карл Лотарингский вторично попался в ловушку. Он полагал, что пройдет через Лаузиц безостановочно и встретит там всего лишь трехтысячный корпус Винтерфельда.

При сильном тумане, 23 ноября, Фридрих тихо поднялся с места. При Наумбурге он переправился через реку и быстро двинулся к Герлицу, куда австрийцы шли со всеми своими силами. Здесь он разделил армию на четыре колонны: посередине шли две колонны пехоты, по бокам по колонне конницы. Король сам предводительствовал центром, а Цитен с гусарами, как и всегда, составлял его авангард. По ошибке колонновожатых марш был очень затруднителен, потому что они повели войско

через болотистые места. Цитен все же успел выбраться на проселок и прибыл к Геннерсдорфу прежде короля.

Здесь узнал он, что в обширной деревне Геннерсдорф стоят на дневке три полка австрийской конницы и один полк пехоты. Это обстоятельство сильно его обеспокоило. Войско короля отстало на несколько миль, а он с одним полком находился лицом к лицу с неприятелем, который был вчетверо сильнее. Думать было некогда, Цитен решил действовать напропалую. Отправив гонца к королю с просьбой о помощи, он разделил полк на три отряда; с одним сам пошел в деревню, а два послал занять выходы из деревни с обоих концов. Намерение его было захватить австрийцев врасплох. Но несколько преждевременных выстрелов разбудили австрийцев, и они встретили смельчака в боевом порядке, ядрами и картечью. Несмотря на это, Цитен ринулся на них с такой быстротой, что ворвался в середину строя, отнял пушки и дрался с таким отчаянным мужеством, что почти весь пехотный Саксенготский полк положил на месте. А кавалерия, видя со всех сторон прусских гусар, думала только о том, как бы вырваться на волю. Между тем и король подоспел к нему на помощь. Деревня была окружена со всех сторон.

Принц Лотарингский, который сам находился при своем авангарде, едва успел спастись с пятьюдесятью гусарами, оставив пруссакам все свои орудия, знамена и обозы. Остальные

австрийцы были изрублены на месте или захвачены в плен. Между пленными находился генерал Дальвиц и более тридцати штаб- и обер-офицеров. В ознаменование этой победы король подарил цитенским гусарам отнятые ими у неприятеля серебряные литавры.

Геннерсдорфская битва была ничтожна, но внезапное появление прусской армии и быстрота ее нападения нагнали такой панический страх на австрийцев, что Карл Лотарингский отказался идти на Берлин и со всем войском передвигался с места на место, не зная, где ему выгоднее и безопаснее встать. Фридрих следовал за ним. В Герлице он отнял у австрийцев значительный магазин, при Циттау разбил неприятельский арьергард и завладел обозом. В неделю в Лаузице не было ни одного австрийца, все сдалось в руки Фридриха; в то же время счастливо были отбиты покушения австрийцев на Силезию. Карл Лотарингский перешел в Богемию.

Теперь Фридрих устремил все силы на Саксонию. Известие о том, что австрийцы выгнаны из Лаузица и Силезии поразило саксонцев. Генерал Грюн, который вел уже значительный корпус против Берлина, был поспешно отозван к армии с самой границы Бранденбурга.

Фридрих снова сделал мирные предложения королю Августу и убеждал его согласиться на статьи Ганноверской конвенции. Август, подстрекаемый Брюлем, ответил, что он готов на мир, но требовал, чтобы Фридрих, сперва вывел армию из Саксонии и заплатил контрибуцию за вред, причиненный Саксонии его войсками. На это Фридрих, разумеется, не согласился. Австрия сумела вмешать в дело и Россию. Елизавета Петровна потребовала от Фридриха, чтобы он прекратил свои враждебные действия против Саксонии, с которой, по Польше, она находилась в союзе. Фридрих расчел, что ранее четырех месяцев русские войска не подоспеют на помощь Августу и потому отвечал, что «он от души рад охранять мирные отношения со всеми соседями, но если кто-нибудь из них замыслит пагубные планы против Пруссии, то никакая сила в Европе не воспрепятствует ему защищаться и карать своих врагов».

Вслед за тем Фридрих принялся за военные действия с новой силой и деятельностью. Он отправил Леопольда Дессауского к Лейпцигу, а генералу Левальду приказал стать на Эльбе, для угрозы Дрездену и для подпоры принца Дессауского. 29 ноября Лейпциг сдался принцу на капитуляцию. Отсюда, по приказанию короля, он быстро пошел к Мейсену, для соединения с корпусом Левальда. Неприятель, спеша на защиту своей столицы, второпях забыл разрушить мост на Эльбе, и потому Леопольду Дессаускому легко было соединиться с Левальдом. 13 декабря оба корпуса двинулись к Дрездену, а 15 король прибыл в Мейсен и обложил оба берега Эльбы.

Эти быстрые действия сильно встревожили саксонцев. Август бежал в Прагу и так был испуган, что даже забыл захватить с собой своих детей. Граф Рутовский приготовился отстаивать столицу. Принц Лотарингский прибыл к нему на подмогу. Он остановился недалеко от Дрездена, но, по распоряжению саксонского военного министерства, австрийские войска были расположены на таком обширном пространстве, что, в случае нужды, Карл не смог бы их сосредоточить и в двое суток.

Теперь только саксонский кабинет сделался поуступчивей. Фридрих получил в Мейсене посольство от Августа III с мирными предложениями, на которые заранее соглашалась и Австрия. Но было поздно: когда Фридрих прочел условия, горизонт пылал уже заревом и гром канонады оглашал воздух — Леопольд Дессауский атаковал саксонцев. Приди посольство несколькими часами раньше — несколько тысяч человек остались бы в живых.

Саксонская армия была расположена превосходно. Она занимала пространство на 13 верст, от Эльбы до деревни Кессельсдорф. Только со стороны Кессельсдорфа, куда примыкало левое крыло, можно было атаковать ее, но здесь была поставлена на возвышении страшная батарея в 24 орудия, которая защищала деревню со всех сторон. Остальная часть войска стояла на крутом косогоре, отлогости и обрывы которого, покрытые льдом и снегом, были решительно недоступны. Правое крыло заканчивалось у Пеннериха на высоком берегу Эльбы и было

прикрыто шеститысячным отрядом генерала Грюна, стоявшем на скале, со всех сторон окруженной пропастями.

В два часа пополудни, 15 декабря, Леопольд Дессауский стал лицом к лицу с неприятелем. В этот самый день минуло пятидесятилетие его военной службы. Старик хотел отпраздновать свой юбилей новой блистательной победой или славной смертью окончить свое воинское поприще. Хладнокровно сделал он все необходимые распоряжения. Он знал своих солдат; многие из них вместе с ним поседели на поле брани, любовь и доверенность их к старому полководцу были неограниченны. Он крепко надеялся на их мужество, но помощь свыше почитал необходимой. Перед самым началом дела он выехал перед фронтом, поднял руки к небу и, после краткой молитвы, скомандовал: «Марш, марш!»

Леопольд разделил значительный корпус инфантерии на три линии и подкрепил их одним драгунским полком.

Атака началась с единственного доступного места, с деревни Кессельсдорф.

Как львы бросились пруссаки вперед, батарея загрохотала и — половины их не стало. Два раза возобновляли они свои покушения — все напрасно: они вынуждены были отступить. Эти неудачи смутили несколько солдат и военачальника. Но, во время их вторичной ретирады, один из саксонских генералов

со значительным отрядом пехоты кинулся их преследовать. Этим движением саксонцы помешали действию собственной батареи. Леопольд в тот же миг воспользовался ошибкой неприятеля. Драгуны четвертой линии бросились навстречу преследующим, опрокинули, смяли их, разогнали и частью захватили в плен, а три линии пехоты ворвались в деревню, овладели пагубной батареей и заставили саксонцев, отстаивавших деревню, положить оружие и сдаться. В то же время прусская кавалерия ударила на левое крыло саксонцев, сбила с места неприятельскую конницу и обратила ее в бегство.

Сын Леопольда Дессауского, Мориц, который командовал левым флангом прусской армии и до самого взятия деревни только обстреливал неприятеля, теперь тронулся с места. С девятью батальонами пробрался он в полузамерзшей лощине, почти выше колен в воде, до Пеннериха и повел солдат на приступ крутой скалы. Солдаты на плечах взнесли его на высоты.

Неожиданное появление пруссаков с этой стороны заставило бежать саксонцев. Прусская кавалерия левого крыла, которая дотоле была отделена от неприятеля пропастями, теперь пустилась его преследовать. Таким образом, саксонцы были разбиты на всех пунктах, пруссаки овладели их позицией, и в течение двух часов дело было решено в пользу Фридриха. Граф Рутовский бежал к Дрездену. Здесь Карл Лотарингский предложил ему напасть на пруссаков вторично соединенными силами, но Рутовский не согласился, говоря, что для спасения армии остается только одно средство — удалиться к богемской границе. В тот же день оба полководца предприняли ретираду, оставив в столице только 4000 человек земской милиции.

Саксонская армия в Кессельсдорфском сражении составляла 26 000 человек под ружьем, пруссаки имели 27 000. С обеих сторон легло до 13 000: сверх того, пруссаки взяли 4000 пленных и отбили у неприятеля 28 пушек. Замечательно, что в этой кровопролитной битве участвовали с обеих сторон только отдельные корпуса, а главные армии оставались в бездействии.

На следующий день Фридрих с войском своим примкнул к корпусу Леопольда Дессауского. Он осмотрел поле битвы и подивился чудным действиям своих солдат. Вслед за тем он подступил к Дрездену. Столица не могла защищаться, во-первых, потому что гарнизон ее был слишком незначителен, а во-вторых, потому что граф Брюль в мирное время приказал уничтожить многие укрепления и на их месте развел парк, чтобы тем увеличить дворцовые сады Августа.

Саксонские министры прислали Фридриху капитуляцию, но он не хотел ее подписать. Итак, ворота Дрездена были ему отворены без всякого дальнейшего условия.

18 декабря Фридрих как победитель въехал в столицу Саксонии. Гарнизон был обезоружен и объявлен военнопленными. Войска в величайшем порядке были размещены по обывательским квартирам. За продовольствие их и фураж платили наличными деньгами, а за малейшую обиду или оскорбление, нанесенные жителям, было назначено строжайшее наказание.

Фридрих объявил всенародно, что не хочет пользоваться своим преимуществом и разорять саксонцев за интриги и безумные действия графа Брюля. Напротив, он от души предлагает свою дружбу Августу III и желает только мира в Германии.

Тотчас по прибытии в Дрезден он отправился во дворец, весьма ласково обошелся с молодыми принцами, обнял их дружески, успокоил и приказал оказывать им все королевские почести. Так же милостиво обошелся он с министрами Августа и с дипломатическим корпусом. Вечером король посетил театр, а на другой день присутствовал на молебствии, которое было совершено в церкви Животворящего креста.

Фридрих начертал мирный трактат и предложил его на рассмотрение саксонских министров. Все пункты были приняты Августом беспрекословно. Лишась войска, столицы, доходов, оставив детей и министров в руках неприятеля, он не мог более торговаться, и даже сам Брюль не сумел ему подать лучшего совета, как согласиться на все условия прусского короля.

Мария-Терезия также увидела, что борьба с Фридрихом не приведет ее к цели, и она согласилась на уступку: граф Гаррах, обер-канцлер Богемии, был ею отправлен в Дрезден с полномочиями заключить мир по своему усмотрению.

Итак, через десять дней после Кессельсдорфского сражения мирный договор был подписан в Дрездене. Австрия вторично уступала Фридриху Силезию в потомственное владение, а прусский король признавал Франца I, супруга Марии-Терезии, императором. Август III обязывался никогда более не пропускать через свои владения врагов Пруссии, заплатить 1 000 000 талеров контрибуции и поддерживать в Саксонии протестантскую веру.

В день заключения мира был отслужен Te Deum. Со всех валов города стреляли из пушек. Во все время своего пребывания в Дрездене Фридрих давал спектакли, балы и концерты для развлечения несчастного народа. Бедные ежедневно толпами стекались ко дворцу и получали щедрую милостыню. И в Дрездене Фридрих сумел приковать к себе самых заклятых врагов своих милостивым обращением и той предупредительной

ласкои и обходительностью, которые характеризовали его в обществе. С сожалением, почти со слезами, провожал его народ, когда 27 декабря он отправился в Берлин. Прусские солдаты расстались с саксонцами задушевными друзьями.

Сильно было беспокойство берлинских жителей при начале последней кампании; ежедневно ждали они незваных гостей и трепетали за столицу Пруссии, которая, кроме своей молодой и неопытной милиции, не могла надеяться ни на какую постороннюю помощь. Зато и радость берлинцев была велика при известии о мире и о возвращении короля. Фридрих сделался идолом Пруссии. Последние победы возвысили его сильно в глазах народа: весь успех кампании приписывали его уму, его личной храбрости, его военным дарованиям. Пруссаки знали, что Австрия и Саксония в этой последней войне имели на своей стороне все преимущества: и перевес сил, и выгоды положения и выигрыш времени, но, несмотря на все это, Фридрих возвращался в свою столицу торжествующим победителем, миротворцем Германии. Торжество, которое жители Берлина приготовили для его въезда, походило на истинную овацию. С самого утра во всех церквях загудели колокола, пальба из пушек не прекращалась ни на минуту. Народная милиция протянулась в два строя от самых, городских ворот до дворца. На всех перекрестках улиц гремела музыка. На окнах и балконах домов развевались ковры и знамена с эмблемами и надписями. Главные чины города и духовенство вышли за городские ворота навстречу королю. Едва издали показалась королевская коляска, раздались трубы и литавры, и сотни знамен ландвера и всех городских сословий и цехов пред ним преклонились. Море народа кипело около коляски, в которой Фридрих шагом ехал со своими братьями. Молодые девушки в белых платьях шли впереди и посыпали дорогу цветами, из окон и с балконов летели в коляску лавровые венки, и народ, бросая вверх шапки и шляпы, впервые закричал: «Да здравствует наш король! Да здравствует Фридрих Великий!»

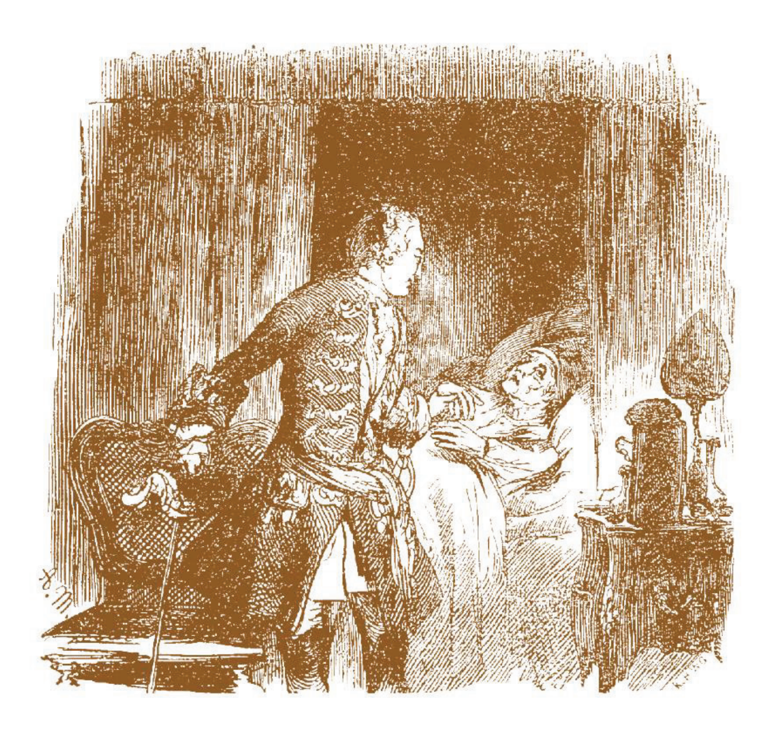
«Никогда не видывал я зрелища умилительнее, — пишет Билефельд. — Роскошь дворов, торжества, которые иногда рождаются по манию государей, часто бывают обманчивы; это род апофеоза, который монархи сами себе составляют, и где народ является только исполнителем их желания, а не действователем по собственному побуждению». Но здесь не было ничего подготовленного, все сделалось мгновенно, само собой, под влиянием одной народной любви к Фридриху и всеобщего умиления. Король был глубоко тронут привязанностью своих подданных, на лице его выражалось чувство собственного достоинства и счастье быть монархом такого доблестного народа. Приветливо кланялся он на обе стороны и только по временам убеждал народ, чтобы он не теснился, остерегался лошадей и не причинил себе как-нибудь вреда в давке. С теми, которые близко подходили к коляске, он вступал в разговор и тем еще более возбуждал всеобщий энтузиазм.

Вечером того же дня, когда иллюминованные улицы кипели народом и оглашались веселым говором и музыкой, на окнах везде красовалась надпись:

Vivat Fridericus Magnus!

король опять приказал подать экипаж, чтобы снова прокатиться по городу. Но на этот раз Фридрих, закутавшись в плащ, крепко прижался в уголок коляски и надвинул шляпу почти на самые глаза. Коляска неслась быстро по разным маленьким, полуосвещенным улицам и закоулкам. Наконец, в довольно отдаленной части города она остановилась перед крыльцом небогатого домика, в мезонине которого мелькал слабый огонек, Фридрих поспешно выскочил из коляски и стал взбираться по узкой и крутой лестнице. Здесь, наверху, в небольшой, но чистой комнатке, стояла кровать с полузадернутыми белыми занавесками. На кровати лежал старик, потухающий взгляд которого показывал, что жизнь в нем мерцает последними лучами, как слабый свет лампады, озарявшей скромную его келью. Фридрих с жаром схватил руку умирающего.

— Как! — вскричал он. — Вы ли это, мой добрый, верный друг? Боже мой! В каком положении я вас нахожу! В минуту, когда я возвращаюсь домой, чтобы успокоить утомленную душу в вашей беседе, чтобы отогреть сердце в ваших объятиях, когда народ прославляет мое имя и празднует мир Германии, единственный друг, который один может вполне оценить мои теперешние чувства — на одре болезни и страдания! О это ужасно! Если б Богу угодно было дать мне средства восстановить ваше здоровье, возвратить вам силы, я доказал бы, что моя благодарность и дружба к вам способна на всякую жертву. Но жизнь человека в руке Божией: станем надеяться на Его святое милосердие!

— Я еще раз вижу ваше величество, — ответил старик слабым голосом, — я слышал о вашей славе и торжестве народа. Этого для меня довольно — теперь я умру спокойно!

— Нет, — возразил Фридрих, — вы не умрете! Вам надо еще жить для счастья моих подданных и для моего собственного. Вспомните: вы одни остались у меня из малого семейства моего сердца!

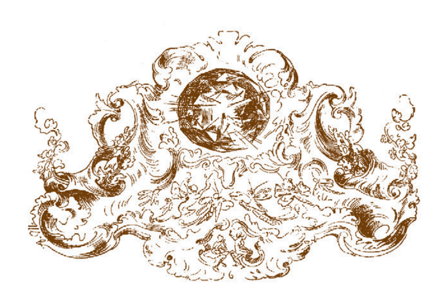
Больной сделал усилие, чтобы схватить руку короля и поцеловать ее, но Фридрих не допустил его до этого. Старик не мог более говорить, но взор его выражал глубокое чувство скорби и благодарности. Он знал, что расстается с венценосным другом своим навеки. Фридрих не вынес этого взора. Слезы навернулись у него на глазах, он крепко сжал руку старика обеими руками, молча наклонил голову в знак прощания и поспешно вышел.

Больной старик был его наставник Дюган. На другой день утром Фридриху донесли, что Дюган в эту ночь умер. Скорбь короля об утрате друга обратилась в нежную привязанность к детям покойного. С этих пор он стал думать о судьбе сирот с истинно отеческой заботливостью.

Война Австрии с Францией продолжалась еще долгое время и кончилась в 1748 году Ахенским миром. В мирном договоре Австрия, по требованию Франции, вторично признала Силезию собственностью Фридриха. Но дружеские отношения прусского короля и Людовика XV давно уже разрушились. Сарказмы Фридриха глубоко уязвили самолюбие французского короля, который и так смотрел на него, как на врага католической церкви. На усиленную просьбу Фридриха о помощи в последнюю решительную для Пруссии войну Людовик прислал ему самый обязательный и вежливый отказ. Он приводил такие причины, на которые прусскому королю нечего было отвечать, но в которых явно обнаруживалась неохота Франции вступаться в его дела. За это Фридрих так же вежливо, но с тонкой, язвительной иронией известил Людовика о заключении Дрезденского мира. Несмотря на эти личные неудовольствия обоих королей, трактат Пруссии с Францией должен был оставаться во всей силе до 1756 года. Но будущее обещало грозу неминуемую. Фридрих, при всей доброте и чистосердечии, был тверд в

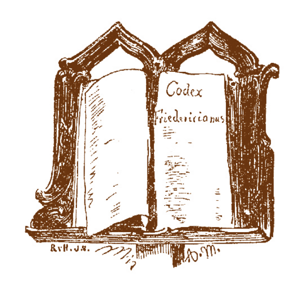
своих убеждениях и не прощал обиды, а тем более предательства. В этом отношении английский посланник, который приезжал в Берлин для переговоров по случаю Ахенского мира, в донесении своему двору очень верно определил характер прусского короля:

«Сердце Фридриха, — писал он, — драгоценный алмаз, но он оправлен в железо!»

Глава XXI. Жизнь Фридриха до Семилетней войны. Монарх

ирное время возвратило Фридриха опять к заботам и трудам государственным. Одиннадцать лет спокойного правления дали ему средства сделать переворот во всех отраслях государственного быта. Церковь, законодательство, политическая экономия, поземельное управление, науки, искусства — все пришло в движение и стало быстро развиваться в новых формах, по новым идеям и положениям. Его неутомимая деятельность сделалась рычагом, который вдруг подвигал все пружины многосложной государственной механики. Когда столица отдыхала еще от дневных трудов, свечи в уединенном кабинете короля показывали, что он уже трудится для народа и, как заботливый отец, жертвует своим покоем думам о будущем счастье своих детей[15]. Каждый день Фридрих вставал в пять часов утра и до

[15] Дежурному каммердинеру было строго предписано будить короля в пятом часу ночи. Однажды Фридрих лег спать позже обыкновенного. В четыре часа слуга пришел его будить. Королю хотелось еще уснуть, но слуга

девяти, до первого доклада, работал, не вставая с места, над новыми проектами различных улучшений.

Не было нововведения в Пруссии, которое не получило бы начала в его светлом уме, в его добром сердце. Источник всего хорошего был один — Фридрих. Мудрено ли после

неотступно требовал, чтоб он вставал. Фридрих начал с ним торговаться, прося хоть полчаса, хоть четверть часа покоя. «Ни минуты» — отвечал каммерлакей, — «если ваше величество не встанете сейчас же, я открою ставни, двери, и стащу с вас одеяло; тогда посмотрим, как вы будете почивать». — Фридрих вскочил в бешенстве: «Как ты смеешь, мошенник, говорить со мной таким образом?» — «Ваше величество, я говорю с сонным *человеком*, а проснется *король*, так он с меня взыщет за неисправность!» — «Ты прав» — отвечал король, смягчившись, — «приказания короля должны быть строго исполняемы, даже в отношении к нему самому. Вот тебе за усердие». — И он подал ему сверток с пятидесятью червонцами.

С другим каммерлакеем был такой же случай. Утомленный монарх просил у него хоть десять минут сроку. Каммерлакей согласился и вышел в переднюю. Через час послышался звонок: король проснулся. «Который час» — спросил он у слуги. — «Сейчас пробило шесть». — «Как» — вскричал король в гневе, — «и ты не разбудил меня, разбойник! Чем вознаградишь ты меня за этот потерянный час? Скажи, чтоб тебя сию минуту рассчитали, и потом не смей мне попадаться на глаза — или берегись!»

этого, что он с первых лет своего царствования приобрел народность, какой до него пользовались весьма немногие государи. Он умел выбирать людей, ценил их способности, награждал их заслуги щедро, но он облачал своих сановников только одной исполнительной властью. Все они были орудиями его намерений и мыслей, и ни один из них не дерзнул бы употребить во зло доверие короля, чтобы показать народу свою силу и могущество. В глазах Фридриха все подданные были равны. Те из них, которых он возвышал до себя, получали отличия потому только, что помогали ему заботиться о счастье остальных граждан, но не для того, чтобы иметь средства к утеснению.

Они были его друзьями, но не временщиками. Фридрих действовал открыто. Он не ограждал себя от народа непроницаемой фалангой царедворцев: каждый из подданных, без различия, имел к нему свободный доступ, каждый шел к нему за советом и помощью и говорил прямо о своих скорбях и нуждах. Простолюдин и вельможа судились и осуждались одинаково, и немилость королевская для последних была гораздо опаснее, чем для первых. Вот почему никакое зло не могло скрыться от его взора, а ни один из близких ему людей не был врагом народа.

Но пусть лучше сам Фридрих пояснит нам свои понятия о правительственных идеях.

Вот что пишет он в своем сочинении «О различных родах правления и обязанностях монархов»[16]:

«Когда монарх отдает кормило правления в наемные руки, т. е. своим министрам, то один тянет его вправо, другой влево. Никто не трудится по общему плану, каждый министр разрушает то, что сделано его предшественником, как бы оно хорошо ни было, и чтобы только быть творцом нового и осуществить свои идеи, хотя бы они противоречили общему благу. Таким образом, беспрерывный ряд перемен не дает времени укорениться и созреть истинно полезным учреждениям. Оттого происходят путаница, беспорядок и ошибки

[16] Издание Эрнести. Мейссен, 1835.

правления. У виновных всегда есть в запасе оправдание: они прикрывают свои безрассудства новизной своих учреждений. Такие министры знают, что никто не будет исследовать их поступков, поэтому и сами остерегаются показать пример строгого следствия над своими подчиненными. Человек, естественно, привязывается к своей собственности. Государство не принадлежит этим министрам, стало быть, и благосостояние его не лежит у них на сердце. Все делается на авось и как-нибудь и притом с истинно стоическим равнодушием, и в этом равнодушии начало упадка правосудия, финансов и воинского дела. Из монархии такое правление превращается в аристократию, где министры, сановники и генералы ведут все дела по своему произволу и прихоти. Наконец, общая система совершенно исчезает, у всякого свой царь в голове, а фокус концентрации, главная точка единства — уничтожается. Как колеса часовой механики движутся для одной цели, для указания времени, так и весь механизм правительства должен бы иметь одну цель: чтобы все отрасли управления одинаково действовали на общую пользу государства, потому что благо страны и народа — главный предмет правления, который никогда не должно упускать из виду. В противном случае, личная выгода сановников и министров заставляет их противодействовать друг другу и отвергать самые полезные улучшения потому только, что это не их мысль».

«Но если таким людям удается, к несчастью, обмануть или обморочить государя и уверить его, что личные его интересы не связаны с выгодами его подданных, тогда зло достигает до высшей степени. Монарх становится врагом своего народа без причины и сам того не зная. Недоразумение делает его строгим, жестоким, бесчеловечным, ибо, если убеждения его ложны, то и последствия их не могут быть правдивы. Государь связан с государством неразрывными узами, стало быть, по неизбежному закону возвратного действия, он должен чувствовать каждое зло, поражающее его подданных, а государство по тому же закону неизбежно страдает от каждого несчастья своего монарха. Например, когда государь теряет области, то он не в состоянии помогать своим подданным так, как прежде; если он делает долги — бедным народ должен их уплачивать. Напротив, если народонаселение государства немногочисленно, если оно беднеет, государь лишается всех вспомогательных источников. Это такие неоспоримые истины, что на них не может быть возражений, а потому я повторяю: государь — представитель государства, он и подвластные ему народы составляют

одно тело, которое не может быть счастливо, если обе части не связаны общими побуждениями, общими интересами. Монарх для государства то же, что голова для тела: он один за все остальные части обязан видеть, думать и действовать, чтобы доставить каждой из них все потребные для нее выгоды. Вот мои понятия об обязанностях государя:

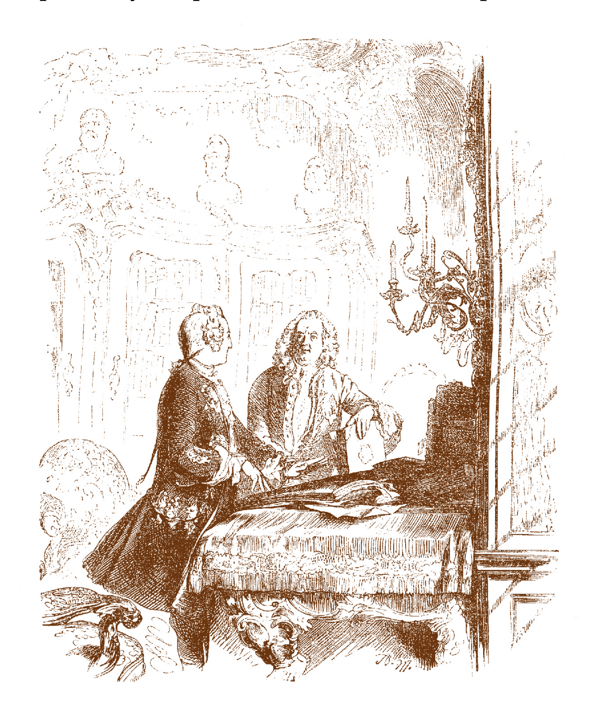
«Он должен прибрести верные и точные сведения о силе и слабостях своей страны, как в отношении ее личного имущества, так и в отношении народочислия, размножения, доходов, торговли, законоположения, направления духа и характера нации, которой хочет управлять. Законы должны быть ясно, кратко и точно изложены, чтобы ябеда и крючкотворство не могли ими ворочать по произволу, перетолковывать дух их по-своему и распоряжаться судьбой частных людей по прихоти, без всяких правил. Производство дел должно быть по возможности кратко, чтобы спасти достояние просителей, которые без этой меры могут потратить на процесс то, на что имеют законное право и о чем просят правосудие. На эту отрасль правления надо обращать главное внимание и ставить все возможные препоны алчности и лихоимству судей и стряпчих. Чтобы каждое правительственное лицо исполняло в точности возложенные на него обязанности, надо ежегодно посылать в провинции ревизионные комиссии, составленные из верных и неподкупных людей. Каждый гражданин, почитающий себя обиженным, вправе жаловаться комиссии на присутственные места и правительственные лица. Комиссия судит всех и каждого без различия, и найденные виновными должны быть строго наказываемы. Не нужно прибавлять, что мера наказания никогда не должна превосходить меры преступления; что насилие не должно заступать место закона; в этом случае лучше, если правитель слишком снисходителен, чем слишком строг».

Сочинение, из которого приведен здесь отрывок, Фридрих написал для собственного соображения и для руководства своим министрам. Он строго держался изложенных им правил и, кроме дарований, выше всего ценил в своих министрах наклонность к добру и к правоте.

Деятельным и достойным его помощником является в эту эпоху Коччеги.

Юстиция была в довольно плохом состоянии в Пруссии. Тысячи пустых форм давали присутственным местам средства к придиркам и оттяжке судопроизводства, так что иные

процессы длились по десяти и более лет. Оттого дела росли и бумаги накоплялись в таком количестве, что самый ревностный судья был не в состоянии даже прочесть тяжебное дело за год, не только запомнить все его подробности. Какого же правосудия можно было ожидать после этого? Просителю оставалось терпеть, тратить имение, беспокоиться всю жизнь, нищать и, наконец, предоставить голую правоту свою наследникам, наличное достояние которых он уже употребил на процесс во время жизни и, стало быть, по смерти лишил их средств продолжать гибельную тяжбу. Этот беспорядок судопроизводства в особенности достиг до высокой степени в Померании. С этой провинции началось исправление. Коччеги в восемь месяцев заставил там решить 2400 дел, которые длились десятками лет, и очистил присутственные места до того, что во всей Померании не осталось тяжбы старее года. Этот первый опыт вполне удовлетворил Фридриха; он сделал Коччеги великим канцлером и поручил ему исправление законов и порядка судопроизводства во всем королевстве.

В этом новом звании Коччеги, несмотря на свои преклонные лета, принялся за реформу с такой деятельностью, что к концу года во всей Пруссии лихоимцы и законопромышленники были отставлены, места их заняли люди честные и благомыслящие. В производстве дел наступил новый порядок, по которому ни один процесс не мог длиться долее года. В противном случае сами следователи и судьи подвергались суду и законному взысканию. Разумеется, что уголовные дела составляли исключение из этого правила. Жалованье всем чиновникам было утроено, а пошлина на бумагу и судопроизводство была во столько же уменьшена. Коччеги убедил короля на эту необходимую меру самым естественным доводом: чтобы чиновники не брали взяток, должно, сперва, обеспечить их собственную жизнь. Не все из них порочны, но каждый хочет есть и пить, а голод и нужда такое зло, из которого чаще всего проистекают преступления. Пошлину должно уменьшить непременно: правосудие, оказываемое подданным, не может служить источником государственных доходов, оно — второе Провидение народа, которое заботится о всех безвозмездно. Иначе бедный человек поневоле должен терпеть обиды и притеснения, потому что не имеет средств заплатить за правоту свою. Фридрих хорошо понимал благую цель своего министра и охотно утверждал все его проекты. Приведя в порядок судопроизводство, Коччеги обратил внимание на сами законы. В 1749 году он окончил, по плану Фридриха, новый свод законов, основанный на положительных и точных началах, который назвал «Corpus juris Fridericianum». В ознаменование этого важного и благодетельного для страны труда король приказал выбить медаль. На ней были представлены: богиня правосудия с неверными весами в руке и Фридрих, который мечом уравновешивает чаши. В «Истории своего времени» Фридрих говорит о Коччеги:

«Добродетели и честность его были достойны золотого века римской республики; по учености и просвещенному уму он, как второй Трибониан, был призван для законодательства и для блага народов».

Приобретя новые провинции силой оружия, Фридрих начал делать завоевания другого рода в собственной земле. Он стал думать об увеличении территории возделкой неплодоносных почв. Одерские болота были осушены посредством плотин и других гидравлических работ; пустынные и глинистые места Пруссии обработаны и заселены. Всюду возникали новые деревни и колонии из протестантов, теснимых в католических землях и прибегавших под защиту прусского короля, как главы протестантской церкви. Приморские земли Остфрисландии, в течение многих веков потопляемые волнами, были защищены от бурного моря плотинами и обратились в цветущие заселения. Когда превосходная плотина на Одере была готова, Фридрих взошел на нее и весело обозревал полосатые нивы и поля, засеянные хлебом, которые возникли по его слову. «Вот княжество, — сказал он, — которое я приобрел, не потратив ни капли крови моих воинов и на сохранение которого мне не нужно солдат».

В Свинемюнде, при впадении Одера в Балтийское море, он приказал устроить гавань. Таким образом, Штеттин сделался одним из важнейших торговых городов Пруссии. Многие судоходные реки были соединены каналами, торговля оттого оживилась, и отечественные продукты значительно подешевели. В то же время, чтобы дать более простору транзитной торговле, Эйден, на Эмсе, был объявлен свободным портом. Фридрих основал в нем две торговые компании, азиатскую и бенгальскую, которые находились под покровительством прусского флага. От всех этих учреждений фабрики и мануфактуры пришли в цветущее состояние, народонаселение умножилось, и государственные доходы увеличились на одну треть.

При кабинетных занятиях Фридрих не оставлял и войска в праздности. Беспрерывные смотры и маневры не давали солдатам выйти из рутины и служили им отличной школой. Фридрих на этих маневрах старался укоренить и лучше приспособить многие нововведения, которые сделал во время Силезских войн в строевых порядках и в тактике. К ним

особенно принадлежали фланговые атаки, действия кавалерии холодным оружием при подкреплении пехоты, движения колоннами. Он принял на службу многих венгров и поляков, которым поручил обучение конницы, и за каждое образцовое, трудное действие своих гусар назначал значительные премии. Ежегодно войска собирались около Потсдама в лагерь, и целый месяц употреблялся на маневры.

Особенно знамениты маневры, бывшие в 1753 году, близ Шпандау, на которые съехались многие коронованные главы и были созваны все генералы и штаб-офицеры Пруссии. Здесь Фридрих близким своим друзьям показывал на опыте действие разных новых своих стратегических и тактических соображений. Но, чтобы эти действия остались тайной между ним и его друзьями, всем посторонним лицам доступ на маневры был строго воспрещен. Это еще более увеличило число любопытных и возбудило даже беспокойство при некоторых дворах, которые полагали, что под видом маневров Фридрих приготовляется к каким-нибудь враждебным действиям. Чтобы успокоить умы и удовлетворить любопытных. Фридрих издал описание своих маневров и умышленно наполнил его всевозможными несообразностями и нелепостями.

Немногие поняли остроумную шутку короля, а большая часть тактиков стали ломать голову над этой галиматьей, как над результатом глубокомысленных соображений и военной опытности.

Несмотря на беспрерывные свои занятия военным делом, Фридрих внутренне не любил войну. Суждения его об этом предмете так замечательны, что нельзя не привести из них нескольких отрывков.

«Мужество воина, — говорит он, — кроме честолюбия, имеет и другие нравственные начала. Иногда источник его в самом темпераменте человека — в простом солдате это превосходное качество; иногда оно следствие обдуманности — и в этом виде прилично офицеру; иногда оно происходит от любви к отечеству, которая должна одушевлять каждого гражданина; иногда началом ему служит мечта о славе: такое мужество удивляет нас в Александре Македонском, в Цезаре, в Карле XII и в великом Конде».

«Голова генерала имеет более влияния на судьбу похода, чем руки его солдат. Мудрость должна прокладывать дорогу мужеству, а отвагу сберегать до решительной минуты. Чтобы заслужить похвалу знатоков, надо иметь больше искусства, чем счастья».

«Мир был бы очень счастлив, если бы правосудие, согласие и довольство народов зависели от одних переговоров. Тогда употребляли бы доводы вместо оружия, стали бы спорить, а не убивать людей. Но печальная необходимость побуждает государей

приниматься за жестокие меры. Бывают случаи, где свободу народов, которой угрожают честолюбивые замыслы, нельзя защитить иначе, как оружием, где надо брать силой то, что неправота не хочет уступить добровольно, где государи, наконец, благо своего народа должны отдавать на произвол битв. В таких случаях ложная поговорка "добрая война доставляет прочный мир" получает вид неоспоримой истины».

«Причина войны делает ее правдивой или несправедливой. Но, во всяком случае, она должна быть конечным средством в крайней необходимости, за которое надо браться с величайшей осторожностью и только в отчаянных случаях. Надо наперед строго исследовать: что побуждает к поднятию оружия на ближнего — простое ли заблуждение честолюбия или основательная, неизбежная необходимость? Войны бывают различных родов: война оборонительная — справедливейшая из всех. Бывают войны за государственные интересы, где государь должен защищать права своего народа, которые хотят у него отнять. Тогда процесс двух народов пишется сталью и кровью, и битвы решают законность их прав. Бывают войны из предосторожности, и государи действуют весьма благоразумно, если их предпринимают. Конечно, в этих случаях, они зачинщики, но война их справедлива. Когда чрезмерная сила государства угрожает выступить из границ и потопить землю, благоразумие обязано противопоставить ей сильные оплоты и остановить бурное стремление потока, пока еще есть возможность. Мы видим, как накопляются тучи; видим, как зарождается гроза, как молнии ее предвещают. Если государь, которому буря угрожает, не может отвратить ее собственными силами, то умно делает, соединяясь с тем, кто разделяет с ним опасность. Если бы цари Египта, Сирии и Македонии действовали соединенными силами против римского могущества, Рим никогда не разрушил бы этих монархий. Умно составленный союз и дружно веденная война разрушили бы властолюбивые планы, которых исполнение поработило весь тогдашний политический мир. Закон мудрости велит предпочитать меньшее зло большим, браться за верное и оставлять неизвестное. Благоразумно поступает и государь, когда предпринимает наступательную войну, пока выбор между оливой и лавровым венком еще в его власти. Все войны, которых прямая цель отразить несправедливых завоевателей, сохранить святость прав народных, обеспечить общую свободу и спастись от притяза-

ний и насилия властолюбцев, все эти войны, говорю я, вполне согласны с чувством справедливости. Государи, которые их ведут, неповинны в пролитой крови: они действуют по необходимости, и в этих случаях война меньшее зло, чем мир».

«Но каждая война сама по себе так плодовита несчастьями, успех ее так неверен, а последствия до того пагубны для страны, что государи должны зрело и долго обдумывать свое намерение, прежде чем берутся за меч. Я уверен, если бы монархи могли видеть хоть приблизительную картину бедствий, причиняемых стране и народу самой ничтожной войной, они бы внутренне содрогнулись. Но воображение их не в силах нарисовать им во всей наготе страданий, которых они никогда не знали и против которых обеспечены своим саном. Могут ли они, например, почувствовать тягость налогов, которые угнетают народ, горе семейств, когда у них отнимают молодых людей в рекруты, страдания от заразительных болезней, опустошающих войска, все ужасы битвы или осады, отчаяние раненых, которых неприязненный меч или пуля лишают не жизни, но членов, служивших им единственными орудиями к пропитанию, горесть сирот, потерявших родителей, и вдов, оставшихся без подпоры? Могут ли они, наконец, взвесить всю важность потери столь многих для отечества полезных людей, которых коса войны преждевременно снимает с лица земли? Война, по моему мнению, потому только неизбежна, что нет присутственного места для разбора несогласий государей».

Как все воинственные монархи, Фридрих полагал, что государь есть первый воин государства и потому сам должен предводительствовать войсками. «Этого требуют его польза, его долг и его слава!» — говорит он. — Как в мирное время он — глава правосудия, так в военное он должен быть защитником и хранителем своего народа, а это столь важная обязанность, что он никому не может ее доверить, кроме себя. Когда он сам при войске, распоряжения и исполнение их идут рука об руку с величайшей быстротой. Между военачальниками не может быть несогласий, а они имеют часто самое пагубное влияние на войска. Кроме того, личный его присмотр водворяет порядок при устройстве магазинов, в системах продовольствия и амуниционной, без которых и сам Цезарь, во главе 100 000 солдат, ничего бы не сделал.

Присутствие государя оживляет дух войска и внушает солдатам доверие и смелость».

Фридрих изучил войну, как немногие полководцы, и в сочинениях его можно найти полный курс военного искусства. Провиантная система составляла главную его заботу, и он часто говорил: «Когда хочешь построить армию, начинай, прежде всего, с желудка; в войне целые нации переходят с места на место; с каждым днем рождаются у них новые потребности, которые ежедневно должно удовлетворять, и гораздо труднее защитить армию от голода, чем от неприятеля. Поэтому в выборе провиантских и коммерсиатских чиновников надо быть очень осмотрительным: если они воры и мошенники — государство много теряет».

Делая беспрерывные перемены в составе, в построении и действиях войск, Фридрих не упускал из виду и самого военного управления. Строго запретил он начальствующим деспотические меры с подчиненными. «Солдаты мои люди и граждане, — говорил он, — и я хочу, чтобы с ними обходились по-человечески. Бывают случаи, где *строгость* необходима, но *жестокость*, во всяком случае, непозволительна. Я желаю, чтобы в день битвы солдаты меня более любили, чем боялись». Для наказания за преступление дисциплины, он издал новый регламент и военный устав. «Чтобы повелевать, надо, сперва, заставить уважать себя!» — говорил он и доказывал это правило на деле. Однажды в гвардейских полках несколько горячих голов составили заговор и решились вытребовать себе силой некоторые льготы и права. Для этого они отправились прямо в Сан-Суси, где король тогда находился. Фридрих издали еще их увидел и, по громкому разговору и резким жестам, тотчас догадался, в чем состояло их намерение. Быстро взял он шпагу, надвинул шляпу на глаза и пошел к ним навстречу. Несколько солдат отделились от толпы, и один из них, дерзко выступив вперед, хотел начать речь. Но прежде, чем он произнес слово, король закричал:

— Стой! Ровняйся!

Вся рота построилась в порядок. Фридрих продолжал:

— Смирно! Налево кругом! Марш!

Солдаты, пораженные строгим взглядом короля, молча исполнили его приказание и спокойно вышли из Сан-Суси, радуясь, что так дешево отделались.

Отличая воинские заслуги своего войска, Фридрих не давал военному званию никаких особенных преимуществ перед остальными гражданами. Строго наказывал он каждый проступок военного против частных людей и лиц духовного звания. Раз, встретил он молодого офицера в весьма расстроенном виде.

— Что с тобой? — спросил его король. — Глядя на твое лицо, иной подумает, что с тобой приключилось какое-нибудь большое несчастье?

— И он не ошибется, ваше величество! — отвечал молодой человек. — Комендант Берлина, генерал Рамин, потребовал меня сегодня вечером к себе. Вероятно, я в первый раз попаду на несколько дней под арест.

— А что ты сделал? — спросил король.

— Ничего, ваше величество: я только дал пощечину моей глупой хозяйке.

— Гм! — сказал король и задумался.

Офицер, ободренный снисходительностью короля, попросил его приказать генералу Рамину оставить это дело и тем избавить его от отчаяния.

— Любезный друг, — сказал король, — ты, верно, плохо знаешь генерала Рамина: с ним шутить нельзя. Поверь, если бы ему кто-нибудь на меня принес жалобу, он и меня бы упрятал под арест.

Во время Силезских войн монахи католических монастырей не раз вели сношения с неприятелем и передавали ему распоряжения Фридриха. Многие генералы просили короля о позволении наказать вероломных. «Боже вас сохрани! — отвечал Фридрих. — Отберите у них вино, но не трогайте их пальцем: я с монахами войны не веду».

Согласно с духом времени, Фридрих давал офицерские чины преимущественно дворянам. Несмотря на то, и люди простого

происхождения, отличавшиеся храбростью и рвением к службе, были награждаемы званием офицера, между тем как нерадивые и неспособные дворяне по несколько лет служили без всякого повышения. Раз, один из значительных придворных, граф П., осмелился письменно просить короля о производстве своего сына в офицеры. На это Фридрих, ознакомившись с посланием, отвечал так: «Графское достоинство не дает никаких прав на службе. Если сын ваш ищет повышений, то пусть изучает свое дело. Молодые графы, которые ничему не учатся и ничего не делают, во всех странах мира почитаются невеждами. Если же граф хочет быть чем-нибудь на свете и принести пользу отечеству, то не должен надеяться на свой род и титул, потому что это пустяки, а иметь личные достоинства, которые одни доставляют чины и почести».

Фридрих не любил, когда его офицеры занимались посторонними делами: охотой, картами, стихами. «Такие люди, — говорил он, — никогда не будут хорошими военноначальниками»[17]. Король терпеть не мог, когда богатые офицеры бросали деньги на пустое мотовство, щеголяли, украшали себя разными побрякушками, носили кольца, завивали волосы. «Это прилично женщинам и куклам, которыми они играют, а не солдату, посвя-

---

[17] Раз он увидел в кондуитных списках имя поручика Видеборна, возле которого в графе была отметка: *плохой солдат, плохой пиита*. Во время смотра король пожелал его видеть. Его представили. «Посмотрим, как ты сочиняешь, — сказал король: скажи мне стих!» Видеборн, не думая ни минуты, отвечал:

Господь во гневе рек:
Пусть Видеборн весь век —
Как он себе ни тужит —
Поручиком прослужит.

Фридрих улыбнулся. — «Я докажу тебе, что ты ошибаешься: Бог не говорил этого. Ты капитан! Ну, скажи поскорее еще стих». Видеборн отвечал без запинки:

Знать Божии гнев смягчен:
Я капитаном наречен.
Еще б обмундировка
Так было б очень ловко.

«Хорошо, — сказал король, — обмундировку ты получишь, только смотри, больше стихов не писать, а не то Господь опять прогневается и ты не пойдешь дальше».

тившему себя защите отечества и всем тягостям походов, — говорил он. — Франты храбры только на паркете, а от пушки прячутся, потому что она часто портит прическу». Нередко, при представлениях, он вычеркивал таких офицеров из списков. Зато он охотно помогал бедным офицерам и часто сам справлялся об их нуждах. На осмотре одного полка, перед Семилетней войной, заметил он, довольно возмужалого юнкера. Он спросил командира полка о возрасте и службе молодого человека и узнал, что ему двадцать седьмой год и что он уже девять лет на службе.

— Отчего же он до сих пор не представлен в офицеры? — спросил король. — Верно, шалун и лентяй?

— О нет, ваше величество! — отвечал командир. — Напротив, он примерного поведения, отлично знает свое дело и весьма хорошо учился.

— Так отчего же он не представлен?

— Ваше величество, он слишком беден и не в состоянии содержать себя прилично офицерскому званию.

— Какой вздор! — вскричал Фридрих с гневом. — Беден! Об этом следовало мне доложить, а не обходить чином достойного человека. Я сам позабочусь о его содержании; чтобы он завтра же был представлен в офицеры.

С этих пор молодой человек поступил под королевскую опеку: из него вышел отличный генерал.

Сколько Фридрих был строг во взысканиях по службе, столько же он был справедлив в наградах и наказаниях. Никакая клевета не могла в глазах его повредить человеку достойному, зато и никакое заступничество не спасало виноватого. Один поручик был послан за границу со значительной суммой денег, чтобы купить там хороших лошадей для ремонта. Он начал кутить и проиграл казенные деньги.

Его отдали под суд и приговорили к трехлетнему тюремному заключению. Два генерала, из первых любимцев короля, стали просить Фридриха о пощаде виновного, представляя, что он их близкий родственник, и что, следовательно, позор его падает на всю фамилию.

— Так он ваш близкий родственник? — спросил король.

— Точно так, ваше величество, — отвечал один из генералов. — Он мой родной племянник. Со смерти отца до самого вступления в полк он воспитывался у меня в доме.

— Право? Так он тебе так близок! И притом еще воспитан таким честным и благородным человеком. Да! Это дает делу другой вид: приговор надо изменить. Я прикажу содержать его в тюрьме до тех пор, пока я уверюсь, что он совершенно исправился.

Просители остолбенели от изумления, такого оборота они совсем не ожидали.

— Поверьте мне, — продолжал король в серьезном тоне, — если человек из такой фамилии и при таком воспитании способен на преступление, хлопотать о нем не стоит: он совершенно испорчен, и на исправление его надежды нет.

С пленными Фридрих обходился более чем великодушно. Он умел почтить в них несчастье и старался своими милостями вознаградить им утрату отечества. Он так был уверен в их преданности к себе, что смело пополнял ими свои войска, и не было примера, чтобы иностранец изменил прусскому знамени. Пленные видели в нем великого вождя, справедливого монарха и привязывались к нему душой и телом. Раненые составляли всегда и везде первую его заботу. Во второй Силезской войне, чтобы спасти 300 человек раненых, находившихся в Будвейсе, Фридрих пожертвовал целым отрядом в 3000 человек. Этот поступок, заслуживший порицание всех тактиков, есть прекрасное свидетельство великодушного и человеколюбивого сердца короля. Многие упрекали Фридриха, что он в некоторых случаях, для быстрого движения войска, жертвовал своими ранеными, но историк Прейс самыми разительными доводами и примерами доказал, что эта вопиющая клевета. Лучшим доказательством его заботливости о несчастных жертвах войны служит построенный им обширный инвалидный дом в Берлине, который он украсил превосходной надписью «Раненому, но не побежденному»[18]. Здесь было все придумано для спокойствия бедных инвалидов, а две церкви, протестантская и католическая, устроенные

[18] « Уязвленному, но непобежденному воину».

при этом благодетельном заведении, давали страждущим мир душевный. Но не об одних воинах думал король; и о семействах их заботился он со всей теплотой сердца. Вдова одного заслуженного офицера написала раз к королю, что она страдает неизлечимой болезнью, а дочери ее принуждены доставать себе пропитание трудами рук своих, но что они слабого сложения, и потому она страшится за их здоровье и жизнь. «А без них, — прибавляет она, — я должна умереть с голоду! Прошу ваше величество о помощи».

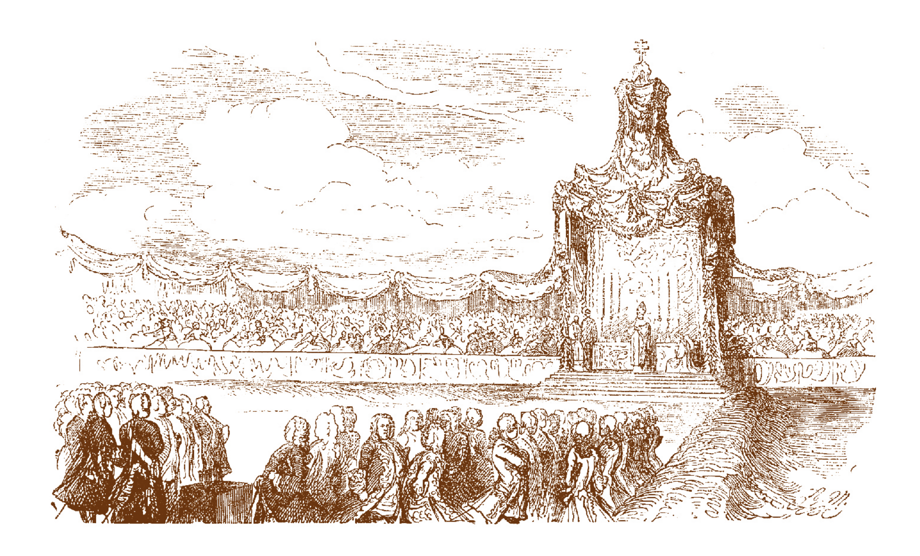
Король немедленно написал ей в ответ:

«Сердечно сожалею о вашей бедности и о печальном положении вашего семейства. Для чего вы давно уже не отнеслись ко мне? Теперь нет ни одной вакантной пенсии, но я обязан вам помочь, потому что муж ваш был честный человек, и потеря его для меня очень прискорбна. С завтрашнего дня я прикажу уничтожить у моего вседневного стола одно блюдо; это составит в год 365 талеров, которые прошу вас принять предварительно, пока очистится первая вакансия на пенсион».

Фридрих имел необыкновенную память. Он никогда не забывал тех, кто отличился храбростью или сделал проступок, хотя бы они были простые солдаты. Первые, рано или поздно, получали непременно награду, последние никогда не могли надеяться на помилование и забвение прошедшего. Раз, одному старому сержанту определили пенсион и назначили место. Когда определение его представили на утверждение короля, тот вспомнил, что этот сержант за 15 лет до того, в войне 1744 года, уличен был в низком поступке против своих солдат и в жестокости с пленными. Вместо подписи на представлении Фридрих нарисовал на нем виселицу и отослал назад.

В отношении к церковному управлению Фридрих всегда держался правила, которое сам изложил в одном из своих сочинений: «Слепое пристрастие к какому-нибудь вероисповеданию (фанатизм) есть тиран, опустошающий земли; веротерпимость, напротив, нежная мать, которая о них печется и дает им мир и счастье». Никогда не касался он в своих повелениях сущности

религий, а отменял только некоторые наружные нормы, которые, по его политическому и религиозному воззрению, не согласовались с целями его правления. Так, изменил он, например, поминание о короле, на ектиниях. Вместо прежней формы «И помяни Господи его величество нашего благочестивого короля...» Фридрих приказал говорить: «И помяни, о Господи, униженного раба твоего, нашего короля». Приобретение Силезии, страны по преимуществу католической, дало Фридриху возможность показать свою религиозную терпимость во всей ее силе. В глазах его не было различия между католиками и протестантами, все его подданные пользовались равными правами, и духовенство обеих церквей одинаково осыпалось его милостями за усердие и ревность к исправлению народной нравственности. Католическая вера не только не была утесняема в Пруссии, но получала даже все средства к отправлению своего богослужения во всем свойственном ей блеске. Король одаривал щедро церкви и монастыри. В 1747 году он построил в Берлине великолепный храм для католиков. Закладка происходила в его присутствии, со всей возможной пышностью и приличными случаю церемониями.

Но Фридрих строго преследовал прозелитизм. Обращение протестантов в латинскую веру он почитал непозволительным злоупотреблением католического духовенства и никогда не щадил виновных. «Бог — отец всех смертных без различия, — говорил он, — все религии, исповедующие его величие и милосердие, равны перед Всевышним судьей, и не нам, грешникам, принадлежит судить христианские убеждения. Поэтому не следует давать тому или другому преимущество».

Будучи сильнейшим из протестантских государей, Фридрих почитал себя главой реформатской церкви и постоянно наблюдал за ее выгодами и единством. Наследный принц Гессен-Кассельский перешел к католической церкви — Фридрих актом обязался сохранить народу евангелическое вероисповедание. Когда католический принц Фридрих Виртембергский женился на принцессе бранденбургского дома, Фридрих формально поручился виртембергцам, что грядущие их государи будут лютеранского закона. После первой войны с Австрией протестантские венгры обратились к Фридриху с жалобой на религиозные притеснения. Он тотчас отправил к венскому двору посольство с требованием, чтобы венграм была предоставлена полная свобода вероисповедания и богослужения. В верительной грамоте он называл себя протектором реформатской церкви и грозил употребить такие же неприязненные меры к католикам в Силезии, если его просьба не будет уважена австрийским правительством. Венский кабинет отвечал, что в Венгрии никаких утеснений протестантам не делалось, и что он позаботится, чтобы и впредь не было причин к жалобам. Несмотря на то, после второй Силезской войны утеснения увеличились и пресбургский епископ потребовал даже от императрицы совершенного уничтожения *еретиков*. Тогда Фридрих написал бреславскому епископу письмо, в котором просил его, во избежание всякого зла, употребить против насилия в Венгрии все свое духовное влияние. Епископ отправил письмо короля к папе Бенедикту XIV, и святейший отец, боясь серьезных последствий для силезских католиков, немедленно повелел уничтожить просьбу пресбургского епископа и

оставить венгров в покое[19]. Все преследуемые за религиозные убеждения получили позволение поселяться в прусских владени-

---

[19] В это время был случай с Фридрихом, который стоит того, чтоб его рассказать. Гуляя в потсдамском саду, король встретил молодого человека весьма приятной наружности и вступил с ним в разговор. Молодой человек объяснил ему, что он венгр, протестантского исповедания, учился богословию во Франкфурте на Одере, и теперь, возвращаясь на родину, желал осмотреть столицы Пруссии. Фридриху очень поправились образованный ум и скромность молодого кандидата. Он предложил ему остаться в Пруссии и обещал хорошее место. Кандидат отказался, ссылаясь на семейные обстоятельства. «Так не могу ли тебе быть чем-нибудь другим полезен?» — спросил его король. — Очень можете, ваше величество! Я купил себе несколько богословских и Философических книг, которые строго запрещены в Австрии, а как там цензура поручена иезуитам, то их у меня непременно отберут. Я бы желал... — «Довольно, — сказал король, — я тебя понимаю. Возьми все свои книги, накупи себе еще, если хочешь, и отправляйся с Богом. Если их у тебя отнимут, скажи, что книги эти мой подарок. На это конечно не посмотрят, но все равно. Ступай тогда к моему посланнику и расскажи ему наш теперешний разговор. Потом найми себе квартиру в *лучшей* гостинице Вены, но слышишь *ли*, в *лучшей*, и проживай там не менее трех червонцев в день; если можешь, так и более, но только *не меньше*. Там ты пробудешь до тех пор, пока они принесут тебе книги на дом, а что они принесут их, за это я ручаюсь. Но только, Боже тебя сохрани, если ты будешь тратить меньше трех червонцев!» Король велел ему подождать и скоро вынес ему клочок бумаги, на котором было написано: «*Для прожития за наш счет в Вене. Фридрих*» Эту бумагу ты отдашь моему посланнику. Затем, Фридрих пожелал ему счастливого пути, уверил его, что он получит в Венгрии приход, поклонился и ушел. Как король предвидел, так и случилось: книги были отобраны у бедного кандидата. Он исполнил в точности приказ короля и зажил в Вене, припеваючи. В тоже время от Фридриха последовал приказ запечатать библиотеку иезуитской коллегии в Бреславле и приставить к ней часовых. Иезуиты, пораженные немилостью короля, решились отправить к нему депутацию. Фридрих заставил их прождать в Потсдаме несколько недель, а на аудиенции объявил, что они могут узнать причину его приказания от прусского посланника при венском дворе, прося притом поклониться от него их тамошним сотоварищам, господам цензорам.

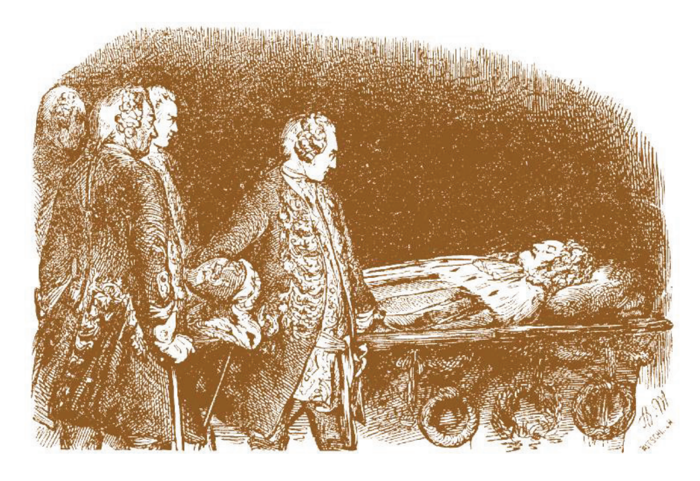

ях. С 1740 года гуситы начали переходить из Богемии и при пособиях короля основываться в окрестностях Виртемберга и Штрелена. Около Нейзальца и других городов возникли колонии *моравских братьев*, известных под именем *гернгуттеров*. Фридрих дозволил им построение собственной церкви. В Бреславле основалось даже общество православных христиан, которые имели свою церковь, а северная Пруссия была открыта для меннонитов, где им предоставлена была полная свобода отправлять богослужение по своим обрядам.

Вот краткий очерк деятельности и мнений Фридриха по части внутреннего управления, военного дела и церковного устройства. Остальное внимание обращал он на полезные и красивые постройки и на удовольствия народа. В Берлине воздвиг он величественный собор. Старый собор служил кладбищем коронованных глав царствующего дома. Новый получил то же самое назначение. Для этого в январе 1750 года, по освящении храма, были в него перенесены все гробы усопших предков Фридриха. Король сам присутствовал при этой торжественной церемонии. Когда перенесли великого курфюрста Бранденбургского Фридриха Вильгельма, король приказал открыть гроб.

Покойник лежал во всех регалиях своего звания; черты лица почти совсем не изменились. Фридрих подошел к гробу, взял руку усопшего, долго глядел ему в лицо, и, наконец, обращаясь к окружающим, восторженным голосом воскликнул: «Господа! Этот много сделал!»

Депутация возвратилась ни с чем в Бреславль и оттуда принуждена была снова отправиться за разрешением загадки в Вену. Посланник объявил, что он, к сожалению, не может им ничего сказать о воле монарха, но что он знает молодого человека, у которого отнят ящик с книгами, купленными в Пруссии. Иезуиты тотчас догадались, в чем дело. Через час книги были возвращены кандидату, а перед отъездом депутатов из Вены, им подали счет из гостиницы, который, по предписанию короля, они должны были заплатить за молодого кандидата. Эта потеха обошлась им в несколько тысяч червонных. По возвращении их в Потсдам, король принял их очень ласково, приказал распечатать библиотеку и дал письмо к иезуитскому приору, в котором объявлял: «Если молодой кандидат или семья его пострадают от этого случая, и если он не получит лучшего прихода в Венгрии, иезуитская коллегия в Бреславле будет немедленно уничтожена!»

Близ Потсдама был построен новый дворец, названный Фридрихом «*Сан-Суси*». Почти для всех новых зданий в столицах Фридрих сам начертывал планы, для которых черпал идеи в творениях Палладия, Пиранези и других знаменитых зодчих. Театр берлинский почитался одним из первых в Европе. Король ничего не жалел на роскошь сцены. Отпущенная им г-жа Роланд была заменена превосходной танцовщицей сеньорой Барбериной. Знаменитейшие певцы того времени Фаринелла и Пинти поступили на берлинскую сцену с большими окладами жалованья. По описаниям современников, Барберина была воплощенная грация; красота ее сводила всех с ума. Но при всем этом она обладала образованным, тонким умом. Часто Фридрих, во время антрактов, заходил к ней в уборную пить чай; иногда приглашал ее к ужину, после спектакля. Это почиталось особенным знаком королевской милости, потому что Фридрих в это время допускал в свое общество исключительно одних мужчин. До сих пор в берлинских и потсдамских дворцах можно видеть несколько портретов Барберины, писанных знаменитым Пеном. Почти везде она изображена танцующей, в виде вакханки, с тигровой шкурой на плечах и с тамбурином в руке. Черты ее встречаются даже на исторических картинах, писанных по заказу Фридриха. В 1749 году сеньора Барберина тайком вышла замуж за сына великого канцлера, но брак этот был расторгнут, и только по смерти Фридриха призна-

ли ее в графском достоинстве. Король сам часто присутствовал на пробах новых пьес и написал несколько либретто и отдельных музыкальных пьес для опер. Кроме спектаклей часто давались придворные праздники. Из них особенно замечателен рыцарский турнир, данный в 1750 году, по всем обрядам и преданиям средних веков. Турнир происходил в нарочно устроенном цирке, ночью, при великолепной иллюминации. Царицей турнира была младшая сестра короля, принцесса Амалия.

Слава Фридриха не только гремела по всей Европе, но даже пронеслась до азиатских, полудиких народов. В том же году прибыл в Берлин татарский ага послом от крымского хана и брата его Буджакского султана для поднесения Фридриху даров и с просьбой о его дружбе.

Посольство церемониальным порядком потянулось через город ко дворцу, неся на подушках богатые седла, сбруи и оружие и ведя за собой пару превосходных арабских лошадей и несколько верблюдов. Такая, небывалая в Пруссии почесть, еще более возвысили Фридриха в глазах народа.

Почти трудно поверить, как Фридриху доставало времени на все его разнообразные и многосложные занятия и труды. Но для этого он имел свой особенный настольный календарь, где не только каждому времени года, каждому месяцу и дню, но даже каждому часу были присвоены особенные занятия. Все утро употреблялось исключительно на службу государственную; послеобеденные часы посвящаемы были наукам и литературе;

вечер — искусствам. В промежутках он играл обыкновенно на флейте. Часть года проходила в разъездах по государству. Во время этих путешествий, по предварительному извещению, собирались в города, где он останавливался, главные чины провинций, с отчетами, и просители, которые имели до него нужду. Тут решал он все недоразумения, отдавал приказания по внутреннему управлению, принимал жалобы и на большую часть из них в то же время клал резолюции. Он любил также, чтобы купечество являлось к нему для объяснения хода торговли и положения промышленности в каждой провинции. Однажды, в проезд его через Силезию, депутаты от купечества объявили ему, между прочим, что находят необходимым сделать некоторые изменения в торговых сношениях, но боятся утрудить этим министра. Фридрих отвечал им: «Адресуйтесь во всем прямо ко мне: я ваш первый министр и труда не боюсь».

Кроме того, амтман, т. е. староста каждой деревни обязан был встречать короля при въезде в селение и верхом сопровождать его коляску. Дорогой Фридрих обыкновенно справлялся у него о состоянии хлебопашества и крестьян, о почве земли, о главных произведениях и мерах к их сбыту, и где нужно было — помогал советом и деньгами.

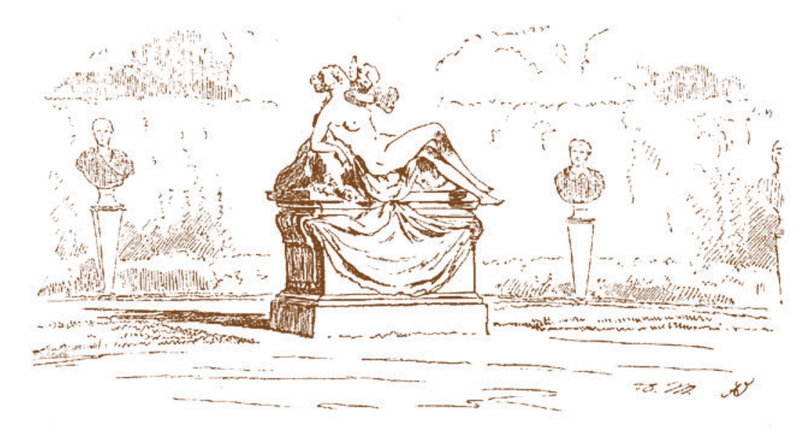

Глава XXII. Человек и философ

о время пребывания своего в Потсдаме Фридрих часто любовался прекрасными окрестностями города и, наконец, решил построить себе дворец в месте, называемом «королевским виноградником». Он сам составил план строения. В 1745 году был заложен фундамент, а через два года Фридрих уже в нем поселился. Высокая гора, на которой был поставлен дворец, была срыта в шесть уступов, образовавших широкие, прекрасные террасы. Новый дворец получил название «*Сан-Суси*». С этим именем сливается вся частная жизнь Фридриха. Его дружеская переписка носит подпись «Сан-Суси», между тем как деловые бумага означались именем столицы; под сочинениями Фридриха, выходившими в свет, он называл себя «философом Сан-Суси». Но это

название дворца имело у него и другой, сокровенный смысл. Под одной из террас он приказал устроить склеп, с тем, чтобы по смерти успокоить в нем свои бренные останки. Это святилище было скрыто от всех глаз саркофагом из каррарского мрамора, печальное назначение которого замаскировывалось лежащей на нем фигурой Флоры, превосходной работы.

Один раз только Фридрих проговорился о настоящей цели склепа и саркофага. Гуляя по террасе с одним из друзей своих, он сказал ему, указывая на склеп: «Когда я буду там — я буду без забот». Кабинет его во дворце был так устроен, что богиня цветов, хранительница его гробницы, всегда находилась у него перед глазами. В минуты горячности стоило ему только взглянуть на нее, и гнев его тотчас смягчался. Этим Фридрих, как будто, хотел удерживать страсти свои в разумных границах.

В Сан-Суси он соединил около себя кружок самых искренних друзей своих. В это время ближайшим к нему человеком был маркиз д'Аржанс, родом провансалец, изгнанный из отчизны за вольнодумство. Маркиз, при отличной образованности, имел необыкновенный дар слова и один из тех тонких и оборотливых умов, которые характеризуют людей, созданных для политической деятельности. Фридрих полюбил его за откровенный, благородный образ мыслей, и вскоре отношения его к маркизу приняли вид нежной дружбы. Другой француз, Дарге, который служил при Фридрихе в должности литера-

турного секретаря, также пользовался особенной его доверенностью. Кроме этих лиц, всегдашними собеседниками короля были граф Ротенбург, покрытый ранами в деле при Заславле, Винтерфельд, полковник Форкад, два брата Кейты и фельдмаршал Шверин. Ротенбург заступил в сердце Фридриха место Кейзерлинга: для него у короля не было ничего заветного. К несчастью, и этого друга он скоро лишился: Ротенбург умер зимой 1751 года. Братья Кейты происходили из знаменитой шотландской фамилии. Они были ревностные приверженцы Стюартов и потому не смели оставаться в отчизне. Фридрих знал редкие способности и познания Кейтов, старался их приманить в Пруссию и привязать к себе. Желание его исполнилось. Прежде прибыл младший брат, Иаков Кейт, а потом и старший, Георг, который в Шотландии был лорд-маршалом, а в прусской армии прямо получил фельдмаршальское достоинство. Старик Шверин, как нам известно, был уволен со службы во время второй Силезской войны. По окончании кампании Фридрих постарался с ним примириться. Он пригласил его к себе. Шверин явился. Оба полководца остались одни в кабинете. Неизвестно, что между ними происходило при этом свидании, но дежурные офицеры и пажи слышали, что разговор короля и Шверина становился все громче и громче и, наконец, обратился в такой жаркий спор, что им стало страшно. Но мало-помалу гроза утихала, и скоро все замолкло. Через несколько минут Шверин вышел, откланиваясь королю, а Фридрих, провожая его с веселым видом, сказал в дверях: «Ваше превосходительство, не забудьте, что мы вместе обедаем». С тех пор прежние отношения их возобновились, и король теперь обходился со Шверином еще милостивее.

Несмотря на короткое свое обхождение с друзьями в домашнем быту, Фридрих был строг и взыскателен в делах служебных. Дружба короля не давала никаких прав государственному чиновнику, и наоборот, проступки чиновника и выговоры за то короля нисколько не вредили их дружеским отношениям. Словом, в Сан-Суси Фридрих хотел быть *человеком*, в Берлине — становился *королем*.

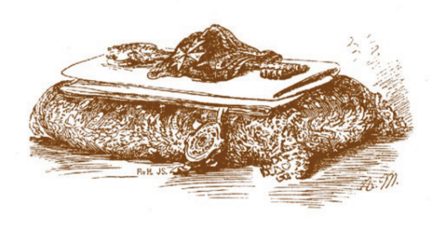
«Чтобы быть хорошим монархом, надо уметь быть человеком, — говорил Фридрих, — а для этого надо узнать на опыте жизнь и сердечные потребности простых людей». Когда Роллен прислал ему свою «Всемирную историю», Фридрих написал ему в ответ:

«Для блага человечества, я бы желал, чтобы ваши государи были люди, и чтобы вы смотрели на правящих, как на граждан. Правители народов не пользуются исключительной привилегией быть совершенными — в мире, в котором нет ничего совершенного».

Из Сан-Суси Фридрих снова писал к своему литературному любимцу, Вольтеру, приглашая его переселиться в Пруссию. «Вы для меня то же, — говорит он в письме, — что для персидского шаха и великого могола белый слон, за которого они ведут войны, и который должен войти в состав титула победителя. Когда вы приедете сюда, то займете в моем следующее место: «Фридрих II, Божьей милостью король Пруссии, курфюрст Бранденбурга, обладатель Вольтера и проч.» Против такой лести Вольтер не устоял и отвечал королю:

Mon coeur et ma maigre figure.
Sont préts à se mettre en chemin;
Déjà le coeur est à Berlin,
Et pour jamais, je vous le jure.

В 1750 году он прибыл в Сан-Суси, чтобы навсегда там остаться. Фридрих дал ему камергерский ключ, повесил Pour le merite на шею и назначил 5000 талеров жалованья.

Принцы, фельдмаршалы, министры, все, что только было близко к королю, ухаживало за Вольтером, как за верховным божеством Пруссии. Его присутствие содержало все умы

в напряжении: никому не хотелось уступить знаменитому писателю в ловкости выражений, в остроумии, в тонкости и грации оборотов. Трагедии его исключительно заняли придворную сцену, все знали их наизусть и даже в простом разговоре приводили из них цитаты, и кстати, и некстати.

Вся обязанность Вольтера состояла в том, чтобы жить и наслаждаться жизнью среди роскоши, изобилия, почестей, в вечной атмосфере блеска, в вечном фимиаме лести и похвал. Весь день был отдан на его произвол, только вечер проводил он с королем. После спектакля или концерта Фридрих собирал тесный кружок своих друзей за веселым ужином. Тут начиналась умственная война, в которой ядра сарказмов и блестки остроумия сыпались со всех сторон, и целые бомбы учености разрывались на тысячи ловких применений и самых острых выводов. Разумеется, что Фридрих и Вольтер всегда были во главе воюющих партий и не уступали друг другу ни одной пяди в области своего нравственного преимущества.

Это были настоящие афинские вечера, где мысль господствовала, и где каждое принуждение и все церемонии были изгнаны.

На этих вечерах Вольтер часто находил идеи и сюжеты для своих замысловатых повестей; здесь пожинал он многие мысли для своего «Философического словаря». И все, что выходило из-под пера его, в этих беседах получало первую оценку и очищалось, как золото в горниле.

Фридрих ласкал Вольтера, но в душевном расположении короля он стоял ниже всех его друзей и любимцев. Фридриху нужен был собеседник, который подкреплял бы его в занятиях науками, и в светлом уме которого он мог бы находить поверку своему мышлению. Вольтер в то время на ученом горизонте почитался звездой первой величины — и он выписал Вольтера. Зная, что честолюбие и жадность составляют главные стихии его характера, Фридрих осыпал его деньгами и почестями. Плодовитая деятельность французского поэта заставляла и Фридриха с новым рвением приниматься за литературные труды свои. В 1746 году король окончил вторую часть «Истории своего времени», заключающую в себе вторую Силезскую войну. На следующий год он начал свои «Исторические записки Бранденбургского дома» (Историю своих предшественников.) Отрывки из этого сочинения были им читаны на заседаниях Академии наук, а в 1751 году издано в свет полное творение. Кроме того, он написал для Академии биографию некоторых из знаменитых своих современников и сподвижников. Почти в то же время вышла из печати книга под названием: «Сочинения сан-сусийского философа». В ней были собраны стихотворения Фридриха: оды, послания, «военная наука» в стихах и шуточная эпопея «Палладиум». Но все эти сочинения раздавалась только ближайшим друзьям короля. Для напечатания их Фридрих завел свою собственную типографию во дворце, которая называлась «*типографией дворцовой башни*»(au Donjon du Chăteau.)

Час до ужина был обыкновенно посвящен музыке. Почти каждый вечер составлялись придворные концерты, в которых Фридрих сам участвовал. Выбор пьес и артистов зависел всегда от него. Оркестр бывал не велик, но составлен из отличных виртуозов.

В назначенный час Фридрих являлся из внутренних покоев с нотами и флейтой и сам раздавал оркестру его партии. По большей части разыгрывались его собственные музыкальные пьесы или сочинения учителя его, Кванца, который со времени вступления Фридриха на престол служил директором его придворной капеллы. Фридрих владел своим инструментом с замечательным искусством. Особенно в *адажио* игра его была мягка, нежна, увлекательна. В сочинениях его музыканты удивлялись глубокому знанию контрапункта и плодовитости фантазии, которая превозмогала даже все музыкальные трудности. Он первый ввел в инструментальную музыку речитатив. Такое нововведение почиталось тогда неслыханной дерзостью, но скоро мысль его была принята знаменитейшими композиторами и разработана с большой пользой для искусства. В одном из таких речитативов Фридрих чрезвычайно удачно выразил мольбу о пощаде. Пьеса привела в восторг слушателей.

— Где вы берете эти звуки? — спросил восхищенный Фаш[20].

— В моем воображении, — отвечал Фридрих. — При сочинении этой пьесы я представлял себе минуту, когда Волумния,

[20] Основатель берлинской певческой Академии.

мать Кориолана, умоляет его удалить вольсков от Рима и спасти отечество. Оттого она и вышла удачна.

Признанным, высоким талантам Фридрих всегда уступал право первенства и власти. Отношения его к Кванцу и капельмейстеру Грауну не только странны, но даже забавны. Кванц был для него не учителем, а истинным тираном. За то судьба отмщала Кванцу: он сам терпел жесточайшие мучения от жены своей, старой мегеры, которая не менее его страдала от своей любимой собачки. Знаменитый Бах, находясь однажды в обществе артистов, предложил загадку: какой зверь страшнее всех в Пруссии? Никто не мог разрешить ее. Тогда Бах сказал: «Самый страшный зверь в Пруссии собачка г-жи Кванц. Она так страшна, что даже г-жа Кванц ее боится, а г-жи Кванц боится г-н Кванц, которого, в свою очередь, боится величайший монарх Европы, Фридрих Великий».

Раз, на концерте, Фридрих играл новое свое сочинение. В одном месте была ошибка против генерал-баса. Кванц не утерпел и начал покашливать. Король тотчас понял этот знак и после концерта позвал к себе композиста Бенду. «Подумаем, любезный Бенда, — сказал король, — как бы нам исправить мой промах, а то мы, пожалуй, вгоним бедного Кванца в чахотку».

При постановке на сцене одной из новых опер Грауна, Фридрих пожелал лично присутствовать на пробе. В тот день он был не в духе. Прослушав половину оперы, он приказал подать себе партитуру и начал ее крестить карандашом. Граун молча смотрел на все и ждал, чем дело кончится.

— Все, что я вычеркнул, — сказал Фридрих, — надо выкинуть или заменить чем-нибудь другим. Эти места не достойны твоего таланта, и мне не нравятся.

— Очень жаль, что не сумел угодить вашему величеству, — отвечал Граун, — однако, несмотря на то, не выкину и не переправлю ни одной ноты, во-первых, потому что певцам некогда переучивать партии, а во-вторых, потому что я имею на то свою, важнейшую причину, которую сообщу

вашему величеству в другое время, когда, может быть, вы будете более ко мне расположены.

— Я к тебе всегда расположен, любезный Граун, — ответил король, — а потому хочу знать твою причину сейчас же.

— А если так, — отвечал Граун, взяв свою партитуру и указывая на нее королю, — причина та, что над этим я сам король.

— Ты прав, — согласился Фридрих, — оставим все по-старому.

Так протекала жизнь Фридриха в Сан-Суси между учеными и поэтами, в занятиях литературой, науками и музыкой. Но в мире нет прочных радостей. И в этой семье людей просвещенных и умных, трудившихся под всеобъемлющим гением Фридриха на пользу просвещения, возникли раздоры, загорелись тайные интриги. Более всего огорчало короля, что первый его любимец, Вольтер, был всему причиной.

Непостоянство характера, ненасытная корысть этого человека, его непомерная зависть и желание везде и во всем играть первую роль заставляли его противодействовать даже тем, кому он прежде сам покровительствовал. Так, рекомендовал он Фридриху молодого литератора Арно. Король принял его в секретари, и скоро молодой человек своими поэтическими произведениями заинтересовал в свою пользу и короля, и весь двор. Успехи Арно показалась опасными Вольтеру, и он употребил все низости интриги, чтобы удалить его от двора. По его же рекомендации был приглашен Фридрихом ученый естествоиспытатель Мауперций, который впоследствии занял место президента Академии. Ученая слава и влияние Мауперция на короля скоро обеспокоили честолюбие Вольтера. Он старался вредить Мауперцию безымянными статьями, и между обоими антагонистами родилась смертельная вражда. Кроме того, у Вольтера завязался грязный процесс с евреем, который жаловался, что великий поэт обманул его, продав поддельные камни за настоящие. Но всего более Вольтер повредил себе тайными сношениями с иностранными послами и вмешательством в дела политические. Фридрих, наконец, вынужден был заметить ему все неприличие его поведения. Но Вольтер не унялся и восстановил короля против себя совершенно. Мауперций в одном из своих сочинений описал новое открытие в естественной науке; другой натуралист доказывал ему, что открытие это сделано Лейбницем и давно уже известно. Начался ученый спор, в котором берлинская Академия горячо отстаивала своего президента. Вольтер, чтобы нанести сопернику жестокий удар, напечатал в иностранной газете анонимное «письмо из Берлина», в котором осмеивал ученость Мауперция. Фридрих, оскорбленный унижением своего академика, сам написал возражение на письмо Вольтера, где в резких выражениях доказывал невежество, бесстыдство и зависть автора. Тогда Вольтер сочинил жгучую сатиру на Мауперция под названием «История доктора Акакия». Фридрих прочел ее в рукописи, очень забавлялся остроумием автора, но

взял с него слово, что сатира не будет напечатана. Несмотря на то, сатира была напечатана в Дрездене. Фридрих был вне себя от негодования и тотчас же приказал объявить Вольтеру, что он уволен со службы. Но бешенство и отчаяние Вольтера достигло до высочайшей степени, когда на другой день, перед самыми его окнами, его «Доктор Акакий» был всенародно сожжен рукой палача.

К такому позору он не был приготовлен. Он запечатал свой патент, орден и камергерский ключ в пакет и отправил их к королю, при письме, в котором старался оправдаться и сложить вину на других. На это Фридрих ему отвечал: «Ваше бесстыдство меня удивляет; тогда как поступок ваш ясен, как день; вместо сознания вины, вы еще стараетесь оправдаться. Не воображайте, однако, что вы можете убедить меня в том, что черное — бело: иногда люди не видят потому, что не хотят всего видеть. Не доводите меня до крайности, иначе я велю все напечатать, и тогда мир узнает, что если сочинения ваши стоят памятников, то сами вы по поступкам своим достойны цепей. Я бы желал, чтобы только мои сочинения подвергались стрелам вашего остроумия[21]. Я охотно жертвую ими тем, которые думают увеличить свою известность унижением славы других. Во мне нет ни глупости, ни самолюбия других авторов[22]. Интриги писателей мне всегда казались

---

[21] Фридриху донесли, что Вольтер, беседуя однажды с другими литераторами, и получая от него пакет со стихотворениями, сказал: «Извините, господа, что я вас оставляю. Король сейчас прислал мне свое грязное белье — надо его поскорее вымыть».

[22] Фридрих не слишком высоко ценил свои литературные произведения. Вот что он сам говорит об них в письме к Вольтеру: «Занятия поэзией служат мне отдыхом. Я знаю, что мои поэтические дарования весьма ограничены; но писать в стихах для меня удовольствие, которого я не хотел бы лишиться, тем более, что оно решительно для всех безвредно: публика никогда не видит моих произведений и, стало быть, не имеет случая над ними скучать. Стихи мои не назначаются для света. Они стерпимы для друзей — и этого довольно. Я плаваю в поэтическом океане на пробках и пузырях и пишу гораздо хуже, чем мыслю; идеи мои почти всегда сильнее, чем выражении. Вы, любезный Вольтер, пишете для славы; я пишу — для препровождения времени. И мы оба достигаем цели, хотя различными путями. Пока солнце на небе, пока сохранится хоть тень

позором литературы. Не менее того я уважаю всех честных людей, которые занимаются ею добросовестно. Одни зачинщики интриг и литературные сплетники в моих глазах достойны всяческого презрения. Молю Всевышнего, чтобы он вразумил вас и помиловал».

Казалось бы, что после такого письма для Вольтера все кончено при прусском дворе, но хитрый француз, зная нежные струны сердца Фридриха, прикинулся совершенно несчастным и отчаянным, просил лишить его жизни, если у него отнята милость монарха и сумел до того разжалобить короля, что в тот же вечер произошло примирение. Вольтер получил обратно все знаки королевской милости. Но прежняя короткость между поэтом и монархом не могла возобновиться. До Вольтера дошли слухи, что король хотел только дождаться благовидного случая, чтобы уволить его совершенно и поэтому сказал одному из своих приближенных: «Когда апельсин начинает загнивать, надо из него выжать сок, а скорлупу бросить». Вольтер понял, что для него будет выгоднее предупредить свою отставку и стал проситься в отпуск на пломбиерские воды, во Францию. Король не удерживал его. В марте 1753 года оба расстались друзьями и обменялись следующими мадригалами.

Волтер написал:

Non, malgré vos vertus ; non malgré vos appas,
Mon ăme n’est point satisfaite;
Non, vous n’étes qu’une coquette
Qui subjuguez les coeurs, et ne vous donnez pas.

Фридрих отвечал:

Mon ăme sent le prix de vos divins appas,
Mais ne présumez. pas qud’elle soit satisfaite;

знания, хоть искра вкуса, пока не переведутся головы, любящие мысль, и уши, чувствующие гармонию, до тех пор ваше имя и творения ваши будут жить в веках. А об моих скажут: “Видно этот король был не совсем слабоумный! Будь он простым гражданином, то мог бы, по крайней мере, служить корректором в какой-нибудь типографии и не умер бы с голоду”. Затем книгу мою бросят, потом употребят ее на папильотки и делу конец».

Traitre, vous me quittez pour suivre une coquette;
Moi, je ne vous quitterais pas.

Фридрих просил только возвратить ему его стихотворения и оставить в Потсдаме камергерский ключ и патент на пенсион. Вольтер не исполнил желания короля, выехал из города тайком и едва прибыл в Лейпциг, как уже начал печатать статейки, оскорбительные для короля и его Академии. За это, при въезде во Франкфурт, он был схвачен по приказанию Фридриха и до тех пор содержим под стражей, пока чемодан его с требуемыми вещами не прибыл в Берлин. И после всего этого Фридрих был еще настолько милостив, что переписывался с Вольтером и осыпал его подарками до самой смерти.

Другой французский ученый, д'Аламбер, напуганный примером Вольтера, не соглашался переселиться в Пруссию, несмотря на самые лестные и заманчивые предложения Фридриха. В 1755 году король имел с ним личное свидание в Везеле, но и тут не удалось ему убедить упрямого француза. Но между королем и д'Аламбером завязалась ученая переписка, содержание которой чрезвычайно любопытно. В ней, между прочим, находим мы случай, который прекрасно обличает взгляд Фридриха на свободу мысли и свободу печати.

Редактор газеты «*Нижнерейнский курьер*» в 1741 году напечатал краткое известие о смерти французского адвоката Лоазо де Молеона. Родные адвоката нашли в этом некрологе некоторые ошибки и до того обиделись, что решили через д'Аламбера просить Фридриха о наказании редактора за это оскорбление. Фридрих одним махом пера хотел образумить и д'Аламбера и честолюбивое семейство адвоката. Вот что он ему написал:

«Надеюсь, что семейство де Молеон дозволит мне не тревожить редактора «Нижнерейнской газеты», потому что без свободы писать разум остается во тьме. Мне кажется, что фамилия де Молеон обучалась в школе Ле Франса де Перпиньяна[23]; она полагает, что глаза целой Европы

---

[23] *Ле Франс де Перпиньян* был самый надутый и глупый автор того времени, который раз напечатал в газетах: «Да ведает весь мир: король сегодня изволил заниматься моими сочинениями».

обращены на нее, и что мир исключительно занят одним этим семейством. Но я, живущий в Германии и довольно коротко знающий все дела Европы, смею уверить фамилию де Молеон, что здесь даже никто не подозревает о ее существовании. Клятвенно уверяю вас, что в целой Германии никто не противится дворянству этого семейства; что для Регенсбургского сейма решительно все равно, отчего умер адвокат де Молеон: от нароста ли на сердце или от порыва кровеносной жилы; и что, наконец, все адвокаты Парижа, все его чиновники, президенты и даже сам канцлер имеют право жить и умереть, как им заблагорассудится. В Германии обещают не обращать на это внимания».

Но д'Аламбер не удовольствовался таким ответом и снова обеспокоил короля просьбой семейства де Молеон. Тогда Фридрих написал ему:

«Признаюсь, мне очень смешно, что семейство незначительного адвоката поднимает такую пыль из пустой генеалогической ошибки. Напротив, ваш адвокат или его семейство должны бы гордиться, что хоть этим сходствуют со многими великими людьми, которых генеалогия так же неверна. Но если уж надо непременно успокоить неутешное семейство, то я надеюсь, что у нас в Германии найдутся ученые, которые произведут покойного адвоката по прямой линии, пожалуй, хоть от королей Леона и Кастилии, а издатель "Нижнерейнской газеты" охотно поместит их открытие в своих столбцах. Вот все, что я могу сделать для успокоения этих двух важных особ. Горжусь таким посредничеством и непременно напишу в моих записках, что после содействия моего к восстановлению мира между Польшей и Оттоманской Портой, я имел счастье споспешествовать примирению Молеона с нижнерейнским газетчиком. Надеюсь, что вы теперь будете мной довольны. Сколько могу, хлопочу о примирении обеих партий; я предлагаю и средства, и пути. Вероятно, я достигну цели, если мне только не будет труднее поладить с семейством Молеон, чем с султаном и его великим визирем. Уполномочиваю вас, к благу Европы, подписать этот важный мир и тем возвратить спокойствие и духовную свободу рейнскому издателю, без чего он никак не может трудиться для публики».

Фридрих вообще дозволял всем и каждому высказывать свободно свои мнения, хотя бы они даже касались его собственной особы.

Множество анекдотов в таком роде доказывают, с каким великодушием и чувством собственного достоинства он обходился с людьми, его лично оскорблявшими. Магистрат маленького городка донес ему, что живший там писатель в одном из своих сочинений вознес хулу на Бога, на короля и на одного из членов магистрата. Король отвечал: «Если он вознес хулу на Бога — это знак, что он его не знает; за то, что он хулил меня — я прощаю; но за хулу на одного из членов магистрата повелеваю посадить его немедленно под арест — на четверть часа».

В другой раз, когда королю сказали, что один ученый отзывается о нем оскорбительно и дерзко, он спросил:

— А может ли он выставить против меня 200 000 человек?

— Нет, ваше величество.

— Нет? Так пусть его говорит, что угодно. Языком он мне не повредит, а когда наговорится, то и сам перестанет.

Издатель, предприняв дорогое, но плохое издание, надеялся на поддержку Фридриха, но король ничего не дал, и он понес значительные убытки. В отмщение он начал везде бранить короля.

— А сколько он потерял? — спросил Фридрих.

— Около 10 000 талеров, ваше величество.

— О, за такую сумму он может бранить меня гораздо больше.

Однажды утром, выглянув в окошко, Фридрих увидел у дворца множество народу. Все протягивали шеи, как будто силились что-то рассмотреть. Король немедленно послал своего адъютанта узнать, что там такое. Адъютант вскоре возвратился назад со смущенным видом.

— Ну, что? — спросил Фридрих.

— Не смею доложить вашему величеству...

— Что за вздор! Говори.

— К колонне дворца прибит пасквиль...

— Какой пасквиль?

— На ваше величество.

— Так вели прибить его пониже, чтобы всякий мог прочесть, не свертывая себе шеи.

При построении Сан-Суси король желал расширить сад, но плану его мешала ветряная мельница, которая стояла на самом

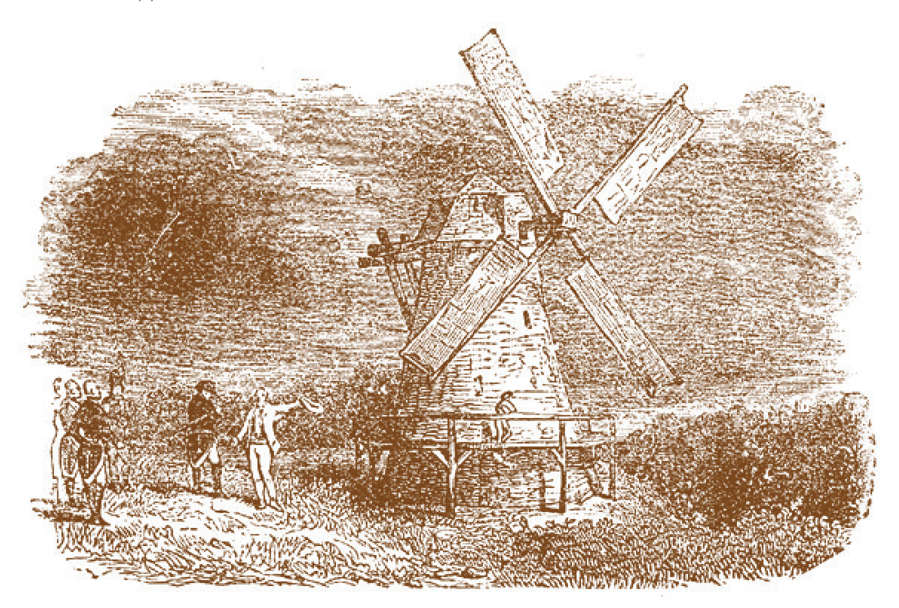
видном месте. Он хотел купить ее, но мельник не соглашался продать, несмотря на то, что король обещал ему выстроить новую мельницу и даже положить пенсион.

— А знаешь ли ты, что я могу взять твою мельницу насильно! — сказал ему король.

— Попробуйте! — отвечал мельник. — Разве в Берлине нет уголовного суда?

— И то, правда, — сказал Фридрих, — видно, мы дела не поладим.

Он отпустил мельника с подарком и переменил план своего сада.

Снисходя к каждой человеческой слабости, уважая каждое правдивое слово, прощая даже дерзость и оскорбление, Фридрих возмущался от неблагодарности. «Неблагодарность, — говорит он, — самый черный, презренный, унизительный порок. Человек, не сознающий благодеяний — государственный преступник против общества. Он отравляет святейшее чувство добра, истребляет дружбу и губит благороднейшие побуждения человеческого сердца. Платя злом за оказанные

услуги, он колеблет самое основание гражданского общества, которого связи только тем и крепки, что все люди слабы и нуждаются во взаимной помощи». Оттого Фридрих так нежно любил мать свою и уважал в других сыновнее чувство. Однажды, поздно вечером, он позвонил в колокольчик, но никто не являлся. Он вышел в дежурную комнату и увидел, что паж заснул в кресле. Он хотел его разбудить, но вдруг бумага, торчавшая из кармана пажа, возбудила его внимание, Фридрих вытащил ее и увидел, что это письмо от матери пажа. Она благодарила сына за присылку денег, которые он сберег ей из своего жалованья, и молилась, чтобы Господь усладил жизнь его так же, как он услаждает ее старость. Фридрих был глубоко тронут письмом. Он возвратился в кабинет, достал сверток червонцев и тихонько опустил его вместе с письмом в карман пажа. Через несколько минут он так громко позвонил, что паж проснулся и вбежал в кабинет. «Ты крепко почивал!» — сказал ему король милостивым тоном. Паж начал извиняться, нечаянно опустил руку в карман — и вынул сверток с деньгами. Бледный, как полотно, кинулся он к ногам короля и не мог произнести ни одного слова. — Что с тобой? Что с тобой? — спросил Фридрих.

— Ваше величество! — залепетал юноша. — Меня хотят погубить! Я не знаю, как попали эти деньги ко мне в карман...

— Успокойся! — сказал ему король. — Господь и спящим посылает свои милости! Как всеобщий отец, он с удовольствием смотрит на любовь детей к родителям и не покидает благодарных. Отошли эти деньги к своей матери, кланяйся ей от меня и уверь ее, что я позабочусь и о ней, и о тебе.

Во время поездки короля в Померанию, крестьяне одной деревни высыпали на дорогу, чтобы взглянуть на Фридриха. Вдруг лакей короля, сидевший на козлах, громко закричал и простер руки к одной избушке.

— Что там такое? — спросил король.

— Вон мой отец и моя матушка, ваше величество! — отвечал лакей.

— Вели остановиться, — сказал Фридрих, — тебе верно хочется обнять стариков. Ступай с Богом, один день я как-нибудь обойдусь и без тебя, а послезавтра ты меня догонишь. Прогоны заплачу на месте.

Раз, за столом у Фридриха обедало несколько заслуженных офицеров и в том числе ротмистр, который выслужился из простых солдат и неоднократно доказал свою храбрость в глазах монарха. Разговор зашел о старинном дворянстве. Один генерал рассказывал с гордостью, что его отец был тайный советник и камергер империи.

— А кто твои предки? — вопросил король ротмистра.

— Мой отец простой и бедный крестьянин, — отвечал офицер, — но я не променяю его ни на кого на свете.

— Умно и благородно! — воскликнул Фридрих. — Ты верен Божьей заповеди, и Божья заповедь верна в отношении к тебе. Поздравляю тебя полковником, а отца твоего с пенсией. Кланяйся ему от меня!

Странным покажется, что Фридрих, который так поощрял и награждал французских ученых и литераторов, оставался равнодушным к писателям отечественным и не хотел даже читать их сочинений. Он полагал, что немецкий язык не способен к выражению сильных мыслей, не может иметь грации в оборотах и такой гармонии в стихах, как французский, и что германские ученые, наконец, не могут принести миру никакой пользы своими трудами. Впрочем, взгляд его на этот предмет был отчасти довольно верен в тогдашнее время. «В Италии, в Англии и во Франции, — говорит он в своих сочинениях, — лучшие авторы и последователи их писали на своем отечественном языке. Публика охотно читала их сочинения, и таким образом знания их становились достоянием целого народа. У нас все делалось напротив. Наши первоклассные ученые были люди, которые из памяти своей делали запасный амбар фактов, но за недостатком собственного суждения, как педанты, обращали все свое внимание на мелочи и требовали за то одобрения целой Европы. Частью для

того, чтобы похвастать своей латынью, частью, чтобы возбудить удивление своих собратий, таких же педантов, они писали только на латинском языке, так что их сочинения для Германии как будто не существуют. От этого произошли два вредных последствия: во-первых, немецкий язык сохранил всю свою ржавчину, потому что никто его не очищал; во-вторых, большая масса народа, за незнанием латинского языка, не могла просветиться и погрязла в тине невежества. Вот неоспоримые истины. Хоть бы наши ученые иногда вспоминали, что науки составляют пищу души. Память принимает их так же, как желудок съедобное, но без силы суждения они остаются непереваренными. Если знания — сокровища, то их не должно закапывать, а напротив, пускать в оборот, для общей пользы, а до этого можно достигнуть только посредством общего, для всей нации понятного языка. Золотой век нашей литературы еще не наступил, но он приближается. Я его предвещаю, но не вкушу. Как Моисей, я вижу обетованную землю, но сам не вступлю на нее».

Несмотря на эту антипатию к германским педантам, он, однако, ласкал некоторых из них, убеждал писать по-немецки и сам указывал на разные отрасли наук и литературы, которые советовал разработать. Из немецких поэтов он любил одного баснописца Геллерта. Когда Геллерт прочел королю первую свою басню, Фридрих воскликнул в восторге:

— Слава Богу, вот это стихи! Гладко, звучно, понятно! Я чувствую, что это по-немецки!

Фридрих выходил из себя от негодования, читая статьи некоторых пессимистов, которые сомневались: служит ли наука ко благу человечества, и не есть ли просвещение зло, ведущее к вольнодумству и погибели государств?

«Как? — пишет он. — Просвещение гибельно для государств, когда под его влиянием созрела и возвысилась могущественная Римская держава! Когда науки создали величайших людей древности и средних веков! Науки всегда делали людей человечнее, они внушали им чувство справедливости,

кротость и отвращение к насилию. Счастье народов почти столько же зависит от науки, как от законов. Стыжусь вопроса, который могут предлагать так называемые ученые; стыжусь века, в который он предложен! Только обманщики и себялюбцы способны противиться успехам мысли, наук и художеств, потому что они для них только опасны. Одна черствая душа решилась бы лишить род человеческий того утешения и душевного спокойствия, которые он, среди земных скорбей, почерпает в науках и искусствах».

Фридрих страстно любил живопись. Основав в 1755 году публичную библиотеку в Берлине, он начал заботиться о заведении в Сан-Суси картинной галереи. В короткое время накупил он до 180 превосходных оригинальных картин лучших итальянских и нидерландских мастеров. Всем отечественным живописцам задал он темы для картин; удачнейшие из них были приняты в галерею и щедро оплачены. Примером того, как Фридрих уважал право художественной собственности, может служить следующий анекдот. Когда он занял Дрезден, то в тот же день посетил тогда уже знаменитую дрезденскую галерею. Долго останавливался он перед лучшими картинами и любовался ими. Инспектор галереи со страхом и трепетом следовал за ним и ждал, с сокрушенным сердцем, что эти мастерские произведения сделаются добычей победителя. Но Фридрих, осмотрев всю галерею, наконец, обратился к нему с вопросом:

— А скажите, пожалуйста, г-н инспектор, могу ли я надеяться, что мне будет позволено с некоторых картин снять копии — для моей галереи?

Наполеон, в позднейшие времена, не так поступал с художественными хранилищами завоеванных стран.

В 1755 году Фридрих предпринял путешествие в Голландию. Главное намерение его было ознакомиться с лучшими произведениями живописи фламандской школы и, если можно, некоторые из них приобрести для своей галереи.

Чтобы вернее достигнуть цели и при покупке картин не платить втридорога, он пустился в путь под видом странствующего музыканта. Свиту его составляли полковник Бальби, известный знаток живописи, и паж. Все трое были одеты очень просто и ездили в наемном экипаже. Это инкогнито подало повод ко многим комическим сценам. Трактир, в котором король остановился в Амстердаме, славился особенного рода паштетами. Королю их очень расхвалили, и он тотчас же по приезде вздумал их отведать. Когда Бальби заказал паштет, хозяйка осмотрела его с ног до головы и, объявив, что это очень дорогое кушанье, спросила, могут ли эти господа заплатить за него.

— О, будьте покойны, — отвечал Бальби, — вон тот господин, в коричневом кафтане, отличный виртуоз на флейте и в один час может приобрести втрое больше, чем стоит целая дюжина ваших паштетов.

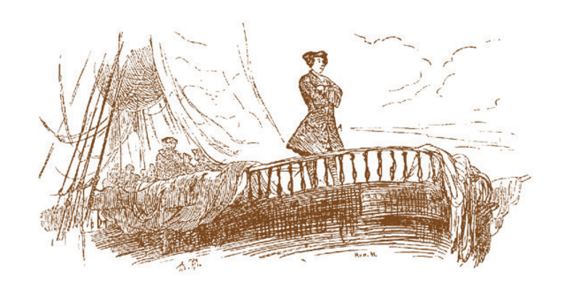
— Право! А вот мы посмотрим! — вскричала хозяйка и бросилась в комнату короля.

Она до тех пор его мучила, пока он не взял флейту и не сыграл ей две пьесы.

— Да, да, — сказала трактирщица, — в самом деле вы свищете недурно и можете заработать талер-другой. Так и быть! Я вам изготовлю паштет.

Из Амстердама Фридрих на простой барке отправился в Утрехт, чтобы полюбоваться живописными берегами. Здесь познакомился он со швейцарцем Ле-Катом, который в качестве гувернера путешествовал с молодым голландцем. Фридрих очень полюбил его за обширные познания и мастерское умение говорить, обедал и ужинал с ним на общественный счет и при расставании выпросил его адрес, говоря, что со временем может быть ему полезен. Через три месяца Ле-Кат немало изумился, получив от прусского короля письмо с приглашением поступить на службу при его особе. Но удивление его еще более увеличилось, когда через три года, исполняя желание его

величества, он явился в Бреславль и в короле Фридрихе Великом узнал своего старого приятеля-флейтиста. Ле-Кат получил место чтеца при короле и оставался при нем более двадцати лет.

КНИГА ТРЕТЬЯ.
СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

Книга третья. Семилетняя война

Глава XXIII. Состояние Европы перед Семилетней войной

диннадцатилетнее спокойствие Европы походило более на тяжкий, душный летний день, предвещающий бурю, чем на действительное успокоение. Ахенский мир, вынужденный у Австрии непреодолимой силой обстоятельств и значительно уменьшивший могущество и влияние этой державы, не мог удовлетворить ни Марии-Терезии, ни видов Саксонии. Возрастающие сила и значение Пруссии, естественно, должны были беспокоить Россию, которая до тех пор почиталась первенствующей властью на севере Европы. Августа III тревожило положение Польши, отрезанной от его курфюршества полосой прусских владений. Далее Англия неравнодушно смотрела на силу Фридриха, боясь за свои ганноверские земли. В каких отношениях Пруссия находилась к Франции, мы уже видели в предшествовавшей части.

Итак, политическая гроза была неизбежна. Почти во все кабинеты Европы закралось тайное недоброжелательство к Фридриху Великому. Нужен был только удобный случай, чтобы пламя войны вспыхнуло с новой силой. Одиннадцать лет протекли в приготовлениях к этой великой драме, долженствовавшей обагрить западную Европу кровью и надолго нарушить ее спокойствие. Все государства были истощены и утомлены продолжительной борьбой; теперь они отдыхали, собирались с силами, совещались и ладили между собой, чтобы верно рассчитанными действиями искать перевеса счастливому завоевателю, как они называли Фридриха. Прусский король изменил существовавший порядок вещей в европейской политике и смело возвысил свой голос возле Австрии, которая одна располагала судьбой всей Германии. Этого не могла ему простить Австрия, этого не могли вынести другие державы, которые были уверены, что Фридрих не остановится на своих завоеваниях, но захочет новых приобретений, и тогда для их собственных владений настанет неизбежная опасность. Как прозорливые соседи, они придумывали средства к обузданию его властолюбия.

Мария-Терезия все еще печалилась об утрате Силезии, тем более что эта страна под мудрым прусским владычеством процвела, украсилась и приносила втрое больше доходов. Возвратить ее Австрии в обновленном и улучшенном виде сделалось любимой мечтой королевы-императрицы. Для осуществления ее она не щадила трудов, денег, даже своего самолюбия. Теперь она твердо сидела на престоле империи, все споры о нем были решены Ахенским миром; надлежало только возвратить ему прежний его блеск и славу. Достигнуть этой цели нельзя было иначе, как деятельной и неусыпной распорядительностью внутри государства и влиянием на дворы иностранные. Здесь Мария-Терезия является истинно великой государыней, достойной соперницей Фридриха. Стоицизм ее характера приводит в удивление. Кто-то из философов сказал, что самолюбие — *вторая жизнь женщины*. В этом отношении Мария-Терезия была вполне женщиной, и никто лучше ее

не оправдал изречения философа. Подстрекаемая честолюбием, она забыла почти все условия своего пола: в течение одиннадцати лет мы видим ее попеременно то в рабочем кресле кабинета, в трудах за внутренней реформой империи, то на коне, командующей войсками и упражняющей их маневрами.

Все отрасли австрийского правительства находились в заглохшем состоянии, но она сумела водворить такой порядок в государстве, что, невзирая на значительные уступки и потери Австрии, доходы ее многим превышали бюджет покойного ее отца, императора Карла VI. Верным помощником во всех трудах служил императрице умный и прозорливый министр граф Кауниц. В то время как Мария-Терезия была занята заботами внутреннего управления, он хитро и ловко вел переговоры и завязывал политические узлы с другими державами. Сам же император, муж Марии-Терезии, не имел никакого влияния на дела и ни во что не вмешивался. По внутреннему побуждению корысти и скупости он занимался только денежными оборотами. Эта алчность к деньгам была в нем так сильна, что он иногда

жертвовал ей даже самыми важными интересами государства и своей супруги. Так, например, в начале новой войны между Австрией и Пруссией он за деньги взялся поставлять по подряду на всю прусскую армию провиант и другие продовольствия. Усиливая войско, умножая доходы, Мария-Терезия старалась и вне империи приобрести верных друзей и надежную подпору. Переписка ее с Елизаветой Петровной скрепила их дружбу, и обе монархини задумали план, как общими силами отомстить непримиримому врагу своему, Фридриху. Министры их, граф Кауниц и Бестужев-Рюмин, вполне разделяли ненависть своих государынь к прусскому королю. Главным поводом к недоброжелательству русского двора служили насмешки и остроты Фридриха, которые услужливые дипломатические сплетники торопились передавать императрице и ее первому министру со всеми прикрасами плодовитого придворного воображения. Женщины не выносят насмешки; в их глазах

Нам злое дело с рук сойдет,
Но мстят за злые эпиграммы...

и потому вражда Елизаветы к Фридриху сделалась непримиримой.

В 1753 году между Австрией и Россией был заключен тайный трактат, по которому обе державы обязывались защищать друг друга, а при первом движении Фридриха против соседей напасть на него соединенными силами и возвратить Силезию Австрии[24]. К этому оборонительному и наступательному союзу была приглашена и Саксония.

Август III или, лучше сказать, его «серый кардинал», граф Брюль, и после Дрезденского мира сохранил всю прежнюю ненависть к Фридриху, но положение саксонского курфюршества между прусскими владениями заставляло его действовать осторожно и не подавать повода к новой неприязни. Неожиданное предложение пристать к союзу Австрии с Россией было для него истинным торжеством. Все прежнее недоброжелатель-

---

[24] «Записки прусского кабинет-министра гр. Герцберга», изданные Эрнести, 1835.

ство ожило с новой силой, и надежда на мщение заставила его с восторгом согласиться на желание двух императриц. Тогда к трактату была присоединена новая статья, в которой все три державы предоставляли себе право, в случае войны, разделить между собой Пруссию.

Но Брюль очень хорошо понимал, что Саксонии, как ближайшей стране к Пруссии, невыгодно будет подать первый повод к войне, а потому он решил действовать на Фридриха через своих союзниц. Каждое слово, сказанное королем в дружеской беседе насчет России или Австрии, было подхватываемо его шпионами и с быстротой молнии переносилось к императрицам. Иногда, за недостатком материалов к новым сплетням, Брюль сам сочинял эпиграммы и с истинно придворной оборотливостью выдавал их за произведения Фридриху. Больше всего он старался раздражать самолюбие Бестужева-Рюмина, зная, что тут честолюбец ничего не пощадит для собственных своих видов.

Действительно, система Брюля удалась ему вполне. Бестужев[25] был восстановлен против Фридриха до того, что на совете

[25] Алексей Петрович Бестужев-Рюмин учился по приказанию Петра Великого в Копенгагене и в Берлине; знал прекрасно латинский, французский и немецкий языки и потому был употребляем при посольствах, где имел случай изучить трудную науку политики под руководством отличного дипломата того времени кн. Бориса Ивановича Куракина. В царствование Анны Иоанновны Бестужев

министров, в 1755 году, убедил Елизавету прибавить к Венскому трактату новую статью, которой союзные державы обязывались напасть на Пруссию даже и в том случае, если война будет начата кем-нибудь из союзников.

возвысился до чина Действительного Тайного Советника, служа преданным рабом Бирону во всех его кознях и жестокостях, а во время регентства Бирона способствовал его свержению и сам пострадал вместе с ним. По вступлении на престол Елизаветы Петровны, Бестужев умел ловко подделаться к ее любимцу Лестоку, который вскоре опять ввел его ко двору и возвысил даже до звания вице-канцлера. Лесток почитал Алексея Петровича первым своим другом и постоянно вымаливал для него у императрицы новые милости и награды, так, что Елизавета ему раз сказала: «*Смотри, граф! Ты не думаешь о последствиях, я лучше тебя знаю Бестужева: ты связываешь для себя пук розог*». И действительно, предсказание императрицы сбылось: Бестужев оклеветал Лестока, произвел над ним вместе с Апраксиным пристрастное следствие и приговорил его к лишению чипов, имения и к ссылке. Бестужев умел вкрасться в неограниченную доверенность к Елизавете, руководил всеми ее действиями, господствовал над всеми министрами и был ей возведен в достоинство государственного канцлера. Шестнадцать лет управлял он кормилом империи и из личной ненависти к Фридриху, вовлек Россию в разорительную и бесполезную семилетнюю войну. Бестужев был так силен при дворе, что осмеливался даже враждовать и тягаться с наследником престола, Петром Федоровичем, и старался отстранить его от царства, уверяя Елизавету, *что Петр помрачит впоследствии славу ее правления*. Во время тяжкой болезни императрицы, в 1757 году, он самовольно отозвал из Пруссии Фельдмаршала Апраксина со всей армией и за этот поступок был лишен чинов, орденов и сослан в заточение в одну из его деревень, где его велено содержать под караулом, — *дабы*, как сказано в указе, *другие были охранены от уловления мерзкими ухищрениями, состарившегося в них злодея*. (Санкт-Петербургские Ведомости 1757 года, за Февраль.) Но Екатерина Великая возвратила его из ссылки и со званием Генерал-Фельдмаршала даровала ему все прежние титулы и ордена. Он умер в 1766 году. Вот что говорит о нем Бантыш-Каменский: «Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин с обширным, разборчивым умом, приобрел долговременной опытностью навык в делах государственных, был чрезвычайно деятелен, отважен, но вместе горд, честолюбив, хитр, пронырлив, скуп, мстителен, неблагодарен, жизни невоздержной. Его более боялись, чем любили. Императрица Елизавета ничего не решала без его мнения. Он повелевал не только сановниками ее, но и приближенными. Он первый завел переписку, под названием *секретной корреспонденции*, посредством которой наши министры, находившиеся в чужих краях, сообщали ему, кроме обыкновенных известий свои догадки, мнения, ***пересказы*** и народную молву. Он извлекал из этих сведений, что хотел, для донесения Елизавете, и, таким образом, направлял мысли ее в пользу или против иностранных держав». — *См. Биографии российских Генералиссимусов. Часть II. Стр. 43.*

Ко всему этому присоединилось новое обстоятельство. Давно уже Англия и Франция соперничали в Индии и Америке. Каждое из этих государств старалось распространить свои колонии за счет другого. Оттого между обеими нациями зародилась тайная вражда: огонь таился под пеплом, но обстоятельства раздували его до тех пор, пока война не сделалась неизбежной. Французское правительство для обеспечения своих колоний решило послать в Северную Америку несколько военных кораблей. Английский адмирал, командовавший североамериканской эскадрой, почитая распоряжение Франции враждебным действием, напал на два военных судна на широте Ньюфаундленда и овладел ими (1755). Французы, со своей стороны, захватили несколько английских купеческих кораблей. Затем вся английская флотилия пустилась в океан на охоту за французскими судами. Оба флага приветствовали друг друга не иначе, как добрым залпом со всего борта и, вслед за тем, абордажем. Итак, обе державы были невольно вовлечены в войну. В 1756 году Англия решила объявить Франции войну в Европе. Но зная, что Фридрих находится в союзе с Францией и потому может вторгнуться в ганноверские владения, Георг II решил обратиться к России. Русское правительство взялось за 150 000 фунтов стерлингов выдвинуть к прусской границе пятидесятитысячное войско, чтобы, в случае нападения Фридриха на Ганновер, ударить ему в тыл.

Обо всех действиях европейских дворов Фридрих имел полные и подробные сведения. О намерениях России он мог знать от наследника престола Петра Федоровича, который был одним из первых его почитателей. За хорошую плату король нашел шпионов при кабинетах венском и дрезденском. Где только есть люди и страсти, там за предателями никогда дело не станет: тайный переписчик Августа III, Менцель, доставлял Фридриху копии со всех бумаг входящих и исходящих, со всех писем и депеш, даже с каждой мелкой записочки Брюля. Из этих копий король узнал о своем опасном положении. Не надеясь на Францию, с которой не ладил, он решил попытаться склонить на свою сторону Англию. Для этого он отнесся прямо к Георгу II и обещал охранять его германские владения и даже защищать их от нападения других держав, если Англия прервет свои переговоры с Россией касательно вспомогательного войска. Георг охотно согласился на это предложение: и земли его были безопасны, и гинеи оставались дома. Итак, между Англией и Пруссией был составлен союз в Вестминстере, в 1756 году.

Посредством влияния Англии на петербургский кабинет Фридрих надеялся склонить и Россию на свою сторону, но в этом, он ошибся. Ненависть императрицы и Бестужева превозмогли и золото, и красноречие англичан.

Известие о Вестминстерском союзе произвело сильное волнение в кабинетах. Франция была недовольна и называла поступок Фридриха изменой, а Мария-Терезия стала приискивать средства, чтобы сблизиться с Людовиком XV.

Она унизила гордость свою до того, что неоднократно писала к любовнице Людовика, маркизе Помпадур, льстила ее самолюбию, называла ее в письмах и сестрой, и милой кузиной, и т. п. Вследствие того, когда Мария-Терезия коснулась настоящей цели своего сближения, г-жа Помпадур изъявила полную готовность исполнить желание императрицы, тем более, что сама почитала себя обиженной Фридрихом.

Вольтер, прибыв в Потсдам, привез Фридриху от маркизы Помпадур самый нежный и обязательный поклон.

— От кого? — спросил Фридрих.

— От г-жи Помпадур.

— Я ее не знаю, — отвечал король холодно.

Все иностранные министры и посланники являлись к ней на поклон, один прусский посол никогда не хотел исполнить принятого этикета. Кроме того, Фридрих смертельно уязвил гордую временщицу своим остроумным подразделением правления Людовика XV на царствование трех юбок (des trois Cottilons). Графиню де Мальи он называл Cottilon I, герцогиню Шатору — Cottilon II, а маркизу Помпадур — Cottilon III. Итак, между Францией и Австрией был составлен 1 мая 1756 года в Версале союз против Англии и Пруссии. Оскорбленное самолюбие и мстительность двух женщин превозмогли вековую вражду двух народов.

Между тем в Швеции произошел сильный государственный переворот. Царствующий король Адольф и супруга его Ульрика, сестра Фридриха, утратили свое влияние на дела и не имели почти никакого голоса; всей правительственной властью овладел шведский государственный совет, который продавал и

мнения, и войска свои за деньги. Этим воспользовалась Франция, не жалея льстивых обещаний и луидоров, и Швеция пристала к общему союзу Франции, Австрии, России, Польши и Саксонии.

Против всех этих врагов Фридрих мог выставить только четырех союзников: короля английского, ландграфа Гессен-Кассельского и герцогов Брауншвейгского и Готаиского, которые обещали подкрепить его силы своими незначительными войсками. Но прежде начала враждебных действий в Германии Англия вступила в борьбу с Францией на море: корабли обеих держав встретились уже в Атлантическом океане. Все внимание Георга было обращено на эту войну, а между тем около границ Пруссии, во всех соседних государствах начались военные приготовления. В Лифляндии собиралось значительное русское войско, в Богемии сосредоточивались войска австрийские, везде устраивали магазины, улучшали дороги. По всему было видно, что враги желали начать свои действия еще в течение того же года.

Фридрих отправил в Вену посольство с требованием объяснения насчет этих военных приготовлений. Ему отвечали неопределенно, в загадочных выражениях. Фридрих повторил свой запрос, но на этот раз посол его был принят сухо, надменно и не получил никакого ответа. Фридрих принял это за явный знак недоброжелательства и поторопился приготовить войска для предупреждения неприязненных действий своих противников.

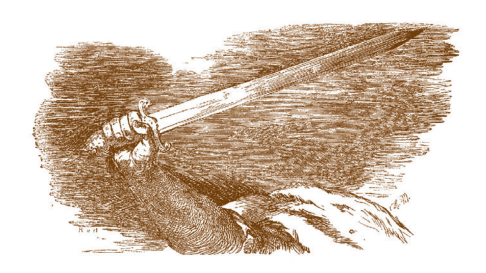
Через кабинетных шпионов узнал он, что враги условились начать свои действия не ранее следующего года, потому что снаряжения их к войне не были кончены. Брюль выговорил себе право пристать к союзникам не прежде, как при открытии войны, или, как он сам выражался, «когда рыцарь уже зашатается в седле». Курфюрст Саксонский хотел под видом нейтралитета пропустить Фридриха с войском в Богемию через свои владения, чтобы потом вернее ударить ему в тыл.

Этот умысел заставил Фридриха обратить особенное внимание на Саксонию, и он решил овладеть ей непременно и силой принудить Августа III вступить с ним в союз и действовать на пользу Пруссии. Король делал все необходимые к тому

распоряжения так скрытно, что не только неприятель, но даже ближайшие к нему полководцы не могли отгадать настоящих его намерений. Только перед самым открытием похода он созвал военный совет, изложил ему причины, побуждающие его к поднятию оружия, представил копии со всех актов, заключенных его врагами, и открыл, наконец, план своих действий. План был всеми одобрен единодушно, и вслед за тем войска двинулись в поход. Между тем ко всем дворам были отправлены списки с полученных им от Менцеля бумаг, чтобы открыть перед всеми державами умыслы соседей и показать законность своего предприятия.

Когда Вольтер узнал о новой войне, предпринимаемой Фридрихом, он написал ему послание в стихах, в котором упрекал его за то, что он променял жезл мудреца на меч завоевателя. Фридрих отвечал ему также в стихах, говорил, что всегда предпочитал счастье мира суровому закону войны, но он, поднимая меч, исполняет только веления судьбы. Далее он желает Вольтеру всех наслаждений, какие могут доставить мудрецу уединение и науки, и заключает свое послание следующими прекрасными строками: А я...

Я должен пред бедою,
В борьбе с коварною судьбою,
Жить, мыслить, умереть — как царь![26]

[26] Pour moi, menacé du naufrage,
Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir — en roi.

См. «Переписку Вольтера с Фридрихом II». Полные сочинения Вольтера. Часть X. 1836.

Глава XXIV. Начало Семилетней войны
Поход 1756 года

аг, сделанный Фридрихом, был отважен, но необходим. Только решительность и быстрота могли ему дать некоторый перевес над многочисленными неприятелями, которые со всех сторон облегали его государство. Ударив на врагов прежде, чем они успели вооружиться, Фридрих надеялся отклонить войну от границ Пруссии. Для прикрытия королевства от России он оставил двадцатидвухтысячный гарнизон, под командой фельдмаршала Левальда. Фельдмаршал Шверин с 26 000 войска занял укрепленный лагерь близ Кенигин-Греца и тем заслонил Силезию. А сам Фридрих во главе пятидесятишеститысячного войска пошел в Саксонию. Вся армия его была разделена на три главные корпуса. Первый, под начальством принца Фердинанда Брауншвейгского, отправился из Магдебурга через Лейпциг, Хемниц и Фрейберг в Котту; второй корпус сам король повел в Преч, приказав в то же время принцу Морицу Дессаускому овладеть Виттенбергом; потом оба отряда соединились при Торгау и переправились через Эльбу. Третий корпус, под командой князя Бевернского, через Лаузиц, Бауцен и Штольпе проник в Богемию.

Неожиданное появление прусских войск в Саксонии до того поразило Брюля, что он не знал, что начать. Встретить Фридриха с оружием в руках он не решался, потому что саксонские войска были разбросаны по всему курфюршеству, а притом и сами воинские снаряжения не были еще кончены. Вся армия, которую Август мог наскоро соединить, состояла из 17 000 человек и была, стало быть, почти вдвое слабее прусской. Оставалось одно средство: объявить Саксонию нейтральной или со всей армией перейти в Богемию, чтобы там соединиться с австрийцами. Но французский посланник граф Броглио посоветовал собрать войско в укрепленный лагерь, где можно было бы кончить необходимые приготовления к войне и спокойно дожидаться подкрепления со стороны Австрии. Совет его был принят. Возвышенная равнина между Пирной и Кенигштейном, простирающаяся на четыре мили, была выбрана для лагеря. Граф Рутовский быстро вывел туда войско, не позаботясь наперед о его продовольствии; за ним последовали король Август и граф Брюль. Естественное положение равнины делало ее почти неприступной, только в немногих местах можно было в ущельях проложить к ней военную дорогу, но и тут саксонцы оградили себя сильными батареями и палисадами. Оттуда они смело могли смеяться над тщетными усилиями неприятеля. Но в то самое время, как они почитали себя неприкосновенными, тайный, невидимый враг прокрадывался уже в лагерь — это был голод. В несколько недель весь провиант истощился, а новых подвозов не являлось, потому что Фридрих перерезал все сообщения.

Хотя Фридриху очень неприятно было, что саксонская армия ускользнула от него, не потратив выстрела, и преградила ему своим лагерем быстрый путь в Богемию, он принял деятельные меры, чтобы принудить Августа действовать согласно со своими видами.

Найдя Саксонию без всякой защиты, он быстро разместил в ней свои войска. Виттенберг, Торгау, Лейпциг и другие города были им заняты почти без сопротивления. Девятого сентября он торжественно въехал в Дрезден и расположил около столицы

Саксонии разные войска свои так, чтобы между ней и саксонским военным лагерем не могло существовать никаких сношений.

В Дрездене Фридрих издал манифест, в котором объяснял, что обстоятельства войны заставляют его взять Саксонию на время под свое управление, как залог безопасности германских держав. Вслед за тем из богатых арсеналов в Дрездене, Вейсенфельсе и Торгау были выбраны все пушки, ружья, амуниционные и полевые запасы и отправлены в Магдебург. Саксонское министерство было упразднено, зал совета заперли, все канцелярии опечатали. В Дрездене учредилось временное прусское управление. Все казенные суммы во всем курфюршестве были отобраны. Но Фридрих строго наблюдал за тем, чтобы никто из саксонских подданных не был обижен, обременен налогами или лишен собственности. Эта мера заставила саксонцев довольно равнодушно смотреть на постигшее их несчастье. Для народа, собственно, никаких существенных перемен не произошло. Даже сановники, уволенные от должностей, были обласканы Фридрихом и ежедневно приглашались к его столу. Супруге Августа и детям его, о которых беспечный польский король, по обыкновению своему, не подумал в минуту опасности, и которые остались в Дрездене, Фридрих оказывал все почести и знаки уважения.

Между тем внезапное занятие Саксонии произвело страшный шум в Европе. Враги Фридриха жаловались и кричали о нарушении всех народных прав. Император отправил к Фридриху указ, которым повелевал ему, как возмутителю, «оставить свое неслыханное, дерзкое и достойное строгого наказания намерение, заплатить польскому королю за все причиненные ему убытки и спокойно возвратиться в Пруссию, если он не хочет испытать всей строгости имперского суда». В то же время было разослано ко всем генералам и полковникам приказание «немедленно оставить безбожного и дерзкого бунтовщика или страшиться гнева императора, который будет для них немилосердным судьей».

Поведение прусского короля было признано виновным всеми державами единогласно, и Фридрих увидел необходи-

мость оправдаться в глазах европейских дворов. Он решился обнародовать все козни Австрии и Саксонии, побудившие его к немедленным и решительным мерам для спасения собственного королевства.

Для этого он имел нужду в подлинных бумагах, но государственного архива в Дрездене уже не было. Фридрих не мог допустить мысли, чтобы Август III захватил с собой архив, когда он в страхе забыл даже свое семейство. Все углы и закоулки в Дрездене были обшарены, но бумаг не отыскивалось. Наконец, Фридриху шепнули, что архив перенесен в опочивальню королевы, и что у нее хранятся и ключи. Фридрих послал к ней одного из своих генералов с просьбой выдать ключи. Она не соглашалась, посланный настаивал и, наконец, несмотря на ее сопротивление, просьбы и обещания, объявил, что имеет приказание действовать решительно, но умолял, чтобы ее величество, из милости, не заставляла его прибегать к оскорбительному насилию.

Ключи были ему отданы, и архив немедленно отправлен в Берлин. Там отличный дипломат своего времени, министр Герцберг, составил свой знаменитый Memoire raisonne[27], в котором были приведены все оригинальные акты о союзе держав против Фридриха и план дележа Пруссии. Брошюра была напечатана в Берлине и разослана ко всем кабинетам с копиями подлинных бумаг. Против этих доказательств даже австрийский двор не нашел оправданий.

При отыскивании архива было обращено особенное внимание на дом Брюля. Во время обыска пруссаки открыли комнату, наполненную париками. Фридрих приказал их перечесть и, узнав, что их триста, воскликнул: «Бог мой! Сколько париков нужно человеку, у которого нет головы!» Дом Брюля был обращен в казарму по приказанию короля. «Если этот человек не боялся разорить целый народ бесполезной войной, — сказал Фридрих, — то пусть он один и пострадает от ее последствий».

---

[27] Mémoire raisonné sur la conduite des Cours de Vienne et de Saxe, et sur les desseins dangereux contre S. M. le Roi de Prusse, avec les pièces originales et justificatives, qui en fournissent les preuves. A Berlin. 1756.

Между тем, с самого вторжения в Саксонию, Фридрих завел дружескую переписку с Августом III. Он приглашал его принять решительный нейтралитет или пристать к его стороне и общими силами действовать против австрийцев. Август не соглашался. Он знал, что силой оружия пруссаки не могут ему повредить, потому что каждое нападение на его лагерь было бы безрассудной и бесполезной отвагой с их стороны; сам же он не решался выйти из своей засады до прибытия австрийских войск. Фридриху это было весьма неприятно, но он старался принудить Августа к решительным мерам другими средствами. Как паук, увидавший насекомое в своей власти, он опутывал свою жертву, окружал ее со всех сторон

войсками и, уничтожая всякое сообщение с саксонским лагерем, надеялся победить неприятеля голодом. Одни транспорты провизии для королевской кухни пропускались сквозь прусские кордоны, так что беспечный Август не терпел ни в чем недостатка и не подозревал печального положения своего войска. Оттого он так упорно противился предложениям Фридриха, а Фридрих не мог двинуться в Богемию против австрийцев, боясь оставить в тылу опасного неприятеля, против которого не имел возможности отделить достаточного войска.

Австрийцы между тем изготовились и двинулись двумя отдельными армиями к границам Саксонии и Силезии. Против одной из них выступил Шверин из Силезии, но австрийцы заняли такую выгодную позицию, что генеральное сражение между обеими армиями сделалось невозможным. Иногда только происходили незначительные стычки между разъездами и аванпостами, но тем все действия и ограничивались.

Между тем король Август неотступно просил у венского кабинета выручить его из затруднительного положения, которое с каждым днем становилось хуже. Вследствие того фельдмаршалу Броуну было предписано немедленно собрать вторую армию в Будине и переправиться через Эгер.

Для наблюдений за действиями этой армии Фридрих отделил довольно значительный корпус и отправил его, под начальством генерала Кейта, к границе Богемии. Пруссаки заняли теснины в горах, которые служили путями между Богемией и

Силезией, и образовали обсервационную линию, от внимания которой не ускользало ни одно движение неприятеля.

Главной целью Фридриха было помешать соединению австрийцев с саксонцами. Для этого он решился остановить австрийцев на пути и дать им сражение. Он сам отправился к своему обсервационному корпусу и вывел его из гор на равнины Эльбы. Близ местечка Лозовиц, на берегу Эльбы, у самой подошвы горного хребта, обе армии встретились. С обеих сторон эта встреча была совершенной неожиданностью. Темнота ночи мешала приступить к каким-нибудь решительным действиям. Но Фридрих, не мешкая, воспользовался всеми выгодами своего положения: он загородил дорогу, ведущую от Лозовица, и занял все возвышенности по обе ее стороны.

Едва рассвело, он построил свою армию в боевой порядок, но сильный туман препятствовал различать предметы даже на близком расстоянии. Левому крылу прусского войска надлежало занять гористую местность влево от дороги. Но едва оно двинулось, как было встречено беглым огнем из виноградников, покрывающих скаты гор. Около двух тысяч пандуров скрывались в кустарниках: плетни виноградников служили им палисадами. Это заставило Фридриха думать, что перед ним не все неприятельское войско, а только его авангард, который обыкновенно сопровождался рассыпными отрядами пандуров и венгров. Вдали виднелась часть конницы. Король велел навести на нее орудия, но всадники не трогались с места. Тогда он отправил против них двадцать эскадронов драгун, желая сразу кончить дело.

Пруссаки, действительно, опрокинули неприятельскую конницу и обратили ее в бегство. Но когда они начали ее преследовать, то были вдруг встречены в лицо и во фланг сильным ружейным и пушечным огнем и вскоре убедились, что перед ними развернута вся неприятельская армия: это заставило их ретироваться. Тогда Фридрих увидел ясно, что имеет дело с армией, которая втрое сильнее его.

Между тем туман начал опадать. Король, видя невозможность тягаться с неприятелем силой, решил одолеть его искусством. Для этого он постарался выбрать самую выгодную

позицию. Все внимание австрийцев было обращено на левое прусское крыло, им хотелось сбить его с возвышенности, на которой оно находилось, и не допустить овладеть скатом горы. Но пруссаки бодро шли вперед в виноградниках, овладевали одним плетнем за другим и погнали неприятельские легкие войска и пехоту в долину. Часть австрийцев бросилась в Эльбу, другая побежала в Лозовиц.

В долине встретил преследующих новый строй австрийцев. Прусская пехота упала духом — в течение шести часов она дралась без отдыха и потратила все патроны, а теперь надлежало вступить в бой со свежим войском, не имея ни сил, ни пороха. Пруссаки остановились, не зная, что делать. Герцог Бевернский, который предводительствовал этим войском, быстро проскакал перед фронтом и с веселым видом закричал солдатам: «Что же вы стали, братцы, и патронов нет? А на что же вас учили принимать врага штыком?» Как электрическая искра подействовали слова его на солдат: штыки сомкнулись, и незыблемая, живая стена с громким криком двинулась на неприятеля и потеснила его к Лозовицу. Вот уже пруссаки в городе, по грудам тел пробираются они по улицам, неприятель защищается упорно ружейным огнем, его бьют холодным оружием; вот огненные

языки показались из домов Лозовица, город запылал, австрийцы ищут выхода, их теснят, батареи их отбиты; наконец, неприятель смят, бежит и — пруссаки торжествуют победу.

Лозовицкая битва дорого стоила Фридриху: он потерял вдвое против австрийцев убитыми и пленными. Правое крыло прусской армии, которым командовал сам король, посылало только подкрепления левому, но само участия в битве не принимало. Тем замечательнее была победа пруссаков.

Австрийцы опять переправились через Эльбу и разрушили за собой мосты. Фридрих не посмел их преследовать со своим малочисленным войском. Он овладел полем битвы и расположил своих солдат лагерем на безопасной позиции. Лозовицкая победа не принесла ему никаких существенных выгод над неприятелем, но она помешала соединению войск саксонских с австрийскими, и этого на первый случай было достаточно. Радуясь успеху, довольный своими солдатами, о которых сказал, что «они никогда еще не оказывали такой храбрости, с тех пор, как он имеет честь ими командовать», Фридрих отправился в Саксонию.

Рассказывают, что Фридрих после Лозовицкого сражения был до того утомлен, что тут же на поле битвы сел в повозку и заснул. В это время австрийцы отступали. Один из ретирадных выстрелов попал прямо в королевскую повозку: ядро разбило весь передок и чуть не оторвало обе ноги короля. По счастью, за минуту перед тем, как будто по внушению судьбы, он поднял ноги на высокий облучок и тем спас свою жизнь.

Известие о победе пруссаков отняло у саксонцев последнюю надежду на освобождение из обширной их темницы. Им оставалось одно средство: обмануть бдительность прусских войск и ночью, с оружием в руках, пробиться на волю. Составили план и тайком дали знать фельдмаршалу Броуну, который стоял в Богемии. Броун с шестью тысячами человек немедленно подошел к Эльбе, в тылу пруссаков, чтобы ложным нападением способствовать освобождению саксонцев. Ночь на 11 октября была назначена для совершения дела. Броун в назначенный час занял свой пост, сделал все нужные распоряжения и ждал только условных выстрелов с высот Кенигштейна, которые должны были служить ему сигналом к

атаке. Ночь была страшная: буря затемняла совершенно небо и волновала реку, дождь лил, как из ведра. Саксонцы строили мост через Эльбу при блеске молний, и каждый порыв ветра разрушал их работу. Наконец, мост поспел, сигнал подан, но гром небесный заглушал громы пушек, и Броун не трогался с места. Таким образом, попытку к освобождению надлежало отложить до другого времени. Условились обождать два дня.

Фридрих употребил этот случай в свою пользу. Он усилил свои посты на Эльбе, укрепил их ретраншементами и засеками, а против Броуна выдвинул отдельный корпус. Положение австрийского полководца становилась затруднительным. Прождав бесплодно два дня и опасаясь за самого себя, Броун в ночь на 14-е число поспешно отступил и повел свой отряд назад в Богемию.

Правый берег Эльбы у Пирны и Кенигштейна горист и покрыт лесом и кустарником — одни лощины и рытвины между горами могут служить военной дорогой. Зная это, Фридрих овладел всеми окрестными высотами.

Ночью, на 15 октября, часть саксонской армии переправилась через Эльбу под проливным дождем. Ветер разрушил за ней мосты. Саксонцы с твердостью шли вперед в надежде вскоре встретить своих союзников. Но нигде не было и следа австрийцев, вместо их они находили пруссаков во всех дефилеях,

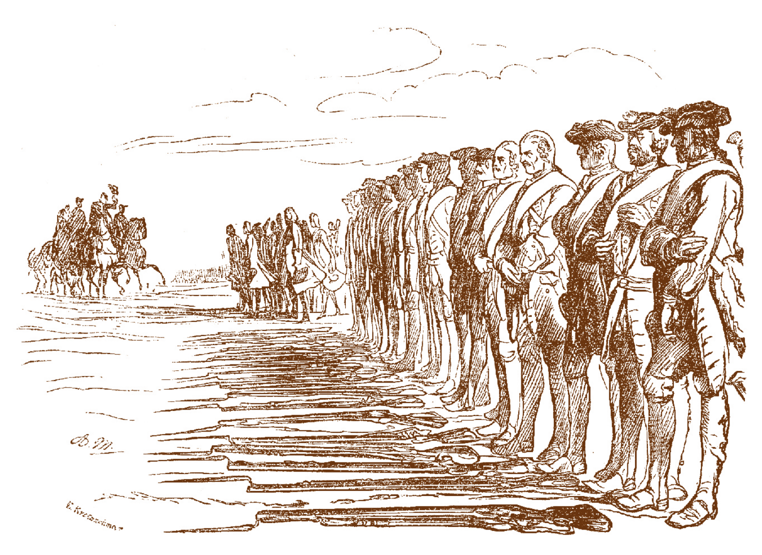
ведущих в Богемию. Близ горы Лилиенштейн они вынуждены были, наконец, занять позицию. Там они остались выжидать, с тревогой, чем решится дело.

Между тем пруссаки, которые караулили выход саксонцев из-под Пирны, тотчас же заняли их лагерь, напали в тылу на их арьергард, захватили его в плен и отняли большую часть обозов и орудий, так что войско, перешедшее за реку, осталось совершенно отрезанным. Трое суток пробыли саксонцы в новом своем заключении, не смея двинуться с места, напрасно поджидая помощи, без пищи, под открытым небом, на сырой земле, под несмолкающим дождем и в беспрерывном страхе. Весь патриотизм, все мужество их истощились вместе с потерей физических сил.

Напрасно Август и Брюль требовали от несчастного войска, чтобы оно, собрав остаток сил, пробилось сквозь дефилеи — генералы не отваживались на такое смелое дело, солдаты не могли им повиноваться, потому что были совершенно истощены и умирали страшной смертью от изнурения и голода. Граф Рутовский попытался, наконец, добыть свободу честной капитуляцией. Он отправил офицера к генералу Винтерфельду со своими предложениями. Винтерфельд не принимал никаких предложений, говоря, что не имеет на то повелений короля. Он провел посланного с умыслом по всей цепи прусских войск, чтобы лишить саксонцев и тени надежды и показать им, что каждая попытка пробиться оружием будет явным безумством с их стороны.

Итак, вся саксонская армия должна была сдаться в плен. Жребий ее зависел от великодушия победителя. Все полки, без исключения, положили оружие. Фридрих проезжал по рядам, ободрял и утешал их; к генералам обращался с лаской и пригласил их к своему столу.

Солдатам тотчас были розданы двойные порции хлеба и вина. С офицеров взято честное слово, что они в продолжение всей этой войны не поднимут оружия на Пруссию, и затем они были распущены по домам. Но простые солдаты должны были присягнуть прусскому знамени, получили прусскую обмундировку и были частью размещены по различным полкам, частью остались в прежнем составе, но причислены к прусской армии.

Это была важная ошибка со стороны Фридриха. Саксонские солдаты всегда были плохи и принесли ему мало пользы, зато при первых военных действиях целые полки саксонцев, одушевляемые чувством оскорбленного патриотизма, переходили в неприятельские ряды. С другой стороны, неслыханный дотоле пример порабощения целой неприятельской армии навлек на него еще более негодование европейских держав.

Король Август выговорил себе только две привилегии: что крепость Кенигштейн останется нейтральной до окончания войны, и что он может с графом Брюлем беспрепятственно отправиться в Варшаву.

Фридрих не только согласился на оба пункта, но даже приказал очистить всю дорогу, по которой поедет польский король, от прусских войск, чтобы встреча с ними не растравляла тяжких ран его сердца. Варшавские балы и маскарады скоро рассеяли печаль доброго короля.

Супруга его, однако, осталась в Дрездене и продолжала вести тайную переписку с австрийскими генералами, возбуждая их своими жалобами против Фридриха.

Так кончился этот первый поход. Фридрих вывел войска свои на зимние квартиры в Саксонию и Силезию и протянул кордоны по всей богемской границе. Сам он отправился в

Дрезден; набирал в Саксонии рекрут для пополнения своих войск и старался увеличить финансовые средства за счет побежденных. У всех придворных чинов Августа были отняты две трети от получаемого ими жалованья, богатые запасы фарфора Мейсенской фабрики были проданы, и, кроме того, вся Саксония была обложена податью, состоявшей из известного количества провианта и фуража.

Император, не могший смирить «возмутителя», как он называл Фридриха, силой собственного оружия, поднял против него весь имперский или германский сейм, представляя вторжение его в Саксонию покушением на свободу всей Германии и на святыню католической церкви. Для суда над прусским королем в Регенсбурге собрался сейм германских земель, игравший некогда такое сильное влияние на судьбу Европы, но в течение нескольких поколений совершенно забытый и безгласный. На заседаниях сейма поступки Фридриха были изображены самыми черными красками; даже ничтожнейшие князьки и епископы подняли голос против него. Наконец, несмотря на все возражения немногих друзей Фридриха, грозный сейм определил: «немедленно собрать со всей Германии имперское исполнительное войско для наказания преступника по приговору верховного судилища, а начальство поручить принцу Иосифу-Марии-Фридриху-Вильгельму-Голландиусу Саксен-Гильбурггаузенскому, провозглашенному в генерал-фельдмаршалы империи». Этот военачальник имел владения, которые в три часа времени можно было проскакать вдоль и поперек, и свое войско, из которого, в случае нужды, легко вышла бы рота для пополнения любого прусского полка. Вообще полководец исполнительной армии очень напоминал собой другого вождя германского всеобщего ополчения, Вальтера Голяка, который так отличился в крестовых походах.

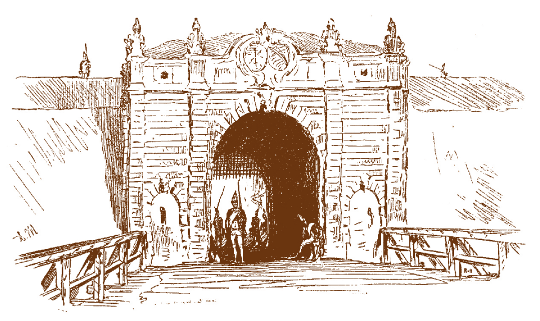
Вот герой, которого сейм противопоставлял первому военному гению и сильнейшему государю XVIII столетия!

Фридрих смеялся над решением грозного сейма и ожидал самых забавных последствий от германского ополчения. Как мы увидим, ожидания его не обманули.

Но гораздо бóльшая опасность угрожала ему со стороны Франции. Польская королева была матерью супруги французского дофина. К дочери прибегла она с жалобами на притеснения Фридриха и попросила защиты. Таким образом, просьбы и влияние дофины присоединились к интригам г-жи Помпадур, и французское министерство убедило Людовика, что, действуя против ганноверских владений Георга и против союзника его, Фридриха, можно будет заставить Англию перенести невыгодную для Франции морскую войну на материк. Вследствие этого версальский кабинет объявил, что почитает вторжение Фридриха в Саксонию нарушением Вестфальского мира, за прочность которого Франция поручилась. Немедленно приступили к вооружению сильного войска, которому с весной назначался поход через Рейн, против Ганновера и Пруссии. В то же время, по предварительному соглашению, Швеция должна была ударить с севера и с оружием в руках потребовать возвращения части Померании, уступленной ей отцу Фридриха.

Фридрих готовился к встрече врагов, обдумывал планы своих действий и наблюдал за перепиской польской королевы, которая имела для него такие вредные последствия. Караулы у всех городских ворот Дрездена были удвоены, и было получено предписание никого не пропускать без строжайшего осмотра.

Досуги свои Фридрих, по обыкновению, посвящал литературе и музыке: ездил на концерты и в оперу, устраивал у себя балы и маскарады и старался, по возможности, облегчить и позолотить цепи, которые наложил на бедных саксонцев.

Глава XXV. Поход 1757 года. Битвы при Праге и Коллине

ридрих в течение зимы значительно усилил свои войска. К весне у него стояли под ружьем 200 000 человек, хорошо обученных, обмундированных, обеспеченных на год всеми жизненными и военными потребностями. Соединенные армии всех его неприятелей могли состоять не более, как из 500 000 человек.

Несмотря на то, что силы врагов превосходили его собственные в полтора раза, Фридрих не падал духом и даже надеялся на верный успех. Он решил предупреждать их в каждом движении, не давать им действовать совокупными силами, но сразиться с каждым отдельно.

Франция, Россия, Швеция и имперская исполнительная армия пока были еще заняты военными приготовлениями. Одна Австрия стояла во всеоружии против Фридриха. Не давая подоспеть другим державам, он решился атаковать и уничтожить главного и сильнейшего своего врага, чтобы обеспечить себя

хоть с одной стороны и потом свободнее действовать против остальных неприятелей.

Но австрийцы сами переняли у Фридриха его тактику. Фельдмаршал Броун составил план напасть на пруссаков в самой Саксонии с такой же быстротой, с какой Фридрих доселе нападал на австрийцев. Для этого он устроил на саксонской границе магазины и расположил свои войска корпусами в самой выгодной позиции, так что мог легко проникнуть в Саксонию и в то же время прикрыть ими Богемию.

Фридрих показывал вид, будто не замечает намерений неприятеля, укрепил наскоро Дрезден и распустил слухи, что будет выжидать нападения со стороны австрийцев. Между тем войска его четырьмя колоннами потихоньку подвигались уже к границам Богемии.

Австрийский двор доселе держался оборонительной системы и желал напасть на Фридриха только тогда, когда он будет стеснен со всех сторон союзными войсками, а потому Мария-Терезия была весьма недовольна распоряжениями Броуна. Она немедленно передала главное начальство над войсками принцу Карлу Лотарингскому, который, прибыв к армии, тотчас переменил план и все распоряжения Броуна. Но операционная система принца Карла была слишком недальновидна и открыла пруссакам многие выгоды, которыми Фридрих поспешил воспользоваться.

Как четыре горных потока, ринулись прусские войска в Богемию, по направлению к Праге, опрокидывая все, что им встречалось на пути. Первая прусская колонна в 16 000 человек, под начальством герцога Бевернского, вскоре встретила неприятельский корпус графа Кенигсека, окопавшийся близ Рейхенберга. Австрийцы были тут же атакованы и обращены в бегство. В то же время фельдмаршал Шверин со своей колонной при Кенигсгофе перешел через Эльбу и хотел обойти Кенигсека, но тот успел вовремя ретироваться к Праге, оставив богатый магазин в Юнг-Бунцлау в добычу Шверину. Сам Фридрих переправился через Молдаву в виду неприятеля, который, заботясь только о своем сосредоточении, не посмел атаковать

его. Принц Мориц Дессауский провел свою колонну беспрепятственно горными проходами, остановился за рекой и начал наводить мост.

6 мая, рано утром, все прусские войска соединились около Праги. Все корпуса вместе состояли из ста с лишним тысяч человек. Фридрих решил немедленно начать дело, невзирая на возражения своих генералов, которые, советовали узнать сначала местность и дать время принцу Морицу навести понтоны в тылу неприятеля. Фридрих не хотел ничего слушать: «Сегодня я решил разбить врага, — говорил он, — и мы должны драться непременно». Винтерфельд был послан с отрядом гусар на рекогносцировку местности, а Фридрих распределял полки по местам, приводил их в боевой порядок.

Австрийцы, которые совсем не ожидали незваных гостей, быстро приняли меры к их встрече и заняли превосходную позицию. Левое крыло их упиралось в гору Жишки и было защищено укреплениями Праги; центр находился на крутой возвышенности, у подошвы которой расстилалось болото; правое крыло занимало косогор, заграждаемый деревней Шербоголь.

Винтерфельд донес королю, что только с этой стороны можно обойти неприятеля и напасть на него с фланга, а также, что тут, между озерами и плотинами, есть засеянные овсом поляны, по которым войско легко может пробраться. В ту же минуту отдан был приказ начать дело.

Шверин повел левое прусское крыло в обход, по показанной Винтерфельдом дороге. Но тут встретились неожиданные затруднения: поляны, засеянные овсом, были не что иное, как спущенные, тенистые пруды, заросшие травой. Солдаты вынуждены были по узким плотинам и тропинкам пробираться поодиночке, а там, где их вели по три в ряд, крайние вязли в болоте по колени. В иных местах целые полки едва не погрязли совершенно в топкой тине и с трудом смогли выбраться. Большую часть пушек вынуждены были бросить. Несмотря на такой трудный марш, прусские солдаты шли вперед с удивительной твердостью, ободряли друг друга и старались блюсти возможный порядок, который при таких обстоятельствах необходимо должен был расстроиться.

В час пополудни пруссаки преодолели все препятствия, выстроились в боевой порядок и бросились в атаку. Но австрийцы, которые следили за их движением, встретили их страшным огнем из пушек. Целые ряды мертвых тел покрыли поле. Пруссаки с беспримерной неустрашимостью шли вперед по трупам убитых товарищей, но австрийские батареи действовали так смертоносно, что должны были положить предел каждой человеческой храбрости: бодрые полки Шверина дрогнули и обратились в бегство. Тогда семидесятитрехлетний вождь захотел испытать последнее средство и своей личной храбростью напомнить солдатам их долг. Быстро подскакал он к бегущему штандарт-юнкеру, выхватил у него знамя и громовым голосом крикнул: «Пруссия и Фридрих! За мной, дети!» Вмиг все обратилось на знакомый голос: ряды сомкнулись, ружья наперевес... и солдаты с криком бросились за седовласым вождем. Но едва они прошли несколько шагов, как четыре картечи пробили грудь фельдмаршала, и он, покрытый знаменем, пал впереди своего храброго полка.

Смерть любимого полководца воодушевила пруссаков мщением. Как львы, бросились они на австрийские колонны и сбили их с места. Броун, командовавший правым крылом австрийцев, был смертельно ранен и отнесен за фронт. Это еще более увеличило смятение, бой сделался рукопашным, и пруссаки, воодушевляемые генералом Фуке, который принял команду над левым крылом по смерти Шверина, гнали и теснили австрийцев со всех сторон. Несшаяся на них конница была опрокинута храбрым Цитеном, который с двумя полками гусар осмелился даже атаковать тяжелую кавалерию австрийцев.

В то же время происходила атака левого крыла австрийцев прусской конницей. Эта атака была произведена с таким неистовством, что австрийская конница не смогла устоять. Пруссаки врубились в ее ряды и после кровопролитной сечи принудили бежать. Беспорядок увеличился еще более, когда сам принц Лотарингский от сильной судороги в груди упал с коня и был отнесен в Прагу.

Теперь пруссакам со всех сторон открылся доступ. Сражение сделалось всеобщим: дрались на всех пунктах, где только местность допускала битву. Несмотря на отчаянное сопротивление и отличную храбрость австрийцев, все усилия их пропадали, потому что они, за недостатком главнокомандующего, не были направлены к одной цели, по общепринятому плану. Фридрих, заметив, что в середине австрийской армии открылся промежуток, ринулся в него со своим центром и разделил, таким образом, всю неприятельскую армию на две половины. Пехота левого австрийского крыла пока не была еще в деле. Принц Фердинанд Брауншвейгский с шестью батальонами ударил на нее в тыл и во фланг, а принц Генрих Прусский в то же время пошел на приступ спереди и овладел тремя батареями.

Таким образом, неприятель, со всех сторон теснимый, в величайшем беспорядке начал отступать. Пруссаки гнали его с горы на гору, топили в болотах, рубили в теснинах до тех пор, пока сумрак ночи не прекратил резни. Все австрийские войска обратились в бегство: часть их бросилась в Прагу, другие побежали полями.

Так кончился этот кровавый день, достопамятный в истории новейших битв. Город Прага не мог вместить всех войск, и часть австрийской армии ретировалась к югу, надеясь соединиться со сборным корпусом фельдмаршала Дауна, который был расположен невдалеке от Куттенберга. Эта часть австрийской армии обязана своим спасением единственно тому обстоятельству, что принц Мориц Дессауский не успел окончить своего моста через Молдаву, которая от предшествовавших дождей сильно поднялась. Иначе он со своими свежими войсками, не бывшими в деле, ударив в тыл бегущим австрийцам, непременно положил бы их на месте и тем, может быть, окончил бы совершенно кампанию.

Пруссаки показали в Пражской битве удивительные примеры неустрашимости и геройства. Принц Генрих Прусский соскочил с лошади и сам повел свой батальон на батарею. У Фуке картечь раздробила кисть правой руки и вырвала шпагу. Он велел привязать себе тесак простого солдата к раздробленной руке и опять повел своих людей в огонь.

Поле битвы представляло ужасное зрелище — двадцать три тысячи мертвых тел покрывали его. Одна Пруссия потеряла 11 000 убитыми и 4500 ранеными. Особенно пострадала пехота. Победа дорого стоила Фридриху. Он лишился нескольких отличных генералов: кроме Шверина[28], пали принцы

---

[28] Тело его с трудом могли отыскать между убитыми. Его отнесли в Маргаритинский монастырь и положили перед престолом. С глубокой, видимой скорбью стоял перед ним Фридрих и долго смотрел в лицо мертвеца. Потом он сам отдал все приказания касательно необходимых распоряжений к его похоронам. Фельдмаршала отвезли с приличным погребальным конвоем и всеми воинскими почестями — в поместье его близ Вуссекена, в Померании. Там он был поставлен в свой Фамильный склеп. Шверин, ученик Мальборуга и принца Евгения, был в свою очередь учителем в военном деле великого Фридриха. Самые враги уважали и ценили замечательные воинские дарования и мужество Шверина. Вот что Фридрих пишет о нем в своих сочинениях:

> «Несмотря на глубокую старость, Шверин сохранил весь свой юношеский огонь. С глубоким огорчением увидел он, что пруссаки должны были отступить в Прагском деле, и с необычайным мужеством кинулся вперед и повел их на врага. Смерть его помрачила лавры победы, купленной столь драгоценной кровью».

Голштинский и Ангальтский и генерал Гольц. Генералы Фуке и Винтерфельд были в бою тяжко ранены.

На следующий день и австрийцы оплакали кончину Броуна. Фридрих успел еще послать, изъявить ему свои соболезнования и возвестить о смерти Шверина.

40 000 австрийцев заперлись в стенах Праги; город едва смог вместить такое значительное войско. Фридрих после битвы потребовал сдачи города, но эрцгерцог Карл Лотарингский не соглашался. Фридрих сначала хотел в ту же ночь штурмовать Прагу, но побоялся ослабить свое войско, и без того сильно пострадавшее в жестокой Пражской битве. Он только обложил город со всех сторон и послал к силезской границе за осадными орудиями, надеясь скоро принудить принца Карла к сдаче посредством огня и голода.

Хотя Пражская победа не вполне удовлетворила желания прусского короля, но она возбудила удивление целой Европы, остановила на некоторое время союзные войска, которые в нерешимости не знали, что им делать: продолжать ли свои марши или возвратиться назад. Венский двор трепетал за независимость всей империи — от сдачи Праги, вмещавшей главную силу австрийской армии, зависела участь Австрии, тем более, что сильный партизанский корпус пруссаков из Богемии проник в Баварию и распространил ужас прусского имени до самого Регенсбурга. Мария-Терезия готовилась уже новыми пожертвованиями искупить мир и свободу у непобедимого прусского короля.

Но судьба устроила все иначе. Корпус Дауна, не участвовавший в пражском деле, увеличился присоединением части

В память знаменитого полководца и его геройской смерти, Фридрих воздвигнул в Берлине, на Вильгельмовской площади, мраморный монумент.

Когда, впоследствии, в 1776 году, император Иосиф II, производил маневры при Стербоголе, он приказал войскам построиться около места, на котором пал Шверин, и почтить его память троекратным ружейным и пушечным залпом, причем каждый раз обнажал голову. — В 1824 году прусские офицеры на самом этом месте поставили Фельдмаршалу Шверину памятник, в виде пирамиды, из красного мрамора.

войска Карла Лотарингского и несколькими вновь подоспевшими полками. Он насчитывал под ружьем 60 000 человек. С такой силой он легко мог выручить Карла из Праги. Этого боялся Фридрих, на это надеялись осажденные.

В первые дни осады пруссаки успели отнять у австрийцев гору Жижки и, владея, таким образом, высотой, опустошительно действовали на город. Все вылазки осажденных были отбиты. В день св. Непомука, патрона Богемии, принц Карл собрал все войско и всех жителей на торжественное молебствие о спасении города и победе над противниками.

В тот же день лазутчик принес письмо от императрицы-королевы. Она писала к главнокомандующему: «Честь всей нации, честь императорского оружия зависит теперь от мужественного сопротивления Праги. Благо всей римской империи в руках нашего воинства и верноподданных жителей сего города! Фельдмаршал Даун придет к вам на помощь: армия его увеличивается с каждым днем. Французское войско также подвигается быстрыми шагами. С Божьей помощью дело утесненных примет скоро другой вид!» Все это успокоило несколько осажденных и зажгло в них луч надежды и мужества. Но в то же время прибыли осадные орудия Фридриха, и пять грозных батарей воздвиглись около несчастного города. Гром пушек раздался над головами австрийцев, и сердца их снова дрогнули.

В ночь на 30 мая бомбы и каленые ядра рассыпались с треском над Прагой, и целые кварталы запылали. К третьему июня пламя, подкрепляемое сильным ветром, истребило несколько предместий и улиц.

Жители не успевали тушить пожаров. Люди гибли сотнями под развалинами домов, задыхались от сильного дыма. Голод и болезни увеличивали страшное опустошение. Город не был

приготовлен к продолжительной осаде. Запасные магазины его опустели в первую неделю, войско питалось кавалерийскими лошадьми, которых убивали ежедневно по нескольку сотен. Храмы обратились в лазареты для раненых и больных, где они умирали страдальческой смертью, без всякой помощи. Воздух заражался от вредных испарений и множества гниющих трупов, которые не успевали хоронить. Жертвы смерти умножались с каждым днем.

В продолжение трех недель пруссаки бросили в город 180 000 бомб и каленых ядер и разрушили до тысячи домов. Принц Карл решился, наконец, на жестокую, но необходимую меру: он приказал выгнать 12 000 жителей, но пруссаки снова вогнали их в город. Со слезами, на коленях умоляли Карла городовые власти о сострадании к несчастным жертвам, о сдаче Праги. Карл смягчился и послал к Фридриху парламентеров, прося свободного выпуска войск из города. Фридрих потребовал сдачи и города, и войска, и более ничего не хотел слушать. На это Карл не согласился.

Но осада Праги была для Фридриха столь же неприятна, как и для австрийцев. Он терял время, а оно было ему необходимо для дальнейших операций против остальных союзников Австрии. К тому же, он ежедневно получал неблагоприятные

известия: в Вестфалию шли 100 000 французов, в Пруссию — столько же русских. Притом и Даун не дремал: он составил план — фальшивыми маневрами обмануть обсервационный корпус герцога Бевернского, выставленный против него Фридрихом, тихонько окружить его при Куттенберге и, положив на месте, двинуться к Праге и, таким образом, поставить прусского короля между двух огней. По счастью, Цитен проник в его намерения, поставил ему оплот и дал время герцогу Бевернскому отступить к Коллину, а оттуда к Каурциму, в таком порядке, что принц на походе смог еще овладеть несколькими богатыми неприятельскими магазинами, почти что на глазах Дауна.

Эти обстоятельства заставили Фридриха сдать главную команду над осадным войском фельдмаршалу Кейту и принять решительные меры против Дауна, без уничтожения которого нельзя было надеяться на скорую сдачу Праги. Отделив от осаждающей армии небольшую часть войска, Фридрих поспешил с нею к Каурциму и 15 июня соединился с герцогом Бевернским.

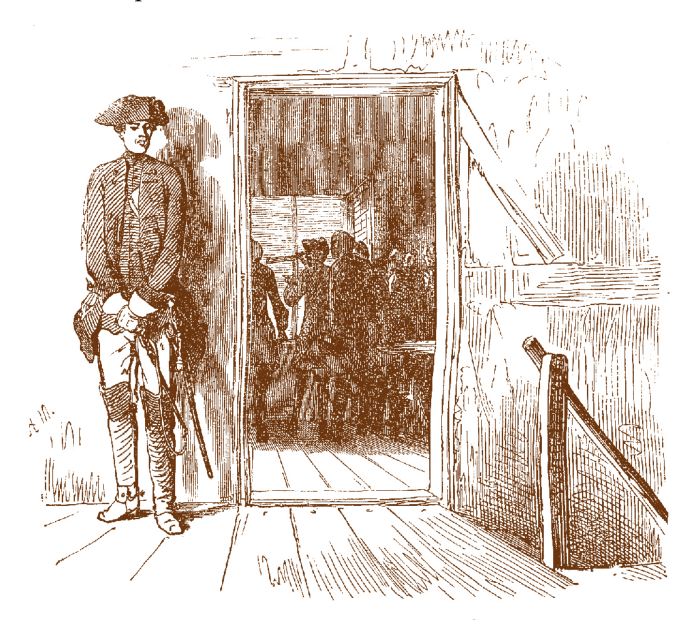
Король был в самом дурном расположении духа. Одержав столько удачных побед, действуя всегда решительно и быстро, он не привык к долгому сопротивлению. Нетерпение и досада на долговременную осаду Праги до того его расстроили, что он осыпал упреками даже самых близких к нему и достойных генералов. Это раздраженное состояние души, которое невыгодно действовало и на само войско, отчасти повредило исполнению его планов.

18 июня должна была разыграться решительная битва при Коллине, от результата которой зависела вся дальнейшая участь кампании.

Даун за ночь расположил свою армию, вдвое сильнейшую прусской, и принял такую превосходную позицию, между Коллином и Планианом, что сам Фридрих был поражен, когда из небольшого трактира, на коллинской дороге, вполне обозрел ее.

Одна линия стояла на скате гор, другая — на вершинах. Фронт армии был закрыт деревьями, обрывистыми пригорками и рытвинами, до него почти не было никакой возможности добраться. На правом крыле, огражденном с фланга глубоким обрывом, была расположена кавалерия, на левом — пехота,

защищенная деревней Свойшюц, а за ней стояли резервные полки и часть кавалерии, которую местность не позволяла употребить с пользой на этом пункте. По всей первой линии была распределена тяжелая артиллерия с необыкновенно удивительным расчетом.

По обозрению неприятельской позиции Фридрих составил план битвы, который всеми тактиками почитается превосходным. Он был очень прост. Против правого крыла австрийцев король хотел сосредоточить главные свои силы, сбить корпус генерала Надасти, его прикрывающий, потом густой массой ударить в его фланг и тыл и, таким образом, лишить неприятеля всех выгод его позиции.

В час пополудни король подал знак к началу дела. Генералы Цитен и Гюльзен повели авангард, состоявший из гусар и гренадер, в атаку. Цитен ударил на корпус Надасти, после отчаянной сечи сбил его с места и начал преследовать. Гюльзен между тем овладел деревней и погостом, занятыми легкой конницей и двумя батареями в 12 орудий. Все шло, как нельзя лучше для пруссаков, как вдруг, Бог весть по какому ложному донесе-

нию, королю вздумалось изменить собственный свой план и остановить батальоны, посланные на подкрепление авангарду. Он скомандовал всей пехоте левого крыла переменить направление и прямо идти на фронт первой неприятельской линии. Принц Мориц быстро подскакал к Фридриху и умолял его отменить это приказание, представляя всю опасность нового движения и страшные последствия, которые оно могло повлечь за собой. Король не хотел ничего слушать. Принц настаивал. Фридрих приказал ему замолчать, но, когда Мориц продолжил свои убеждения и просьбы, король бросился на него с обнаженной шпагой и грозно закричал: «Будешь ты повиноваться или нет?» Тогда принц с горестью возвратился к своему посту.

Несмотря на все затруднения, на страшный огонь неприятельских батарей, пруссаки с бодростью исполнили приказание короля. По грудам трупов, как по горам, добрались они до австрийской линии, овладели батареей, потеснили неприятеля и соединились с авангардом.

Правое крыло австрийцев было сбито с позиции, смято и бросилось в беспорядке на центр. Все предвещало пруссакам победу. Даун написал наскоро карандашом приказание, чтобы войска ретировались в Сухдоль и разослал с ним своих адъютантов по разным отрядам.

Но вдруг счастье, властелин каждого успеха, против которого не устоит ни храбрость, ни самая остроумная тактика, обратилось

на сторону австрийцев. Генерал Манштейн, в порыве воинского жара, без позволения кинулся на деревню, лежавшую по дороге и занятую пандурами. Преследуя их до самой неприятельской линии, он подверг своих солдат опустошительному действию батарей и вдруг остановился. От этого в прусской пехоте произошел интервал, и вся армия получила фальшивую дирекцию. Австрийская конница, соединясь с подоспевшей к Дауну из Польши саксонской кавалерией, воспользовалась этим беспорядком и ринулась в интервал. С беспримерным хладнокровием и быстротой прусская пехота, пропустив неприятельские эскадроны в свои промежутки, сомкнулась в каре и открыла по врагам несмолкающий ружейный огонь. Страшно свирепствовала смерть между этими живыми стенами, люди и лошади образовали целые горы. Австрийские всадники все должны были погибнуть в смертоносной ограде, в которую сами себя заключили. Но у пруссаков не достало патронов, а новые кавалерийские полки ринулись на них с фланга и в тыл. Все смешалось: всадники топтали их лошадьми и рубили с остервенением. При каждом сабельном ударе саксонцы кричали: «Вот вам за Штригау!» Двенадцать лет не ослабили в них памяти о страшном штригауском поражении, и теперь они хотели насладиться полным мщением над пруссаками.

Наконец, прусская пехота бросилась бежать. Фридрих хотел поддержать ее кавалерией, но и та была обращена в бегство страшным батарейным огнем. Напрасно король старался удержать ее, все усилия его остались тщетными. После долгих увещаний и просьб едва удалось ему собрать сорок человек, которых он сам повел на батарею, в надежде, что за ними последуют и другие. Но едва картечь неприятельская коснулась этой последней горсти верных, и она рассыпалась во все стороны. Фридрих не замечал этого и все ехал вперед, пока подскакавший адъютант не спросил его: «Разве ваше величество один хотите взять батарею?» Король оглянулся — кругом его было пустое поле. Он горько усмехнулся, вынул зрительную трубу, несколько минут осматривал батарею и, наконец, шагом поехал на правое свое крыло.

Между тем недостаток в подкреплении остановил первые блистательные успехи прусского авангарда. Вместо пехоты Цитен должен был употребить кирасиров, которые целыми рядами ложились на месте от града картечи. Одна из них сорвала шапку с Цитена, он получил контузию в голову и без чувств упал с лошади. Его подняли и отнесли в коляску принца Морица, где он очнулся по окончании битвы. Даун, как вихрь, переносился от одного отряда к другому, сам распоряжался всем и везде, ободрял своих солдат словом и делом. Где только он замечал интервалы в прусской армии, туда тотчас посылал саксонских карабинеров, они производили страшное опустошение и беспорядок в неприятельских рядах. Наконец, все перемешалось, правильное сражение обратилось в рукопашный бой. Пруссаки дрались до последнего издыхания, как истинные герои, каждый лег на месте, которое занимал в рядах по чину. Поле битвы было наводнено кровью, усеяно огромным количеством мертвых тел.

Фридрих уверился, что битвы выиграть невозможно. Он призвал герцога Бевернского и принца Морица Дессауского и предписал им отступить с войском через Планиан в Нимбург, а там переправиться через Эльбу. Правое крыло пруссаков, совсем не бывшее в деле, должно было прикрывать ретираду. Сам Фридрих, в сопровождении своей лейб-гвардии, отправился вперед.

Неприятель овладел полем битвы и так был поражен совершенно для него новым зрелищем отступления пруссаков, что долго оставался спокойным зрителем их ретирады, которая совершилась в величайшем порядке. Наконец, уверившись, что это не фальшивый маневр, австрийцы бросились на прусский арьергард. Кровопролитный бой завязался снова, и только наступившая темнота разделила воюющие войска.

Ночью развалины прусской армии без преследования прибыли в Нимбург, оставив в руках неприятеля только сорок пять орудий, под которыми были убиты лошади.

Фридрих, со своим маленьким прикрытием, вынужден был скакать во весь опор, потому что дорога была усеяна пандурами и австрийскими партизанскими отрядами. Долго он не мог прийти в себя от первого удара судьбы, который поразил его на счастливом доселе воинском поприще. Когда генералы привели войско в Нимбург, они нашли короля в уединенном закоулке города. Он сидел на бревне, поникнув головой, и в глубоком раздумье чертил палкой фигуры на песке.

Никто не смел прервать его размышлений, генералы молча стояли вокруг него и ждали. Наконец, он вскочил с места и с принужденной веселостью отдал нужные приказания. Но когда он взглянул на малый остаток своей любимой гвардии, из которой уцелело не более полутораста человек, слезы навернулись у него на глаза.

— Дети! — сказал он гвардейцам. — Нынче был для вас черный день!

— Что делать, — отвечали солдаты, — нас плохо вели.

— Дайте срок, друзья, — продолжал Фридрих, — я опять все поправлю!

Потеря с прусской стороны в Коллинском деле простиралась до 14 000 человек, с австрийской — только до 8000. Даун, как великодушный победитель, отправил даже к Фридриху раненых, которых ретирующаяся армия не успела захватить с собой из Планиана.

Непременным следствием Коллинского поражения было снятие осады Праги. Во время сражения при Коллине Карл Лотарингский предпринимал самые отчаянные вылазки, но все покушения его были уничтожаемы умной и деятельной распорядительностью брата Фридриха, принца Фердинанда. Теперь, к общему огорчению всей прусской армии, Прагу надлежало оставить. Осада была снята правильно и открыто. Прежде всего, позаботились о раненых офицерах: их, под прикрытием, отправили в Саксонию[29]. Потом, рано утром оставили траншеи и укрепленные посты, и армия тронулась в поход,

---

[29] Между ранеными находился и генерал Манштейн, виновник потери Коллинской битвы, которому ружейная пуля раздробила левую руку. Король приказал его отправить в Дрезден с тридцатью другими офицерами. Их сопровождал отряд из 200 саксонцев. Близ Лейтмерица узнали они, что на них устремляется партизанский отряд Лаудопа. Манштейн, заняв одно из возвышений, приказал устроить вагенбург и решился вступить в бой с неприятелем. Но при первом появлении австрийцев, саксонцы разбежались; беспомощные офицеры остались одни. Манштейн, после своего проступка, не надеялся на слишком блистательную будущность. Он решился лучше умереть, чем отдаться в плен неприятелю. Выскочив из коляски, он, как лев, дрался с атакующими и до того озлобил их своим сопротивлением, что был на месте изрублен в куски.

в величайшем порядке, с распущенными знаменами и барабанным боем. Только на последние отряды принц Карл решился сделать нападение. Пруссаки при этом претерпели самый ничтожный урон. Даун между тем торжествовал свою победу молебствием и празднеством в лагере и не подумал даже помешать соединению обеих прусских армий.

Вслед за тем Даун отправился в Прагу, где и присоединился к войскам принца Лотарингского.

Несмотря на свои значительные потери, несмотря на нравственное расстройство армии и на собственную душевную тревогу, Фридрих непременно хотел удержаться в Богемии. Он еще надеялся поправить свои ошибки. Вот что он писал, вскоре после Коллинского дела, к брату фельдмаршала Кейта:

«Счастье, любезный лорд, внушает нам часто пагубную для нас самоуверенность. Пруссаки храбры, но двадцати трех батальонов было мало, чтобы разбить 60 000 неприятелей. В другой раз поступим благоразумнее. В этот день фортуна обратилась ко мне спиной; этого надо было ожидать: она женщина, а я человек не влюбчивый. Она более расположена к дамам, которые со мной воюют. Как удивился бы великий маркграф Фридрих Вильгельм, если бы видел своего правнука в войне с Россией, Австрией, со всей Германией и стотысячным войском французов? Не знаю, будет ли мне стыдно проиграть дело, но уверен, что и противникам немного будет чести победить меня!»

Цель короля состояла в том, чтобы отобрать у северной части Богемии все съестные припасы и таким образом затруднить неприятелю всякое покушение на Саксонию. Он разделил свое войско на две части. Одна расположилась по обе стороны Эльбы близ Лейтмерица, где большой, массивный мост, там находящийся, служил ей надежным сообщением. Другая часть, под начальством принца Вильгельма Прусского, прошла через Юнг-Бунцлау на Нейшлос и заняла укрепленный лагерь при Бемиш-Лейпе.

В этом положении пруссаки оставались три недели, выжидая движений неприятеля. Но австрийские военачальники все еще не доверяли своим силам и не решались ни на какое смелое предприятие. Во время этого трехнедельного тревожного

ожидания Фридрих был еще более расстроен известием о кончине вдовствующей королевы, своей матери. Горесть о потере этой добродетельной, благородной женщины, которую он любил со всем жаром сыновнего чувства, лишила его на несколько дней всех способностей души. Он не допускал к себе никого, не хотел слышать ни о чем, и весь был погружен в свою тяжкую скорбь.

Наконец, принц Лотарингский решил действовать. Он направил марш на Габель, чтобы обойти принца Вильгельма. У Габеля стоял прусский аванпост, прикрывавший подвоз съестных припасов в Цитау, где находились главные магазины корпуса принца Вильгельма. Аванпост состоял из четырех батальонов и пятисот гусар. Несмотря на то, он три дня жарко оспаривал у 20 000 австрийцев свою позицию, но, наконец, совершенно истощенный, не получая подкрепления, вынужден был сдаться. Австрийцы заняли Габель. Принц Вильгельм не мог долее оставаться в своей позиции; боясь за свои магазины, он наскоро повел армию проселочной дорогой к Цитау, но австрийцы его предупредили. Небольшой отряд пруссаков защищал Цитау. Австрийцы открыли по нему страшный огонь и начали бросать в город бомбы и каленые ядра. Вскоре весь Цитау превратился в груду пепла и развалин. Магазины погибли, кроме того полтораста пионеров и с ними полковник попали в руки неприятелей. Убыток Пруссии простирался до десяти миллионов талеров. Чтобы спасти войско свое от верного поражения, принц Вильгельм вынужден был избегать сражения и ретироваться к Бауцену, где мог получать продовольствие для армии из Дрездена.

Это несчастье заставило Фридриха поспешить на помощь к своему брату. 29 июля перешел он через Эльбу при Пирне и соединился с корпусом принца. Грозно, беспощадно встретил он своего брата и его генералов. Вся вина потери была возложена на их недальновидность, недостаток дарований и оплошность. Жестокие, незаслуженные упреки глубоко оскорбили королевского брата; в тот же день он оставил армию и возвратился в Берлин. Но и там преследовало его негодование Фридриха. Вот письмо, которое он получил от короля, на третий день своего приезда в Берлин:

«Не обвиняю вашего сердца, но в полном праве жаловаться на вашу неспособность и недостаток рассудка при выборе полезных и необходимых мер. Кому остается жить несколько дней, тому лицемерить не для чего[30]. Желаю вам больше счастья, чем я изведал; желаю также, чтобы все бедствия и неприятности, которые вы испытали, научили вас смотреть на важные дела с надлежащим благоразумием, разбором и решимостью. Большая часть несчастий, которые предвижу, падут на вашу совесть. Вам и детям вашим они более повредят, чем мне. Впрочем, будьте уверены, что я любил вас от всего сердца и с этими чувствами сойду в могилу».

Принц не вынес такой опалы: он опасно заболел чахоткой и на следующее лето умер в Ораниенбурге, близ Берлина.

[30] Фридрих был так расстроен, что даже покушался на свою жизнь.

Глава XXVI. Продолжение похода 1757 года. Битва при Росбахе

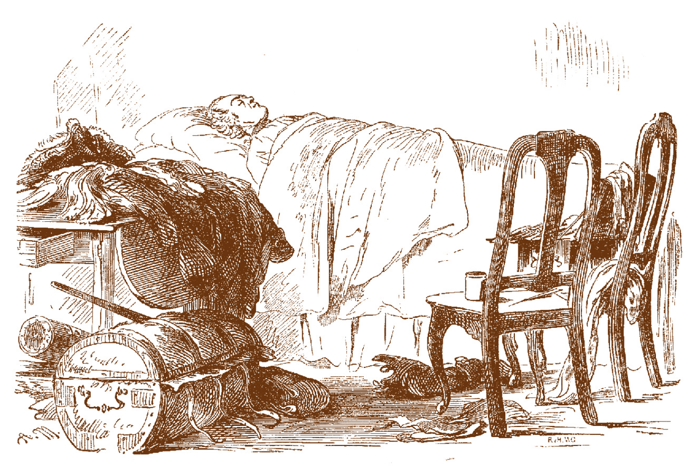
Начало несчастья повлекло за собой и другие неудачи. Опасность приближалась со всех сторон. Каждый день, каждый час становился для Фридриха драгоценным. Австрийцы расположились в Верхней Лузации (Лаузице); эрцгерцог Карл занял со своей армией превосходную позицию. Фридрих непременно хотел дать ему решительное сражение, но атаковать австрийцев, без явной потери, не было никакой возможности. Фридрих начал маневрировать около австрийского стана, чтобы обмануть неприятеля и заставить его переменить положение, но Карл не трогался с места.

Раз вечером Фридрих, против обыкновения, пригласил к ужину всех своих генералов. Стол был накрыт под открытым небом, на широкой площадке. Отдан был приказ не отгонять любопытных. За ужином разговаривали о предполагаемых предприятиях против неприятеля; генералы громко подавали свои советы. Тут же был составлен план атаки, и в ту же ночь начались все приготовления. Фридрих рассчитывал, что между любопытными могли быть лазутчики, и не ошибся.

Еще до рассвета принц Лотарингский был обо всем уведомлен. Но он слишком хорошо знал своего противника и спокойно оставался на своем месте. И эта последняя хитрость не удалась.

Долее медлить Фридрих не смел. Французы, вместе с имперским войском, приближались быстрыми шагами. Он оставил большую часть своей армии под начальством герцога Бевернского, которому в помощники дал Винтерфельда, для прикрытия Лузации и Силезии от австрийцев, а сам с двенадцатью тысячами отправился в Дрезден, чтобы, собрав тамошнее войско, двинуться к берегам Салы, навстречу новому своему неприятелю.

Австрийцы спокойно оставались на своей позиции до тех пор, пока Мария-Терезия не прислала своего канцлера Кауница в лагерь к принцу Лотарингскому со строжайшим предписанием действовать решительнее. Карл на другой же день напал на отдельный прусский корпус. Все выгоды и перевес сил были на стороне австрийцев. Пруссаки дрались отчаянно, но должны были отступить со значительным уроном. В этой битве погиб отличный генерал Винтерфельд. Он был ранен в грудь навылет и на следующий день умер.

Когда Фридрих узнал о смерти своего любимца, он воскликнул со слезами: «Боже мой, какое несчастье! Против всех моих врагов я еще надеюсь найти спасительные средства, но где

найду я другого Винтерфельда?» Сами неприятели уважили этого отличного генерала. Когда тело Винтерфельда повезли в Силезию, в поместье покойного, австрийские форпосты отдали ему честь ружейным залпом и отделили отряд, который должен был проводить его до места погребения.

Герцог Бевернский, боясь, чтобы Карл Лотарингский не отрезал его от Силезии, немедленно повел войско к границе. Он переправился спокойно через реки, отделявшие Лузацию от Силезии и остановился за Кацбахом. Карл, слегка беспокоя его арьергард, преследовал его до Бобера, потом также вошел в Силезию и через Лигниц направил марш свой к Бреславлю.

Между тем 100 000 французов вступили уже на германскую землю. Одну часть армии вел генерал д'Этре, питомец знаменитого маршала де Сакса; он шел против Ганновера. Другая часть находилась под начальством князя Субиза, любимца г-жи Помпадур. Он должен был соединиться с имперским всеобщим ополчением и овладеть Силезией. Против первого войска в Вестфалии составилась армия из ганноверцев, гессенцев, брауншвейгцев и пруссаков, под начальством герцога Кумберлендского, сына английского короля. Этот полководец, вместо того, чтобы остановить врага, все отступал до тех пор, пока, 26 июля, при Гастенбеке, близ Гамельна, обе армии не встретились и вынуждены были вступить в бой. Французам недорого стоило выиграть сражение: при первой неудаче герцог Кумберлендский велел ударить отбой и уступил неприятелю поле битвы. Д'Этре преследовал отступающее войско и, наконец, до того стеснил английского вождя, что тот, 8 сентября, подписал при Костер-Севене позорную конвенцию, под ручательством датского короля. Главные статьи конвенции заключались в роспуске всей союзной армии. Солдаты вслед за тем разошлись по домам, а полководец их сел на корабль и отправился восвояси. Пруссаки должны были сдать Везель в руки французов, которые его тотчас заняли и укрепили. Брауншвейг также был ими занят. Они вторглись в прусские провинции, лежащие на Эльбе, и производили там жесточайшие опустошения и грабежи. Вся ганноверская область и Гессен находились в их руках. Французский военный комиссар Фулон, заняв Кассель, действовал, как

турецкий визирь: жестокостям и притеснениям всякого рода не было конца. Один Геттингенский университет уцелел от хищничества победителей по особенному заступничеству маршала д'Этре, который в самом начале своих счастливых действий по повелению короля должен был сдать главное начальство над войском герцогу Ришелье, прозванному *французским Алкивиадом* и покровительствуемому г-жой Помпадур. Ришелье пожал плоды всех мудрых действий маршала д'Этре: он подписал Клостер-Севенскую конвенцию, он занял оставленные французам города, и он же теперь ознаменовывал себя грабительством и пожарами беззащитных прусских селений и городов. Промотавшийся парижский придворный лев, украсив себя чужими лаврами, хотел поправить свое состояние военной добычей. Он даже не скрывал своего стремления к удовлетворению личной корысти. Война эта, по-видимому, для того и была ему предоставлена, чтобы он мог воспользоваться ее выгодами. В первый же год своего начальствования над армией он на награбленные суммы построил себе в Париже великолепный дворец, который сама Помпадур прозвала «*ганноверским павильоном*».

Из Браунштейга Ришелье послал отборный корпус войск на подкрепление Субиза, который, соединясь с принцем Гильбурггаузенским, генералиссимусом *имперской исполнительной армии*, шел в Саксонию. Грозная имперская армия, представительница германской конфедерации, явилась перед Субизом в таком виде, что французский полководец не мог скрыть веселой усмешки. За исключением солдат, поставленных Баварией, Палатинатом, Виртембергом и еще несколькими немецкими владениями, все остальное войско походило на армию «амьенского пустынника». Это была ватага оборванных, полуодетых нищих и калек, с сумками и мешками, кое-как и кое-чем вооруженных. Все они стали в ряды из одной надежды на стяжание, но без всякого нравственного побуждения. Большая часть из них никогда не брались за оружие и не имели понятия о военном деле. Но вся эта сволочь была разделена на отряды и корпуса. Некоторые округа Швабии и Франконии выставили только по одному солдату. Те, которые обязаны были дать офицера без

солдат, брали его прямо от сохи. Свинари были обращены во флейтщиков, а старые упряжные лошади поступали под драгун. Прелаты империи, желая также принять участие в общем деле народной свободы и религии, посылали своих служек и монастырских сторожей, перепоясав их парусинники каким-нибудь ржавым палашом или обломком старой сабли[31]. Женщины и старики провожали эту знаменитую армию.

Вообще имперская исполнительная армия была более способна мешать действиям правильного, хорошо обученного французского войска, чем помогать ему. Соединенная армия дошла до Готы и Веймара, а Ришелье послал корпус в Гальберштадский округ, который, опустошив страну, явился перед вратами Магдебурга.

В то же самое время русское стотысячное войско, под предводительством генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина, перешло границу Пруссии. Иррегулярные войска его, состоявшие из казаков и калмыков, рассыпались по пограничным провинциям, истребляя все огнем и мечом. Апраксин, отделив корпус под командой генерала Фермора, приказал ему занять Мемель, а сам остановился на правом берегу реки Руссы.

---

[31] Архенгольц: *История Семилетней войны*.

В одно время с русскими и шведы высадили свое войско в Стральзунде и начали опустошать Померанию.

Пруссия сделалась театром войны. Во все концы ее проникли неприятели, и Фридрих вынужден был раздробить армию свою на части, чтобы противопоставить оплот каждому наступающему врагу. Но он не мог равнодушно переносить разорение и гибель самых цветущих своих провинций и не надеялся на свои силы в страшной борьбе. Враги были почти в восемь раз сильнее его. Он был окружен ими со всех сторон. Видимо, надлежало изнемочь и быть свидетелем и виновником погибели прекрасного Прусского королевства. Часто овладевала им тяжкая меланхолия; в эти минуты он решался не пережить своего несчастья. Генералы прусские, видя его мрачным и пасмурным, боялись, чтобы он в порыве отчаяния не покусился на собственную жизнь. Всем было известно, что он всегда носил при себе сильнодействующий яд. В минуты скорби Фридрих изливал всю свою душу в стихах, выражавших глубокое удручение. В них проглядывала пагубная мысль о самоубийстве. Но сама способность передавать горе стиху служила ему сильным противоядием, и если он сохранил твердость духа в эту печальную эпоху, то обязан тем поэтическому направлению души своей.

Иногда надежда в нем воскресала. С пророческим воодушевлением предсказывал он Пруссии торжество над врагами и

бессмертную славу. Тогда и сам он оживал духом и опять бодро и энергично принимался опять за дело.

Но обратимся к ходу военных действий и последуем за ними в хронологическом порядке.

Мы видели, что для прикрытия Пруссии от русских Фридрих оставил до 22 000 войска, под начальством опытного полководца, восьмидесятилетнего Левальда. Пока совершались кровавые события в Богемии, русские, в мае 1757 года, четырьмя колоннами проникли в Пруссию. Авангард наш, составленный из легких, иррегулярных войск: казаков, калмыков и крымцев, ясно показывал, что война эта будет тягостна и опустошительна для Пруссии.

Дикие, неустроенные орды этого войска всюду оставляли за собой ужас и отчаяние. Пепелища, развалины и трупы жителей, без разбора пола и возраста, означали след их. Пруссаки смотрели на наше войско, как на вторжение новых варваров, называя наших казаков гуннами XVIII столетия. Между тем в регулярном нашем войске господствовала дисциплина, которая могла служить примером для самых образованных народов. После пятидневной осады Фермор взял Мемель и устроил в нем сообщение морем с Ригой. Апраксин шел вперед почти беспрепятственно. Все пройденные им пограничные провинции были объявлены завоеванными Россией и приведены к присяге. Эта решительная мера заставила встрепенуться Левальда и преградить русским путь к дальнейшим завоеваниям.

В июле Апраксин перешел реку Прегель и продолжал марш до Аксины. Здесь встретили его пруссаки. Оба войска расположились к битве, которая должна была произойти близ деревни Гросс-Егерндорф. Русские заняли прекрасную позицию. Тыл их был прикрыт густым лесом; фланги отлично защищены. Левальд хотел занять гористую местность и поставить на ней свою тяжелую артиллерию, чтобы прикрыть ею фланг свой, но русские и в этом его предупредили. 30 августа началось дело. Прусская кавалерия была превосходна, наша — весьма посредственна. Левальд начал атаку с обоих крыльев, успел сбить русскую конницу с позиции и загнать за пехоту, но тут пехота встретила пруссаков с примкнутыми штыками, и они должны были отступить. Тогда двинулась прусская инфантерия. Левое крыло действовало довольно успешно, но правое, которому назначено было нанести решительный удар русским, испытало несчастье. Румянцев, командовавший второй нашей линией, пошел в обход, ударил на пруссаков во фланг и в тыл, смял и погнал их назад. В это время расстилался по полю густой дым от горящих деревень, которые Апраксин нарочно велел зажечь, чтобы скрыть от пруссаков свои движения. За дымом вторая прусская линия, выступившая на подмогу первой, не могла различать неприятеля и открыла огонь по своим же бегущим товарищам. Командовавший нашим левым крылом генерал-аншеф Василий Абрамович Лопухин воспользовался беспорядком в неприятельских рядах. С величайшей неустрашимостью повел он свои уцелевшие батальоны против прусских батарей. Три неприятельские пули пронзили грудь храброго вождя. Он упал и был отнесен в лес. Придя в себя, Лопухин спросил: «Ну что, гонят ли неприятеля?» Ему отвечали, что пруссаки разбиты. «Слава Богу! — воскликнул он. — Теперь умру спокойно; я исполнил долг, возложенный на меня государыней!»

Битва длилась десять часов. Левальд, на всех пунктах пораженный, велел ударить отбой и очистил поле сражения. Он отступил в величайшем порядке, без преследования со стороны русских.

Пруссаки потеряли в этой битве более 6000 человек убитыми и двадцать шесть орудий. Потеря с русской стороны про-

стиралась до трех тысяч, но зато русская армия была вчетверо многочисленнее прусской. Кроме Лопухина, мы лишились генерал-поручика Зыбина и командира малороссийских казаков Капниста.

Но победа при Гросс-Егерндорфе не принесла никаких плодов России и не причинила особенного вреда Пруссии. После битвы Апраксин с величайшей поспешностью ретировался за Прегель и не только оставил свои завоевания, но и саму Пруссию. Наши войска отступали за границу так быстро и в таком беспорядке, как будто русские были всюду разбиты и преследуемы. Пятнадцать тысяч раненых и больных были брошены на пути; до восьмидесяти орудий и значительное количество снарядов и обозов оставлены неприятелю. Никто не мог понять причины такого странного поступка Апраксина, тем более, что Гросс-Егерндорфская битва открыла перед ним дорогу к самой столице Пруссии, вполне обнаженной и беззащитной. Одни полагали, что русский фельдмаршал боялся зазимовать в стране, совершенно опустошенной его же войсками; другие утверждали, что он был подкуплен Фридрихом. Но Мемель оставался в руках русских, он был прикрыт 10 000 корпусом. Через этот город русское войско могло получать все нужное продовольствие морским путем. Стало быть, первое предположение было неосновательно. Второе подтверждалось анекдотом, довольно забавным, но не совсем правдоподобным[32]. Настоящая же причина отступления русского войска заключалась в тайных интригах при нашем дворе. Мы уже видели, что всесильный временщик Бестужев-Рюмин не ладил с наследником престола Петром Федоровичем. Внезапная,

[32] Рассказывают, что Апраксин отправил из Пруссии несколько бочонков с червонцами, поручив маркитанту-жиду доставить их к своей жене. Чтобы отвратить всякое подозрение, на бочонках была надпись «*прованское масло*». Между тем он уведомил свою супругу письмом об их настоящем содержании. Транспорт прибыл благополучно в Петербург. Аграфена Леонтьевна приняла посылку своего мужа и приказала поставить бочонки в маленьком кабинете, смежном с ее спальней. Ночью, оставшись одна, она решилась откупорить один из бочонков: крышка свалилась, и в комнату потекло прованское масло. Маркитант, подозревая незаконность посылки, воспользовался золотом и заменил его маслом.

тяжкая болезнь императрицы заставила его опасаться за ее жизнь. Боясь невыгодной для себя перемены в правительстве, он придумал составить духовное завещание, по которому императрица отказывала престол сыну наследника, Павлу Петровичу, и до совершеннолетия его назначала правителями государства Бестужева и супругу наследника, Екатерину. Для подтверждения такого завещания Бестужев желал, на всякий случай, иметь под рукой войско. Поэтому он предписал Апраксину немедленно оставить войну с Пруссией и со всей армией перейти в Россию. Но архиепископ новгородский Дмитрий Сеченов успел примирить наследника с императрицей и тем разрушил злые умыслы честолюбивого временщика. К тому же сама императрица выздоровела. Тогда все открылось. Бестужев был предан суду и сослан за самовольный поступок, а Апраксин, призванный в Петербург для допроса, содержался три года во дворце на Средней рогатке[33], где и умер под судом в 1760 году.

Фридрих, так дешево отделавшись от русских, мог теперь употребить корпус Левальда против шведов. Он отдал ему приказ немедленно двинуться в Померанию на подкрепление народной милиции, которую составили сами померанцы. Это было первое народное ополчение в Европе. Тогда знали только постоянные войска; вооружение целой провинции за счет народа было явлением совершенно новым. Пример Померании[34] принес большую пользу Фридриху. С этих пор, в продолжение всей Семилетней войны, народная милиция стала играть значительную роль при защите провинций и крепостей.

Шведы, в числе 22 000, под предводительством генерала Унгерн-Штернберга перешли р. Иену, овладели Стральзундом, проникли даже в Бранденбургскую Марку. Все эти провинции имели только 8000 человек регулярного войска, которое, под

[33] Где ныне находится почтовая станция.

[34] Фридрих в своем духовном завещании предписывает своим преемникам — «обращать особенное внимание на Померанию, потому что народонаселение этой провинции составляет главную, и самую надежную подпору прусского королевства».

начальством генерала Мантейфеля, занимало Штеттин и не могло покинуть этого важного пункта. А потому шведы без всякого затруднения овладели городами Деминoм, Анкламом, Узедомом и Воллином. Но враги, некогда столь страшные для Германии, предписывавшие на Вестфальском конгрессе законы для всей Европы, явились теперь в самом жалком и ничтожном виде. Вся храбрость их состояла в нападениях на беззащитные селения, в грабежах и неистовствах. В этом войске, собранном наскоро, высланном сенатом без необходимых приготовлений, нельзя было узнать и тени воинов Густава Адольфа и Карла XII. У них не было ни легких войск, ни понтонов, ни надежной артиллерии, ни даже магазинов. Кроме того, господствовал величайший беспорядок в самом командовании: предводитель не смел ничего предпринять без предварительного разрешения сената, а сенат давал ему предписания самые несообразные с делом и притом противоречащие одно другому. При первом появлении Левальда шведы отступили от всех своих завоеваний. Горсти пруссаков было достаточно, чтобы вытеснить их отовсюду. Шведы бежали из городов почти без сопротивления.

К концу октября весь театр войны со шведами ограничивался небольшим клочком северной Пруссии. Большая часть шведского войска, нуждаясь в продовольствии, переправилась на остров Рюген. Пруссаки смеялись над этими врагами. «Шведы пронырливы, как лисицы, — говорили они, — но трусливы, как зайцы!»

Мы оставили Фридриха в походе против армии Субиза. После нескольких небольших стычек он достиг 14 сентября Эрфурта. При первом появлении прусского авангарда соединенные армии

французов и имперцев отступили. Фридрих преследовал их, овладел Готой и оттеснил неприятеля до Эйзенаха. Здесь французы заняли позицию; Фридрих стал под Эрфуртом, выжидая новых предприятий с их стороны. Но он вынужден был снова ослабить свое небольшое войско, отделив от него два корпуса. Один, в 4000 человек, он отправил с герцогом Фердинандом Брауншвейгским в Гальберштадт, против французов, посланных герцогом Ришелье. Другой корпус, в 8000 человек, поручил он принцу Морицу с предписанием отправиться в Саксонию и между Мульдой и Эльбой наблюдать за движениями австрийцев. Чтобы скрыть от неприятеля свое малосилие, Фридрих беспрестанно переводил свои полки из одного места в другое, и при каждом перемещении полки выступали под новыми именами. Шпионы в точности передавали Субизу все эти названия полков. Считая войско прусское чрезвычайно значительным, французский полководец долго не решался атаковать его. Узнав, наконец, что Фридрих оставил для прикрытия Готы только четыре кавалерийских полка, он вознамерился снова взять этот город. Генерал Сейдлиц, командовавший гарнизоном Готы, немедленно оставил город, но, отступив на полмили, начал готовиться к бою. Французы заняли Готу. К вечеру офицеры шумно засели за стол. Начался веселый пир и разливное море. Вдруг раздались выстрелы почти у городских ворот. Покровительствуемый густым туманом, Сейдлиц подкрался втихомолку к Готе и расположил свои войска под стенами. Не трогаясь с места, не оставляя бутылки, Субиз приказал нескольким офицерам, взяв отряд, отбить неприятеля. Но французы были изумлены до крайности, увидев перед собой длинную линию войска, состоящую из кавалерии и инфантерии. Сейдлиц, чтобы обмануть их, приказал драгунам спешиться и расставил их между гусарскими полками, в виде пехоты. Не давая французам опомниться, он ударил на них с криком и гамом. Пораженные паническим страхом, французы бросились в город; прусские гусары ворвались за ними. Раздались выстрелы под самыми окнами герцогского дворца, сеча загремела по всем улицам. Субиз и его генералы выскочили из-за стола и едва смогли отыскать своих

лошадей. Во весь опор понеслись они в противоположные ворота города, весь гарнизон ринулся в беспорядке за ними. Пруссаки захватили запоздалых в плен и овладели всем багажом. С жадностью гусары стали разбирать неприятельский обоз и громко хохотали, находя в офицерских фургонах парчовые халаты, зонтики, духи, пудру, благовонные мыла, попугаев и обезьян.

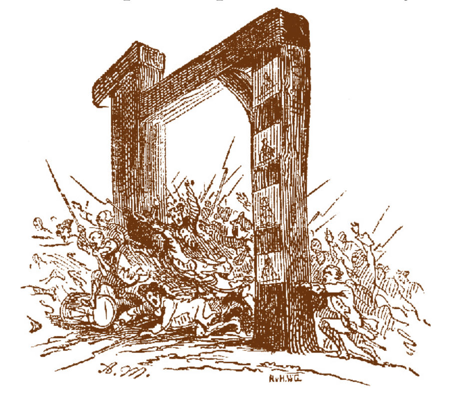
Сейдлиц со своими офицерами сел за обед, начатый французами. Камердинеров, фризеров, поваров, актеров и множество молодых женщин, служивших *по легкой кавалерии* при французском войске и захваченных вместе с обозом, он приказал отправить к неприятелю — безвозмездно. Французов преследовали до Эйзенаха. С этих пор имя Сейдлица загремело; предприятие его было дерзко, даже безрассудно, но оно удалось — и слава о нем разнеслась повсюду. 22 сентября он возвратился в лагерь короля, потому что не мог удерживать Готы, без опасения быть окруженным неприятелем. Смелый подвиг его не принес никакой существенной пользы, но он ободрил дух пруссаков и в то же время показал характер французского войска и его предводителей.

После выходе его из Готы, французы опять заняли город. Фридрих вынужден был оставить Тюрингию и отодвинуться к Бутштету, чтобы занять безопасную позицию. Здесь простоял он спокойно до 10 октября. Но вдруг поразило его известие,

что герцог Ришелье ведет 30 000 человек к Магдебургу, и что австрийцы покушаются на саму столицу Пруссии. Даун, пользуясь раздроблением прусского войска, послал партизанский корпус генерала Гаддика к Берлину.

Прежде всего, король обратился к герцогу Ришелье; успел убаюкать его самолюбие льстивыми письмами и, наконец, зная его жадность, послал ему 100 000 талеров с тем, чтобы он не тревожил магдебургского герцогства. Сделка эта осталась тайной для французского правительства, а Ришелье вдруг переменил свое намерение и оставил прусские провинции в покое. Против Гаддика король велел действовать принцу Морицу, который и принял надлежащие меры, чтобы остановить австрийцев на походе.

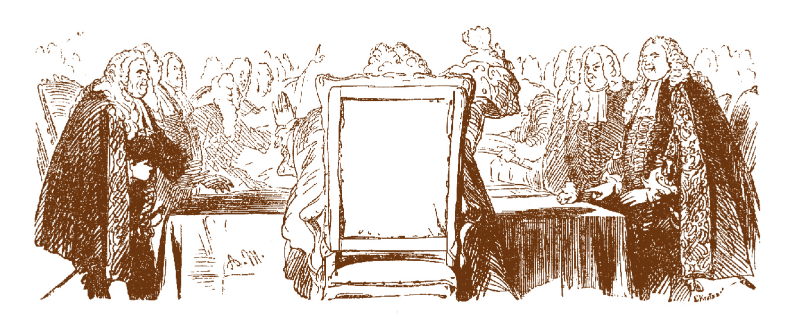
Но Гаддик ускользнул и 16 октября с 4000 австрийских кроатов явился у Котбусских и Силезских ворот. Берлин, отовсюду открытый, имел на защиту свою только две тысячи городовой стражи, триста человек солдат и сотни две новобранцев. При первом известии о появлении Гаддика королевская фамилия выехала в крепость Шпандау. Комендант Берлина, Рохов, до того перепугался, что бросил столицу и также ускакал в Шпандау. Отряд Лангенского полка один выступил против неприятеля. Гаддик сбил палисады, которыми были прикрыты ворота, ворвался в предместье, окружил храбрый прусский отряд и изрубил его на месте. Грабеж и бесчинства, производимые кроатами в предместье, привели в трепет всю столицу.

Между тем Гаддик, зная о приближении Морица Дессауского и постигая всю опасность замедления, торопился поскорее окончить свое дело. Он послал своего адъютанта в магистрат, требуя 300 000 талеров контрибуции. Члены магистрата, чтобы успокоить жителей, решились выплатить 200 000 талеров. После

долгих споров с обеих сторон помирились на 215 000[35]. Едва деньги были отсчитаны, Гаддик с величайшей поспешностью отступил в Коттбус. Два часа спустя прискакал Сейдлиц с 3000 гусар на спасение столицы, а на другой день последовал за ним весь корпус Морица. Но было поздно — увертливый партизан успел уже скрыться.

Фридрих с досадой узнал о позорном средстве, которым была куплена свобода его столицы. Но делать было нечего. Враги его походили на стоглавую гидру: едва отсекал он ей одну голову, другая нарастала, а между тем силы его истощались. Каждая мелкая стычка уносила горсть храбрых, каждая значительная битва стоила нескольких тысяч воинов. Поневоле надлежало прибегать к золоту, где нельзя было взять мечом. Но из всех врагов его самым забавным был имперский сейм, собранный в славном старинном городе Регенсбурге.

Эти мудрые парики издали следили за ходом военных действий. Видя истощение прусских сил, слыша о вторжении союзных войск во все края прусского королевства и даже о походе Гаддика на Берлин, они решили, что Фридрих погиб окончательно и поторопились произнести над ним свой приговор. Имперский сейм объявил его «лишенным всех владений

---

[35] Берлин славился тогда своими дамскими перчатками. Гаддик, кроме денег, вытребовал себе 20 дюжин перчаток, которые хотел привести в подарок Марии-Терезии. Перчатки были ему выданы в завязанных пачках. Когда впоследствии императрица вздумала развязать их, то нашла, что все перчатки были на одну левую руку. Насмешка глубоко ее оскорбила и услужливый Гаддик не раз пострадал за свою угодливость на чужой счет.

и курфюрстского сана». 14 октября от сейма был отправлен государственный нотариус Априль с депутатами для объявления имперского декрета прусскому посланнику графу Плото.

Именем сейма приглашался он явиться в зал заседания для выслушивания, вместо своего государя, приговора верховного имперского судилища. Граф Плото встретил депутатов в шлафроке. Но когда нотариус с приличной важностью начал читать свою бумагу, он не дал ему докончить, вытолкал его из комнаты и велел своим людям сбросить с лестницы. Прочая депутация, в страхе и ужасе, разбежалась во все стороны, потратив величественные свои парики и шляпы.

Тем и кончился грозный приговор верховного судилища Германии!

Но теперь Фридриху надлежало употребить всю бодрость духа и все свои силы, потому что для него наступала самая критическая минута. Корпус герцога Бевернского был сильно стесняем. В то же время пришло известие, что Субиз с имперской армией проник в Саксонию и почти дошел до Лейпцига. Фридрих решил, сперва вытеснить этого опасного врага в Тюрингию, боясь, что он расположится зимними квартирами в

Саксонии. Наскоро соединил он свои разбросанные корпуса, которые составили до 20 000 человек, и двинул их к Лейпцигу. Неприятельская армия отступила к Сале и, чтобы воспрепятствовать пруссакам перейти через эту реку, заняла города Галле, Мерзебург и Вейсенфельс. Фридрих быстро последовал за неприятелем. Предводительствуя лично своим авангардом, он дошел до Вейсенфельса. Французы очистили город и переправились через Салу. Они зажгли за собой мост, чтобы остановить пруссаков. Фридрих послал отдельный корпус к Мерзебургу, но и там все мосты были разрушены. Французы отретировались к Мюхельну и стали лагерем. Пруссаки стали наводить понтоны в разных местах; неприятель не мешал им. Фридрих переправил армию через реку и стал лагерем напротив Мюхельна. Осмотрев позицию неприятеля, король нашел, что его можно легко и выгодно атаковать; на следующий день он решился начать действия. Но прусские гусары, отправляясь вечером на фуражировку, воспользовались беспечностью неприятеля, проникли в его стан, захватили множество лошадей и несколько сот солдат увели из палаток.

Это заставило Субиза за ночь переменить позицию. Фридрих двинулся на следующее утро против неприятеля, но, заметив перемену, отложил свое намерение и отступил к деревушке Росбах, лежащей в одной миле от Люцена.

Французы праздновали отступление Фридриха, как победу. Громы литавр и веселые песни раздавались в их стане. «Вот вам

и непобедимый герой! — говорили офицеры. — При одном взгляде на нас он уже бежит. Но мы оказываем слишком много чести *Бранденбургскому маркизу*, воюя с ним! Побеждать его смешно, надо просто забрать его со всей шайкой в плен и отправить на потеху в Париж!» Такая хвастливость происходила у французов от уверенности, что Фридрих теперь в их руках и не может вырваться. Боясь, чтобы он не ускользнул от них, Субиз вознамерился немедленно напасть на пруссаков и полонить всю их армию вместе с предводителем.

Рано утром, 5 ноября, французский генерал граф Сен-Жермен с 6000 человек расположился против Росбахского лагеря, при Гресте, чтобы отрезать пруссаков, находившихся в Мерзебурге. Остальное французское войско пошло вправо, на Бутштет, в намерении обогнуть левое крыло прусской армии, чтобы ударить на нее в тыл в случае ее отступления на Вейсенфельс. Один только корпус остался неподвижен против пруссаков. Все эти движения совершались явно, с песнями, при громкой, веселой музыке и с барабанным боем.

Фридрих спокойно смотрел все утро на движения неприятелей. В двенадцать часов прусские солдаты стали обедать. Король также сел за стол со своими генералами. Разговор шел о посторонних предметах, ни слова — о предстоящей опасности. Сердца пруссаков бились от страшного ожидания, но никто не смел заикнуться о положении войска. Все взоры были устремлены с надеждой и упованием на короля, в голове которого созревал уже план битвы. Французы дивились равнодушию пруссаков и приписывали его совершенной безнадежности. «Несчастные хотят нам отдаться в плен, не потеряв заряда!» — говорили они и продолжали свой марш. В два часа Фридрих встал из-за стола, спокойно вынул зрительную трубу, окинул взором все диспозиции неприятеля и велел ударить тревогу. В несколько минут поле было убрано и очищено, обозы отошли назад, артиллерия выдвинулась, войска стояли в строю. Королю подвели коня. Как молния, пролетел он перед рядами, приветствуя солдат. В середине он остановился, махнул рукой и около него образовался полукруг генералов и офицеров.

«Друзья! — сказал он громко, обращаясь к войску. — Настала минута, в которую все для нас драгоценное зависит от нашего оружия и нашей храбрости. Время дорого. Я могу сказать вам только несколько слов, да много говорить и не для чего. Вы знаете: все нужды, голод, холод, бессонные ночи, кровавые сечи — я делил с вами доныне по-братски, а теперь я готов для вас и за вас пожертвовать даже жизнью. Требую от вас такого же залога любви и верности, какой сам даю вам. Прибавлю одно: не для поощрения, а в воздаяние оказанных вами подвигов, отныне до тех пор, пока мы вступим на зимние квартиры, жалованье ваше удваивается. Вот все! Не робеть, дети! С Богом!» Громкие клики прервали благоговейную тишину, с которой солдаты внимали своему вождю. Ряды зашевелились и, как под электрическим ударом, колонны встрепенулись и двинулись вперед.

Французы были изумлены быстрой переменой в прусском лагере. «Да это настоящее оперное превращение! — восклицали

они. — Наконец, очнулись! Они хотят бежать, но нет, мы их не упустим!» И крылья их пошли с удвоенной быстротой.

Сейдлиц вел прусский авангард, состоящий из легкой конницы. Ряд холмов скрыл его от взоров неприятеля. Быстро прошел он влево и стал в стороне, выжидая, пока с ним поравняется обходящий левое крыло неприятель. Между тем на высоты холмов въехала прусская артиллерия. Вдруг громы ее раздались над беспечными головами французов, строи их поредели. Французские пушки плохо действовали из долины, ядра их перелетали через ряды пруссаков. Но вот Сейдлиц улучил удобную минуту для нападения: перед ним открыт фланг неприятеля. Эскадроны его стоят, как вкопанные, не шевелясь, не давая шевельнуться лошадям, удерживая дыхание. Бодро выезжает Сейдлиц перед фронтом. «За мной, друзья!» — кричит он, наконец, не дожидаясь пехоты, и бросает свою трубку в воздух, в знак атаки.

Как стая ласточек, взвилась легкая прусская конница и вслед за своим молодым вождем ударила во фланг беспечно идущего неприятеля. Здесь совершается событие, небывалое в летописях войн. Легкая конница, гусары, мнут и опрокидывают тяжелую кавалерию французов, побивают и гонят знаменитых французских жандармов. Субиз посылает им на подмогу свой

резерв, но пораженные, гонимые жандармы врываются в беспамятстве в ряды своей подмоги. В общей суматохе нельзя построиться, нельзя стать в боевой порядок, и резервные полки бегут вместе с разбитыми. Пруссаки гонятся за ними с неистовством — легкие ласточки стали хищными коршунами. Горное ущелье останавливает их геройский порыв, и сотни бегущих сдаются им в плен.

Между тем разбитая кавалерия обнажила свою пехоту. Сейдлиц у ней в тылу. В то же время к ней подходит прусская пехота с правого фланга. Страшный залп из пушек приветствует ее. За ним открывается правильный ружейный огонь, а потом атака в штыки. Пруссаки движутся спокойно, действуют хладнокровно, как на учении. Субиз поспешно строит свою инфантерию в колонны, воодушевляет своих солдат — ничто не помогает: колонны его рассеяны, картечный и ружейный огонь производят в рядах страшное опустошение. Наконец, прусская кавалерия мнет его пехоту, и все войско ищет спасения в бегстве. Солдаты бросают оружие, чтобы скорее ускользнуть от преследования — напрасно: их берут в плен целыми батальонами. Граф Сен-Жермен с несколькими швейцарскими полками прикрывает беспорядочную ретираду, он один остается на поле до конца битвы. Наступившая ночь спасла французов от совершенной погибели. На следующий день их преследовали до Инструта.

При первом нападении пруссаков воины знаменитой исполнительной армии принца Гильбурггаузенского побросали оружие и попрятались по окрестным болотам и лесам. Одни французы защищались в продолжение двух часов. Потеря их простиралась до 10 000 человек; 7000 попали в плен и, между ними, девять генералов и 326 офицеров. Кроме того, пруссаки отбили 63 пушки, 25 знамен и штандартов. Фридрих лишился только 165 человек убитыми и 376 ранеными. Корпус принца Фердинанда Брауншвейгского даже совсем не участвовал в сражении. Сейдлиц был ранен пулей в руку. В награду за отличие Фридрих тут же пожаловал его из младших генерал-майоров в генерал-лейтенанты и надел на него орден Черного Орла.

Французы приписали свое страшное поражение трусости имперцев, которые своим воплем и бегством нагнали панический страх и на французских солдат.

Итак, поле битвы, близ которого пал великий Густав Адольф, защищая свободу Германии, снова огласилось победными криками германцев! Французы, которые всюду ознаменовывали себя грабительством и насилием, возбудили ненависть всех немцев — и союзников, и врагов. При входе в Саксонию они не пощадили даже землю союзного государя, опустошали деревни и города, покрывали позором и оскорблениями саксонских сановников, надругались над святынями храмов. Зато известие об их поражении при Росбахе привело в восторг всех германцев, без исключения. Тюрингенские крестьяне, разоренные ими, теперь воспользовались минутой мщения. Они собирались толпами, вооружались, чем могли и, захватывая бегущих французов, без жалости подвергали их самым страшным истязаниям.

Сами австрийцы, которые действовали заодно с французами, ненавидели их за непомерную гордость и хвастовство. Во время Росбахской битвы прусский гусар напал на француза и хотел его полонить. Но в самую решительную минуту увидел позади себя австрийского кирасира, который занес над его головой саблю.

— Брат немец! — закричал пруссак. — Будь друг, оставь мне этого француза!

— Бери! — отвечал австриец и во весь опор поскакал прочь. Но Фридрих очень ласково обошелся с пленными французами. Он сам осматривал раненых и утешал их. Встретив между ними очень молодого офицера с перевязанной рукой, он спросил:

— И вы ранены?

Француз ловко поклонился:

— Вашим храбрым гусарам обязан я этой раной и счастьем видеть вблизи великого монарха и полководца, которому удивлялся издали.

— Очень сожалею о первом, — отвечал король, — но надеюсь, что вы скоро поправитесь, а чтобы доставить вам случай видеть меня чаще, прошу приходить ко мне обедать.

Между ранеными был также генерал Кюстин, который оказал чудеса храбрости в глазах Фридриха. Король послал к нему своих врачей, потом сам посетил его и старался, как мог, успокоить.

— Ваше величество! — сказал больной старик, едва приподнимаясь с подушки. — Вы гораздо выше Александра Великого, тот только щадил своих пленников, а вы проливаете бальзам на их раны!

Встретив израненного гренадера, который при нем дрался против трех прусских кавалеристов и не сдался, пока не упал под их ударами, король подошел к нему.

— Ты герой! Но как ты мог так долго сопротивляться? Разве ты почитаешь себя непобедимым?

— Был бы непобедим — под вашим начальством! — отвечал солдат, поднося руку ко лбу.

Фридрих, велел сохранить жизнь его, во что бы то ни стало. Когда французские офицеры принесли королю свои незапечатанные письма, прося их отослать во Францию, Фридрих отдал их назад.

— Запечатайте ваши письма, господа, — сказал он. — Я никогда не привыкну смотреть на французов, как на врагов моих и почитать их способными на низость.

— Государь, — отвечали тронутые французы, — вы действительно великий полководец: вы побеждаете не только воина, но и человека!

Генерал Мальи по семейным обстоятельствам имел надобность возвратиться в Париж — Фридрих отпустил его на честное слово. На следующий год он писал к королю, прося отсрочки своему отпуску. Фридрих отвечал:

— Охотно даю вам отсрочку. Рад, что могу оказать услугу человеку достойному. Я всегда был того мнения, что политические обстоятельства, вовлекающие во вражду королей, должны как можно менее причинять несчастья частным людям, не участвующим в войне.

Вся Германия праздновала победу при Росбахе. Всюду гремели похвальные песни прусскому оружию и насмешки над противной партией. В Англии известие об этом новом подвиге прусского короля было принято с восторгом. Англичане обожали Фридриха и громко роптали на заключенную принцем Кумберлендским конвенцию, которая налагала клеймо позора на английскую нацию. Сам Георг II был глубоко оскорблен поступком своего сына. Он встретил его словами: «Вот сын мой, который погубил меня и опозорил свое имя!» Георг старался под разными предлогами замедлить ратификацию Клостер-Севенской конвенции и склонить парламент к принятию снова оружия против французов. Обстоятельства помогали его намерениям. Французы сами не исполнили договора: в силу конвенции Ганновер должен был оставаться нейтральным, а они его опустошили, наравне с другими германскими областями, и, сверх того, французское правительство учредило казенные откупы, чтобы посредством их методически грабить бедную провинцию. В лондонском парламенте в это время произошла значительная перемена: знаменитый Питт принял министерство. Он ненавидел французов и старался склонить все голоса в пользу Пруссии. Росбахская победа много способствовала успеху его усилий. Парламент объявил, что не признает более Клостер-Севенской конвенции, и предписал собрать распущенные союзные войска. В предводители этого войска Фридрих отрекомендовал Георгу лучшего своего военачальника, герцога Фердинанда Брауншвейгского. Военные приготовления начались снова. Английские газеты и журналы были полны суждениями о предстоящих подвигах англичан, французы осмеивались, Фридрих Великий выставлялся полубогом. Добро-

душные британцы с жадностью хватались за эти листочки и превозносили прусского короля превыше небес. На всех перекрестках Лондона продавали его портреты.

Зато на противников Фридриха весть о Росбахской победе произвела совсем другое действие. Королева польская была непримиримейшим его неприятелем. Увлекаемая ложными понятиями о вере, она не переставала возбуждать против него другие державы. Но беспрерывные душевные волнения, тревоги и, наконец, бедственное положение, в которое она своими интригами повергла Саксонию, истощали ее физические силы. Она ослабевала с каждым днем. Известие о разгроме французской армии при Росбахе нанесло ей решительный удар. Со слезами и горестью отпустила она вечером своих приближенных, а на другой день ее нашли мертвой в постели.

Сами французы были снисходительнее к своему победителю. В Париже смотрели на Росбахскую битву, как на военную шутку: смеялись над Субизом, сочиняли эпиграммы на его храбрость, дивились прекрасной дисциплине прусских войск и превозносили похвалами военный гений Фридриха. Две недели слава о нем гремела во всех салонах Парижа, на третью общее внимание занял прыщик, вскочивший на подбородке г-жи Помпадур, а через несколько дней новый балет изгладил все впечатления и прыщика, и знаменитой победы прусского короля.

Глава XXVII. Окончание похода 1757 года. Лейтенская битва

збавясь от одного неприятеля, который в паническом страхе бежал до самого Рейна, Фридрих мог обратить все свои силы на другого, стократ опаснейшего — на эрцгерцога Лотарингского. Вторая французская армия была для него теперь не опасна: против нее неожиданно восстало гессенское и ганноверское войско, Фридрих немедленно поспешил на помощь к принцу Бевернскому.

Мы видели, что этот полководец отступил в Силезию; Карл Лотарингский последовал за ним по пятам. У Бреславля принц Бевернский занял укрепленный лагерь, прикрывая столицу Силезии. Между тем австрийский генерал Надасти после пятнадцатидневной осады овладел крепостью Швейдницем, которую Фридрих называл ключом Силезии. Здесь австрийцы взяли в плен 6000 человек гарнизона, овладели магазинами, артиллерией и, сверх того, 200 000 гульденов военной казны. Взятие Швейдница открыло австрийцам свободное сообщение с Богемией. Оставив небольшой гарнизон в Швейднице, Надасти присоединился к главной армии принца Карла. 22 ноября австрийцы атаковали укрепленный лагерь пруссаков. Принц Бевернский держался сколько мог, но превосходство неприятельских сил одолело. Пятью сильными колоннами австрийцы двинулись с разных сторон на осаду Бреславля. Наступившая ночь остановила

военные действия. Принц Бевернский, видя, что он почти окружен, и опасаясь с рассветом новой атаки, очистил поле битвы, оставил город и отступил. Два дня спустя австрийцы праздновали победу в стенах Бреславля. Битва стоила пруссакам 6200 человек убитыми и 3600 пленными. Кроме того, весь гарнизон Бреславля, 5000 человек, попал в руки неприятеля. Сам принц Бевернский пустился на рекогносцировку без свиты и был взят в плен. Многие полагают, что он добровольно сдался в руки австрийцев, боясь упреков Фридриха. Цитен принял главную команду над войском и повел остатки его к Глогау.

В Лузации Фридрих получил известие о невзгодах в Силезии. Не останавливаясь ни минуты, он усиленными маршами пошел к Бреславлю, решив не допустить австрийцев на зимовку в центре Силезии. Ни холод, ни бури, ни дурные дороги — ничто его не останавливало.

28 ноября привел он утомленное войско в Пархвиц, переправился через Кацбах и на берегу стал лагерем, чтобы дать отдых измученным солдатам. Здесь присоединился к нему Цитен. Развалины разбитой прусской армии были в печальном положении. Совершенная безнадежность овладела солдатами, офицеры упали духом. Фридрих старался всеми средствами оживить войско и возбудить в нем прежнюю уверенность и неустрашимость. Деньги, ласки, обещания, даже вино были употреблены в дело.

Победители при Росбахе много способствовали видам короля; они ободряли своих товарищей и личной отвагой зажигали в них искры мужества. Понемногу лица стали проясняться. Отдых укрепил их силы. Веселое расположение короля и его речи оживили сердца. Наконец, когда Фридриху казалось, что солдаты его готовы смыть с себя пятно 22 ноября, он начал помышлять о дальнейших предприятиях. Зная, что армия, с которой он хотел вступить в борьбу, была совсем иначе организована и имела не таких вождей, как его росбахский неприятель, он хотел действовать не иначе, как с полной уверенностью в своих средствах. Австрийское войско состояло из 90 000 человек, ободренных рядом успехов и побед; он имел только 32 000. Силы физические были слишком неравны, надлежало взять перевес нравственными силами: умной распорядительностью, хитрой тактикой, воодушевлением и геройством солдат. Для этого он созвал всех своих генералов и штаб-офицеров и сказал им:[36]

«Господа! Вам известно, что Карлу Лотарингскому удалось завоевать Швейдниц, разбить принца Бевернского и овладеть Бреславлем в то время, как я отражал французов и имперские войска. Часть Силезии, моя столица и находившиеся в ней военные запасы погибли. Бедствие мое дошло бы до высочайшей степени, если бы я не уповал на вашу твердость, на ваше мужество и любовь к родине, которые вы мне доказали во многих случаях. С глубоким умилением сердца сознаю ваши заслуги, как мне, так и отечеству оказанные! Между вами нет ни одного, кто бы не ознаменовал себя великим, достославным подвигом. Ласкаю себя надеждой, что и в предстоящих обстоятельствах ваше мужество оправдает надежды государства. Решительная минута наступает. Я почел бы все сделанное мной ничтожным, если бы оставил Силезию в руках австрийцев. Итак, знайте: где бы я ни встретил неприятельскую армию, я атакую ее против всех правил тактики, несмотря на то, что она втрое сильнее нас. Ни позиция австрийцев, ни число их здесь не идут в расчет — все это преодолеет храбрость моих войск и точное исполнение моих приказаний. Я вынужден решиться на этот шаг, или все пропало! Мы должны разбить врага или все лечь под его батареями! Так я думаю — так буду действовать. Объявите мое намерение всем офицерам армии. Приготовьте солдат к явлениям, которые должны

[36] Речь его сохранена потомству очевидцем, генералом Рецовым.

последовать, и внушите им слепую покорность моей воле. Если вы чувствуете, что вы настоящие сыны Пруссии, то поймете честь, которой я вас удостаиваю. Если же между вами есть такие, которые боятся разделить со мной все опасности, они могут сейчас же взять отставку. Даю честное слово: я не оскорблю их упреком».

Мертвая тишина господствовала в тесном кругу, в котором говорил Фридрих. Офицеры молчали, но на лицах их выступил огонь воодушевления. Кровь кипела в их жилах, каждый внутренне клялся жить и умереть вместе с великим монархом. Фридрих с видимым удовольствием заметил действие, произведенное его словами. Помолчав минуту, он продолжал с приятной улыбкой:

«Я наперед чувствовал, что ни один из вас меня не покинет. Теперь я вполне полагаюсь на ваше усердное содействие и уверен в победе. Если я паду и не в состоянии буду наградить вас за ваши подвиги — отечество их не забудет: оно обязано дать награду своим защитникам! Ступайте в лагерь и повторите полкам все, что вы слышали».

Общий энтузиазм воодушевил собрание. Все клялись заслужить милости короля; слезы и слова их доказывали, что эта клятва вырывалась прямо из сердца. Тогда Фридрих поднял гордо голову, строгий взгляд его окинул окружающих.

«Еще слово! — сказал он генералам, готовым идти. — За неисполнение моих приказаний я буду строг, неумолим. Тот кавалерийский полк, который по первому слову не врубится в неприятеля, я после битвы спешу и обращу в гарнизон. Каждый пехотный батальон, который хоть на одну секунду остановится, какие бы препятствия он ни встретил, будет лишен знамени, палашей и нашивок. Теперь прощайте, господа! Мы побьем врага или никогда более не увидимся!»

Воодушевление, которое Фридрих сумел разжечь в своих генералах, как электрическая искра сообщилось и всей остальной армии. По всем жилам войска разлился восторг. Радостные крики и песни раздались в лагере и возвестили королю, что он смело может на все решиться.

4 декабря прусская армия оставила свой лагерь с барабанным боем и трубным звуком. Австрийцы стояли в укрепленном лагере под Бреславлем. Туда был направлен марш пруссаков. Сам король вел авангард. Недалеко от Неймарка узнал он, что этот город занят австрийскими кроатами и пандурами. Гористая местность за Неймарком входила в план его операции. Не дожидаясь пехоты, он ударил в ворота, сбил их и ворвался в город. Большинство неприятелей, после легкой сечи, сдалось в плен. Вечером того же дня Фридрих узнал, что Карл Лотарингский вывел свое войско из шанцев и пошел навстречу пруссакам, чтобы одним ударом меча уничтожить «*берлинский вахтпарад*», как он называл незначительную армию Фридриха. Фридрих обрадовался при этом известии. С веселым видом вошел он в комнату для отдания пароля и сказал своим генералам: «Лисица вышла из норы: теперь не уйдет от ловца!» За ночь были сделаны все распоряжения к битве.

Утром 5 декабря Фридрих двинул свое войско вперед, не зная еще позиции австрийцев. Выезжая перед армией, он подозвал к себе офицера с пятьюдесятью гусарами.

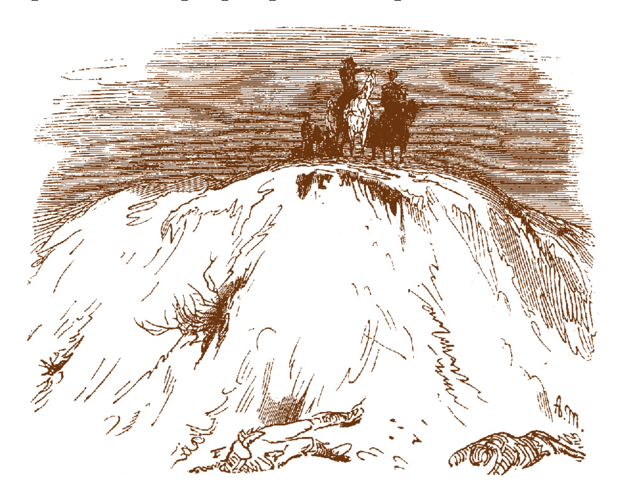
— Слушай, — сказал он ему, — в сегодняшней битве я буду часто в опасности. Ты со своими гусарами должен прикрывать меня. Не отъезжай ни на шаг и смотри, чтобы я не попал в руки этих негодяев. Если меня убьют, прикрой тело мое плащом и пошли за фургоном... но — ни полслова о моей смерти! Пусть баталия продолжается — и неприятель будет разбит повсюду непременно.

Первые колонны на походе запели церковный гимн. Один из генералов спросил короля, не прикажет ли он солдатам замолчать?

— Нет, — отвечал Фридрих, — они с Богом идут на врага и Бог нам даст победу!

Прусский авангард дошел до небольшой деревушки Борна и едва миновал ее, как увидел перед собой неприятельскую конницу.

Фридрих, полагая, что это правое крыло австрийцев, немедленно приказал на них ударить. В четверть часа дело было кончено. Большую часть отряда прусские гусары полонили, остальная обратилась в бегство. Тогда только, на довольно дальнем расстоянии, открылось настоящее правое крыло неприятельской армии, которому эта горсть кавалерии служила аванпостом. Фридрих с трудом смог удержать увлечение своих гусар, которые хотели броситься на первую неприятельскую линию. Пленных отправили в Неймарк, но наперед провели перед всем прусским фронтом, чтобы этим первым успехом возбудить мужество пруссаков. Фридрих въехал на пригорок. Оттуда перед ним открылась вся позиция австрийцев. Более чем на милю тянулись их линии в несколько рядов. Центр прикрывала деревня Лейтен.

Первая стычка с кавалерией заставили австрийцев думать, что Фридрих намерен атаковать их правое крыло, и потому они поторопились усилить его войсками. Но Фридрих, напротив, находил, что левое крыло представляет гораздо больше удобств дня нападения. Армия его отчасти была прикрыта пригорками. Широким полукругом отодвинул он ее влево. Австрийцы заметили это движение, но, не подозревая настоящих намерений Фридриха, полагали, что он хочет избежать битвы.

— Бедняки ретируются, — сказал Даун принцу Лотарингскому, — не трогайте их, пусть идут!

В полдень прусская армия прошла во фланг левого австрийского крыла. В час Фридрих подал знак к атаке. Принц Карл, обративший все внимание на свое правое крыло, оставил на левом самые слабые войска, состоявшие по большей части из виртембергских и баварских вспомогательных полков. Фридрих употребил здесь особенный маневр, в подражание македонской фаланге. Войска его, расположенные в косвенном порядке, двигались эшелонами против правого неприятельского крыла, но по первому знаку развертывались плутонгами, в величайшем устройстве, с быстротой потока. Маневр этот впоследствии приняли все европейские войска. Первый удар был нанесен с такой силой, что баварцы и виртембергцы бросились бежать, сбили и смешали присланные им в подкрепление полки и устремились к Лейтену, где подошли под ружейный огонь своих же союзников. Бегство вспомогательных войск привело в расстройство все левое крыло, которому пруссаки не давали опамятоваться. Очистив себе дорогу к центру с этой стороны, Фридрих двинул пехоту на Лейтен, прикрывавший фронт центра. Но Лейтен пруссакам не представлял ни одного места для приступа. Из-за заборов, ограничивающих сады и надворные строения, встретил их сильный ружейный огонь. Страшный бой завязался около Лейтена. Гренадерский батальон начал штурмовать деревню; на каждом шагу представлялись новые препятствия. Командир батальона, употребив все усилия и видя опасность, которой подвергал своих людей, на минуту остановился.

— Что тут думать, полковник! — закричал ему старший капитан Мёллендорф[37]. — Надо драться, а не размышлять!

Но полковник все еще не решался. Тогда Меллендорф выскочил перед фронтом и крикнул:

— Другого на его место! За мной, ребята!

---

[37] Впоследствии знаменитый Фельдмаршал.

Он повел батальон к широким воротам, их сбили прикладами. До сорока огнедышащих дул встретили смельчаков; отважный капитан проскользнул под ними, батальон его с криком ворвался в деревню и рассыпался по улицам. По его следам кинулись и другие батальоны. Отчаянная сеча и перестрелка продолжались несколько часов. Наконец, деревня была очищена от неприятеля. Австрийцы начали строиться на возвышениях за Лейтеном, а пруссаки нашли в нем опорный пункт. Теперь прусская артиллерия стала действовать из деревни на неприятельские густые колонны. Град картечи рвал их на части, но враг стоял твердо и не уступал ни пяди пруссакам. Вечер близился, а бой оставался нерешенным. В четыре часа Карл велел кавалерии своего правого крыла напасть на пруссаков сбоку. Фридрих предвидел эту минуту. Кавалерия его левого крыла стояла уже наготове: лошади и люди рвались от нетерпения. Успехи пехоты раздували в гусарах и драгунах воинский жар. Фридрих удерживал их до тех пор, пока они не могли бы ударить во фланг неприятельской конницы. Неотразимой волной налетели они на австрийцев. Громы карабинов и молнии сабельных ударов разразились в одно время над неприятельской кавалерией. Сбоку, с тыла, с фронта — везде

встречал их прусский огонь. Лошади взвивались на дыбы и сбрасывали всадников на прусские штыки. В диком беспорядке, почти в беспамятстве от нежданной встречи, австрийская кавалерия обратилась в бегство, попирая собственную пехоту, увлекая все за собой. Вся неприятельская армия бросила поле битвы и поспешила к Лиссе. До глубокой ночи продолжалось ее преследование; войска, не успевшие уйти засветло, клали оружие и сдавались в плен.

Остроумнейшая распорядительность, которую можно назвать чудом тактики, даровала Фридриху победу при Лейтене. Жибер говорит, что солдаты едва ли имеют право разделять с ним славу этого дня: он один был велик, он один решил судьбу сражения. И действительно, армия его в этот день была для него то же, что небольшой камень, с которым Давид вышел на бой с Голиафом. Победа была выиграна не силой оружия, но умом, проницательностью и ловкостью.

По окончанию дела Фридрих подскакал к Морицу Дессаускому, который командовал прусским центром, и закричал ему:

— Поздравляю вас с победой, господин фельдмаршал!

Принц, занятый еще распоряжениями, не вник в приветствие короля, рассеянно отсалютовал шпагой и опять занялся делом. Фридрих подъехал ближе:

— Слышите ли, я вас поздравляю, *господин фельдмаршал*!

Тут только принц Мориц понял, что приветствие короля было вместе и повышением его в звание фельдмаршала. Он начал извиняться и благодарить. Король прервал его:

— Вы получаете только заслуженное: никогда и никто не помогал мне так много, как вы — в нынешнем деле.

Одержав победу, Фридрих хотел воспользоваться всеми ее выгодами. Он боялся, что неприятель, переправясь через реку Швейдниц, остановится и соберет рассеянные свои силы. Поэтому он решил овладеть мостом в местечке Лисса, чтобы на следующий день продолжать преследование.

— Дети! — сказал он, обращаясь к собранным войскам. — Вы очень устали! Однако нет ли охотников пройтись со мной до Лиссы?

Три батальона выступили вперед, изъявляя желание немедленно последовать за королем.

— Хорошо! — сказал Фридрих. — Я на вас надеюсь. Пока отдохните, а когда вы мне будете нужны, я пришлю за вами.

С этим словом он тронулся с места, взяв с собой Цитена, эскадрон гусар и четыре орудия.

— Стреляйте в воздух, через наши головы! — сказал он артиллеристам. — Пусть неприятель слышит свист наших ядер и бежит без отдыха!

Медленно шел вперед этот маленький отряд. Сгущающаяся темнота мешала различать предметы, дорогу отыскивали почти ощупью. Вдали засветлел огонек, и гусар поскакал расспросить о дороге. Огонь светился в небольшой харчевне на перекрестке. Хозяин сам вышел с фонарем. Фридрих приказал ему взяться за свое стремя и освещать дорогу. Так шли вперед спокойно около получаса. Корчмарь болтал безумолку об австрийцах, о пруссаках, о Фридрихе, о его ошибках и о прочем. Король молчал, гусары слушали россказни балагура. Вдруг раздался ружейный залп, пули зажужжали около короля, лошадь его взвилась на дыбы с визгом — она была ранена четырьмя пулями. Вожатый бросил фонарь в испуге, огонь потух, и опять все затихло. Гусары кинулись в ту сторону, отку-

да произошли выстрелы, к усаженному липами валу, но там уже никого не было. Австрийский ведет, из сорока человек, здесь поставленный, слыша приближение прусского отряда, выстрелил по направлению фонаря и тотчас же убежал в близкий лес. Фридрих остановился. Он отправил офицера и несколько гусар на рекогносцировку дороги, а адъютанта своего послал назад привести в Лиссу вызвавшиеся батальоны. Офицер скоро возвратился и объявил, что до самой Лиссы не встретил даже и следа неприятельского. Тогда Фридрих вместе со своим отрядом снова двинулся в поход.

Между тем глубокая тьма распространилась над полем битвы. Ночь, как будто ужасаясь следов кровавого дня, покрыла его жертвы густым мраком. Тысячи людей в страшных муках покидали землю в эту минуту. Везде раздавались стоны и жалобы раненых. Ночной холод освежал и вместе с тем раздражал их раны. Ветер, ударяясь в разрушенные здания Лейтена, уныло пел над ними погребальные песни. Усталое, измученное войско искало покоя. Лошади и люди ложились между ранеными и мертвыми на землю, увлаженную кровавой росой. Вдруг один из солдат запел псалом «Тебя, Бога, хвалим!» Товарищи подхватили. Вскоре вся армия пела с ним вместе; музыка тихо им вторила... живые и умирающие слили свои голоса в общую молитву. Торжественная, святая минута наступила на этом поле, где смерть и жизнь спорили еще о своем достоянии. В это время прискакал адъютант Фридриха за тремя батальонами. Они выстроились и двинулись. Слыша об опасности короля, вся армия, как бы воодушевленная одним, общим чувством, встрепенулась. В один миг все было готово к походу, и целое войско пошло вслед за тремя избранными батальонами.

Не доходя до Лиссы, Фридрих дождался подкреплений. Медленно, осторожно пруссаки вошли в город. На улицах все было тихо, только огни и суета в домах показывали, что город был чем-то встревожен. Из ворот одного дома вышли три австрийца с огромными связками соломы на спине. Их схватили. Они показали при допросе, что им велено сносить солому на мост, который намерены сжечь при первом приближении

пруссаков. Король ехал впереди своих гренадер. За 60 шагов от моста их встретил ружейный огонь австрийского отряда, который собрался втихомолку и поджидал своих гостей. Несколько гренадер пали возле самого короля. В тот же миг из окон домов посыпались выстрелы. Прусские гусары отскочили в сторону, пушки выдвинулись, и началась страшная перестрелка. «Господа, за мной! Я знаю здесь дорогу!» — сказал Фридрих своей свите и поворотил влево, к господскому замку. Проскакав подъемный мост, он остановился на небольшой площадке и слез с лошади. В то же время огоньки забегали в окнах замка. Австрийские генералы и офицеры со свечами бросились вниз по лестницам, чтобы отыскать своих лошадей, оставленных на площадке.

— Bon soir, Messieurs[38], — сказал он им, входя. — Вы верно меня не ожидали? Нет ли здесь и для нас местечка?

Как громом пораженные, остановились австрийцы. Их было много, короля сопровождали только три адъютанта: легко могли бы захватить его в плен. Но в испуге никто об этом не подумал.

[38] Добрый вечер, господа!

Генералы выхватили свечи у нижних чинов и почтительно начали светить Фридриху по лестнице. Когда он вошел в зал, они поочередно ему представлялись. Он расспрашивал каждого об имени и чине и, наконец, вступил с ними в ласковый разговор. Мало-помалу зал стал наполняться прусскими офицерами, число которых напоследок до того увеличилось, что изумленный король спросил: «Да откуда вы все беретесь, господа?»

Тут офицеры объяснили ему, что при первом известии об опасности вся армия двинулась в поход и теперь стоит под Лиссой. Фридрих был глубоко тронут этой преданностью солдат, но он не мог не улыбнуться, видя, что австрийский штаб попался к нему в руки таким забавным образом.

Все австрийцы, найденные в Лиссе, были взяты в плен; мост уцелел, и с зарей другого дня Цитен и Фуке смогли преследовать австрийскую армию. Король в самых лестных выражениях поблагодарил своих генералов и офицеров за их усердие и мужество. Между тем хозяин замка хлопотал изо всех сил, чтобы собрать что-нибудь для королевского ужина: австрийцы, как голодная саранча, истребили все съестное в замке и в деревне. Наконец, королю подали род винегрета из разных остатков после ужина австрийских офицеров. Он был и тому рад. Во время ужина он ласково разговаривал с хозяином и, наконец, взглянув на него пристально, спросил:

— А умеешь ли ты играть в банк, любезный барон?

Барон оторопел. Он знал, что Фридрих ненавидит азартные игры. Запинаясь, отвечал он:

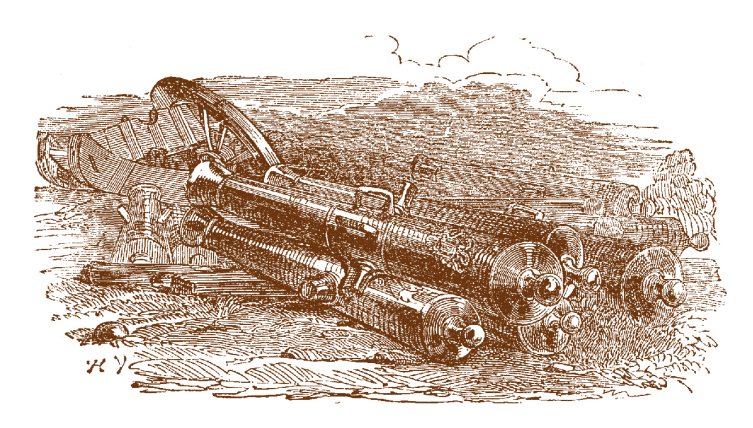
— Ваше величество... в моей молодости... конечно...

— Поэтому ты знаешь, что значит ва-банк? — прервал его Фридрих.

Барон кивнул головой.

— Такую карту я поставил сегодня — и мне повезло!

Лейтенская битва дорого стоила австрийцам. Их главная армия была побита наголову: 6000 человек легли на месте, 21 000 были взяты в плен. Вся артиллерия, до 200 орудий, частью испорчены, частью отняты пруссаками.

В следующие два дня Цитен и Фуке доставили еще 2000 пленных и 4000 зарядных ящиков и фургонов с амуницией и багажом. Пятьдесят два австрийских знамени составили трофеи Фридриха. Английский путешественник Кенси Адамс в своих «Письмах о Силезии», написанных в 1800 и 1801 годах, говорит, что «из тридцати правильных сражений, выигранных Фридрихом II в его царствование, *Лейтенская* битва самая решительная и славнейшая, ибо она более всего способствовала к скорейшему утверждению независимого и самостоятельного существования Пруссии».

Пруссаки насчитали свой урон в *Лейтенском* деле в 5000 человек. Непременным следствием *Лейтенской* победы была осада Бреславля, куда бросился австрийский корпус в 18 000 человек. Австрийцы решили защищаться до последней капли крови. В крепости были даже поставлены виселицы для тех, кто заикнется о сдаче города. Пятнадцать дней Фридрих осаждал Бреславль[39].

---

[39] Во время осады Бреславля, главная квартира короля находилась в крестьянской избе, близ города. Холод был так велик, что солдаты разобрали все деревянное строение в окрестностях — на костры. Наконец не стало более топлива, и они принялись за *избушку* короля. Караульный офицер закричал им: «Если кто тронет еще доску, я велю стрелять». Солдаты шумели и не хотели слушаться. Король, узнав о причине шума, сказал Офицеру: «Друг мой! этим средством ты ничего не сделаешь! Постой, я сейчас положу конец беспорядкам!» Он вышел на крыльцо и сказал солдатам: «Ей, драгуны! слушайте: если вы будете еще долго обдирать избу, так снег, наконец, посыплется ко мне в постель: неужели вы этого хотите?» Солдаты ушли и квартира короля осталась нетронутой.

Прусская бомба упала в пороховой магазин, он взлетел на воздух, взорвал бастион и унес с собой 800 солдат. Король приготовился к приступу, но австрийцы одумались, сломали свои виселицы и сдались на капитуляцию. Двенадцатитысячный гарнизон и 5000 раненых достались победителю. Фридрих получил обратно все свои крепостные орудия и, кроме того, 82 пушки лишних, большой запас хлеба и значительную денежную казну. Пять дней спустя и Лигниц был очищен от неприятеля. Одна только крепость Швейдниц осталась в руках австрийцев, потому что жестокий холод не дозволял предпринять правильную осаду. Фридрих обложил крепость несколькими отрядами, а остальную армию разместил на зимние квартиры. Таким образом, вся Силезия, за исключением Швейдница, была очищена от австрийцев. Из стотысячной армии Карл Лотарингский привел в Богемию только 36 000 человек, и тех в самом жалком положении.

Глава XXVIII. Кампания 1758 года. Поход в Моравию

Бедствие австрийской армии было тщательно скрываемо от Марии-Терезии. Генералы ее приписывали свою значительную потерю особенным несчастным обстоятельствам, позднему времени года, трудным переходам в горах, заразным болезням, свирепствовавшим в войске. Неудачи первого года войны надеялись наверстать успехами следующих кампаний. От союзных держав ожидали более единодушия в действиях. Союзы с Францией и Россией были скреплены новыми теснейшими узами. Все это убаюкало потревоженный дух императрицы-королевы, и чувство мщения вспыхнуло в ней с новой силой. Однако венский кабинет, чувствуя, что имеет дело с человеком решительным, оборотливым и притом покровительствуемым счастьем, стал осторожнее в своих прокламациях, смягчил выражения имперского суда и сделался вежливее и приличнее в сношениях с Пруссией. Граф Кауниц даже уведомил Фридриха о заговоре против его особы.

Король посчитал это известие выдумкой, но воспользовался им, чтобы написать Марии-Терезии благодарственный ответ.

«Есть два рода убийства, — писал он ей. — Один кинжалом, другой — позорными, унизительными статьями. Первый род я презираю, но ко второму я гораздо чувствительнее и от него стараюсь отписываться мечом».

В то же время он отправил в Вену захваченного в плен князя Лобковича для мирных переговоров с императрицей-королевой.

«Если бы не битва 18 июня, — писал он ей, — в которой счастье мне изменило, я, может быть, имел бы случай лично посетить Вас. Тогда, может быть, вопреки моей натуре, Ваша красота, Ваш возвышенный ум оковали бы победителя, и мы нашли бы средство к примирению. Правда, в минувшую кампанию Вы имели большие выгоды в Силезии, но эта честь продолжалась недолго; последней же битвы я не могу вспомнить без ужаса, столько в ней пролито крови. Я воспользовался моей победой и теперь в состоянии опять двинуться в Моравию и Богемию. Размыслите об этом, дражайшая кузина! Узнайте, наконец, кому Вы доверяетесь. Вы губите свое государство; вся пролитая кровь падет на Вашу душу! Вы увидите, что не в Ваших силах, победить того, кто, будучи Вашим другом, заставил бы трепетать весь мир. Строки эти выливаются у меня из глубины сердца. Желаю, чтобы они произвели на Вас счастливое впечатление. Если же Вы хотите довести дело до крайности, то я все испытаю, что только в моих средствах. Но уверяю Вас, мне прискорбно видеть погибель государыни, заслуживающей удивление целого света. Если Ваши союзники станут помогать Вам, как следует — я пропал, это предвижу. Но и тогда мне не будет стыда. Напротив, история покроет меня славой за то, что я защищал соседнего государя от притеснений, что не способствовал к увеличению могущества Бурбонов и что храбро боролся с двумя императрицами и тремя королями».

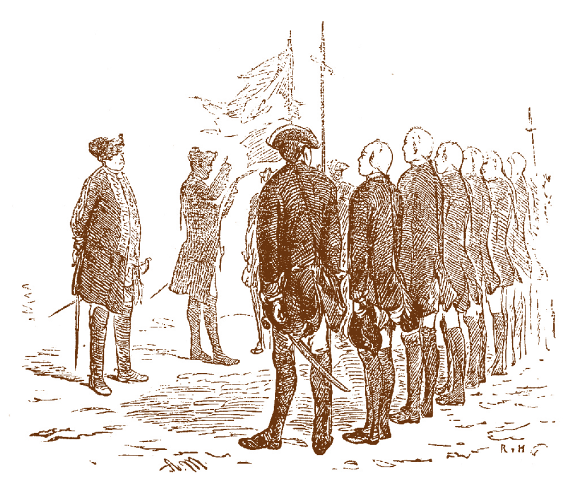
Убедительное письмо Фридриха не произвело желанного действия. Французский посланник Шуазель уговаривал Марию-Терезию продолжать войну, и она согласилась. Франция стала вооружать новое войско и выплатила России новые субсидии. Елизавета Петровна приняла решительные меры к немедленному продолжению военных действий в Пруссии. Генералу Фермору было поручено главное начальство над войсками

со строжайшим предписанием: начать войну, не теряя времени. В подкрепление ему послан был генерал Браун с резервом.

Фридрих провел зиму в Бреславле, приготовляясь к обороне. Английский статс-секретарь Вильям Питт убедил парламент заключить с Пруссией новый трактат, по которому Англия обязалась усилить ганноверскую армию своими войсками и выплачивать Фридриху ежегодно вспомогательных сумм 670 000 фунтов стерлингов. Но этих денег, вместе с контрибуциями, собранными с Саксонии и Мекленбурга, было мало для покрытия издержек новой войны. Фридрих вынужден был решиться на меру непозволительную: он отдал Монетный двор на откуп богатому жиду Эфрему, за десять миллионов талеров. Тот выплатил их вновь отчеканенной монетой, которая на целую треть была ниже своей стоимости. С этих пор в народе пошла поговорка о новых талерах:

Снаружи — красив, а внутри — не совсем.
Снаружи — Фридрих, внутри же — Эфрем[40].

Войско Фридриха было значительно умножено новобранцами, которых упражняли каждый день и знакомили с правилами прусского артикула.

[40] Draußen ist es schön und drinnen ist es nicht ganz:
Draußen ist Friedrich, drinnen ist Ephraim.

Между тем, пока Фридрих приготовлялся к новым походам и был озабочен приведением в порядок внутреннего управления в Саксонии, военные действия, несмотря на жестокую зиму, начались. Герцог Фердинанд Брауншвейгский со своей соединенной армией выступил против французов. В феврале он очистил от них Ганновер и без отдыха погнал неприятеля через Вестфалию, до самого Рейна. 11 000 французов попали в его руки. Французское войско, не привыкшее к субординации, занятое более увеселениями, чем заботой о своей безопасности и продовольствии, находилось в печальном положении. Магазины его были разрушены, обозы отняты, артиллерия отбита. Герцог Ришелье был отозван от армии. Место его занял граф Клермон, бенедиктинский аббат, который сумел ловко подделаться к маркизе Помпадур, был ею возведен в графское достоинство, пожалован в генералы и послан *поддержать честь французского оружия в Германии*. Приняв войско, Клермон писал к королю Людовику XV: «Армия, порученная мне Вашим Величеством, состоит из трех частей: одна часть на земле — это мародеры и грабители, другая — в земле, третья — в госпиталях. Жду повелений вашего величества — отступить ли мне с первой частью к пределам Франции, или оставаться в Германии и ждать, пока она соединится с двумя остальными?» Ему было предписано остаться, и обещано скорое подкрепление. А между тем принц Фердинанд отнял у него все средства к обороне и жизни. Французский полководец перенес свою главную квартиру к Везелю, а большую часть войска переправил за Рейн. Принц Фердинанд, поджидая подкрепления из Англии, также на время стал на зимние квартиры. Эмденский порт был выбран для высадки английского войска. Французы, чтобы не дать англичанам соединиться с Фердинандом, овладели Эмденом и учредили здесь свой сборный пункт. Тогда английские корабли подступили на блокаду порта, а с другой стороны двинулся принц Брауншвейгский.

Испуганные французы поспешно отступили, бросив больных и раненых. Соединенное войско преследовало их; обозы, амуниция, магазины — все было отнято у бегущих. Кроме того, до 1500 пленных и целый артиллерийский парк в 100 орудий достались Фердинанду. До марта месяца соединенная армия гнала французов из одной провинции в другую. Вся северная Германия была очищена от этих грабителей, которые перешли за Рейн. Один только Броглио держался еще в Ганау и во Франкфурте. Принц Брауншвейгский распространился в Вестфалии и намерен был перенести театр войны за Рейн, к границам самой Франции. Весенние разливы и бури затрудняли переправу через реку, и он решил обождать до июня месяца. Между тем испуганный министр, герцог де Бельиль, поспешил выслать в Германию новое войско, которое, соединившись с остатками армии Клермона и Субиза, заняло весьма выгодную позицию около Рейнсфельда. Ночью 1 июня Фердинанд переправил войско через Рейн, частью по наведенному мосту, частью на плоскодонных судах. Он начал делать фальшивые маневры перед Рейнсфельдом, чтобы выманить французов из их крепкой засады. Это ему удалось. Французская армия вышла на равнины при Крефельде. Здесь произошло 23 июня кровопролитное сражение, в котором французы были разбиты наголову и потеряли 7500 человек. Фердинанд осадил Дюссельдорф, где находился главный французский магазин. Осада продолжалась шесть дней, и город сдался. Этот последний

удар поразил Францию в самое сердце. Армия не могла более действовать, и Клермон был отозван в Париж. Крефельдская победа озарила принца Фердинанда новой славой и разожгла в англичанах национальную гордость. С этих пор лондонский парламент решил продолжать войну на сухом пути, во что бы то ни стало.

Итак, с одной стороны Фридрих был обеспечен. Зато с другой обстоятельства его принимали самый дурной вид. 11 января генерал-аншеф Вильям Вильямович Фермор[41] писал императрице Елизавете:

«Вашему Императорскому Величеству я уже имел честь от 3 сего месяца всенижайше донести о благополучном занятии войсками Вашего Императорского Величества города Тильзита (Румянцевым), амта Руса и амта Кукернезен. С того времени войска В. И. В., вступив пятью колоннами в прусские земли, под командой генерал-поручиков: Салтыкова, Рязанова, графа Румянцева и генерал-майоров: князя Любомирского, Панина и Леонтьева, следовали прямой дорогой без расттагов (дневок) до города Лабио. 9-го числа вступил в сей город с авангардом легких войск генерал-квартирмейстер Штофель, а за ним полковник Яковлев с 400 гренадер и двумя пушками, за которыми вскоре и я приехал. Вскоре потом прибыли ко мне депутаты столичного города Кенигсберга, а именно: трибунальный вице-президент Грабовский, военный и камерный советник Ауэр и бургомистр кенигсбергский, военный советник Гиндернисен, кои подали именем всего правительства, города и всего королевства прусского прошение о дозволении им протекции В. И. В. и о сохранении их привилегий. Я довольствовался на сие прошение обнадежить их генерально В. И. В. милостью, а дозволить на разные их прошения предоставил на всемилостивейшее В. И. В. благоизобретение. Таким образом, на другой день, то есть в воскресенье 21-го числа пополудни, вступили в город вышеупомянутые, наперед отправленные команды, а за оными и я с четырьмя пехотными полками в оный вошел, и главную квартиру занял в главном замке, в тех самых покоях, где

[41] Фермор был адъютантом Миниха и у него обучался военному искусству. Начальствуя авангардом в турецкую войну, он ознаменовал себя славными подвигами. В 1741 году он с отличием служил под знаменами Фельдмаршала Ласси, а в 1757, под начальством Апраксина, взял Мемель и способствовал к выигрышу Гросс-Егерсдорфского сражения.

фельдмаршал Левальд жил. Все здешние начальные и чиновные люди встретили меня в замке и отдались с глубочайшей покорностью в протекцию В. И. В. При вступлении полков в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой производился во всем городе колокольный звон, и играли на трубах и литаврах по башням, а мещане, поставленные в парад, отдали честь ружьем с барабанным боем и музыкой. В то же самое время принесены ко мне от здешней цитадели, Фридрихсбурга и Пилавской крепости, ключи, которые к В. И. В. с вручителем сего, гвардии поручиком графом Брюсом, отправить честь имею. Теперь упражняюсь я исправлением потребных в городе распоряжений и, поставя в замке полковую церковь, за первую должность почту принести завтра Всевышнему соборное благодарственное моление за покорение победоносному В. И. В. оружию столичного города и целого королевства Прусского, без пролития капли крови.

Позвольте, Всемилостивейшая Государыня, принести мое о том всенижайшее и усерднейшее поздравление. Краткость времени не позволяет мне теперь подробно донести, сколько здесь королевской казны, магазинов и в арсеналах найдено: но то с подлинностью обнадежить могу, что благословением Всевышнего и особливым счастием В. И. В., несмотря на весьма студеную погоду, войско однако же с таким во всем удовольствием сей поспешный поход продолжало, что ни в какое время и ни в какой земле лучшего желать нельзя, и больных почти никого нет»[42].

Вслед за тем генерал Фермор был назначен императрицей генерал-губернатором Прусского королевства. Он ласково принимал всех прусских сановников, как мог, успокоил и обнадежил их.

— Для вашего блага, — говорил он посланным к нему депутатам, — моя всемилостивейшая государыня вступает во владение Пруссией. Вы будете счастливы под ее кротким правлением, и я постараюсь сохранить ныне существующий порядок вещей, который нахожу совершенным в его настоящем виде. И действительно, все привилегии народа были ему оставлены, в управлении сохранено прежнее устройство. Пруссаки, помня прежние жестокости русских войск, были приятно изумлены благочинием и порядком, которые везде водворялись,

[42] Подлинная реляция генерала Фермера, хранящаяся в архиве Главного Е. И. В. Штаба.

и охотно принимали присягу на верность русской императрице. Балы, увеселения, фейерверки развлекли их совершенно. Они забыли о бедствии отечества и даже с изъявлениями радости склонялись под иго грозного победителя. В церквях стали поминать русскую императорскую фамилию на ектениях, и народ торжествовал дни тезоименитств царственных особ. Русские нашли в Кенигсберге и в Пилау до 90 пушек, множество бомб, ядер и несколько сот бочонков пороху. «Никогда еще самостоятельное царство не было завоевано так легко, как Пруссия, — говорит Архенгольц, — но и никогда победители, в упоении своего успеха, не вели себя так скромно, как русские!» Фермор был осыпан милостями императрицы, а венский двор прислал ему в награду графское достоинство римской империи.

Известия об этих событиях глубоко огорчали Фридриха, но он должен был покориться обстоятельствам, не имея возможности ни отразить, ни удержать русского оружия.

Он начал думать только о средствах помешать соединению русских с австрийцами. По обыкновению, он решил предупредить действия последних и атаковать их во владениях Марии-Терезии. Принц Карл Лотарингский сильно упал в народном мнении после Лейтенского дела. Избегая дальнейших нареканий, он сложил с себя главное начальство над войсками. Даун заступил его место и расположился в Богемии лагерем, на укрепление которого порублено было несколько огромнейших лесов.

Прежде всего, Фридрих хотел отнять у австрийцев последний их опорный пункт в Силезии — крепость Швейдниц. Он подступил к Швейдницу 3 апреля. На тринадцатый день она была взята штурмом, и пятитысячный гарнизон сдался в плен. Теперь Даун ожидал вторжения короля в Богемию. Фридрих: разными фальшивыми распоряжениями постарался убедить его в этом мнении. Между тем он быстрыми переходами проник в Моравию, вытеснив мимоходом корпус генерала де Вилле из Верхней Силезии. Прежде, чем Даун известился об этом движении, Фридрих был уже под стенами Ольмюца и готовился к сильной осаде. Даун последовал за ним, но, не препятствуя действиям пруссаков, остановился на границе,

отрядив только обсервационный корпус, под начальством Лаудона, для наблюдения за противником.

Ольмюц имел 8000 гарнизона, был хорошо продовольствован, укрепления находились в наилучшем состоянии. Фридрих рассчитывал на скорую сдачу крепости, которая должна была открыть ему дорогу к самой Вене. Но он обманулся в своих предположениях. Близость Дауновой армии позволяла ему осадить город только с одной стороны; другая через это сохранила свободное сообщение с лагерем фельдмаршала и могла получать оттуда все нужные припасы и подкрепление. Ошибка главного прусского инженера Бальби сделала первые усилия пруссаков недействительными. Он провел первую траншею на полторы тысячи шагов от крепости, так что ядра до нее не достигали. Пока эта погрешность была поправлена, осаждающие потратили огромное количество ядер и вынуждены были ослабить свои действия в ожидании подвоза. Главный прусский транспорт, состоящий из 3000 подвод с порохом, хлебом и деньгами, шел уже из Тропау. Даун хотел отнять у Фридриха это необходимое средство к продолжению осады. Дороги, ведущие к прусской армии через горные ущелья, были испорчены продолжительными дождями. Обозы не могли двигаться скоро: на каждом шагу они вязли. Цитен прикрывал транспорт, тянувшийся на несколько миль. Он расположил отряды свои на большом расстоянии один от другого, чтобы не мешать движению транспорта. Даун отправил в ущелья Лаудона с предписанием отнять или уничтожить транспорт. В дефилеях, скрыв несколько тысяч пандуров в засады и прилески, Лаудон встретил пруссаков сильным огнем из пушек, которые были расставлены на всех возвышениях. Пока весь транспорт и прикрытие его собрались на тесную площадку и наскоро составили вагенбург, лошади под большей частью фургонов были убиты, и множество возов с порохом взлетели на воздух, производя страшный беспорядок и опустошение в прусских отрядах. Наконец, и пандуры выскочили из своих засад и после упорной битвы заставили пруссаков бежать. Цитен с небольшим отрядом едва успел прорубиться сквозь неприятеля и уйти в

Тропау. Остальное прикрытие, состоявшее по большей части из молодых рекрут, легло на месте.

Только 950 повозок были спасены пруссаками и благополучно прибыли к армии. Без пороха и полевых снарядов осада не могла продолжаться. Фридрих находился в самом критическом положении. Австрийцы заняли все горные проходы и загородили ему обратный путь в Силезию. Даун сторожил его на границе Богемии. Таким образом, король был совершенно отрезан от своих провинций и везде видел против себя втрое сильнейшего врага. Пробиться с оружием в руках было бы бесполезным и даже безумным риском. Итак, вся армия находилась в необходимости отдаться военнопленной. Но в такие именно минуты необыкновенный гений Фридриха пробуждался. Он собрал своих офицеров, краткой, но убедительной речью постарался пробудить в них бодрость и приготовил их к самым отчаянным подвигам. Потом он отправил курьера к коменданту крепости Нейсе, в Силезию, с письменным приказанием заготовить на всю армию хлеб и фураж. Курьер отлично разыграл свою роль, попался в плен к австрийцам, долго старался скрыть от них свою депешу и только после сильных угроз и истязаний выдал ее. Даун, не подозревая тут военной хитрости, немедленно расположил свои войска по всем дорогам в Силезию; этим он открыл проход в Богемию.

Фридрих тотчас выбрал этот путь, несмотря на все его трудности. 8 июля до глубокой ночи продолжался обстрел крепости;

потом все замолкло. Австрийцы ничего не подозревали. В темноте, с величайшей осторожностью, сперва, были отправлены тяжелая артиллерия и обозы, потом тихо двинулись и сами войска. На следующее утро гарнизон Ольмюца изумился, увидев, что осада снята и что под стенами нет и следа неприятельского. Теперь только Даун догадался, что Фридрих ускользнул у него из рук. Он ударил ему вслед, но высокие горы и узкие проходы, по которым Фридрих вел свое войско, мешали всем предприятиям австрийцев. После нескольких легких схваток, почти без всякого урона, король прибыл со всей армией в Кенигин-Грец, где и расположился лагерем.

Вся Европа была в изумлении от этой удивительной, почти невероятной ретирады. В Вене осыпали Дауна порицаниями за его медленность и недогадливость, а Фридрих начал думать о новых операциях.

Во время этого похода жизнь Фридриха была в опасности, но присутствие духа его спасло. Опередив свою армию, король ехал с небольшой свитой в довольно заглохшем месте и осматривал дорогу. В кустарниках были рассеяны кроаты и начали стрелять из ружей. Фридрих не обращал на это внимания, но вдруг один из адъютантов крикнул:

— Государь, в вас целят! — и указал королю на пандура, который из-за дерева наводил на него дуло.

— Ты! Ты! — крикнул Фридрих пандуру и погрозил ему своей палкой. Пандур тотчас опустил ружье, снял шапку и почтительно вытянулся, дожидаясь, пока король проедет.

Глава XXIX. Продолжение кампании 1758 года. Цорндорф

Едва ускользнув с армией своей из рук неприятельских, Фридрих, однако, не располагал оставить Дауна в покое. Из своего лагеря он наблюдал за его действиями и выжидал удобной минуты к началу борьбы. Но тут дошло до него известие об успехах русской армии, которая шла в Померанию, и о критическом положении генерала Доны, командовавшего померанским отдельным корпусом. Как орел, встрепенулся Фридрих и полетел на помощь к своему полководцу. Защита Силезии была предоставлена маркграфу Бранденбургскому Карлу, а своему брату Генриху король поручил прикрывать Саксонию. Сам же отобрал себе только 14 000 испытанного войска и через одиннадцать дней был уже в Неймарке (Новой Марке).

Мы видели, как вся провинция Пруссия досталась в руки Фермору без траты пороха, без пролития капли крови. Первые

весенние месяцы провел он в осмотре крепостей, в приведении к подданству России городов и значительнейших мест Пруссии и в правительственных распоряжениях. Между тем предписания петербургского кабинета побуждали его к дальнейшим и решительнейшим предприятиям. Фермор вознамерился проникнуть в самый центр владений Фридриха и одним ударом меча разрубить гордиев узел этой отяготительной войны. В самом непродолжительном времени оба берега реки Варты были в его руках. Все северные провинции тогдашней Великой Польши (Восточная Пруссия и Познань) были им заняты. Салтыков овладел Эльбингом; Торн был также взят. Таким образом, 2 августа Фермор ввел свое 80 000 войско в Новую Марку и в Померанию. Пока Фермор находился в Пруссии, он был ограничен высочайшими повелениями, которые прежде всего предписывали ему и войску благочиние, порядок и человеколюбие. Но дальнейшие военные операции были предоставлены его произволу. Потому при вступлении наших войск в Марку и Померанию след их был ознаменован страшными опустошениями. Вопль несчастного народа долетел, наконец, до ушей Фридриха и заставил его поспешить на помощь.

Еще до прибытия русских, шведы сделали высадку в Померании. Отдельный прусский корпус, который в прошлом году действовал против них под начальством Левальда, был теперь поручен генералу Дона. Новый военачальник успел оттеснить шведов на самые пределы Померании и блокировал Стральзунд. Фермор положил конец его успехам. 4 августа он осадил крепость Кюстрин, которая заключала в себе главные запасные магазины пруссаков и была так драгоценна Фридриху по его юношеским воспоминаниям. Дона, уведомленный о приближении русских, поспешил на помощь к Кюстрину. С большим трудом навел он мост через Одер, при беспрерывном нападении легких русских войск, и открыл сообщение с городом, через что мог постоянно посылать осажденным подкрепление и припасы. Кроме того, накануне прибытия русской армии, Дона отрядил несколько полков пехоты и кавалерии для прикрытия города. Они окопались и укрепили свои траншеи

сильными батареями. 5-го числа Фермор послал парламентера требовать сдачи города — вместо ответа последовал залп с укрепления. Главнокомандующий отрядил тотчас Чугуевский полк ударить в левый фланг прусским гусарам, а сам с двадцатью ротами гренадер и с артиллерией по берегу Варты пошел на главную неприятельскую батарею.

«Неприятель, — говорит он в своей реляции, — увидев такую храбрость и мужество и сильное из единорогов действо, в конфузию пришел и, скоропостижно оставив свою батарею и лагерь на дискрецию, в город побежал, а гренадеры и прочие войска тотчас форштат с боем заняли». После этого Фермор приказал бомбардировать город и, как сам говорит, «благословением Божиим такой успех возымел, что от четвертой бомбы в городе пожар учинился, который бросанием других бомб и каленых ядер в четверть часа так распространился, что от великого жара и на городском валу устоять не могли, ибо в пятом часу пополудни из города совсем стрелять перестали, и так до вечера и чрез ночь все дома, кирки и магазины огнем пожерты и в пепел обращены. Какой же с неприятельской стороны урон был, того заподлинно ведать нельзя; только думать надобно, что оный гораздо велик был по воплю, который в городе стоял. Но сие от обывателей ближних деревень заподлинно известно, что в городе магазин имелся более 100 000 виспелей ржи, а каждый виспель содержит шесть четвертей, кроме другого почти неисчисленного со всех сторон для хранения привезенного сокровища и имения, которое от большей части погорело»[43].

Несмотря на несчастье, постигшее Кюстрин, крепость держалась. Жители, лишась всего своего достояния, разбежались по лесам, перешли за Одер и питались кореньями и мирским подаянием. На пятый день осады Фермор снова потребовал сдачи, грозя, в противном случае, взять город штурмом и не пощадить ни одного человека. Комендант отвечал: «Я буду защищаться до последнего человека, а когда мы все падем, русские могут занять крепость и делать, что угодно».

---

[43] *Подлинное донесение генерал-аншефа.*

Делать было нечего. Болота, окружающие крепость, и близость генерала Доны не допускали правильной осады со всех сторон. Фермор продолжал бомбардирование. Между тем он послал особенный корпус для соединения со шведами, которых убедил действовать с ним совокупными силами. В таком положении были дела, когда Фридрих явился на помощь любимой своей Померании. При виде опустошения и бедствия страны солдаты его, несмотря на изнеможение от форсированных маршей, горели нетерпением сразиться с неприятелем и отомстить ему за все обиды. С прискорбием увидел король обгорелый остов Кюстрина. Бедствие жителей, которые окружили его в рубищах, покрытые ранами, изнуренные голодом, взволновало его душу.

— Дети! — сказал он, выслушав их жалобы. — Я не мог прийти к вам ранее! Но успокойтесь: я опять отстрою ваш город, вы снова будете счастливы!

Он приказал раздать им 200 000 талеров на первое обзаведение. Когда Фридрих осматривал укрепления, комендант явился к нему с повинной головой, извиняясь в своих ошибках и в том, что не успел принять необходимых мер к удержанию неприятеля.

— Замолчи! — сказал ему Фридрих строго. — Не ты виноват, а я, потому что сделал тебя комендантом[44].

Из Кюстрина он отправился к войску. 10-го армия его соединилась с корпусом Доны, расположенным под городом Кюстрином.

— Ну что, — спросил он Дону, — как держатся русские?

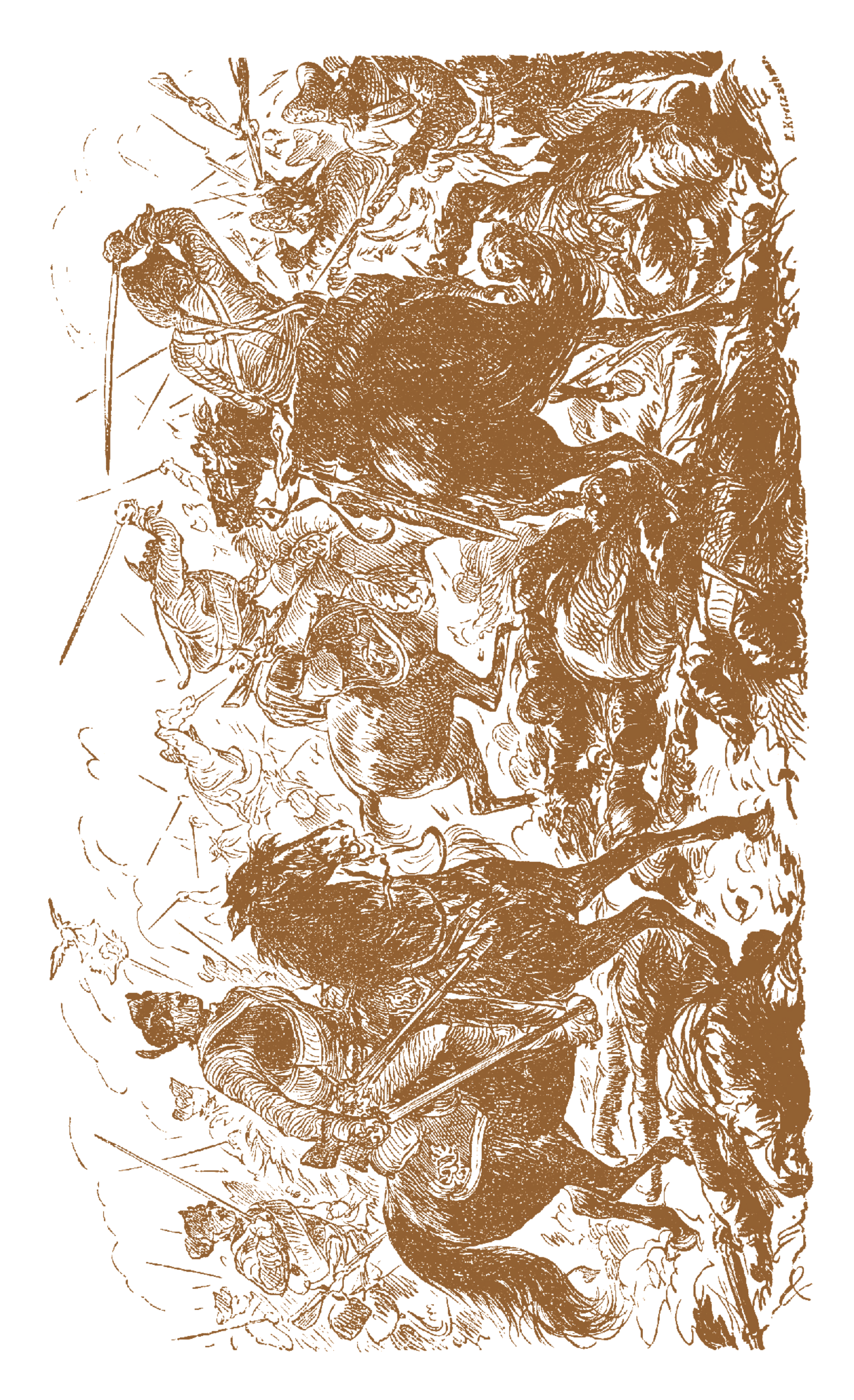
— Как каменные стены! — отвечал Дона.

— Тем лучше: они скорее рассыплются!

Когда на смотру войско генерала Доны проходило мимо него в новых мундирах, с напудренными головами, он сказал: «Ого! Да ваши солдаты разряжены в пух. Мои, напротив, настоящая саранча, зато кусаются». 11 августа на берегу Одера застучали топоры. Сотни плотников работали над понтонами, через которые Фридрих, по-видимому, хотел переправить свое войско прямо против русского лагеря. Вскоре артиллерия его стала действовать на русские окопы. Все заставляло думать, что он хочет атаковать Фермора в самом лагере. Но за ночь Фридрих отправил свои медные понтоны пониже Целлина, поднялся со всей армией и, после усиленного марша, втихомолку переправил ее там через Одер. Фермор узнал об этом слишком поздно от партии казаков, которые, полагая напасть на прусский аванпост, наткнулись на саму армию. Он отправил полковника Хомутова помешать переправе, но Хомутов опоздал и не смог ничего сделать. Широкой дугой Фридрих обходил русский стан, Главнокомандующий, чтобы удобнее действовать, выступил в открытое поле. Он выбрал ровное место между деревнями Кондорфом, Цорндорфом и Вилькерсдорфом. 13 августа присоединился к нему генерал Браун со своим корпусом. Войско наше было расположено тупым углом, так что могло делать фронт неприятелю, по какому бы направлению он не пошел от Целлина. Вечером Фридрих остановился у местечка Нейдама, против правого крыла русских, и стал делать распоряжения, чтобы на утро атаковать его.

---

[44] В одном частном письме, публикованном в Санкт-Петербургских Ведомостях 1758 года, сказано, между прочим: «Г. *комендант знать не думал, чтоб русские кураж имели так близко к крепости подступить. Он еще и не есть пушки на лафеты поставил, но большая часть лежали еще на земле. Так-то делается, когда неприятеля своего презирают*».

Между тем, чтобы отнять у русских всякую возможность к ретираде, он послал несколько отрядов в обход и в тылу их велел разрушить мосты, ведущие через довольно значительный и широкий рукав Одера. На рассвете Фермор заметил, что пруссаки были на походе, старались обогнуть наше левое крыло при Цорндорфе и взять его во фланг. Он тотчас велел левому крылу отступить назад и примкнул его к деревушке Квартчен, фронтом к неприятелю. Таким образом, русская армия образовала неправильный четырехугольник, в середине которого находились резерв и обозы.

Фридрих, обходя русскую армию, отрезал от нее главный вагенбург, который был поставлен в стороне. Он бы мог овладеть им и лишить русских необходимых военных снарядов для продолжения войны, но, горя желанием сразиться и одним ударом уничтожить всю нашу армию, он не обратил на это внимания. Кроме того, он боялся потратить несколько лишних дней, зная, что австрийцы не упустят случая воспользоваться его отсутствием в Силезии. И действительно, положение его было так безнадежно, что оставалось или пасть, или совершенно сломить врага. Французы быстро двигались в Саксонию; Даун вступил уже в нее; шведы, избавясь от Доны, шли на Берлин. Цорндорфская битва должна была решить судьбу Фридриха. Она началась в 9 часов утра страшной перестрелкой артиллерии. Когда наше левое крыло заняло новую позицию, деревня Цорндорф осталась посередине между обеими армиями. Чтобы пруссаки ее не заняли и не могли скрыть за ней своих движений, Фермор приказал ее сжечь; но это ни к чему не послужило, потому что дым ветром не проносило, и пруссаки, пользуясь пожаром, при ужасной канонаде, устремились на наше правое крыло. От выстрелов произошел беспорядок в русском обозе. Испуганные лошади, закусив удила, с возами прорывались сквозь линии и приводили в расстройство пехоту. Несмотря на это, обоз был отведен подальше от войска, и полки снова построились. Прусская пехота, желая воспользоваться первым беспорядком неприятеля, пошла в атаку, не дожидаясь подкрепления кавалерией. Фермор заметил эту ошибку и

велел своей коннице ударить на атакующих. Тут русские двинулись с таким неистовством, что тотчас же смяли пруссаков и обратили их в бегство. Громкие крики «ура!» огласили воздух. Но Фермор сам сделал ошибку: русская кавалерия оставила в нашем каре большой промежуток, а главнокомандующий не подумал его пополнить. Сейдлиц воспользовался этим: ударил во фланг нашей коннице, он ее опрокинул и потом, со своими драгунами и гусарами, ворвался в ряды нашей инфантерии. Пехота, которая успела опять построиться, подоспела к нему на помощь. Русские дрались, как львы. Целые ряды их ложились на месте; другие тотчас выступали вперед, оспаривая у пруссаков каждый шаг. Ни один солдат не сдавался и боролся до тех пор, пока не падал мертвый на землю. Наконец, все выстрелы истрачены — стали драться холодным оружием. Упорство русских еще более разжигало злобу пруссаков: они рубили и кололи всех без пощады. Многие солдаты, отбросив оружие, грызли друг друга зубами. Фридрих перед началом битвы приказал не давать пардону. «Постоим же и мы за себя, братцы!» — кричали русские. — «Не дадим и мы пардону немцу, да и не примем от него: лучше ляжем все за Русь святую и матушку-царицу!» В истории никогда не бывало примера подобного сражения. Это была не битва, а, лучше сказать, резня насмерть, где и безоружным не было пощады. Наконец, русские были побиты, и только немногие бежали и скрылись в близких болотах и лесах.

Поражением правого русского крыла победа склонилась на сторону пруссаков. Но еще центр и левое крыло стояли неподвижно и готовы были оспаривать славу этого кровавого дня. На полчаса все приумолкло, как будто оба войска отдыхали после тяжкой борьбы. В час пополудни Фридрих повел свое правое крыло на русское левое, двумя колоннами. Тяжелая артиллерия им предшествовала. На дальнем расстоянии от своей первой линии король выставил грозные батареи, и ядра посыпались в русские ряды. Фермор приказал генерал-майору Демику, командовавшему кавалерией, атаковать батареи. В мгновение ока правая батарея, с прикрывавшим ее батальо-

ном, была в русских руках. Пехота вслед за тем ударила в штыки. Завязался бой отчаянный. Но русские вынуждены были отступить и попали в болото, где не было возможности ни построиться, ни защищаться. В то же время наша кавалерия овладела другой батареей и с таким диким воплем и силой бросилась на левую колонну, что неприятель с ужасом побежал к Вилькерсдорфу и сообщил свой панический страх другим полкам до самого прусского центра. Поверхность была на русской стороне, и судьба сражения решалась. Но вдруг Сейдлиц с отчаянием бросается на нашу кавалерию, смешивает ее, опрокидывает и гонит. В то же время прусская пехота пробилась в наш центр и, ударив на левое крыло во фланг, потеснила его прямо на свою кавалерию. Здесь повторилась сцена прошедшего утра. Граф Чернышев и генерал Браун со своими гренадерами оказывали чудеса храбрости. Сделался ужасный беспорядок: русские и пруссаки, кавалерия и пехота — все смешалось в кучу. Ружейный огонь замолк, дрались один на один, били друг друга прикладами, кололи штыками, рубились на саблях. Ни одна сторона не уступала, ни одна не давала пощады. Напрасно генералы старались водворить порядок, прекратить рукопашный бой и разнять сражающихся. Никто их не слушал. Страшная пыль, запекшаяся кровь и пороховой дым обезображивали еще более лица, и без того искаженные злобой и остервенением. Сам Фридрих был увлечен в середину свалки. Солдаты узнавали его только по голосу. Около него пали все его адъютанты и пажи, лишь над его венчанной головой носился щит спасительного Провидения.

Наконец, ночь положила предел страшному убийству. С обеих сторон ударили отбой. Оба войска в беспорядке стали собираться на свои места. Предводители, Фридрих и Фермор, почитали себя победителями. Пушки с обеих сторон были оставлены на поле битвы, и никто их не убирал. Всю ночь войска оставались под ружьем. Фридрих отодвинулся только вправо, к деревне Цихерт, и переменил позицию, русские только повернулись поперек поля, чтобы сделать ему фронт. С рассветом снова началась канонада. Все предвещало продолжение

битвы, но недостаток боевых снарядов у пехоты и чрезвычайная усталость кавалерии делали всякое новое предприятие невозможным. Под обоюдными выстрелами обе армии собирали и приводили в порядок свои полки.

В Цорндорфском деле пруссаки имели 31 000 человек, русские — до 50 000; урон первых простирался мертвыми и пленными до тринадцати, последних — до 19 000 человек[45]. Когда английский посланник, сопровождавший Фридриха, поздравил его с победой, король отвечал, указывая на Сейдлица:

— Ему мы обязаны всем, без него нам было бы плохо. Это железные люди! Их можно перебить, но разбить невозможно!

---

[45] Особенно опустошительно действовали па пруссаков так называемые *Шуваловские гаубицы*, изобретенные графом Петром Ивановичем Шуваловым. О них то Ломоносов сказал:

С Елизаветой Бог и храбрость генералов,
Российска грудь — *твои орудия*, Шувалов!

Эти же орудия много способствовали к выигрышу Гросс-Егерсдорфского сражения. Г. Бантыш-Каменский, **в** своих «*Биографиях фельдмаршалов*», напрасно полагает, что они тогда не были еще изобретены. Апраксин в своей реляции императрице сам говорит о них: «Наша артиллерия, а особливо новоизобретенные генералом Фельдцейгмейстером, графом Шуваловым, по имени его Шуваловскими названные, гаубицы, такое притом имели действо, что заслуживая ему справедливую похвалу, не только не допустили стремящегося неприятеля ворваться в наши линии, но паче кавалерию его привели в крайнее замечание».

Несмотря на такое лестное для русских убеждение Фридриха, он все-таки почитал сражение выигранным, хотя Фермор удержал за собой поле битвы.

Пруссаки овладели 85 пушками, 11 знаменами и большей частью нашего обоза. Русскими отбито у них 26 орудий, 8 знамен и два штандарта. Русские генералы принимали лично усердное участие в битве. Фермор был ранен в ногу, Браун изрублен по голове, князь Любомирский и Панин сильно контужены, а графы Салтыков и Чернышев взяты в плен.

Берлинские и английские газеты с восторгом провозгласили знаменитую победу Фридриха. Фермор, со своей стороны, поздравлял Елизавету Петровну с новым торжеством русского оружия. «Одним словом, Всемилостивейшая Государыня, — говорит он в своей реляции, — неприятель побежден и ничем хвалиться не может!» В Берлине и в Петербурге праздновали победу при Цорндорфе в одно время. Фермор получил в награду Андреевскую ленту. «Неужели, мы в самом деле победили? — воскликнул после этого правдолюбивый Петр Иванович Панин. — Правда, мы остались властелинами поля сражения, но или мертвые, или раненные!»

Фридрих еще во время похода перехватил письмо Дауна к Фермору, в котором тот убеждал русского генерала «избегать битвы с хитрым противником и подождать, пока он кончит свое предприятие в Саксонии».

Теперь Фридрих поторопился известить Дауна о своей победе при Цорндорфе следующей запиской:

«Вы очень справедливо советовали генералу Фермору остерегаться хитрого противника, которого вы лучше знаете. Но он не послушался — и разбит!»

Простояв дна дня на поле сражения, русские отступили к Гросс-Камину, чтобы взять свой вагенбург, а оттуда — к Ландсбергу. Легкие прусские войска их тревожили. Сам же Фридрих, оставив корпус Левальда наблюдать за Фермором, возвратился к Кюстрину и оттуда поспешил в Саксонию, где

его присутствие было необходимо, а войско его пошло опять против шведов. В Кюстрине наши пленные генералы были помещены в подвалы, под крепостными стенами. На жалобы их комендант отвечал: «Господа! Вы так хорошо бомбардировали Кюстрин, что не оставили в нем ни одного дома для себя. Теперь не прогневайтесь! Чем богаты, тем и рады!»

Но через несколько дней они получили позволение отправиться в Берлин и явиться ко двору.

Фермор между тем ретировался в Померанию и отозвал корпус Румянцева, отправленный было против шведов. Недостаток в провианте заставил его осадить Кольберг, как выгодный для армии порт. Город не сдался: штурм русских был отбит. В конце октября русская армия, наконец, перешла через Вислу и вступила в Польшу на зимние квартиры.

Теперь представляется истории решить спорный вопрос: кто же остался победителем при Цорндорфе? Ответ прост: тот, кто достиг своей цели. Русские и шведы покушались проникнуть в самое сердце прусского королевства; Фридрих решил их остановить. На Цорндорфском поле жребий был брошен. Русские и шведы ретировались, Берлин остался нетронутым,

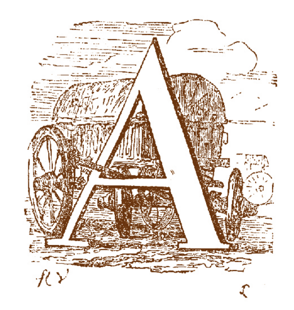
а Фридрих снова смог обратить все свои силы против главного врага — австрийцев. Стало быть, если Фридрих материально не выиграл битвы при Цорндорфе, то он, по крайней мере, воспользовался ее плодами. И в этом отношении ему принадлежит лавр победителя.

Елизавета Петровна очень хорошо поняла значение Цорндорфского дела. Она торжествовала победу, наградила графа Фермора, однако затем отозвала его от войска, назначив главнокомандующим графа Салтыкова.

Глава XXX. Конец кампании 1758 года. Гохкирх

встрийцы воспользовались отсутствием Фридриха. Даун, австрийский Фабий Медлитель, не видя перед собой *хитрого* противника, решил действовать наступательно. Он вошел в Лузацию и устроил там свои магазины. Отсюда он мог, смотря по надобности, вступить в Силезию или соединиться с имперской исполнительной армией, которая, укомплектовавшись на кантонир-квартирах во Франконии, теперь шла к саксонским границам. С другой стороны, он мог способствовать операциям русского войска. Для этого он отправил к берегам Эльбы корпус Лаудона, с намерением отрезать Фридриху коммуникации с этой рекой. Таким образом, он хотел предать его совершенно в руки Фермора и удержать в северных провинциях Пруссии.

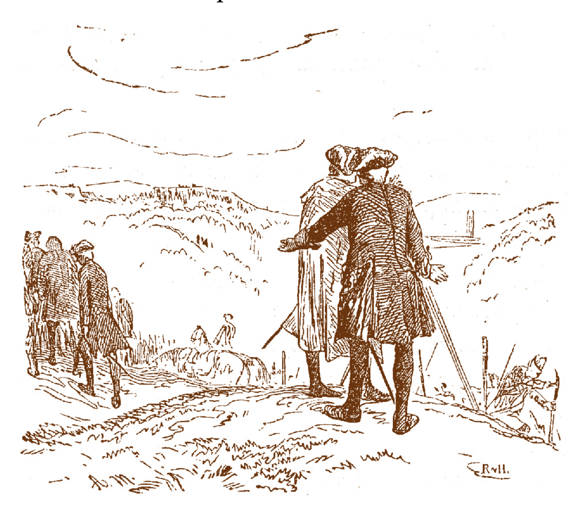
Саксонию прикрывал принц Генрих, брат Фридриха. При известии о приближении исполнительной армии, он употребил

все средства, чтобы задержать ее на походе. Прусские партизанские отряды не раз преграждали ей дорогу, но эти малые стычки не могли остановить огромного войска, которое вступило, наконец, в Саксонию. Генрих видел невозможность предпринять что-нибудь решительное. Он отодвинулся к Дрездену и занял укрепленный лагерь. Неприятельская армия стала лагерем под Пирной. Между тем маркграф Карл со своим корпусом последовал за движениями Дауна. Он стал напротив него в Силезии, чтобы прикрыть эту страну на случай покушений неприятеля проникнуть в нее из Лузации, а генерала Цитена с отборным войском отправил против Лаудона.

Видя, что Фермор своим содействием не подкрепляет общего предприятия, и что пруссаки приняли меры против всех его замыслов, Даун переменил план и решил обратить все силы на Саксонию. Быстро повел он войско к Дрездену. Цель его была — ударить на маленькую армию принца Генриха в тыл, между тем, как имперцы атакуют его с фронта. Генрих был в опасном положении, ловкими маневрами старался он избежать губительного удара. Тут пришла весть о победе Фридриха при Цорндорфе и о быстром походе его в Саксонию. Близкая помощь воодушевила пруссаков.

10 сентября король явился под Дрезден. Быстро соединил он армию маркграфа Карла и корпус Цитена с войсками своего брата. Лаудон также поспешил примкнуть к главной армии Дауна. Здесь, на небольшом пространстве двух миль, стояли четыре враждующие армии друг против друга, и каждой день должно было ожидать кровавой развязки. Фридрих горел нетерпением сразиться; нерешительный Даун избегал битвы. Как превосходный мастер вести оборонительную войну, он, тотчас по приближении Фридриха, занял неприступную позицию; лагерь имперцев при Пирне был также слишком надежен, чтобы ожидать нападений. Между тем время шло; Фридрих делал самые искусные маневры, неприятель оставался в засаде. Но держа, таким образом, все силы Фридриха в напряжении, Даун воспользовался беззащитным состоянием Силезии. Он отправил туда отдельный корпус, который обложил крепости Опельн и Нейсе. Фридрих видел, что тратит

напрасно время в Саксонии. Он решил идти в Силезию и выгнать оттуда австрийцев, а между тем, на походе, захватить главные магазины Дауна в Лузации. Авангард его дошел до Бауцена и овладел городом. Через несколько дней прибыл и сам Фридрих. Тут Даун понял угрожавшую ему опасность: армия его могла остаться без всякого продовольствия. Поспешно повел он свое войско по тому же направлению, по которому шел Фридрих, усиленными маршами успел его опередить и, наконец, став укрепленным лагерем, преградил ему путь в Силезию. Когда прусский король вывел войско из Бауцена и 10 октября пришел в деревню Гохкирх, он был крайне удивлен, видя перед собою всю австрийскую армию. Позиция Дауна была превосходна: войско его стояло на пригорках, опушенных у подошвы лесом, в виде тупого угла, стороны которого обхватывали деревню Гохкирх, лежащую посередине. Идти далее было невозможно, расположиться под Гохкирхом безрассудно. Но Фридрих не хотел осрамить себя отступлением в виду неприятельской армии и приказал разбить свой лагерь под Гохкирхом. Напрасно генералы представляли ему всю опасность такого положения, напрасно принц Мориц Дессауский умолял его отступить. Король настаивал на своем и даже отправил под арест генерал-квартирмейстера Марвица за то, что тот не решался разбивать походных палаток под неприятельскими выстрелами.

Лагерь был поставлен и защищен двумя сильными батареями. Главное неудобство лагеря состояло еще в том, что пруссаки из долины не могли видеть, что происходило в неприятельском стане, расположенном на высотах и за пригорками, и не смели пускаться на рекогносцировки, потому что прилески у подошвы гор были заняты пандурами и венграми.

Но Фридрих был до того уверен в робости и непредприимчивости Дауна, что не принимал даже никаких мер против внезапного нападения.

— Если Даун нас здесь не атакует, — сказал ему фельдмаршал Кейт, — то его стоит повесить!

— Поверь мне, — отвечал Фридрих, — он скорее пойдет на виселицу, чем на нас.

В этой уверенности еще более утвердили короля ложные донесения переметчика, подкупленного им в австрийской армии[46]. Так простояли пруссаки три дня. Австрийцы почитали их отвагу явным для себя оскорблением. В войске поднялся ропот, сами генералы стали громко поговаривать о нерешительности своего вождя. Это понудило Дауна приняться, наконец, за дело.

Фридрих поджидал только своих транспортов и решил на следующий день непременно отступить. 13 октября день был пасмурный; густые облака покрывали небо, и ночь преждевременно сгустила свой мрак. Прусские солдаты, после ужина, торопились поскорее согреться в своих палатках от пронзительного осеннего ветра. Король распустил свой штаб, и вскоре в прусском лагере все предалось покою. Глубокая тишина водворилась, одни часовые изредка перекликались. Совсем другую картину представлял стан австрийцев. На всем пространстве, занимаемом их войсками, пылали бивачные огни, раздавались

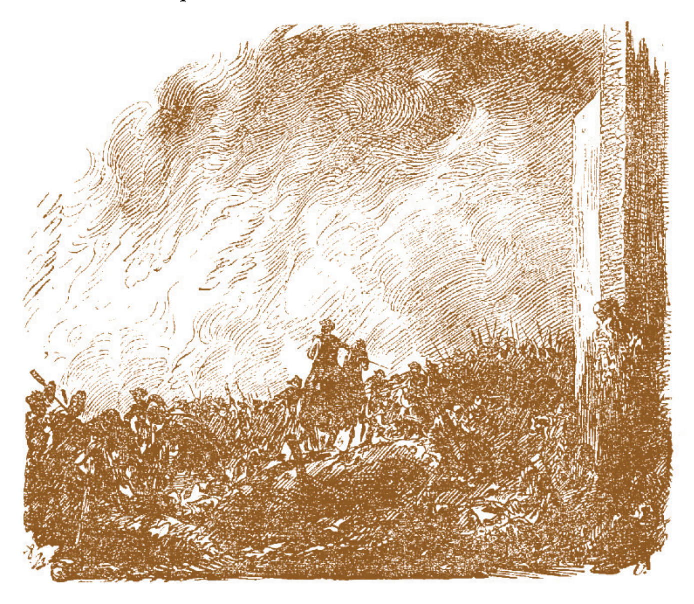
[46] Переметчик доставлял Фридриху сведения чрез продавца яиц. Он обыкновенно выпускал одно яйцо и в скорлупу клал записку, залепляя отверстие воском. Разносчик раз встретился с Дауном, который приказал ему всю корзину с яйцами отнести к себе на кухню. Таким образом, предательство открылось. Шпиону была обещана пощада, если он отправит к Фридриху ложные показания. С этих пор сам Даун диктовал ему записки и уверял в них короля, что австрийская армия готовится к ретираде в Богемию. Фридрих поверил и попал в ловушку. — См. «*Историю Семилетней войны*». Рецова.

песни, а под горами, в лесу, стучали топоры и слышался шум падающих деревьев, которые, по-видимому, срубали для костров. В два часа ночи Даун поднял свою армию, раздал приказания и пустился в обход пруссаков, скрывая от них свои движения под описанной выше декорацией беспечности и веселья. Корпус Лаудона был отправлен с вечера: он стал в тыл неприятеля. Предположено было напасть на правый фланг прусского лагеря, прикрытый деревней Гохкирх. Впереди шел авангард, состоявший из 36 эскадронов конницы и четырех батальонов пехоты. Даун сам вел остальную пехоту. Для наблюдения за левым флангом пруссаков был оставлен герцог Армбергский с отдельным корпусом. Ему было предписано преследовать неприятеля, когда он будет разбит на всех пунктах.

В темноте ночной австрийцы крались, как воры. Конница спешилась и вела лошадей в поводу. Солдаты спускались с гор почти ползком, чтобы шумом оружия не открыть своего приближения. В прилесках были наперед прорублены широкие дороги. Между тем на высотах по-прежнему белели палатки, сверкали огни и разносились песни. На гохкирхской колокольне пробило пять часов. К передовым прусским постам начали являться австрийцы, называя себя дезертирами. Число их ежеминутно возрастало. Наконец, они толпой бросились на аванпосты, и началась перестрелка. В то же время Лаудон с тыла ворвался в лагерь и, в знак начала дела, велел зажечь деревню. Австрийский авангард пошел в атаку с фронта. Барабаны забили тревогу. Пруссаки вскакивали, хватались за оружие, выбегали из палаток босиком и без ранцев. Австрийцы овладели батареей перед Гохкирхом и, обратив орудия на пруссаков, стали будить их картечью. Некоторые проснулись только для того, чтобы под предательским штыком ночных убийц снова уснуть сном вечным.

Тут только превосходная дисциплина прусских войск явилась во всем блеске: через десять минут вся армия стояла под ружьем и храбро отражала напор неприятеля. Но было так темно, что пруссаки не могли узнать, где главная сила неприятеля, и потому дрались отдельными кучками. Солдаты хватали друг друга за

головы, чтобы ощупью отличить неприятеля от своего. Пруссаки узнавали своих противников по меховым шапкам, австрийцы пруссаков — по медным киверам. Главное нападение было устроено на Гохкирх. Когда деревня запылала, занимавший ее прусский батальон ретировался на кладбище и, отважно преградив неприятелю дорогу, встретил его беглым огнем. В то же время Цитен с гусарами ударил во фланг пехоте, ворвался в ряды и начал ее страшно рубить. Целая неприятельская линия была опрокинута, гренадеры почти все легли на месте. Даун выставил семь новых пехотных полков против этой небольшой горсти пруссаков. Расстреляв свои патроны, мужественный батальон вышел из-за плетней кладбища и ударил в штыки. Но что мог он сделать против такого многочисленного врага? Весь батальон, начиная с храброго своего майора Ланге до последнего солдата, пал на поле битвы. Австрийцы овладели кладбищем и деревней.

Зарево пожара осветило несколько окрестность, и прусские генералы могли предпринять что-нибудь верное. Надлежало выгнать неприятеля из занятой им позиции. Фельдмаршал Кейт с шестью батальонами успел отнять у австрийцев батарею и

потеснил их назад. Но его окружили, солдаты проложили себе обратный путь штыками, а вождь их пал, пораженный пулей в грудь[47]. Герцог Франц Брауншвейгский последовал примеру

[47] Джемс Кейт (Яков Вильмович) родом шотландец. Гонимый за свои политические убеждения, он оставил отчизну и вступил в испанскую службу. В 1728 году прибыл он с испанским посланником Герцогом Делирия к русскому двору. Петр II принял его в нашу службу с чином генерал-майора, При Анне Иоанновне Кейт участвовал в походе Ласси на Рейн (1735), и командовал отдельным корпусом. В 1737 году ходил с Минихом против Турок, лично водил солдат на приступ Очакова, ранен в правую ногу и возвратился с чином генерал-поручика. Для пользования от раны уволен в отпуск во Францию (в Монпелье). По возвращении оттуда, в исходе 1739 года, назначен Гетманом Малороссии, жил в Глухове, где за честность, прямодушный нрав, умное и справедливое управление краем был любим народом до обожания. Правительница Анна Леопольдовна отозвала Кейта в Петербург для участия в войне против Шведов (1741). Здесь он помог Ласси разбить шведских полководцев Врангеля и Левенгаупта. В 1743 г. Кейт с нашим флотом ходил к берегам Швеции и в Стокгольме, в качестве полномочного министра русского двора, много способствовал к скорейшему и выгоднейшему заключению Абовского мира. Императрица Елизавета назначила Кейта генерал-губернатором Ревеля и Риги, и пожаловала его Андреевских кавалером. Но Кейт не мог поладить с Бестужевым-Рюминым, и, не желая претерпевать неприятностей от него и друга его Апраксина, вышел в отставку. После двадцатилетней службы русскому престолу, Кейт вступил в войска Фридриха Великого, который его тотчас же пожаловал Фельдмаршалом, а потом берлинским генерал-губернатором. Кейт был одним из задушевных друзей Фридриха, и король часто слушался его советов. Когда, пред началом Семилетней войны, за столом Фридриха зашла речь о будущих его неприятелях, Кейт с жаром говорил о храбрости и воинских доблестях русских. «Помилуй!» — прервал его король: «это дикие орды, которые могут тягаться только с такими же дикарями, с турками; но никогда не устоят против правильных действий хорошо устроенной армии». — «Дай Бог!» — отвечал Кейт, — «чтоб ваше величество не переменили мнения, когда короче познакомитесь с этими дикарями!» — После Гросс-Егерсдорфской битвы и при Цоридорфе, Фридрих вспомнил Кейта. Нащокин в своих «*Записках*» говорит о Кейте: «Он был храбр без горячности, неустрашим при самом военном случае, герой без стройности, и перемены в нем приметить было не можно; правосуден с разумным рассмотрением; *учтивые* его подчиненным за преступления ***выговоры*** так приводили в страх и в исправление, что он великое счастье в том имел; его любили подкомандующие, как отца. Он жизнь препровождал не скупо, но всегда с умеренностью; *доходы его были почти одни, что получал жалованье*; чего ему иногда не доставало, кредит имел брать в долг, и, получая, со всеми *заплату скорую производил*. Весьма был не сребролюбив. *Честных людей*, которые в службе ревностны к своим должностям, без *особливого в нем искания*, любил; равным образом любил ***таких*** и чинами награждать. В компаниях, его тихость с

Кейта и пал так же, как и он: ядро размозжило ему голову. Принц Мориц Дессауский разделил участь этих двух храбрых генералов, дрался так же мужественно, как они, был смертельно ранен в грудь и отнесен за фронт. Сейдлиц, во главе кирасир, летал из одного конца в другой, дрался как отчаянный, но и его усилия не помогли: австрийцы все выдвигали новые полки и с новой силой нападали. Наконец, под градом картечи Фридрих сам повел свежие войска в дело. Лошадь под ним была убита, он проворно пересел на другую и не вышел из битвы, пока неприятель не побежал. Однако австрийская кавалерия уничтожила этот новый успех, а пехота ее двинулась вперед свежими массами.

День проснулся, но густой туман заменял мрак ночи. Битва продолжалась наудачу. К девяти часам туман упал, и солнце озарило печальную картину разрушения. Фридрих теперь только с возвышения смог обозреть поле битвы, устланное жертвами кровавой ночи. Оба войска были в величайшем расстройстве. В зрительную трубу наблюдал он за распоряжениями Дауна, стараясь угадать его намерения. Австрийская артиллерия навела на него свои орудия, и ядра засвистели. Одно ядро упало возле самого короля и обрызгало его землей и пылью. Испуганная лошадь бросилась в сторону. В нетерпении начал он ее бить палкой до тех пор, пока она не стала на прежнее место. Новое ядро опять ее испугало. Тогда адъютанты стали умолять короля, чтобы он оставил это опасное место. «Вы видите, — сказал он им с усмешкой, — опасность везде одинакова: ядра летят и вправо, и влево. Я могу быть убит и здесь, и там, но позади моей армии я бесполезен». Обозрев неприятеля, Фридрих увидел, что герцог Армбергский обходит его левое крыло. Тотчас собрал он войско, построил его в новые

приятной веселостью, всеми была любима». — Фридрих в своих сочинениях подтверждает слова Нащокина. «Кейт» — говорит он, — «был кроток в обращении, имел характер, был добродетелен, ревностен в службе и с величайшей тонкостью ума соединял геройское мужество в день битвы».

Труп Кейта найден между убитыми на Гохкирхском поле. Даун похоронил его с величайшими почестями. Фридрих почтил Фельдмаршала памятником на Вильгельмовской площади в Берлине.

линии и, примкнув свое правое крыло к местечку Дреза, приказал майору Меллендорфу занять и отстаивать высоты, защищающие Дрезу. Но король не мог не вполне развернуть свою армию, ни привести в исполнение лучшие свои соображения, Поле действия было слишком тесно, а местность самая неблагоприятная. Снова неприятель двинулся на него с фронта и в тыл: кровь лилась ручьями. Фридрих, видя, что выиграть сражение нельзя, и не желая долее подвергать своих людей опасности, искусными маневрами начал ретироваться. Австрийцы сами были до того расстроены, что не тревожили его отступления, которое успешно прикрывала часть прусской конницы и артиллерии.

Так отошел он на три мили и стал лагерем на Шпицбергенских горах, в стороне от Бауцена. Солдаты должны были расположиться на земле, как могли, потому что палатки и почти весь обоз были у них отняты.

В Гохкирхской битве пруссаки потеряли 9000 человек убитыми и ранеными, 101 пушку, 28 знамен, два штандарта, весь свой лагерь и большую часть тяжестей. Австрийцы лишились 7000 человек. Но Фридрих казался спокойным и даже веселым. Солдаты его также не потеряли бодрости, они думали только об отмщении.

— Куда вы девали свои пушки? — шутя, спросил король у своих канониров.

— Черт их взял ночью! — отвечали артиллеристы.

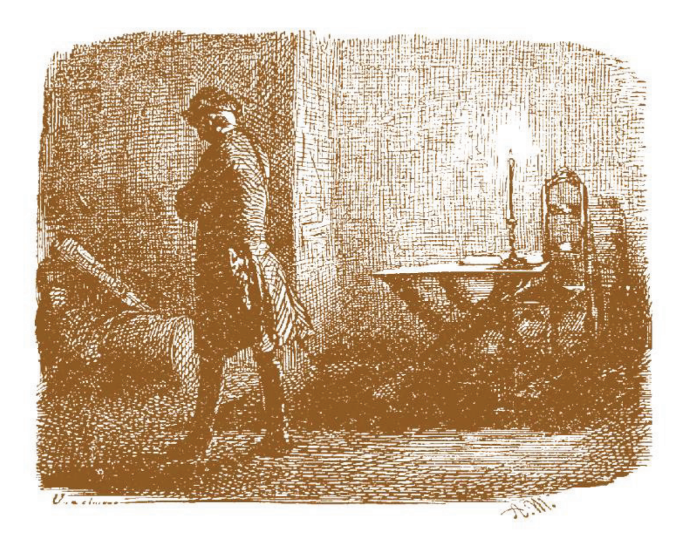
— А мы их у него отнимем днем! — продолжал Фридрих.

— Разумеется, отнимем! — подхватили солдаты.

— Вы и сегодня славно дрались, дети! Но что же делать, когда неприятель похитил у нас победу воровским образом, ночью! Генерал Даун сыграл с нами преглупую шутку, но спасибо и за то, что он нас отпустил и не дал мат королю! Теперь игра еще не потеряна: мы отдохнем денька два-три, да и полетим в Силезию выручать Нейсе! Не так ли, дети? Хотите?

— Все с тобой, Фриц[48]! Все с тобой! — закричали солдаты и безропотно принялись за свою черствую корку хлеба.

Но Фридрих смеялся сквозь слезы. Потеря стольких полезных генералов, и особенно потеря Кейта, глубоко взволновала его душу. К этому присоединилась новая скорбь: он получил известие о кончине любимой сестры своей, маркграфини Байрейтской. Эту женщину, после матери, любил он больше всех на свете. Она страдала вместе с ним в детстве, разделяла все его радости в жизни. Она одна умела понимать его великую душу и внушать ему твердость в тяжкие минуты грусти и отчаяния. Несколько дней король был неутешен и, по обыкновению, изливал свои чувства на бумагу.

[48] *Фриц* — уменьшительное от *Фридриха.* Солдаты всегда так звали короля.

Но напоследок энергия его пробудилась с новой силой. Еще в том же году решил он употребить все средства, чтобы очистить свое государство от всех неприятелей.

Совсем не то было у австрийцев. Предоставив неприятелю свободную ретираду, Даун поспешил привести полки свои в порядок, снова возвратился в засаду и еще надежнее укрепил лагерь, как будто сам был испуган своей победой. Тотчас начал он изготовлять депеши с радостной вестью к императрице-королеве и ко всем союзным державам. Мария-Терезия была в восторге. Гохкирхская победа была одержана в день ее именин. «Лучшего поздравительного букета вы не могли прислать мне!» [49] — писала она к Дауну и благодарила его за успех в самых лестных выражениях. Императрица Елизавета прислала ему золотую шпагу, осыпанную бриллиантами. В Вене воздвигли в честь его колонну, а австрийские провинции поднесли ему 300 000 гульденов для уплаты долгов и на выкуп заложенного имения. Даже Климент XIII, который за несколько месяцев только вступил на папский престол, остался неравнодушным к успеху Австрии. Он отправил к Дауну освященный берет из красного бархата с горностаем и благословенную шпагу.

«Любезный сын во Христе! — писал святейший отец. — С глубоким чувством удовольствия узнали мы о твоих геройских подвигах над еретиками. Как отче и глава единой, душеспасительной церкви и всех истинно-верующих, решил я подкрепить твою храбрость силой нашего апостолического благословения. Вручаю тебе сей священный меч: да вечно дымится десница твоя кровью отступников. Положи

[49] В Католических землях существует обычай дарить именинницам цветы.

секиру к коренью сего поганого древа, которое принесло в мир плоды проклятия, и, по спасительному примеру святого и великого Карла, окрести северную Германию мечом, огнем и кровью — в веру истинную и присносущую. Велика будет радость всех верующих на земле и св. угодников Божиих на небеси, когда ты, мощью карающего меча и силой креста животворящего, возвратишь сие стадо заблудших в лоно истинной матери-церкви. Да будут над тобою покров пресвятой девы Марии-Цельской и молитвы св. Непомука отныне и до века!»

Этим воззванием, напечатанным во всех тогдашних газетах, папа хотел возобновить фанатизм средних веков и воодушевить католиков к новому крестовому походу против протестантов. Но времена изменились. Поступок папы только раздражил протестантские нации, а Пруссии прямо указал на высокую миссию: быть отныне главой и покровительницей реформатов.

Убаюканный наградами и похвалами, Даун праздновал свою победу в лагере и в упоении славы думал, что отнял у Фридриха все средства к продолжению войны. Поэтому он писал генералу Гаршу: «Приступайте смело к осаде Нейсе: со стороны прусского короля теперь уже бояться нечего». А Фридрих между тем не дремал: он переместил корпуса графа Доны и генерала Веделя из Померании в Саксонию, а брата своего Генриха вызвал к своей армии. Генрих привез с собой необходимое количество полевых запасов. В ночь на 24 октября Фридрих тихо выступил из лагеря, обогнул стан Дауна и благополучно привел свою армию в Герлиц.

Вся Европа ожидала блестящих последствий Гохкирхской битвы. Погибель Фридриха была предрешена, Даун в ней не сомневался. И вдруг все изменилось: прусский король является в Силезии, несмотря на то, что все пути преграждены неприятелем; при одном его появлении генерал Гарш оставляет осаду Нейсе; в две недели вся Верхняя Силезия очищена от австрийцев и — погибавший герой опять торжествует. Такой неожиданный оборот дела заставил Дауна опамятоваться. В досаде на свой промах он хотел, по крайней мере, освободить Саксонию. Он приказал имперской армии атаковать пруссаков, которые укрепились на Эльбе, а сам намерен был

ударить на них в тыл. Но это не удалось. Граф Дона прогнал имперцев от Лейпцига, а Ведель вытеснил Гаддика из Торгау. Тогда Даун пошел прямо на Дрезден. Но когда он расположился к правильной осаде города, комендант Шметау послал ему сказать, что сожжет все предместья, даже весь город, и будет защищаться на улицах, до самого дворца. Если же и это не поможет, то, наконец, взорвет дворец со всем гарнизоном и с семейством польского короля, но города не сдаст.

— Это неслыханное насилие! — воскликнул раздраженный Даун.

— Что делать! — отвечал посланный. — Комендант исполняет приказания короля.

— Но он будет отвечать за нарушение народных прав!

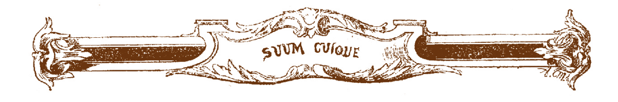
— Оправданием ему послужит, что вы принудили его на такую меру. Его величество, король польский, союзник Австрии: если столица его погибнет от осады австрийцев — Пруссия не виновата!

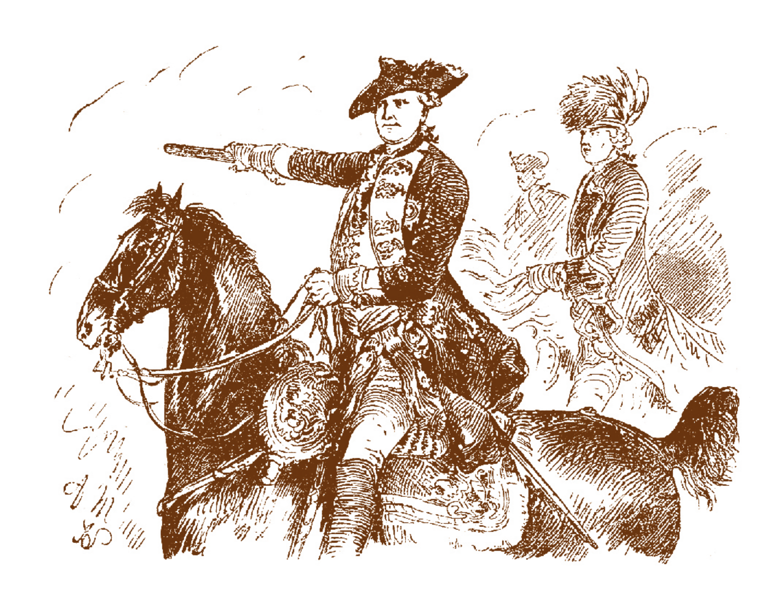
Даун не обратил на это внимания и продолжал свои наступательные действия. Тогда Шметау действительно зажег одно из лучших и богатейших предместий. Королевские увеселительные дворцы и палаты его вельмож рассыпались в прах на глазах Дауна. Кроме того, во все дома были снесены горючие материалы, а под главный дворец подведены пороховые мины. Народ с ужасом забирал из жилищ свои драгоценности и спешил с воплем из города. Такие решительные меры коменданта, а более известие о приближении прусского короля, заставили Дауна оставить свое предприятие и ретироваться в Богемию. Имперская армия отправилась обратно во Франконию. Фридрих, прибыв в Дрезден, не нашел уже в Саксонии и следа неприятельского. Теперь он отправил снова Веделя и Дону в Померанию, против шведов. Вскоре шведский генерал Гамильтон был разбит, потерял почти всю свою артиллерию и был преследуем до самого Стральзунда.

Между тем герцог Фердинанд Брауншвейгский неусыпно действовал против французов, на Рейне. После Крефельдской

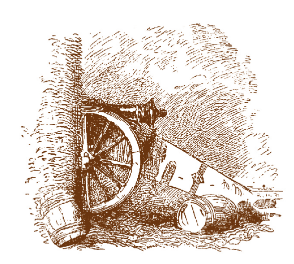
битвы Клермон был заменен опытным генералом Контадом, которому министр Бельиль дал предписание «проникнуть в Ганновер и Вестфалию и превратить обе провинции в степи». Несмотря на то, что Фердинанд должен был прикрывать высадку англичан и удержать переправу свою на Рейне, он успел овладеть Брабантом и Люттихом и после мастерской ретирады защитил Нижнюю Саксонию. Но Субиз все-таки проник в Гессенскую провинцию и с помощью саксонцев буквально исполнил в ней предписание своего министра.

Так кончился третий год войны, богатый кровавыми битвами и блистательными подвигами! Фридрих снова мог вздохнуть свободнее: земли его были очищены от неприятелей, и сам он уцелел среди их грозных ополчений! Но тучи еще не рассеялись над его головой, и с новой весной громы битв опять должны были огласить встревоженную Европу.

Глава XXXI. Кампания 1759 года. Кунерсдорф

До сих пор Фридрих вел войну наступательную. Он держался правила: «не давать неприятелю опомниться и предупреждать его действия». Теперь, когда силы его были значительно истощены, а энергия врагов от его упорства усилилась, он решился принять систему оборонительную и, защищая свои земли, уничтожать замыслы противников. Поэтому до самого лета мы видим его в бездействии. Он спокойно выжидал решительных предприятий со стороны Австрии и России.

В 1759 году, как и в предшествовавшем, кампания была открыта герцогом Фердинандом Брауншвейгским. Французы, предводительствуемые Субизом, еще зимой овладели предательски Франкфуртом-на-Майне, несмотря на то, что этот город принадлежал к имперскому союзу и, следовательно, должен был оставаться неприкосновенным. Обладание Франкфуртом открыло французам сообщение с имперской и австрийской армиями и, сверх того, обеспечивало подвоз

провианта и полевых припасов из главного лагеря Контада. Фердинанд должен был употребить все усилия, чтобы отнять у них этот важный пункт. 13 апреля при Бергене, близ Франкфурта, произошла битва, но французы, у которых главное начальство вместо Субиза принял граф Броглио, держались крепко на своей позиции. Фердинанд вынужден был отступить к Везеру. Тогда обе французские армии вошли опять в Германию и быстро овладели Касселем, Мюнстером и Минденом. Но тут Фердинанд остановил их успехи. В первый день августа он разбил армию Контада при Миндене, а племянник его, наследный принц Брауншвейгский, в то же время поразил отряд французов при городке Веттере. В Минденском деле вся французская армия погибла бы непременно, если бы английский генерал Саквил, подкупленный французским правительством, не изменил своим союзникам[50]. К победе при Миндене присоединилось еще несколько удачных операций Фердинанда, так что к концу года французы должны были отказаться от всех своих счастливых завоеваний. Герцог Виртембергский был также в числе врагов Фридриха. За деньги он выставил французам десять тысяч солдат и предводительствовал ими сам, состоя на жалованье под знаменами Броглио. К концу года он занимал с войском город Фульду. В первых числах декабря герцог давал великолепный бал. Вдруг танцевальная музыка была прекращена сильной перестрелкой и стуком оружия на улицах. Все остолбенели. Наследный принц Брауншвейгский с гусарами и драгунами овладел городом. Большая часть гарнизона была порублена, 1200 человек взяты в плен, остальные разбежались, побросав оружие. Сам герцог едва успел спастись. Дамы вынуждены были окончить бал с прусскими кавалерами. Они меньше всех приходили в отчаяние от несчастья, постигшего город. Тем и кончилась южная кампания. Настоящее же дело с главными неприятелями Фридриха началось потом.

[50] В этой битве французы немногими своими успехами были обязаны особенной храбрости саксонских полков, состоявших у них на службе. Саксонцы здесь в первый раз не оправдали изречения Петра Великого, который, в 1700 году, сказал Огильвию: «На саксонцев плоха надежда, если и придут, то снова обратятся в бегство, оставляя союзников на гибель».

В Семилетней войне все движения армий были сопряжены с большими переходами. Система устроения магазинов играла важную роль в каждом предприятии: прежде, чем армия могла действовать, она должна была обезопасить себя со стороны продовольствия. Магазины показывали точку, с которой неприятель намерен был начать свои операции, и давали противнику средства предугадывать его намерения. На систему магазинов своих противников Фридрих обратил особенное внимание. Прежде, чем враги его двинутся с места, он хотел отнять у них все способы к содержанию войск и таким образом замедлить их предприятия. В феврале он послал корпус в Польшу, где по берегам Варты находились главные магазины русских. Пруссакам удалось истребить трехмесячный запас на 50 000 человек. Кроме того, они захватили пана Сулковского, главного поставщика провианта русской армии. Такая же экспедиция была предпринята в Моравию; она не удалась, но представила Фридриху другие выгоды. Даун полагал, что пруссаки намерены вторгнуться в Моравию и сосредоточил тут главные свои силы. Этим он обнажил богемские границы со стороны Саксонии. Принц Генрих воспользовался случаем и послал несколько корпусов в Богемию, где они в пять дней уничтожили все австрийские магазины. Сам же принц пошел со своей армией во Франконию против имперцев, которые были расположены отрядами между Бамбергом и Гофом. При появлении прусских колонн имперцы оставляли свои кантонир-квартиры и обращались в бегство. Только у Нюрнберга имперская армия опять соединилась и перевела дух. Пруссаки овладели всеми ее магазинами, обозами, взяли много пленных и собрали значительную контрибуцию с франконских городов. Но Саксония, к границам которой Даун двинул уже несколько войск, имела нужду в защите. Потому принц Генрих оставил имперцев и поспешил назад. Эта экспедиция была совершена в мае месяце.

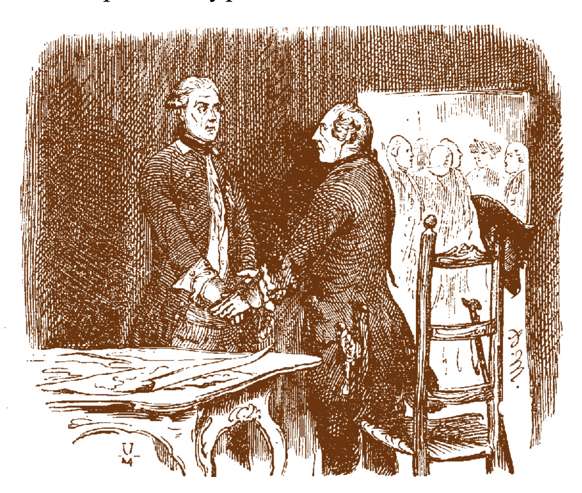
Фридрих в это время неподвижно стоял у Ландсгута, напротив Дауновой армии, которая занимала укрепленный лагерь в Богемии, и сторожил каждое ее движение. Даун ждал

предприятий со стороны русских, потому что условился с Салтыковым действовать общими силами. В последних числах апреля русские перешли через Вислу и снова устроили свои магазины. Фридрих отправил против них корпус графа Доны, стоявший в Померании, с предписанием атаковать отдельные колонны русской армии во время ее похода. Но Дона не успел в этом предприятии. Осторожный и распорядительный граф Петр Семенович Салтыков сумел упреждать каждое его движение и, наконец, соединил свою армию. Дона не мог решиться на битву с таким сильным войском и удовольствовался одними контрмаршами и нападениями на мелкие отряды и магазины русских. Между тем Салтыков все шел вперед и приблизился уже к Одеру. Фридрих, недовольный действиями Доны, вздумал заменить его вождем более отважным и предприимчивым. Он выбрал Веделя, младшего из своих генералов. Чтобы не обидеть старших, он наименовал его *диктатором* армии. «С этой минуты, — сказал ему король, — ты представляешь при войске мое лицо; каждое твое приказание должно быть исполняемо, как мое собственное. Полагаюсь на тебя вполне! Действуй, как в Лейтенском деле: атакуй русских, где бы их ни встретил, разбей наголову и не дай соединиться с австрийцами — большего я от тебя не требую».

Но Ведель не оправдал доверенности короля. Он слишком буквально хотел исполнить его поручение и дорого за это поплатился. Он встретил русскую армию при местечке Пальциге, в десяти верстах от города Целлихау. Несмотря на превосходство ее позиции и на значительные силы, он напал на русских 12 июля. Болотистая местность не позволяла ему действовать правильными линиями. Он должен был проводить свои войска по узким дефилеям маленькими отрядами. Сначала ему удалось было привести нашу армию в расстройство своим быстрым нападением, но против многочисленной нашей артиллерии не устояли ни испытанная отвага прусских солдат, ни личная храбрость самого диктатора. Ведель был разбит наголову, солдаты его рассыпались, частью затоптаны в болота, частью легли на месте. Пять раз пруссаки возобновляли

атаку и пять раз были отбиты со значительным уроном. Русскими было добыто 1200 пленных, 14 пушек, 4 знамени и 3 штандарта. На поле битвы найдено до 5000 убитых пруссаков, тогда как урон нашей стороны простирался только до 900 убитыми и 3500 ранеными. В этой битве погиб наш храбрый генерал Демику, который так отличился в Цорндорфском сражении. Уничтожение корпуса Веделя дало русским средства подойти к Кроссену, где к ним присоединился 18 000 австрийский корпус, под командой Лаудона. Теперь перед ними дорога к Берлину была совершенно открыта.

Известие об этом поразило Фридриха. Но он хотел испытать последнее, решительное усилие. Написав духовное завещание, в котором назначал племянника своего наследником престола, он вызвал в свой лагерь принца Генриха, сдал ему команду над войсками, назначил его опекуном наследника и взял с него клятвенное обещание — никогда не заключать мира, постыдного для Бранденбургского дома.

«Победить или умереть!» — вот девиз, который он себе выбрал, когда собрал на берегах Одера до 40 000 войска и начал переправлять его через реку.

Русская армия, вместе с корпусом Лаудона, состояла из 70 000 человек. Салтыков, поджидая присоединения второго австрийского корпуса, под командой Гаддика, стоял в укреп-

ленном лагере на высотах при Франкфурте. При известии о приближении прусской армии он даже не почел за нужное переменить свою позицию, несмотря на то, что Фридрих подходил к нему в тыл тремя колоннами. Он только учредил сообщение между своими флангами посредством ретраншемента, который прикрывал фронт всей армии. Правое наше крыло простиралось до самого Одера и стояло на так называемых Жидовских горах. Им командовал граф Фермор. Левое занимало Мельничьи горы до склона их к долине, покрытой пашнями и болотами; оно находилось под начальством князя Александра Михайловича Голицына. Центром командовал граф Румянцев, а авангардом — генерал-поручик Вильбоа. Лаудон со своим корпусом стоял позади правого крыла. Левое было прикрыто деревней Кунерсдорф. Все возвышения были защищены очень сильной артиллерией.

1 августа Фридрих стал против нашей армии. Необыкновенная деятельность и беспрерывные движения в его войсках показывали, что он хочет атаковать русских со всех сторон. Но сам он в это время, расспросив приведенных к нему переметчиков, высматривал нашу позицию и выбирал точку, с которой было бы удобнее начать атаку, советуясь о том со своими генералами.

В девять часов утра пруссаки установили две батареи на горе, прямо во фланг нашему левому крылу, в то же время часть конницы и пехоты вошли в лощину и начали атаку, при сильном перекрестном огне. Невзирая на сильный огонь, пруссаки взобрались между виноградниками на возвышение, заняли наши укрепления и потеснили левое крыло. Фридрих выдвигал им на подмогу новые колонны. Салтыков отрядил генерала Панина на подкрепление своих. Но пруссаков не могла удержать примерная храбрость наших солдат: они овладели возвышением и бросились в штыки на русские батареи. Левое крыло наше было совершенно расстроено и обратилось в бегство. Более ста орудий и несколько тысяч пленных достались в руки пруссаков, Фридрих торжествовал; он не сомневался более в окончательном успехе и отправил даже гонцов в Берлин и в Силезию с радостной вестью о победе. Пехота очистила ему поле действия; теперь оставалось коннице и артиллерии довершить начатое. Но кавалерия его находилась на другом конце, против правого русского крыла. Она не могла поспеть вовремя, потому что должна была дефилировать и делать большие обходы между прудами и болотами. Пушки также могли быть перевезены только с большим затруднением. Салтыков воспользовался этим и открыл по пруссакам сильный огонь из 80 орудий. В то же время Румянцев и Лаудон ударили с нашей и австрийской конницей во фланги прусских эскадронов и опрокинули их, а князь Любомирский, с полками Вологодским, Псковским и Апшеронским, и князь Волконский, с первым Гренадерским и Азовским, привели в беспорядок прусскую пехоту. Даже личная храбрость Сейдлица не помогла против этого ловкого нападения: пруссаки расстроились и разбежались. Но все еще выгоды битвы были на стороне Фридриха. Русское войско, совершенно расстроенное, сосредоточилось в последнем своем ретраншементе, защищаемом пятьюдесятью орудиями. Можно было полагать, что русские после своего огромного урона за ночь отступят, и полная победа останется на стороне Фридриха. Но король этим не довольствовался. Он хотел испытать свое счастье до конца и совершенно истребить русскую армию.

Многие генералы и преимущественно Сейдлиц старались отклонить короля от намерения продолжать битву; он уже колебался, но в это время подъехал один из старых генералов. Фридрих спросил его мнение; из угодливости тот присоветовал идти вперед — и битва снова закипела.

Главный успех теперь зависел от овладения горой Шпицберг, которая командовала над довольно обширным пространством, была занята лучшими русскими и австрийскими полками и защищена надежной артиллерией. Пруссаки полезли на крутой обрыв Шпицберга; в них брызнули картечью, и рвы шпицбергенские наполнились трупами, которых тут же засыпало землей. Несколько раз они возобновляли свои покушения, и каждый раз страшная могила наполнялась новыми жертвами. Наконец, сама природа их обезоружила: пятнадцать часов прусское войско находилось в форсированных маршах, девять часов длилась уже битва, жаркий день, голод, жажда и беспрерывные усилия истощили последние их силы. Солдаты роняли ружья и в совершенном изнеможении падали на месте. В то же время покушения пруссаков на другие высоты были также счастливо отбиты. Фридрих постарался провести одну свою колонну позади нашей второй линии, чтобы тем поставить русских между двух огней, но и это не удалось. Генерал-майор Берг встретил ее штыками и шуваловскими гаубицами и потеснил назад,

а Вильбоа и князь Долгорукий, ударив пруссакам во фланг, обратили их в бегство и взяли обратно не только все наши пушки, но и множество неприятельских.

Фридрих употребил последнее средство: он приказал Сейдлицу атаковать высоты. Но огонь русских батарей действовал слишком опустошительно. Прусская конница расстроилась и прежде, чем смогла прийти в порядок, Лаудон с австрийскими гусарами и генерал-майор Тотлебен с нашими легкими войсками ударили на нее в тыл и во фланг. Сейдлиц был тяжело ранен. Пруссаки обратились в бегство, несмотря на увещания и просьбы Фридриха. Король, остановившись в самом жестоком огне, приходил в совершенное отчаяние и громко восклицал: «Неужели для меня здесь нет ни одного ядра!» Под ним были убиты две лошади, мундир его был прострелен в нескольких местах, возле него пали три адъютанта, но он не оставлял поля битвы. Наконец, ядро поразило его лошадь в грудь, она опрокинулась навзничь и непременно придавила бы своим трупом короля, если бы адъютант и гренадер, стоявшие возле, не подхватили его в самую минуту падения. В то же время ружейная пуля ударила Фридриха в левый бок; по счастью, сила ее была остановлена золотой готовальней, которую король носил в кармане. Тогда офицеры приступили к нему с просьбами, чтобы он оставил свой опасный пост. «Когда все бегут, я один останусь на месте», — отвечал он с диким отчаянием, вонзив шпагу свою в землю. Наконец, неистовые крики преследующего неприятеля обратили в бегство и последнюю треть храбрых пруссаков. Между ними был небольшой отряд гусар ротмистра Притвица; за ним гнались казаки, «Господин ротмистр! — закричал один из гусаров. — Взгляните — это наш король!» Весь отряд кинулся на пригорок. На нем стоял Фридрих, один, без свиты, сложив на груди руки, и с немым бесчувствием смотрел на гибель своего славного войска. Притвиц почти силой усадил его на коня, гусары схватили лошадь за поводья и увлекли за собой. Но казаки их уже настигли, и король наверное был бы убит или взят в плен, если бы Притвиц удачным выстрелом из пистолета не сразил офицера, который предводитель-

ствовал казачьим отрядом. Падение его на несколько минут остановило преследователей, и пруссаки успели ускакать.

Фридрих совершенно потерялся; вся бодрость духа, вся энергия его исчезли. «Притвиц! Я погиб!» — восклицал он беспрестанно дорогой, и едва отряд ушел от преследования, он написал карандашом записку к своему министру Финкенштейну в Берлин: «Все пропало! Спасите королевскую фамилию! Прощайте навеки!»

Поздно вечером прибыл он в небольшую деревушку на Одере. Отсюда был отправлен новый гонец к Финкенштейну.

«Из 40 000 человек, — писал ему король, — у меня осталось только 3000. Я не могу более располагать войском. Подумайте о безопасности Берлина. Я не переживу моего несчастья. Последствия битвы хуже, чем сама битва. Средства мои истощены. Признаюсь откровенно: все пропало. Но я не буду свидетелем погибели моего отечества. Прощайте навсегда!»

Тут же было написано предписание генералу Финку, которому король сдавал команду над остатками своей несчастной армии:

«Генералу Финку предстоит трудное поручение. Я передаю ему армию, которая не в силах более бороться с русскими. Гаддик за ним, а Лаудон впереди, ибо он, вероятно, пойдет на Берлин. Если

генерал Финк двинется за Лаудоном — Салтыков нападет на него с тыла; если он останется на Одере, то будет подавлен Гаддиком. Во всяком случае, я думаю, лучше напасть на Лаудона. Успех такого предприятия мог бы остановить наши неудачи и замедлить ход дела, а выигрыш времени очень много значит в таких обстоятельствах. Секретарь мой, Керер, будет присылать генералу газеты из Торгау и Дрездена. Генерал Финк должен обо всем извещать моего брата, которого я наименовал генералиссимусом армии. Совершенно поправить наше несчастье невозможно, но все приказания моего брата должны быть исполняемы беспрекословно. Армия присягает моему племяннику, Фридриху-Вильгельму. Вот последняя моя воля. В бедственном моем положении я могу только подать совет; но если бы имел хоть какие-нибудь средства, то не покинул бы мир и войско».

Фридрих[51]

Фридрих заночевал в полуразвалившемся крестьянском шалаше. Не раздеваясь, бросился он на пук соломы, а адъютанты расположились в ногах его, на голом полу.

Всю ночь прометался он на своем ложе в страшном волнении — состояние души его было ужасно. Утром приближенные едва его узнали, до того изменились все его черты. Отрывистые, бессвязные, почти бессознательные речи показывали, что он близок к помешательству. Один из офицеров донес, что привезли несколько спасенных орудий. «Ты лжешь! — закричал на него Фридрих с бешенством. — У меня нет более пушек!» Почти так же принял он артиллерийского полковника Моллера, когда тот явился с рапортом. Но Моллер

[51] Это предписание, неизвестное прежним историкам Фридриха, напечатано в первый раз в 1835 году, Прейсом.

выдержал первый пыл и потом старался успокоить и утешить короля. Он уверил его, что все солдаты преданы ему душой и телом, готовы на каждый новый подвиг и рады всей своей кровью искупить свободу отечества и жизнь короля. Это подействовало на Фридриха. Слезы проступили у него на глаза, и ему стало легче. Новые надежды запали в душе его вместо мрачного отчаяния и постоянной мысли о самоубийстве.

Пруссаки потеряли в Кунерсдорфской битве до 20 000 убитыми, ранеными и пленными. Между убитыми находился и майор Эвальд Клейст, известный немецкий поэт, имя которого гремело по всей Германии. Печальная участь постигла этого героя-певца. Он вел солдат на приступ Шпицберга, ядро оторвало у него правую руку, он схватил шпагу левой и опять бросился вперед, но не достиг до вершины: картечь раздробила ему ногу. Солдаты отнесли его в лощину и оставили до окончания дела. Здесь нашли его казаки, раздели донага и бросили в болото.

Во время битвы русские гусары, проходя мимо, услышали его стоны, вытащили полумертвого из болота, приодели, чем могли, перевязали рану, утолили его жажду, но не могли взять с собой и оставили близ дороги. Тут пролежал он до глубокой ночи. Новый казачий пикет совершил над ним новые неистовства. На следующий день русский офицер нашел его в ужасном положении, покрытого ранами, почти истекшего кровью. Немедленно страдальца отправили во Франкфурт, где над ним были испробованы все врачебные пособия. Но человеческая помощь не могла возвратить его к жизни. Он умер 12 августа и был похоронен с большими почестями. Члены франкфуртского университета и русские войска сопровождали его гроб до могилы.

Один из наших офицеров, видя, что на гробе Клейста нет шпаги, положил свою на крышку, говоря, что такой достойный офицер не может быть схоронен без этого знака отличия.

Немецкие историки полагают урон с русской стороны до 17 000 человек убитыми и ранеными и уверяют, что граф Салтыков в донесении своем императрице сказал в оправдание значительной своей потери: «Что делать! Король прусский дорого продает победы над собой! Еще одна такая битва и я принужден буду сам доставить реляцию к Вашему Величеству!» Но все это несправедливо. Русских было ранено 10 863, и в числе их кн. Голицын, кн. Любомирский и генерал Олиц. Что же касается до убитых, граф Салтыков говорит в своем донесении:

«Могу Вашему Императорскому Величеству засвидетельствовать, что если найдется где победа сия славнее и совершеннее, то ревность и искусство генералов и офицеров, а мужество, храбрость, послушание и единодушие солдатства должны навсегда примером остаться. Что же до урона с нашей стороны принадлежит, то оный гораздо меньше, нежели я сперва сам думать мог. Убитых генерально всех чинов имеем мы только 2614 человек».

Русские и австрийцы, под предводительством Тотлебена и Лаудона, в тот же вечер преследовали пруссаков до самого Одера и отняли у них еще множество пушек и знамен. Добыча наша состояла из 26 знамен, 2 штандартов, 172 пушек и гаубиц и множество полевых снарядов. Кроме того, было взято в плен 6555 человек рядовых, 44 офицера и отнято более 10 000 ружей.

Граф Салтыков был награжден за Кунерсдорфскую победу чином генерал-фельдмаршала.

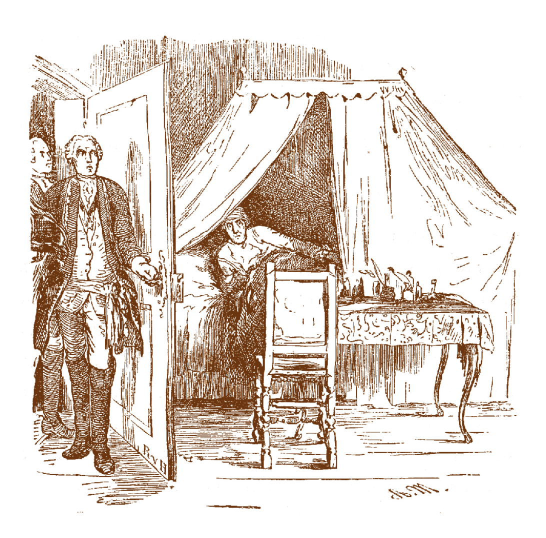
Фридрих скоро убедился, что страх и отчаяние его были неосновательны. Около него собралось до 18 000 человек, рассеянных неприятелем в Кунерсдорфской битве. С ними он переправился через Одер, сломал за собой мосты и стал укрепленным лагерем между Кюстрином и Франкфуртом. Русские также перешли Одер и стали лагерем при Лоссове, а Даун подвинулся с главной австрийской армией в Нижнюю Лузацию. Все показывало, что оба войска хотели соединиться, вместе вступить в Марку и овладеть беззащитной столицей Пруссии. Фридрих присоединил к себе все войска, какими мог располагать, и решил защищать дорогу к Берлину. Для этого он стал у Фюрстенвальда на реке Шпрее, куда вытребовал себе новую артиллерию из берлинского арсенала. Но напрасно Фридрих ждал неприятелей: они не являлись. По причине возникших несогласий между Салтыковым и Дауном русские не воспользовались своими выгодами. Даун требовал, чтобы Салтыков шел непременно на Берлин, а сам щадил свои войска. Салтыков отвечал на это, что одержал уже две кровавые победы и ждет того же от австрийского фельдмаршала. Тогда Даун для виду подвинулся вперед, но едва он прошел несколько миль, как принц Генрих, наблюдавший за ним в Силезии, посредством хитрого маневра ударил на него в тыл, разрушил все магазины в Богемии и вынудил его поспешно воротиться. Между тем русские потребовали от Дауна выговоренного продовольствия для армии; австрийский военачальник сам ничего не имел и вместо провианта предложил деньги. Салтыков отвечал: «Мои солдаты денег не едят!» и приготовился к отступлению. Тогда венский кабинет, подстрекаемый Дауном, настоятельно потребовал, чтобы Салтыков преследовал свои завоевания, грозя, что в противном случае он будет сменен, и другой пожнет плоды его побед. Это взбесило русского фельдмаршала, и он немедленно двинулся к польским границам. Но дорогой он получил высочайшее повеление продолжать войну и обратился снова к Силезии. Намерение его было осадить Глогау. Фридрих предупредил его и, заняв крепкую позицию перед Глогау, преградил русскому войску дорогу. Не получая подкрепления из главной австрийской армии и слыша, что Даун обратился в Саксонию, Салтыков не решился вступить с Фридрихом в битву. Он повел армию по

берегам Одера, достиг до местечка Тернштадт, хотел взять его, но, встретив сопротивление, превратил его в пепел, а потом выступил, в начале ноября, в Польшу. Лаудон отделился от русских и пошел в Моравию. Берлин был спасен.

Но с отступлением русских опасность не миновала. Пока Фридрих действовал против Салтыкова, имперская армия, под начальством герцога Цвейбрюкского, проникла в Саксонию, оставленную без всякой защиты. В короткое время Лейпциг, Торгау и Виттенберг были заняты. Имперцы подступили к Дрездену. Комендант Шметау приготовился к обороне — он решил отстоять город или похоронить себя под его развалинами. Это случилось вскоре после Кунерсдорфской битвы. Фридрих в безнадежном своем положении написал Шметау, чтобы он не рисковал понапрасну гарнизоном, а постарался бы спасти артиллерию и казну, состоявшую из 5 000 000 талеров. Вследствие королевского предписания Шметау сдал город на капитуляцию, выговорив свободный выход гарнизону и вывоз орудий. Имперцы согласились, но при занятии города предательски напали на прусских солдат, отнимали у них ружья, рубили их и брали в плен. Только немногие из гарнизона уцелели. А помощь была уже близка: генерал Вунш, посланный Фридрихом, находился только в трех милях от Дрездена.

При удалении русских Фридрих сильно занемог подагрой. Несмотря на жестокие страдания, он не упускал из виду военных действий и созвал к себе всех генералов. Они нашли его в бедной каморке небольшого мещанского домика, в Кебене. Он лежал на постели, ноги были прикрыты шубой, голова завязана платком.

— Господа! — сказал он им. — Я созвал вас, чтобы ознакомить с моими намерениями и показать, что жестокая боль не дозволяет мне лично явиться к армии. Уверьте храбрых пруссаков, что болезнь моя не вымышлена, что я вполне, надеюсь на их мужество и не успокоюсь до тех пор, пока не поправлю наших дел. Только одна смерть может меня разлучить с моей армией! Одну часть войска он отправил на прикрытие Силезии, другую, под начальством Вунша, на освобождение Саксонии от имперцев.

Но и в мучительные часы болезни деятельный ум Фридриха не мог оставаться спокойным. Он занялся критическим разбором Северной войны Карла с Петром Великим и написал книгу под названием «*Взгляд на характер и дарования Карла XII*»[52]. Отсылая рукопись к маркизу д'Аржансу, он писал:

> «Голова моя постоянно занята военными идеями и до того привыкла к этой работе, что даже в часы развлечения ум мой не может обратиться на другие предметы».

Едва король почувствовал облегчение, он сам поскакал в Саксонию. Там дела его, между тем, значительно поправились.

Вунш успел отнять у имперцев Виттенберг, разбил пришедших к ним на подкрепление австрийцев при Торгау, овладел городом и, пять дней спустя, взял Лейпциг со всем его гарнизоном. Принц Генрих также поспешил на помощь Саксонии и, несмотря на все усилия Дауна, соединился с Вуншем. Здесь начался ряд самых замысловатых маневров с обеих сторон. Дауну хотелось вытеснить Генриха из Саксонии, Генрих прикрывал отнятые у имперцев и австрийцев города и заставил Дауна отступить к Дрездену, который один еще находился в руках неприятельских. В это время прибыл король. Даун начал

[52] Любопытная книга эта была напечатана зимой 1760 года, но, к сожалению, только в двенадцати экземплярах.

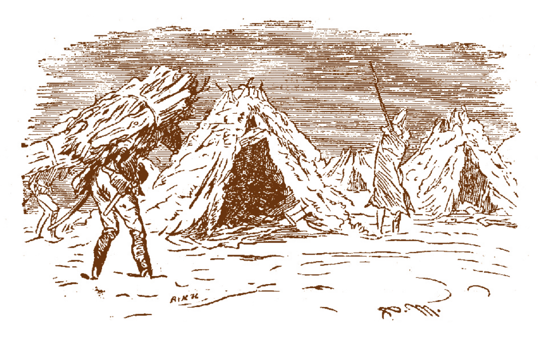
ретироваться. Фридрих сам повел армию против отступающих австрийцев и разбил их при деревушке Крегисе. Неприятель ретировался в Плауэнскую долину, король отправил несколько отдельных корпусов, чтобы его тревожить и отрезать его коммуникации. Один из этих корпусов проник в Богемию, собрал там большую контрибуцию, захватил все запасы, разграбил несколько городов и возвратился с богатой добычей. Но другим корпусам не посчастливилось. Генерал Финк был послан к Максену, чтобы преградить Дауну ретираду. Финк начал представлять королю всю отвагу и опасность такого предприятия, но король, не слушая его, закричал в нетерпении: «Вы знаете, что я не терплю затруднений! Отправляйтесь!» Финк повиновался, скрепя сердце; предчувствие его не обмануло. Вскоре неприятель окружил его со всех сторон, Финк хотел пробиться, но это не удалось, и он вынужден был со всем корпусом положить оружие и сдаться в плен.

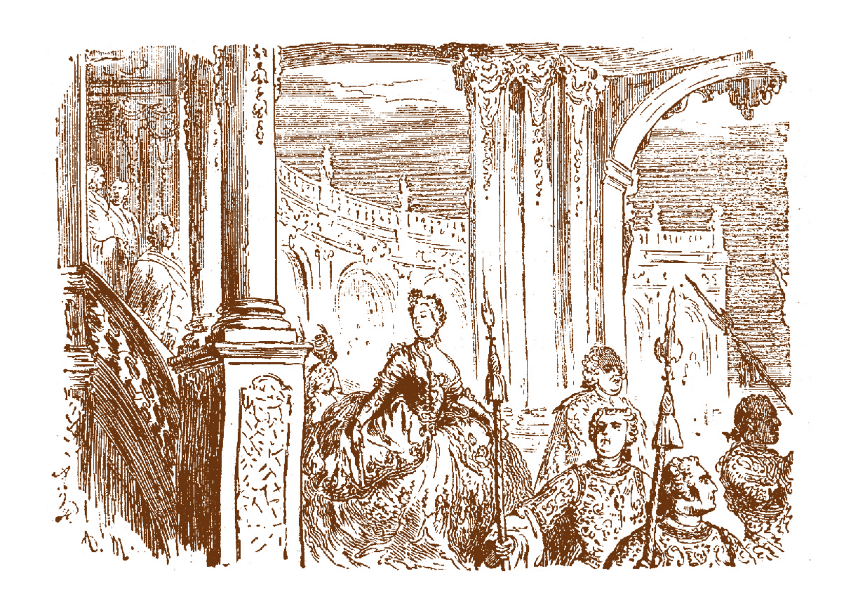

Таким образом, Фридрих лишился 12 000 человек. Та же участь постигла другой прусский корпус, под командой Диреке, стоявший по ту сторону Эльбы. Австрийцы начали его обходить, Диреке ночью хотел переправиться через реку, но в это время пошел сильный лед и затруднил переправу. 1500 пруссаков были захвачены неприятелем.

Сократив армию Фридриха до 24 000 человек, Даун смело мог надеяться на успех. Он решил остаться в Саксонии. Но прусский король не уступал ему ни пяди. С маленьким своим войском он стал против него лагерем при местечке Вильдсруфе. Наступила жестокая зима; снег выпал по колено, палатки заледенели. Четыре батальона постоянно сменялись в лагере, где солдаты замерзали на часах, а ночью ложились вместе, стараясь согреть друг друга дыханием. Остальное войско было размещено по ближним деревням. Офицеры жили в избах, солдаты строили себе шалаши, рыли землянки и грелись у костров, которые никогда не потухали. На пять миль в окрестности порубила все леса на дрова. Эта зимняя кампания похитила у короля больше солдат, чем самая кровопролитная битва. Но она имела и свои выгоды: неприятель не смел шагнуть вперед, не смел и отступить. Он терпел те же неудобства и бедствия, как и прусское войско, но у него они еще были усилены повальными болезнями. Сама природа опустошала обе армии без кровопролития. Так простоял Фридрих до тех пор, пока в середине января наследный принц Брауншвейгский, по взятии Фульды, не привел ему в подкрепление свое войско. Тогда только король расположил армию по зимним квартирам. Сам он перенес свой штаб во Фрейберг, где и провел остальные зимние месяцы.

Фридрих много претерпел в этот пагубный год. Но и враги его мало выиграли. При всех успехах и усилиях австрийцы овладели только Дрезденом и его окрестностями, а шведы, ободренные отсутствием прусских войск, распространили свои ничтожные завоевания в Померании. Фридрих мог все еще торжествовать.

Глава XXXII. Начало кампании 1760 года. *Дрезден и Лигниц*

ар земной не крепче покоится на плечах Атласа, как Пруссия на своей армии», — сказал Фридрих после Фридбергской битвы. Четыре года упорной войны, где Пруссия со своими восемью миллионами жителей боролась с пятью государствами, имевшими более восьмидесяти миллионов подданных, доказали всю справедливость этого изречения. Но теперь эта могущественная, непобедимая армия была расстроена и доведена почти до ничтожества. Надо было подумать о средствах, пополнить и усилить ее без ущерба государству. Фридрих предложил своим неприятелям размен пленных, они не согласились, надеясь истощить его до конца. Тогда все пленные насильно были приведены к присяге и зачислены в прусские полки. Под знаменами Фридриха они обязывались воевать даже против своего отечества. Такая мера была бы безрассудством во всяком войске,

кроме прусского, где строгая воинская дисциплина и личное превосходство Фридриха налагали крепкое ярмо на подчиненных. Один Наполеон мог впоследствии прибегать к подобным средствам, он один, подобно Фридриху, силой своего гения владычествовал над духом народов! Бедная Саксония и на этот раз должна была поплатиться за интриги своего министра и за бесхарактерность своего короля. Она сделалась для Фридриха единственным рудником, из которого он извлекал деньги, продовольствие и солдат. Она выставила 10 000 рекрут, внесла в казну два миллиона червонцев, тысячами отпускала лошадей и рогатый скот и отдала половину своей жатвы на содержание прусской армии. Обширные саксонские леса были порублены, сплавлены по Эльбе до Гамбурга и обращены в деньги. Кроме того, нужда в людях подала мысль к совершенно новой системе рекрутских наборов: начали вербовать на военную службу. Прусские вербовщики под разными видами разбрелись по всей Германии и заманивали молодых людей в свои сети, обольщая бедняков — деньгами, богатых — почестями, а слабодушных — вином и распутством. Им отпускались значительные суммы для заманок, и молодежь толпами отправлялась в Магдебург, назначенный сборным местом для поступающих на прусскую службу. Честь разделять громкую славу прусского оружия заставляла молодых людей оставлять университеты до окончания курса, купеческих приказчиков бросать торговлю, молодых чиновников бежать от службы. Вербовщики иным сами давали деньги, с других брали плату за патенты на разные офицерские чины. Но по прибытии в Магдебург всем новобранцам, без исключения, надевали солдатские ранцы. Купцы, ремесленники, простолюдины, купившие себе звание полковников, капитанов и поручиков, вдруг делались рядовыми и узнавали обман не прежде, как в строю, под грозным фухтелем фельдфебеля. Таким образом было собрано до 60 000 рекрут. Позорное средство! Одна крайняя нужда может оправдать Фридриха в глазах потомства. Но он действительно заслуживает оправдания: прежде, чем он ухватился за это последнее средство, им было испытано все, чтобы привести дело к дружелюбному концу. Послы его явля-

лись ко всем враждующим дворам с мирными предложениями — всюду последовал отказ. Противники его слишком надеялись на свой крепкий союз и на его малосилие, чтобы склониться на полюбовную сделку. Сами события того времени, казалось, долженствовали способствовать к примирению, но врагами Фридриха были три царицы, три женщины, и все выгоды политические уступили место личной ненависти. В конце 1759 года умер король испанский Фердинанд VI. Ему наследовал король неаполитанский, предоставив Неаполь своему сыну-младенцу. Австрия давно имела права на Сицилийское и Неаполитанское королевства; теперь представлялся самый удобный случай овладеть ими. Все способствовало этому приобретению: и слабое регентство, и ничтожные войска, и расстроенные финансы Неаполя. Даже некому было вступиться за Неаполь. Испания не была приготовлена к войне, а Франция не имела средств выслать в Италию новое войско. Но Мария-Терезия пренебрегала случаем сделаться обладательницей всей Италии для того только, чтобы продолжать борьбу с Фридрихом и возвратить свою Силезию.

Франция утратила почти целую армию в Германии; 20 ноября английский адмирал Гаук истребил весь ее флот почти в виду французских берегов, а лорд Клейв овладел Канадой и завоевывал французские владения в обеих Индиях. Финансы ее были истощены продолжительными войнами в двух частях света и придворной роскошью. Версальский кабинет готов был согласиться на мирные предложения Англии, но он не имел власти, им управляла легкомысленная Помпадур. Главной статьей предлагаемого Англией мира была неприкосновенность Пруссии. Гордая любимица Людовика скорее согласилась бы выморить всю Францию голодом, чем оставить дерзкого противника без наказания.

Русский двор был столь же непреклонен. Напрасно Салтыков, в бытность свою в Петербурге зимой 1760 года, старался охладить императрицу к войне с Пруссией, представляя ей на вид неединодушные, слабые действия австрийских генералов и все затруднения продовольствовать армию в отдаленной, враждебной земле. Напрасно достигал до ее слуха повсеместной ропот о трате стольких людей в бесполезной войне за

чужие интересы. Против недовольных были приняты строгие меры. Салтыков возвратился к войску с высочайшим предписанием «неослабно действовать в пользу общего доброго дела уничтожения вредной власти прусского короля!»

Итак, не было спасения! Мир требовал крови, и Фридриху осталось употреблять все способы, без разбора, чтобы оградить себя и королевство от исполинских ополчений противников. Кроме Саксонии, герцогство Мекленбургское и княжества Ангальтские были обложены значительными контрибуциями. Со всех сторон сыпались деньги, отовсюду являлись солдаты, и к началу кампании у Фридриха стояли под ружьем 90 000 человек против 250 000 враждебного войска.

Притом это были не те испытанные, закаленные в неприятельском огне солдаты, с которыми Фридрих одерживал свои великие победы. Полки его состояли из неопытных юношей, не видавших крови и порохового дыма. Увлеченные обаянием славы, они горели желанием ознаменовать себя громкими подвигами и занять в истории место подле великого своего полководца. От такого направления духа в молодом войске можно было ожидать одних крайностей; или оно сделается непобедимым, или первая неудача погасит его воинский жар. Фридрих надеялся на свою счастливую звезду. И сам он был уже не тот, что прежде. Четыре года забот, треволнений и неимоверных трудов ослабили его физические силы. Болезни и преждевременные признаки старости изменили его наружность и даже нраву придали некоторую суровость. Он был утомлен войной. Вот, что он писал в это время к венецианскому ученому Альгаротти:

«Если вечный жид существовал, он, верно, не вел такой скитальческой жизни, как я. Мы начинаем походить на странствующих комедиантов, у которых нет ни отчизны, ни родного очага. Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии только там, где неприятель дозволяет нам устроить театр. Последняя кампания привела Саксонию

на край погибели. Пока счастье дозволяло мне владеть этой прекрасной страной, я берег ее. Теперь везде разорение. Нравственное зло этой войны ничто перед материальным вредом, который она причинит Германии. Мы можем назваться счастливцами, если к нам вдобавок не придет чума. Бедные глупцы! Жизнь дана нам на один миг, и тот мы стараемся сделать как можно тягостнее. Мы гордимся, что одним ударом можем обратить в прах прекраснейшие создания труда и времени! Развалины и нищета — вот презренные памятники наших громких подвигов!»

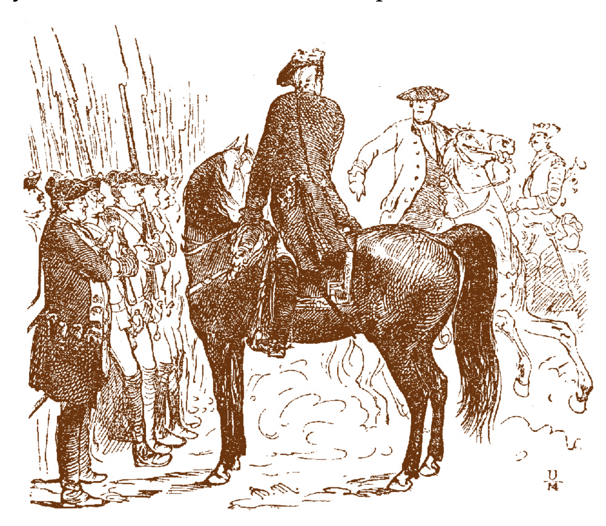
Весна застала войска Фридриха на всех опасных пунктах, уже готовыми остановить каждое предприятие союзных врагов. Принц Генрих ждал на Одере русских; генерал Фуке прикрывал силезские границы со стороны Богемии; в Померании отдельный корпус был выставлен против шведов, а сам король стоял против армии Дауна в Саксонии. Фердинанд Брауншвейгский на юго-западе Германии действовал против французов и их мелких союзников.

Но военные действия начались не скоро. Союзники не могли согласиться о плане предстоящей кампании. Каждая сторона искала своих выгод, и это было началом раздоров. Салтыков хотел начать дело с покорения Кольберга и потом, при помощи русского флота, овладеть берегами Померании: приобретение это могло быть важно для России в торговом и в военном отношениях. Август убедительно просил, прежде всего, освободить его курфюршество, а Мария-Терезия требовала, чтобы Салтыков вместе с Лаудоном обратились на Силезию, пока Даун будет удерживать Фридриха в Саксонии. Французам хотелось, чтобы Салтыков овладел Штеттином. После долгих переписок и совещаний петербургский кабинет согласился утвердить план императрицы-королевы. Салтыков получил повеление двинуться со всей армией в Силезию и осадить Бреславль. Все его представления о выгодах приобретения Кольберга и Данцига и, напротив, о затруднениях осады Бреславля, по неудобству подвоза военных и жизненных потребностей, не были уважены. Это его огорчило. Неохотно стал он содействовать видам австрийского фельдмаршала.

Пролог к войне открылся в Силезии. В марте Лаудон проник в Верхнюю Силезию. Она была защищаема Мантейфель-

ским полком, под командой генерала Гольца, который решил отступить к Нейсе. На пути Лаудон окружил его со всех сторон и отправил трубача с требованием, чтобы пруссаки сдались в плен, а в случае отказа грозил всех до одного положить на месте. Гольц провел трубача перед своим фронтом и объявил солдатам предложение неприятеля. Взрыв негодования был ответом храброго полка.

Тогда австрийцы всей своей силой ринулись на пруссаков, но мантейфельцы дрались, как львы, отбили врага, заняли крепкую позицию и отняли у австрийцев охоту испытать вторичное нападение. Лаудон потерял до четырехсот человек, тогда как у Гольца пало только сто сорок.

Более серьезные действия начались летом, в июне месяце. Лаудон с 50 000 войска вошел в графство Глацкое, а оттуда — в Силезию. Генерал Фуке занимал пограничный пост при Ландсгуте. Корпус его состоял из 14 000 человек: с такими силами нельзя было удержаться в горах. Он отступил к Швейдницу в намерении встретить неприятеля в открытом поле. Лаудон того только и ждал. Он тотчас же осадил крепость Глац, чтобы в ней основать себе опорный пункт для дальнейших предприятий в Силезии. Фридрих был очень недоволен распоряжением Фуке. «Добудьте мне горы во что бы

то ни стало!» — писал он ему, и послушный Фуке поспешил занять свою прежнюю позицию. Он постигал всю опасность этого поста, но решился защищать его до последней капли крови. Цель короля была идти на помощь к Фуке, но прежде он хотел выманить Дауна в Силезию и, пользуясь его отсутствием, овладеть Дрезденом. Но фальшивые его маневры и контрмарши не подействовали. Даун, слишком часто обманутый его стратегическими вымыслами, не трогался из своего лагеря близ Дрездена. Так прошло несколько дней. Вдруг 25 июня в австрийском лагере раздались победные выстрелы. Король, к величайшему прискорбию, узнал, что Фуке разбит Лаудоном наголову. Прусский военачальник сдержал свое обещание. 23 июня испытал он грозную атаку Лаудона. С отчаянием дрались пруссаки, но превосходство сил одержало верх, Почти весь корпус был побит неприятелем. Сам Фуке, покрытый ранами, наконец, упал с лошади. Австрийские драгуны занесли уже над ним палаши, но верный его денщик кинулся на своего господина и закричал: «Что вы, разбойники! Это наш генерал!» Покрыв его своим телом, он принял назначенные ему смертоносные удары. В эту минуту подскакал австрийский полковник Войт и остановил разъяренных драгун. Фуке был взят в плен.

Когда Фридриху донесли обо всех подробностях дела, он воскликнул: «Фуке — истинный герой! Плен его делает честь прусскому оружию!»

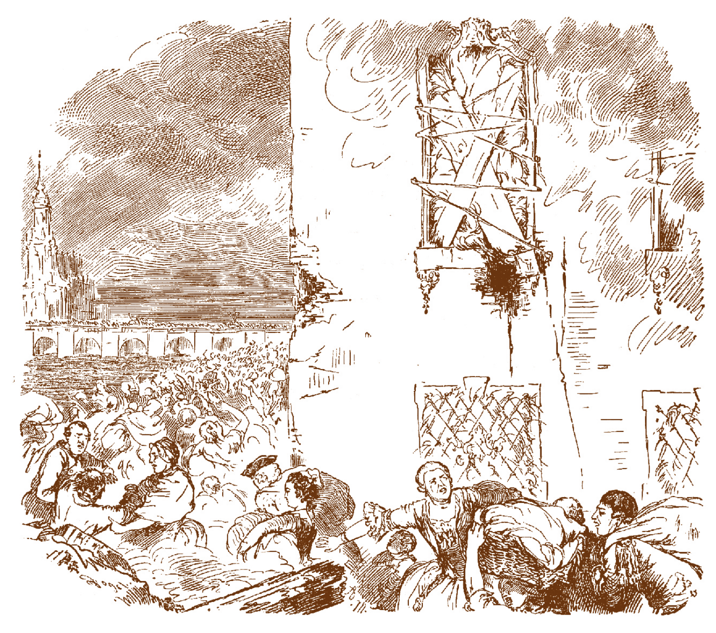
Лаудон, разбив Фуке, овладел беззащитным Ландсгутом. Здесь опозорил он свое имя, дозволив войску, в виде награды, разграбить город, издавна славный промышленностью и торговлей. Жителей перерезали, дома сожгли. Не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям. Лаудон сам ужаснулся жестокости своих солдат, но остановить их был не в силах.

При известии о поражении Фуке, Фридрих поднялся со всей своей армией и пошел в Силезию. Даун поспешил опередить его несколькими маршами, чтобы, соединившись с Лаудоном, преградить пруссакам дорогу. Но когда Даун ушел вперед довольно далеко, Фридрих вдруг поворотил войско и поспешил назад, к Дрездену. При его приближении австрийский корпус фельдцейхмейстера Ласси[53] поспешно переправился через Эльбу и вместе с имперской армией, которая праздно стояла на левом берегу, отступил к Пирне. Фридрих обложил Дрезден и послал в Магдебург за осадной артиллерией. 14 июля начали обстреливать, а вскоре за тем и бомбардировать город. Король надеялся, что опасное положение семейства Августа и пожары понудят коменданта к сдаче. Но комендант держался, ожидая помощи от Дауна. Даун между тем принял поворот Фридриха из Силезии за фальшивый маневр и не слишком торопился на помощь к Дрездену, зная, что для защиты его оставлено достаточное войско. Таким образом, штурм продолжался несколько дней. Прусские бомбы и каленые ядра превратили предместья и большую часть города в пепел. Жители с трудом могли тушить беспрерывные пожары. Великолепные дворцы и церкви, истинные памятники искусства и вкуса, рассыпались в развалины. Знатнейшие фамилии искали спасения в погребах. Улицы были покрыты ранеными и раздавленными падением домов и колоколен.

---

[53] Франц, Маврикий, сын знаменитого русского Фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси, победителя крымцев и шведов. Служил, сперва в России и с чином генерал-майора перешел в австрийскую службу, в 1744 году.

Вопли отчаяния раздавались по городу; все дороги были запружены бегущими. Чего не успели сделать прусские ядра и бомбы, то докончил гарнизон. Пользуясь смятением, австрийские солдаты, не привыкшие к субординации, пускались на грабеж; неистовства их над бедными жителями умножали общее бедствие. Напрасно дрезденцы старались скрыть свои сокровища в крепких кладовых и под землей — защитники сами отнимали у них последнее достояние. Вскоре цветущий, красивейший город Германии обратился в печальный остов, напоминавший только о прежнем величии и богатстве!

Наконец, Даун опомнился и явился под Дрезденом. Со стороны Эльбы устроил он сообщение с городом и посылал туда целые корпуса на подкрепление. Начались вылазки и беспрерывные стычки. Все предприятия Фридриха были неуспешны, он терял терпение. Он сделался беспощаден даже к своему войску. В одном из австрийских нападений Бернбургский пехотный полк был вытеснен из траншеи. Фридрих приписал этот случай недостатку храбрости своих солдат. Весь полк был примерно наказан: у простых солдат отняты тесаки и нашивки,

офицеры лишены позументов на шляпах. Храбрый полк сделался посмешищем целой армии. Между тем смелые вылазки австрийцев угрожали даже главной квартире короля: он вынужден был переменить позицию и с этой переменой лишился последних выгод над неприятелем. Сверх того, в армии оказался недостаток в продовольствии и военных припасах, а Даун, владея Эльбой, захватывал все прусские барки, шедшие с транспортами. В то же время из Силезии приходили самые неблагоприятные вести: Лаудон овладел Глацем почти без сопротивления. Все это понудило короля оставить осаду Дрездена и поспешить на выручку Силезии.

Дешевая добыча Глаца ободрила Лаудона на дальнейшие предприятия. Он осадил Бреславль. Комендант крепости, генерал Тауенцин, находился в затруднительном положении. Весь гарнизон его состоял из 3000 человек. Две трети из них были ненадежны, он мог полагаться только на батальон королевской лейб-гвардии, помещенный в Бреславль после Коллинского сражения. Остальные солдаты были наемники, иностранцы, недовольные скудным жалованьем и военной строгостью прусской службы. Сверх того, в городе находилось

9000 австрийских пленных, которые при первом удобном случае могли возмутиться. Несмотря на то, Тауенцин принял самые деятельные меры для обороны крепости и для сохранения спокойствия в городе. Лаудон потребовал сдачи Бреславля. Комендант собрал всех офицеров и убедил их поддержать честь прусского оружия. Все поклялись умереть на укреплениях, но не сдаваться.

Началось бомбардирование. Целый квартал и королевский дворец сделались добычей пламени. Лаудон вторично вызывал на капитуляцию и грозил, в противном случае, «не пощадить даже младенца в утробе матери». «Мы, слава Богу, не беременны!» — отвечал комендант и так удачно навел свои пушки, что ядра падали на кровлю главной квартиры австрийского генерала. Через несколько дней принц Генрих, наблюдавший за русскими, пришел на помощь Бреславлю. Лаудон снял осаду. Принц занял его позицию.

Между тем русские войска, сосредоточенные в Познани, тотчас по возвращении Салтыкова из Петербурга выступили в поход. В Камине и Сараде были устроены обширные магазины. По дороге взяты города Кеслин, Грейфенберг, Ригенвольде с добычей артиллерии и запасов. Малая война с отдельными прусскими отрядами велась во время всего похода. Кн. Волконский, Румянцев, графы Брюс, Тотлебен, Чернышев и Фермор были героями этих экспедиций. В июне шестидесятитысячная наша армия приблизилась к Силезии, где, по предварительному соглашению, она должна была под Бреславлем соединиться с Лаудоном. Передовые ее отряды уже достигали до Одера.

Критическая минута для Фридриха наступила. Соединение русских с австрийцами могло нанести ему решительный удар. Медлить было невозможно. Ночью, 30 июля, он снял осаду Дрездена и пошел в Силезию. Даун опередил его, а Ласси следовал за ним, как тень. Одного Фридрих гнал перед собой, от другого сам отбивался. Так шел он вперед без остановки. Враги окружали его, тревожили, но не отваживались на битву. У Лигница король остановился. Здесь была точка соединения всех его неприятелей. Русские между тем приближались

к Бреславлю. Можно себе представить удивление Салтыкова, когда он вместо австрийцев встретил прусское войско под Бреславлем. Все действия Дауна не согласовались с предварительными условиями русского фельдмаршала. Салтыков остановился за Одером. Негодование его еще больше увеличилось, когда он узнал, что австрийцы допустили Фридриха беспрепятственно переправиться через Эльбу, Шпрее, Бобер и дойти до Лигница. «Еще несколько контрмаршей, — говорил Салтыков, — и король прусский будет за Одером. Тогда нам придется расплачиваться за промахи австрийских генералов. Но я до того не допущу. Если корпус Лаудона не пристанет к нам и не прикроет Одера, я тотчас же отступлю в Польшу!»

Эта угроза сильно подействовала на Дауна. Он решился немедленно дать Фридриху битву, вступил, поэтому в переговоры с Салтыковым и выпросил русский корпус гр. Чернышева для подкрепления Лаудона. План Дауна был атаковать пруссаков при Лигнице, где король занимал самую невыгодную позицию. Ласси угрожал ему с тыла, Даун — с правого крыла и с фронта, а Лаудон и Чернышев — с левого фланга. Между этими опасностями Фридрих извивался со своим войском, как змея; каждую ночь переменял он позицию и сбивал неприятелей с толку.

Четырнадцатого августа австрийцы тщательно исследовали лагерь Фридриха. Он был со всех сторон открыт для приступа. «Мешок готов! — восклицали они. — Стоит только посадить в него пруссаков и стянуть концы!» Король узнал об этом от перебежчика. «Австрийцы рассчитали недурно! — сказал он своим генералам за ужином. — Но я прорву им такую дыру в

мешке, что не скоро починят!» Приказав! крестьянам поддерживать огонь в кострах лагеря, он ночью тихо снялся с позиции, провел свое войско на Фафендорфские высоты и разместил его там в боевом порядке. Ночь была тихая, чудесная. Солдаты, с ружьями в руках, расположились на траве. Сам король прилег на плаще своем перед огнем и скоро заснул. Цитен, сидя у ног его на барабане, наблюдал за тишиной. Вдруг майор Гунд прискакал во весь опор и криком «неприятель! неприятель!» разбудил короля.

Фридрих быстро вскочил на лошадь и велел ударить тревогу. Приняв команду над левым крылом, на которое шел неприятель, он отправил на правое Цитена. Лаудон предводительствовал австрийцами. Не зная о перемене позиции пруссаков, он хотел овладеть их обозом. Чтобы нападение было неожиданнее и вернее, он пустился на лагерь Фридриха без авангарда, но сам попал в свою ловушку: перед ним стояла вся прусская армия в правильных линиях. Идти назад было невозможно. Он стал развертывать свое войско, но везде встречал препятствия от невыгодного местоположения. Гром орудий открыл битву на рассвете. Австрийская кавалерия ударила на пруссаков, но

была отражена. Тогда пехота обоих войск пошла навстречу друг другу. Пруссаки выдержали меткий огонь, австрийцы пошатнулись. В эту минуту прусская кавалерия ворвалась в их ряды и взяла множество пленных. Но эти первые успехи ни к чему не послужили. У Лаудона было 35 000 человек, тогда как левое прусское крыло состояло только из 14 000. Австрийцы возобновляли свои нападения свежими силами, но пруссаки мужественно выдерживали атаки, несмотря на то, что ряды их начали видимо редеть. Лаудон испытал последнее средство: еще раз повел он лично свою тяжелую кавалерию на прусскую пехоту. Кирасиры ворвались в ряды и расстроили было несколько полков, но тут Бернбургский полк, горя желанием снова заслужить милость короля, выступил из второй линии и пошел на австрийцев в штыки. Пруссаки дрались с отчаянием. Австрийские всадники, как снопы, валились с лошадей своих. Наконец, их стеснили так, что они не могли даже обороняться и бросились бежать. Храбрый полк преследовал их с неистовством.

В бегстве своем австрийская кавалерия потоптала свою пехоту и увлекла ее с собой.

Победа была одержана. Солнце только что выплыло из-за гор. В ближней деревне пробило шесть часов. Теперь Фридрих поскакал на правое свое крыло, где тоже завязывалось дело. По плану Дауна корпус Лаудона должен был атаковать прусский лагерь с тыла, а он сам хотел напасть на его правый фланг. Прибыв на место, Даун нашел, что прусский лагерь оставлен.

«Неприятель бежал, — сказал он, — надо его преследовать!» Чтобы настигнуть прусскую армию, ему следовало переправиться через так называемую Черную речку — болотистый, широкий ручей, впадающий близ Лигница в Кацбах. Цитен это предвидел и принял свои меры. По его приказанию все мосты были разрушены, и оставлен только один. Против этого моста он выставил на возвышении две батареи, скрытые кустарниками. Когда одна треть Дауновой армии переправилась и стала строиться, он открыл по ней такой страшный перекрестный огонь, что испуганная пехота бросилась бежать. Прусская конница погналась за ней, затоптала большую часть в тину Черной речки, а остальных захватила в плен. Даун отрядил несколько новых батальонов, под прикрытием сильной артиллерии. Прусские батареи начали целить в пушки, сбили их с лафетов и скоро заставили замолчать. Тогда австрийская пехота кинулась на эти страшные батареи, но цитенские гусары рассеяли и истребили смельчаков.

Даун не знал, что делать. О Лаудоне он не имел никакого известия. Ветер относил шум сражения в другую сторону, только по сильному дыму на горизонте мог он заключить, что там случилось что-нибудь важное. Вдруг в прусском стане раздались победные выстрелы и громкие крики «виктория!» Тогда австрийский военачальник понял, в чем дело. Поспешно отступил он назад и переправился снова через Кацбах, который на рассвете только что перешел.

Фридрих был чрезвычайно обрадован победой. После многих неудач счастье в первый раз к нему обернулось. С веселым видом проезжал он по рядам своих полков и благодарил сол-

дат. На левом фланге был выстроен Бернбургский полк. «Спасибо, дети! — сказал король, подскакав к нему. — Спасибо! Вы славно исполнили свое дело. Я возвращу вам все отнятое!» Флюгельман выступил вперед и поблагодарил Фридриха от имени всего полка.

— Мы знали, — говорил он, — что наш король строг, но справедлив, и старались загладить проступок!

— Все забыто, дети! О старом не будет помину, — отвечал Фридрих, — но сегодняшнего дела я не забуду!

Тогда солдаты кинулись к нему, обнимали колени, целовали руки и старались оправдаться, говоря, что причиной отступления под Дрезденом были их начальники. Фридрих снисходительно слушал их оправдания и обещал вознаградить их временный позор будущими почестями.

Двадцать три знамени, два штандарта и 82 пушки составляли трофеи Лигницкой победы. Австрийцы лишились 10.000 человек, пруссаки потеряли только 3500. Победа эта ничего бы не значила, если бы неприятели, вспомнив свое преимущество над прусской армией, приступили немедленно

к решительным мерам. Но каждое поражение их чересчур озадачивало, каждая победа слишком радовала. А Фридрих, не привыкший делать дело наполовину, пользовался их медленностью. Здесь ясно обнаруживалась выгода личного предводительствования самого монарха, которое Фридрих в сочинениях своих почитает необходимым. Неприятельские вожди воевали за чужие интересы, а он за свои собственные. Одержав Лигницкую победу, он не успокоился на лаврах, по примеру своих противников, но торопился воспользоваться ее выгодами. В тот же день, не давая войску отдыха, он прошел с ним три мили, а через два дня он примкнул к армии принца Генриха под Бреславлем. Даун ретировался в горы, прикрывая границы Богемии, а Салтыков, потеряв охоту долее стоять в бездействии, вызвал войска свои за Одер и отступил. Замысел соединения двух враждебных армий не удался.

Глава XXXIII. Окончание кампании 1760 года. Берлин. Торгау

обеду при Лигнице Фридрих называл только улыбкой счастья. И действительно, обстоятельства его вскоре приняли самый печальный вид. Салтыков хотел зимовать в Померании, а потому, пока военные операции происходили в Силезии, явился под стенами Кольберга русский флот, состоявший из 27 военных судов, и высадил значительное войско, которое тотчас же приступило к осаде города. Гарнизон Кольберга был ничтожен, но при уме и твердости своего коменданта, полковника Гейдена, он оказывал чудеса.

Все усилия русских с моря и с сухого пути были напрасны. Несколько недель прошли без всякого успеха. Наконец, прибыл еще маленький шведский флот на подкрепление русских. Но и это не пособило. Гейден выдерживал неприятельский огонь и отражал каждый их приступ. Вдруг, совсем нежданно явился к нему на помощь генерал Вернер, который с невероятной

быстротой привел из Силезии 6000 человек, по большей части гусар. Эта горсть людей своим неожиданным нападением произвела страшную суматоху в стане осаждающих. Русские, полагая, что большая прусская армия зашла к ним в тыл, поспешно сняли осаду. Одна часть бросилась на корабли, которые тотчас же оставили померанские берега, другая была преследуема мстительными пруссаками и, наконец, с большой потерей отступила.

После этой экспедиции Вернер отправился в шведскую Померанию против шведов.

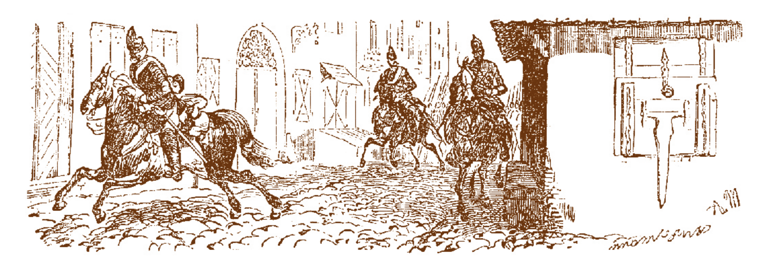
Армии Дауна и Фридриха стояли, между тем, рядом в бездействии. Первая занимала лагерь при Дитмансдорфе, вторая — близ Швейдница. Фланги их почти соприкасались: ежедневно происходили маленькие стычки, но до важного дела не доходило. Оба полководца сторожили друг друга. Фридрих был недоволен: он тратил время в утомительном спокойствии, тогда как присутствие его было необходимо в других местах. Имперская армия проникла в Саксонию, Лейпциг, Торгау и Виттенберг были завоеваны без труда; незначительный корпус генерала Гюльзена, оставленный на прикрытие Саксонии, не мог состязаться с таким значительным войском. Он был вытеснен. Герцог Карл Виртембергский в то же время вошел в Маг-

дебургскую провинцию, собирал контрибуцию и опустошал страну. Фридрих ежедневно получал эти печальные вести и не смел располагать своим войском, не мог подать помощи утесненным. Сам он держал в засаде Дауна, а генерал Гольц близ Глогау наблюдал за Салтыковым.

Осень приближалась. Погода становилась ненастная. Обе императорские армии не успели соединиться, не совершили ничего решительного, а приходилось уже думать о зимних квартирах. Даун решил воспользоваться последними выгодами, которые могло еще представить положение обеих армий. Начались переговоры с русским фельдмаршалом и, наконец, было положено отправить на Берлин по отдельному корпусу с каждой стороны. Из австрийского стана пошел граф Ласси с 14 000 человек; Салтыков отрядил графа Захара Григорьевича Чернышева с 20 000 корпусом. Чернышев быстро двинулся на Берлин. Граф Тотлебен командовал авангардом. Выступив из Бейтена (в Силезии), он в шесть дней совершил поход через Губен, Бесков, Вустергаузен и 3 октября явился перед столицей Пруссии. Остальная часть корпуса Чернышева следовала за ним. В то же время отдельный отряд, под начальством генерал-поручика Панина, шел на соединение с ними через Франкфурт.

Берлин в то время был обнесен валом, защищенным палисадами. Весь гарнизон его состоял из 1500 человек. Королевская фамилия давно уже переехала в Магдебург, но в столице было много пленных и прусских генералов, которые лечились от своих ран. Комендант Рохов хотел сдать город, желая спасти его от бомбардирования, но другие генералы на это не соглашались. В особенности Сейдлиц и старик Левальд настаивали, чтобы город был защищаем до последней возможности. Перед воротами были наскоро сделаны земляные валы, за ними построили деревянные помосты, с которых можно было действовать мелким оружием. Вся тяжелая артиллерия была выдвинута из арсенала на защиту, а гонцы поскакали по всем направлениям с вестью об угрожавшей опасности.

Берлин приготовился к отчаянной обороне. Команду над редутами, вне городского вала, приняли на себя генералы Сейдлиц, Левальд и Кноблаух. Они решили умереть геройской смертью перед воротами своей столицы.

Граф Тотлебен, тотчас по прибытии, занял все дороги от Кепеника, Котбуса и Бранденбургских ворот. Между двумя последними дорогами он поставил батарею, на возвышении, командовавшем над городом. Поручик Чернышев был послан с требованием сдачи города. Последовал отказ. Началось бомбардирование городских ворот и самого города. Пожары вспыхивали там и сям, но их скоро тушили. В продолжение пяти часов Берлин выдержал самую сильную бомбардировку и не сдался. В полночь подполковник князь Прозоровский и майор Паткуль повели своих людей на штурм Бранденбургских и Котбусских ворот. Но прусские пушки действовали так сильно, что предприятие осталось без успеха. На следующее утро при-

шло известие, что принц Евгений Виртембергский идет из Темплина на помощь к Берлину. Боясь попасть между двух огней, Тотлебен ретировался к Кепенику и взял этот город. Принц Евгений хотел преследовать Тотлебена, но весь корпус графа Чернышева успел уже с ним соединиться. Между тем подоспел к Берлину и генерал Гюльзен, вытесненный из Саксонии. Оба предводителя расположились перед Ландсбергскими и Кепеникскими воротами и тут решили ожидать неприятеля. Он не заставил ждать себя долго. Граф Чернышев двинулся против принца Евгения, а Тотлебен с 3000 человек пошел на Гюльзена. Распоряжения Чернышева были отличны: русские крылья обхватывали весь город, река Шпрее находилась в их руках, и прусским войскам был оставлен только один путь к отступлению. Несмотря на то, дело непременно дошло бы до битвы, но приближение графа Ласси с австрийцами заставило прусских генералов отступить к Шпандау. Берлин остался без защиты, комендант попросил о капитуляции. 9 октября Чернышев торжественно вступил в Берлин. Все распоряжения в городе были поручены графу Тотлебену. Немецкие историки единогласно сознаются, что никогда еще счастливый завоеватель не поступал так великодушно и умеренно со столицей своего врага, как граф Чернышев и Тотлебен поступили с Берлином. Строжайший порядок господствовал в русском войске. За все его потребности платили щедро, солдаты вели себя не только скромно, но даже дружелюбно в отношении к пруссакам. Одни австрийцы, которым, по настоятельному требованию Ласси, Чернышев принужден был дозволить занять три берлинских предместья, производили по ночам грабежи, вламывались в дома, терзали, мучили, даже убивали жителей. Тотлебен потребовал 2 000 000 талеров контрибуции. Третья часть была выплачена наличными деньгами, на остальное прусское купечество выставило векселя, за попечительством богатого банкира Гонковского, который, как истинный патриот, пожертвовал всем состоянием для спасения родного города. Пример его возбудил соревнование остальных граждан. Он вел все переговоры с Тотлебеном.

Затем были разрушены все пороховые мельницы, литейные заводы и фабрики, работающие на войско. Из арсеналов

выбрали орудия и другие военные припасы. Словом, все, что могло служить Фридриху для продолжения войны, было уничтожено. Уцелел один только ружейный завод в Потсдаме, где стоял австрийский генерал Эстергази, строго наблюдавший за неприкосновенностью королевской собственности, как в Потсдаме, так и в Сан-Суси. Зато дворцы Шенгаузенский и Шарлоттенбургский были начисто разграблены саксонцами и пандурами. В неистовстве солдаты не щадили ничего: срывали драгоценные обои, рубили в куски картины, били фарфор и зеркала, обезображивали статуи. Даже святыня храма не спаслась от их поругания: в придворной церкви они изломали в куски дорогой орган и расхитили золотую утварь. Та же участь постигла и редкий кабинет антиков, купленный Фридрихом по смерти кардинала Полиньяка.

Впрочем, экспедиция на Берлин, которая представляется делом блистательным в Семилетней войне, была, в сущности, не так важна сама по себе, как по своим последствиям. Если бы неприятели воспользовались ею как следует, она нанесла бы решительный удар Фридриху. Экспедиция эта была не что иное, как ловкий маневр, которым хотели выманить Фридриха в Бранденбург, сосредоточить здесь его войска и развязать себе

руки в Силезии, Саксонии и Померании. В этом отношении она вполне удалась и притом, благодаря мудрым распоряжениям Чернышева, весьма недорого стоила России.

«Свет с трудом поверит, — пишет граф Чернышев, — что сия столь важная и для общего дела полезная экспедиция не стоит здешней армии ста человек убитыми, и что раненых еще меньше. Напротив того, неоспоримо, что неприятель буде не больше, то конечно до восьми тысяч человек убитыми, пленными и дезертирами потерял!»

Фридрих при первом известии о занятии Берлина усилил гарнизоны Швейдница и Бреславля и поспешил со своей армией в Губен, чтобы отрезать корпус Чернышева от главного русского войска и разбить его наголову. Но Чернышев принял свои меры. Узнав на восьмой день после взятия Берлина, что король прибыл в Губен, он с такой поспешностью очистил город и вывел войско, что на третьи сутки был уже во Франкфурте. Австрийцы, по выходе русских, наскоро ограбили город и поспешили в Саксонию. Дорогой, проходя Вильмерсдорфом, имением Шверинов, они вскрыли фамильный склеп, вытащили мертвых из гробов, обобрали их и бросили в поле. Пример варварства, неслыханный даже между готтентотами и жителями Маркизских островов!

Даун, которому поход Фридриха в Бранденбург очистил поле действия, немедленно выступил в Саксонию и занял неприступный лагерь, тот самый, в котором в предшествовавшем году принц Генрих так превосходно выдержал все неприятельские атаки. Вся Саксония была теперь в руках австрийцев и имперцев. Фридрих, узнав о ретираде русских из Берлина,

поворотил назад. Он должен был непременно овладеть Саксонией, иначе неприятели могли приобрести над ним решительный перевес. От успеха этого похода зависело все: если Даун его разобьет или удержит в Саксонии, тогда русские немедленно проникнут в бранденбургские владения и там займут зимние квартиры. Фридрих решил действовать напропалую. Салтыков сильно занемог и получил позволение отправиться в Познань. Вместо его был послан к армии новый фельдмаршал, граф Александр Борисович Бутурлин. Несмотря на ненастную и холодную погоду, Бутурлин медлил с выступлением на зимние квартиры: он ждал развязки саксонских дел. Фридрих чувствовал всю важность нового своего предприятия и, как при Лейтене, поставил карту ва-банк. Вот что писал он в это время к маркизу д'Аржансу:

«Я похож на тело, у которого каждый день отнимают по больному члену. Еще одна операция, и все кончено — или смерть, или спасение! Да поможет нам Бог, теперь его помощь необходима. Но никогда не решусь я заключить невыгодный мир. Никакие обстоятельства, никакое красноречие: не принудят меня подписать собственный позор. Или я паду под развалинами отечества, или, если судьба отнимет у меня и это утешение, я сумею сам положить предел своему несчастью.

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'éspoir,
La vie est un opprobre, et la mort un devoir».

Первые движения Фридриха в Саксонии были увенчаны успехом. Виттенберг и Лейпциг опять достались в его руки. Имперская армия, не соединясь с австрийцами, отступила к Тюрингии. Оставался один, но самый страшный неприятель — Даун. Фридрих созвал своих генералов на военный совет. Он предлагал напасть на лагерь Дауна и спрашивал их мнения. Все молчали. В таком отчаянном деле легче было повиноваться, чем советовать.

— Стало быть, вы почитаете, это предприятие невозможным? — сказал король после некоторого молчания.

Тогда Цитен выступил вперед с воодушевленным лицом:

— Все возможно! — воскликнул он. — Хотя и кажется трудным. Испытаем и увидим!

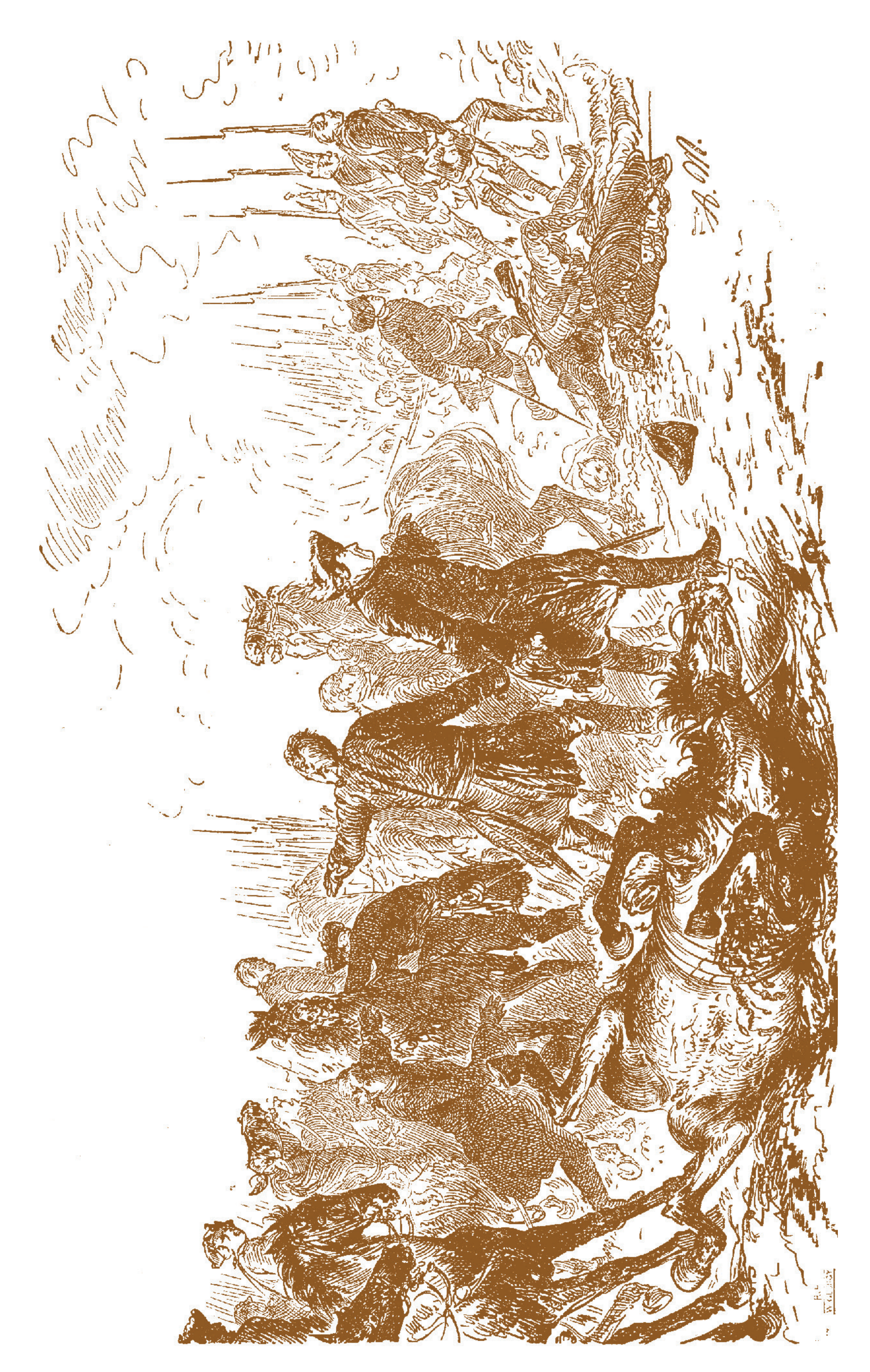
Король пожал ему руку, и дело было решено. Фридрих хотел атаковать австрийский стан с тыла и с фронта в одно время; стеснить их фланги к центру и, пользуясь беспорядком, нанести решительный удар. Исполнение этого плана было сопряжено с большими затруднениями, но при успехе могло уничтожить всю армию Марии-Терезии. Даун имел 64 000 войска, стоял в самой выгодной позиции: левое крыло его примыкало к Эльбе, правое было защищено высотами, на которых находились страшные батареи, фронт прикрывали лес и болота. Но Фридрих основывал свои виды на тесном пространстве австрийского лагеря, где, в случае нападения, нельзя было с успехом развернуть все силы.

Рано утром, 3 октября, он выступил в поход четырьмя колоннами. Армия его была разделена на две части; одну он сам вел на неприятельский фронт, другую вел Цитен к деревне Синтиц, откуда с возвышения мог действовать в тыл врагам. Дорога пролегала Торгауским лесом. По уговору, Цитен не должен был вступать в битву, пока не услышит, что король завязал уже дело с неприятелем. В лесу Фридрих встретил австрийский драгунский полк, занимавший аванпост. Совершенно неожиданно драгуны очутились между двумя прусскими колоннами и, после слабого сопротивления, вынуждены были сдаться в плен. Около полудня король обошел левый фланг Даунова лагеря и достиг до опушки леса. В это время с противоположной стороны раздались пушечные выстрелы. Цитен наткнулся на неприятельский форпост и вынужден был выдвинуть против него несколько орудий. Король, полагая, что Цитен вступил уже в дело, поспешил с авангардом своим выйти из леса, не дожидаясь остального войска, и также атаковал неприятеля. Эта ошибка едва не лишила его всей надежды на успех. Когда пруссаки вышли из леса, их встретил огонь из 200 орудий. Пять батальонов и все канониры легли на месте, прежде чем успели сделать выстрел. Казалось, весь ад открыл свои недра, извергая тысячи смертей. Канонада была так

сильна, что с первых десяти выстрелов густые тучи на небе рассеялись, и день прояснел. Земля застонала, и со столетних дубов посыпались вершины и сучья на прусских солдат, которые пробирались лесом.

Фридрих вынужден был слезть с коня и пешком вести солдат в атаку. Смело, бодро шли пруссаки вперед, смыкая свои ряды, в которых ядра прорывали широкие полосы. Так взошли они на возвышения и овладели неприятельскими батареями. Несмотря на все усилия австрийской пехоты, прусские гренадеры держались крепко и страшно мстили за смерть своих товарищей. Тогда Даун послал в дело своих кирасиров. Латники врубились в ряды пруссаков и погнали их назад. Между тем подоспела и прусская кавалерия. Атака возобновилась. Обе армии сблизились на выстрел. Начался перекрестный огонь. Фридрих ободрял своих солдат. Бой длился, обе стороны дрались с равным успехом. Под Фридрихом была убита лошадь. Когда он пересел на другую, пуля поразила его в грудь, и он упал на землю. Адъютанты подскочили к нему: он лежал без чувств, кровь струилась. Его хотели уже отнести за фронт, но вдруг он пришел в себя, сам привстал на ноги и потребовал лошадь. «Ничего! Ничего, друзья мои!» — сказал он адъютантам и опять начал распоряжаться битвой. На нем были бархатный сюртук и шуба, они ослабили силу удара, и пуля только слегка оцарапала ему грудь.

Прусская конница привела в расстройство неприятельскую пехоту. Несколько полков были взяты в плен, успех склонялся на сторону Фридриха. Но тут австрийские драгуны и кирасиры кинулись с таким неистовством на фланги прусских гусар, что заставили их отступить и преследовали до самого леса. Новые попытки к атаке были безуспешны. Даун мог поздравить себя с победой. Темная, осенняя ночь наступила, и бой прекратился. Но Фридрих не хотел уступить победы. Он вывел своих людей в Плауэнскую долину и там расположил их в боевой порядок, чтобы с рассветом снова начать сражение. Сам он отправился в ближнюю деревню. Там все избы были наполнены ранеными, и он должен был поместиться в сельской церкви. На ступенях престола, при слабом свете лампады, он написал карандашом нужные депеши.

Потом ему перевязали рану. Он многого ожидал от следующего дня.

— Неприятель не может остаться на прежней позиции, — говорил он, — потому что Цитен у него в тылу. А когда он вылезет из норы своей, мы с ним справимся.

Офицеры слушали его, но внутренне чувствовали, что надежды нет. Победа Дауна была решительна, половина прусской армии покрыла поле битвы. С нетерпением ожидал король первых лучей дня, ночь эта казалось ему целой вечностью. Беспрестанно высылал он адъютантов посмотреть, не рассветает ли. Но бурная ночь длилась, как нарочно. Ветер завывал в лесу и заглушал стоны раненых и умирающих. Проливной дождь как будто хотел смыть с земли кровавые пятна. Солдаты обеих армий блуждали по полям в совершенной темноте, и часто пруссаки, натыкаясь на свои же патрули, открывали по ним огонь. В разных местах австрийцы и пруссаки, которые не могли добраться до своих армий, располагались у одних костров, делясь по-братски всем, что Бог послал — голод, холод и утомление примирили врагов. В солдатах, похожих за несколько часов перед тем на разъяренных зверей, теперь пробуждалось человеческое чувство участия и сострадания. Они ложились рядом на мокрую землю, условясь наперед, что на утро тот из них признает себя пленным, чья сторона проиграет битву.

Между тем, пока это происходило в армии Фридриха, Цитен перед вечером вступил в битву с корпусом Ласси, поразил его и вытеснил австрийцев из деревни Синтиц. Неприятель, чтобы спастись от преследования, зажег деревню. Но это обстоятельство послужило в пользу пруссаков. Зарево пожара дало Цитену средства продолжать свои действия, несмотря на наступающую темноту. По совету Меллендорфа он велел из деревни штурмовать неприятельские батареи, а сам с несколькими полками пехоты, прикрываемой конницей, ринулся на Синтицкие высоты, овладел ими, потеснил австрийцев и несмолкающей канонадой привел их в совершенный беспорядок. Несколько австрийских полков, которые в темноте сбились с дороги, были захвачены в плен. Ласси сделал последнюю попытку сбить пруссаков с позиции, но неудачно. Конница его была опрокинута и спасалась бегством. Сам Даун получил несколько ран и вынужден был сдать команду генералу д'Оннелю. Новый военачальник, видя совершенное расстройство армии, поспешил переправить ее через Эльбу по трем плавучим мостам, которые наскоро были наведены.

Едва рассвело, Фридрих выехал из деревни, чтобы обозреть свое войско и приготовить его к новой битве. Вдали показались всадники в белых плащах; они неслись во весь карьер прямо на него. Это был Цитен. Прискакав к королю, он отсалютовал саблей и рапортовал:

— Имею честь донести, что приказ вашего величества исполнен: неприятель разбит и ретировался. В один миг оба соскочили с коней. Король бросился обнимать Цитена, который, рыдая, упал к нему на грудь и не мог произнести слова. Потом, вырвавшись из объятий Фридриха, он обратился к своим солдатам:

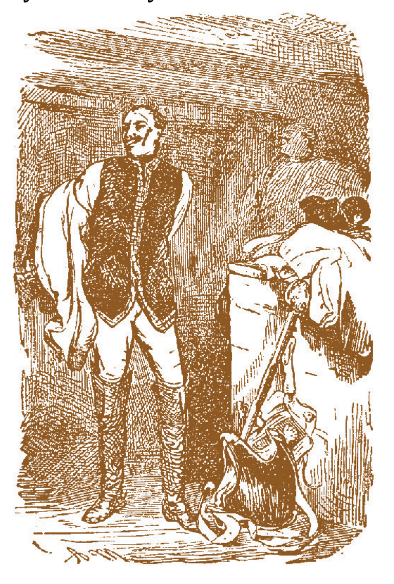
— Братцы! — воскликнул он. — Король наш победил, неприятель разбит: да здравствует наш великий король!

— Да здравствует король! — раздалось в рядах. — Но да здравствует и старый Цитен, наш гусарский король! — закричали гусары.

Можно себе представить радость прусского войска при этом совершенно неожиданном известии. Победа Цитена, о которой не смели даже мечтать, и рана, полученная Фридрихом, снова возбудили воодушевление солдат.

Ряд успехов последовал за Торгауским сражением. Если бы не позднее время года, король извлек бы значительные выгоды из этой кампании. В девять часов утра, когда солнце озарило

всю окрестность, пруссаки увидели себя обладателями поля сражения, покрытого десятками тысяч мертвых и умирающих, которых, однако, саксонские крестьяне и австрийские мародеры за ночь успели обобрать дочиста. Потеря с обеих сторон была так значительна, что, по-видимому, враждующие стороны не скоро могли опять приступить к новым действиям. Король лишился 13 000, австрийцы — 16 000 человек. Войско последних ретировалось по берегам Эльбы. Ласси пошел прямо к Дрездену, д'Оннель повел свои отряды по правому берегу. За Плауэнской долиной оба генерала соединились. Фридрих преследовал неприятеля, сделал даже попытку вытеснить его из Дрездена, но проливные дожди и холод препятствовали правильной осаде. Он разместил войска свои по зимним квартирам. Австрийцы сделали то же. Русские отправились зимовать вблизи своих польских магазинов, а имперцы — во Франконию.

В то же время генерал Гольц действовал с успехом в Силезии. Лаудон вынужден был отступить к границам. В руках австрийцев осталась одна крепость Глац. Евгений Виртембергский, при удалении русских за Варту, ударил на шведов и прогнал их к Стральзунду. Гюльзен занял Рудный хребет и тем отрезал имперскую армию от Саксонии.

Война с французами велась в этом году с переменчивым счастьем. Французы имели некоторые успехи, но не могли ими воспользоваться из-за несогласия своих вождей. Фердинанд Брауншвейгский, ослабленный Фридрихом, которому должен был уступить значительную часть своего войска, не мог действовать решительно. Малая война продолжалась между враждующими, без особенных выгод для каждой стороны. Вся кампания не имела важных результатов.

Фридрих провел зиму в Лейпциге.

Город этот в то время почитался средоточием германского просвещения и литературной деятельности. В нем жили знаменитейшие ученые, поэты и художники: король вошел в свою сферу. Здесь он мог отдохнуть душой и освежиться в беседе о науках и поэзии с отличнейшими умами Германии. Здесь сблизился он с саксонским поэтом Готшедом и с баснописцем Геллертом. Для придворных концертов король выписал из Берлина всю свою капеллу, но сам уже редко принимался за флейту. Наконец, прибыл в Лейпциг и последний задушевный друг Фридриха, маркиз д'Аржанс. Когда он вошел в кабинет короля, Фридрих сидел на полу и кормил своих любимых собак.

— Как! — вскричал он. — Это ли страшный маркграф Бранденбургский, против которого воюют пять сильнейших держав Европы! Неприятели трепещут и ломают себе головы, полагая, что он в эту минуту замышляет новый план кампании, или пишет грозные статьи договора, или приискивает себе сильных союзников... а он — спокойно сидит в кабинете и утешается комнатными собачками!

Но Фридрих был не так спокоен, как казался. Он постоянно думал о предстоящей кампании. Каждый день набирались рекруты, и в продолжение шести часов их неутомимо обучали боевым приемам и упражняли в военных эволюциях.

Были снова сделаны попытки к мирным переговорам. Франция первая вызвалась открыть конгресс в Аугсбурге. Финансы ее были сильно расстроены войной в Вестфалии и еще более неудачной борьбой с англичанами на море. Мир был для нее

необходим. Но остальные державы на это не соглашались. Расчет их был верен: с каждой кампанией силы и средства Фридриха истощались. Наконец, он должен будет изнемочь — и покорится. Чего не вынудит сила оружия, то приведут с собою обстоятельства. Но предположения человеческие хрупки: судьба прежде делает свой расчет и часто зароняет семена успеха там, где человек видит одну погибель. То же сбылось и с Фридрихом. Средства его, действительно, были истощены. Война обнимала своим пламенем все его провинции. Жители беднели, доходы уменьшались, поля были притоптаны, целые селения истреблены, войско видимо умалялось. Но это самое послужило к возрождению его сил. Крестьяне оставляли плуг и, вместо того, чтобы трудиться для неверной жатвы, брались за оружие и становились под королевские знамена с твердым намерением отомстить врагам отечества. Незаметно война сама собой обращалась в народную. Вся Пруссия запылала общим патриотическим энтузиазмом. Прежде, чем Фридрих смог придумать, откуда набирать солдат, войска его так пополнились охотниками, что он в начале зимы мог уступить 20 000 человек Фердинанду. Правда, армия эта далеко не походила на войско 1756 года. Ветераны сложили кости на полях своих побед, не много из этих героев уцелело в новых рядах прусской армии, для поощрения и поддержки неопытного войска. Сами офицеры, ознаменовавшие себя славными подвигами, уступили место кадетам, поступавшим на фронт прямо со школьной лавки[54]. Фридрих лишился лучших своих полководцев.

Принц Леопольд Дессауский, фельдмаршал Шверин, Кейт, герцог Франц Брауншвейгский и Винтерфельд пали с оружием в руках. Фуке и герцог Бевернский томились в плену. Левальд страдал от тяжких ран. Но дух Фридриха по-прежнему господствовал в войске. Судьба его была скована с армией неразрывной цепью. Собрат солдата — в походе и провидение его в бою, он сделался для всех предметом фанатического обожания. Анекдоты о тесном сближении его с войском бесчисленны и разнообразны.

---

[54] Так поступил на службу и молодой Архенгольц, написавший в последствии «Историю Семилетней войны».

Во время усиленного марша в Бранденбург войско остановилось на несколько часов у болота, через которое прокладывали наскоро плотину. Утомленные солдаты разложили костры и легли на траве. Вечер был холодный; резкий северный ветер проникал до костей. Цитен также присел к огоньку и скоро заснул. Солдаты подложили ему под голову пук сена. Фридрих увидел это. Тихо подошел он к костру и, закутавшись в плащ, прислонился к дереву. При малейшем шуме он уговаривал солдат: «Тише, тише, дети! Не разбудите моего Цитена: старик устал». Вскоре пришла солдатка и, не примечая короля, так неосторожно поставила на огонь горшок с картофелем, что искры и пепел полетели ему в лицо. Не говоря ни слова, он только прикрылся плащом. Солдат, заметив это, закричал на бабу: «Ослепла ты, что ли? Здесь король!» Солдатка испугалась, схватила свой горшок и бросилась бежать. Но Фридрих приказал ее воротить и насильно заставил доварить картофель. «Ничего, душа моя, — сказал он ей милостиво. — На походе мы все равны, и кухня у нас общая». Другая солдатка во время ночлега родила мальчика. Едва оправясь, рано утром она схватила своего ребенка и прибежала к Фридриху.

— Государь! — вскричала она. — Вот вам еще солдатик! Я его сейчас родила.

— Крещен ли ребенок? — спросил король.

— Нет еще, — отвечала солдатка, — но я непременно хочу, чтобы и его тоже звали Фрицем.

— Хорошо, — сказал Фридрих, давая ей золотую монету, — береги его, а на зимних квартирах я уж сам окрещу твоего Фрица.

— А где же ты был, старый Фриц? — спросили короля гвардейцы, бывшие под командой Цитена, после Торгауской победы. — Мы тебя совсем не видели. Или ты уж отказался драться вместе с нами?

— Нет, дети! — отвечал Фридрих, — я в это время бил неприятеля на другом крыле. Видите, он целил метко!

Тут показал он им на свою рану и на шубу, продырявленную пулями.

— Да здравствует наш старый Фриц! — закричали гренадеры в один голос. — Он наш в огне и в смертный час! За него и жизнь, и кровь! Да здравствует король!

Чего не мог предпринять такой человек! Чего не мог он совершить с таким войском?

Глава XXXIV. Начало кампании 1761 года. Лагерь при Бунцельвице

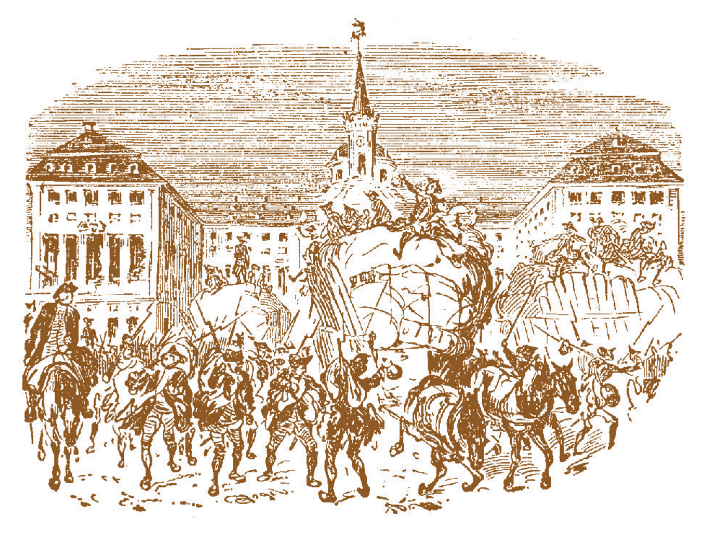

Мария-Терезия имела средства продолжать войну, в которой она до сих пор ничего, кроме потерь, не испытала. Государство ее, за исключением некоторых частей Богемии и Моравии, осталось неприкосновенным. Каждую зиму в Австрии производили новые наборы для укомплектования армии. Императрица-королева вместе с сыном своим Иосифом выходила на балкон и приветствовала полки, выступающие в поход. Такой же внимательностью старалась она возбудить твердость и усердие своих полководцев. Когда Даун, после поражения при Торгау, возвращался в Вену, покрытый ранами, Мария-Терезия выехала к нему навстречу за три мили и осыпала разбитого фельдмаршала милостями. Но казна австрийская была истощена войной. Правительство выпускало множество ассигнаций, которые совсем не

принимались в других землях. Офицерам, которые получали жалованье ассигнациями, приходилось ждать уплаты до окончания войны. Между тем конца ей не предвиделось. Таким образом, большинство офицеров поневоле вынуждены были с большой потерей разменивать свои ассигнации в частном банке, основанном мужем императрицы на собственный его капитал. Такой невинной спекуляцией император Франц наживал огромные суммы, между тем как подданные его супруги разорялись. Зато, занимаясь подрядами и денежными оборотами, он не вмешивался в дела правительственные, а Мария-Терезия, которая того только и желала, не мешала его спекуляциям. Обе стороны были довольны, и дела шли своим порядком.

Видя, что все усилия к примирению остались без успеха, и, зная, что одним из самых упорных противников мира был Брюль, Фридрих хотел дать почувствовать Августу все невыгоды войны. В возмездие за расхищение Шарлоттенбургского дворца он приказал разграбить роскошнейший и самый любимый Августом увеселительный замок, Губертсбург.

— Голова властителей не чувствует, когда у подданных вырывают волосы! — говорил он. — Надо их самих трогать за больное место! Но король едва смог найти во всем своем войске офицера, который взялся бы за этот позорный подвиг.

Военные действия 1761 года начались в августе. Франция выставила два войска: первое, в 110 000 человек, для завоевания Мюнстера и остальных крепостей Вестфалии, другое — в 45 000, для овладения ганноверскими провинциями. Бутурлин вел 60 000 русских; кроме того, Румянцев с 20 000-м корпусом, подкрепляемый русским и шведским флотами, отправился осаждать Кольберг. Лаудон прикрывал Богемию семидесятипятитысячным войском, а Даун стоял в Саксонии с 30 000. Имперская армия имела не более 20 000 человек, но, кроме того, шведское войско обладало берегами Померании и при первой опасности могло быть увеличено новыми высадками. Против всех этих сил Фридрих едва мог выставить сотню тысяч людей! При таком положении дел даже победа, подобная Торгауской, могла нанести ему великий вред. Он решил щадить свое войско и строго держаться оборонительной системы.

Еще на исходе зимы гусарские отряды сделали набег на кантонир-квартиры имперцев. Экспедиция была так счастлива, что пруссаки привели множество пленных, сбили имперскую армию с позиции и на долгое время лишили ее возможности вступить в дело.

Но главное внимание Фридриха было обращено на Силезию, которая и в этом году была избрана неприятелями театром войны. Здесь предполагалось соединение австрийцев с русскими. Король распорядился так: в Саксонию, против Дауна и имперцев, он послал принца Генриха с 32 000 человек; Евгению Виртембергскому дал 11 000 и поручил защищать По-

меранию от русских и от шведов, а сам с остальным войском пошел в Силезию. Три месяца старался он разными маршами и контрмаршами помешать соединению Лаудона с Бутурлиным — все напрасно! Русские перешли Одер между Глогау и Бреславлем, и 24 августа обе армии соединились близ Штригау. Тогда Фридрих с 50 000 человек очутился против 135 000-го неприятельского войска. Несогласие между неприятельскими вождями было причиной, что Фридрих успел еще отретироваться и при Бунцельвице занять крепкий лагерь. Когда через несколько дней предводители вздумали обозреть позиции пруссаков, они нашли уже не лагерь, а крепость, которая выросла перед ними, как будто из земли. Весь лагерь был обнесен валом, перед которым находились палисады и рвы в 36 футов ширины и 12 глубины. Кроме того, на всех возвышенностях стояли батареи; 460 пушек защищали валы, а перед фронтом были поставлены рогатки, вырыты волчьи ямы и проведены летучие мины, наполненные порохом, ядрами и гранатами. Вся прусская армия работала над этими укреплениями день и ночь, и через неделю они были готовы.

Лагерь Фридриха прикрывал от русских Бреславль и препятствовал осаде Швейдница. Здесь Фридрих хотел погибнуть со всем войском геройской смертью, но решился продать кровь свою дорогой ценой. Неприятельский стан обнимал прусский лагерь широким полукругом и, постепенно сближая свои концы, отрезывал у него все пути сообщения. Ежечасно Фридрих ждал нападения; все предосторожности были приняты. Солдаты спали поочередно днем, а по ночам становились с ружьями на валы.

Король делил с ними все тревоги и неудобства такой жизни. Часто спал он у бивачных огней на голой земле. Раз утром, после бурной ночи с проливным дождем, которую Фридрих провел в солдатской палатке, он сказал Цитену:

— Такого удобного ночлега я еще никогда не имел.

— Но в вашей палатке стояли лужи.

— В том-то и удобство, — возразил Фридрих, — питье и купанье были у меня под рукой.

Так проходили целые недели: всех волновало тревожное ожидание, но нападения не последовало. Тогда другие заботы начали мучить короля: с каждым днем иссякали жизненные припасы, лошади дохли, люди умирали, походные лазареты наполнялись больными. Открылись повальные болезни, в войске распространялось уныние, а подвозу не было. Голод и зараза действовали хуже русских штыков и австрийских пуль. С такими врагами Фридрих не привык бороться. Он заметно упал духом. Стараясь казаться веселым, ободрять солдат, он сам тосковал, проводил ночи без сна и часто изливал грусть свою в простую, бесхитростную душу Цитена. Старый гусар утешал его, как мог.

— Нет! — восклицал король. — Не обманывай меня, старый друг! Все пропало, надежды нет!

— Есть! — отвечал Цитен с твердостью.

— Разве ты приискал нам нового союзника?

— Да, вон там — над звездами небесными. Он за нас, и с его помощью мы не погибнем!

Цитен был прав: один Бог, правящий судьбой людей, спас короля из этого тяжкого испытания. Бутурлин и Лаудон не ладили между собой. Русский фельдмаршал негодовал, что Лаудон не соединился с ним тотчас при переходе через Одер и тем подверг русский авангард нападениям пруссаков. Граф Александр Борисович[55] был вельможа холодный, гордый, самолюбивый. Ловкостью и происками при дворе он сумел достигнуть фельдмаршальского жезла, ничем не прославив себя на ратном поле, и не имея даже необходимых способностей для предводителя войска. Когда императрица поручила ему начальство над армией в Пруссии, молодой великий князь, Павел Петрович, хорошо зная Бутурлина, сказал:

— Этот ни войны, ни мира не сделает!

Предсказание Павла сбылось. Бутурлин хитрил, как царедворец. Он знал, что надо угодить и государыне, и наследнику. Первая ненавидела Фридриха, второй обожал его. Бутурлин строго исполнял волю императрицы до той точки, до которой простирались ее предписания, но где он должен был действовать по собственному усмотрению, там он старался угодить

---

[55] Петр Великий, заметя в молодом Бутурлине сметливость и ловкость, тотчас при выпуске его из петербургской морской академии, взял его к себе в денщики. Екатерина I пожаловала его в камер-юнкеры, а потом в камергеры, приказав состоять при дворе Елизаветы Петровны. Он скоро своей ловкостью приобрел особенную благосклонность цесаревны, сделался одним из ближайших к ней людей и через ее посредство вошел впоследствии в милость к Петру II.

В его царствование Бутурлин играл важную роль при дворе, но нашел сильного соперника в князе Иване Долгоруком. При Анне Иоанновне Бутурлин был Смоленским губернатором. С воцарением Елизаветы на Бутурлина посыпались все дары Фортуны. Императрица вверила ему управление Малороссией. В 1742 году он был отправлен в чине полного генерала к войску, находившемуся в остзейских провинциях, потом сделан сенатором и главнокомандующим в Москве. В 1751 году получил Фельдмаршальский жезл и сделан членом Конференции Министров; а в 1756 наименован Графом русской империи. По окончании войны с Пруссией, Бутурлин снова был послан генерал-губернатором в Москву, где и умер в 1767, отличаясь набожностью и усердием к церкви.

Петру Федоровичу. По повелению Елизаветы он соединился, наконец, с австрийцами, но когда надлежало нанести решительный удар Фридриху, он вспомнил, что императрица недужна и слаба, и что не нынче, так завтра вступит на престол Петр III. Потому, несмотря на все убеждения Лаудона, он не соглашался атаковать пруссаков в Бунцельвицком лагере. Лаудон хотел сберечь свои силы и охотно предоставил русским первую роль в этом трудном деле. Но Бутурлин его хорошо понял.

— Австриец хитрит, — говорил он, — ему хочется загребать жар нашими руками. Этого не будет!

Когда Лаудон настаивал, доказывая все удобство и необходимость решительной битвы, Бутурлин велел ему сказать, что «если барону угодно пуститься на это отважное дело, он даст ему в подкрепление 20 000 русских». У Лаудона разлилась желчь при этом известии. По выздоровлении он начертал подробный план атаки и в нем указывал, где и как должны действовать русские. Бутурлин вспыхнул от гнева: он почел неслыханной дерзостью, что субалтерн-генерал осмелился делать предписания фельдмаршалу. Под предлогом недостатка провианта и трудного подвоза он со всей армией перешел за Одер, оставив Лаудону только корпус графа Чернышева. Лаудон не смел оставаться один перед лагерем Фридриха и также отретировался в горы. Прусская армия была спасена. Солдаты прыгали от радости, видя, что неприятель отступает, а Фридрих обнял Цитена и сказал:

— Ты прав! Союзник твой сдержал слово: он нас выручил!

Глава XXXV. Конец кампании 1761 года. Штреленский лагерь

след за русскими Фридрих отрядил отдельный корпус под командой Платена, поручив ему проникнуть в Польшу и разрушить там русские магазины. Платену, после многих затруднений, удалось при Гостине захватить огромный русский вагенбург, прикрываемый 5000 человек, под начальством бригадира Черепова. После кровопролитного боя 2000 русских были захвачены в плен, остальные обратились в бегство. Бутурлин отрядил корпус для преследования Платена, однако тот успел перебраться через Варту, при Ландсберге, и ушел в Померанию. Это обстоятельство заставило русских отступить к Познани. Теперь оставалось еще удалить Лаудона. Для этого Фридрих выступил из своего укрепленного лагеря и начал делать искусные маневры, показывая вид, что хочет ударить на

графство Глацкое, занятое австрийцами, или приникнуть в Моравию. Но Лаудон не дался в обман и удерживал свою позицию в горах. Напротив, пользуясь удалением короля от Швейдница, он в ночь на 1 октября неожиданно напал на эту крепость. Чернышев первый повел русских на приступ, овладел валом, поворотил прусские пушки против крепости, ворвался в город и отворил австрийцам крепостные ворота. Трехтысячный гарнизон, арсеналы и обширные магазины Швейдница достались победителям.

Смелый подвиг Лаудона дал австрийцам средства стать твердой ногой в Силезии, расположиться в ней на зимних квартирах и начать следующую кампанию с большими выгодами. За все это Лаудон был награжден опалой Марии-Терезии и едва не попал под военный суд. Его обвиняли в том, что он распорядился самовольно и нанес Фридриху гибельный удар, не спросив, сперва, разрешения венского военного совета. Этот нелепый образ ведения войны был причиной всех неудач австрийского оружия в борьбе с решительным прусским королем.

Весть о взятии Швейдница поразила Фридриха. Ключ к Силезии, а вместе с ним и половина этой провинции были потеряны. Ему оставалось только прикрыть столицу и остальные крепости Силезии и подкрепить принца Евгения, который с трудом боролся против русских под Кольбергом. Фридрих занял квартиру при Штрелене. Отсюда он мог удобно действовать против неприятеля при малейшем его покушении на Бреславль или на окрестности Швейдница. Войска были расположены по деревням, около Штрелена.

С 11 сентября граф Румянцев действовал в Померании, против города Трептау. После краткого сопротивления город сдался на капитуляцию, а командовавший им генерал Кноблаух со всем гарнизоном был взят в плен. Оттуда Румянцев двинулся к Кольбергу. В то же время небольшой русский флот под командой вице-адмирала Полянского начал блокировать город с моря. Румянцев окружил армию принца Евгения Виртембергского со всех сторон и, таким образом, отрезал к ней совершенно подвоз провианта. Генерал Вернер, прикры-

вавший большой прусский транспорт, был атакован близ Трептау, разбит и со всем отрядом взят в плен. Таким образом, русские отомстили за разграбление своего вагенбурга Платеном. Граф Бутурлин неоднократно отзывал его назад. Румянцев, несмотря на холод и невзгоды поздней осени, не повиновался. Наконец, разбив принца Евгения, он отступил.

«Вы видите, — писал он тогда к Гейдену, — принц Евгений сделал все, чего требовала от него честь и присяга своему государю, но он разбит и прогнан. Кольберг беззащитен; пролом в стене сделан; вам остается теперь думать об ответе не перед королем, а перед Богом в напрасной погибели невинного гарнизона, вверенного вашему попечению».

Храбрый комендант сам чувствовал невозможность долее сопротивляться и 5 декабря сдал город на капитуляцию. Это был первый славный подвиг Румянцева, который покрыл себя впоследствии обильными лаврами. «Благополучие мое тем паче велико, что сие первое мое приношение могу сделать к торжественному дню высочайшего рождения В. И. В., теплые воссылая молитвы к Всевышнему о целости неоцененного Вашего здравия, о долголетнем государствовании и ежевременном приращении славы державе В. И. В., толикими победами увенчанной. Теперь остается мне только доставить покой вверенному мне корпусу и облегчение солдатству по толиких трудах и испросить высочайшую В. И. В. милость и благоволение для всех с крайней ревностью и усердием служивших верных подданных, коими командовать имел я счастье». Так выражался новый русский полководец, донося о своем подвиге императрице. По взятии Кольберга русские войска заняли зимние квартиры в Померании.

В первый раз после шестилетней борьбы неприятели Фридриха достигли желаемой цели: теперь операции их могли быть верны и сокрушительны для Пруссии.

Кроме этих обстоятельств, постиг короля третий, еще ужаснейший удар. В октябре 1760 года умер единственный союзник Пруссии Георг II. На английский престол вступил внук его, Георг III. Зная привязанность нации к Фридриху, новый король во вступительной речи своей торжественно обещал поддержать союз с прусским королем и продолжать, по выражению Питта,

завоевывать Америку в Германии. Но вскоре по воцарении своем он отдал место первого министра любимцу своему, лорду Буту. Властолюбивый англичанин сумел все переделать по-своему. Сперва, выдача Пруссии вспомогательных сумм была замедлена под разными предлогами, а затем Георг III совершенно отказал Фридриху в субсидиях и уничтожил трактат.

Когда, таким образом, удар за ударом поражал Фридриха в Штреленском лагере, втайне действовали против него измена и коварство. Силезский дворянин, барон Варкоч, имел поместье близ самого Штрелена. По занятии там зимних квартир прусскими войсками он за долг почел представиться королю, был им обласкан и даже приглашен к столу. Но Варкоч давно негодовал на прусское правительство, которое связало ему руки и не позволяло драть с крестьян кожу. Соседство с главной квартирой Фридриха подало ему мысль избавиться от строгого судьи предательством. Он предложил австрийцам захватить Фридриха в плен и взялся за 100 000 червонцев представить его живого или мертво-

го. Все было слажено наперед. СообщникВаркоча, католический патер Шмид, вел все переговоры через австрийского полковника Валлиса. Квартира короля находилась вне городской стены, в небольшом сельском домике, скрытом между деревьями. Тридцать гренадер занимали караулы около сада этой маленькой пустыни. Густой парк Варкоча примыкал к ней. Через него ночью легко можно было проникнуть к самому домику и захватить короля прежде, чем в городе узнают о случившемся.

Но Провидение хранит своих избранников. Когда у Варкоча было все приготовлено, он в полночь послал егеря с письмом к Валлису и строго наказал ему как можно осторожнее прокрасться мимо квартиры короля. Ночная переписка и это предостережение возбудили в егере подозрения. Он распечатал письмо и узнал весь умысел. Тотчас поскакал он к Фридриху.

— Сам Бог избрал тебя орудием моего спасения! — сказал король, обнимая верного служителя.

Немедленно были приняты меры захватить заговорщиков. Но оба ускользнули обманом. Варкоча застали в халате. Он попросил позволения одеться и, под этим предлогом, выбежал в конюшню, бросился на лошадь и ускакал.

Суд приговорил злоумышленников к смертной казни, но так как они успели спастись, то судьи предложили совершить приговор над их портретами.

— Согласен! — отвечал король. — Портреты, верно, так же негодны, как и подлинники!

Низкий заговор против Фридриха возбудил всеобщее негодование не только в союзных государствах, но даже в самой Австрии. Графы Валлисы объявили во всех газетах, что полковник Валлис не принадлежит к их фамилии. Офицеры его полка отказались с ним служить. Австрийское правительство оправдывалось публично, говоря, что не имело никакого участия в этом презренном деле, и даже уволило Валлиса со службы. Но впоследствии, когда Варкоч в нищенском рубище скитался по Венгрии, Мария-Терезия назначила ему пенсию. Это ясно показывает, что она почитала его измену заслугой перед Австрией.

За этой изменой вскоре последовала другая. Один из бывших адъютантов Фридриха, барон Тренк, был неоднократно уличен в различных преступлениях. Он два раза бегал из темниц, поступал на русскую и австрийскую службу, действовал против отечества, но и в чужих державах отличался только предательством и распутной жизнью. Наконец, он опять попал в руки прусского правительства и содержался в это время как государственный преступник в каземате Магдебургской крепо-

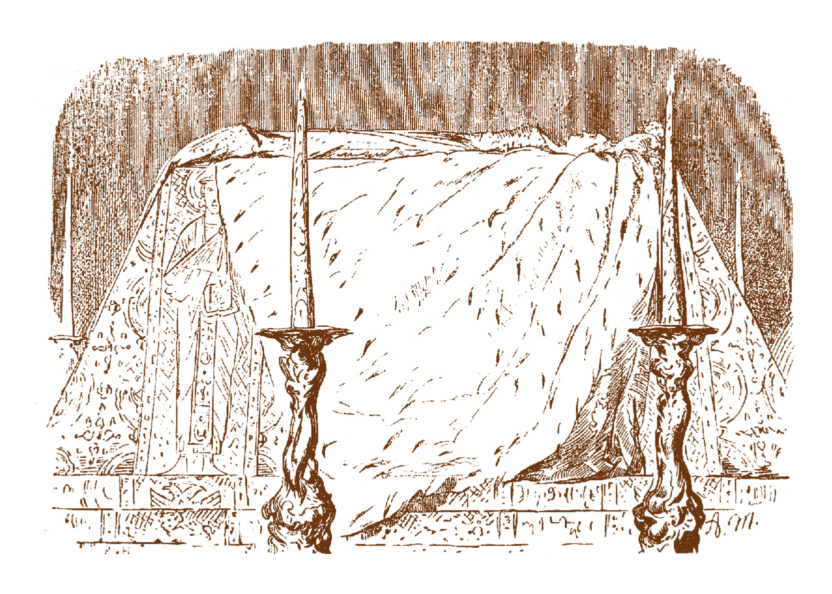
сти. Здесь он успел составить заговор с другими заключенными, нашел сообщников вне темницы, завел переписку с австрийцами и хотел предать в их руки крепость Магдебург. В то время Магдебург был для Фридриха важнее самой жизни: в нем находилось его семейство, все архивы, все пленные офицеры, государственная казна и главные магазины. С потерей Магдебурга должны были кончиться война и существование Пруссии. По счастью, замысел Тренка был открыт, и участь преступника сделалась еще тягостнее.

Но сквозь мрачные тучи пробивались и лучи солнца. Среди несчастий Фридриху открылась вдруг нежданная помощь. В конце октября в Штрелен прибыл Мустафа-Ага, посол крымского хана, с предложением выставить королю войско против России. В то же время удалось Фридриху, после долгих усилий, составить дружеский и торговый союз с Турцией. Султан собирал уже у Белграда войско, которое готовилось с весной выступить против врагов Фридриха. Так кончился 1761 год! Прусская провинция и Вестфалия были в руках неприятелей; Глац и

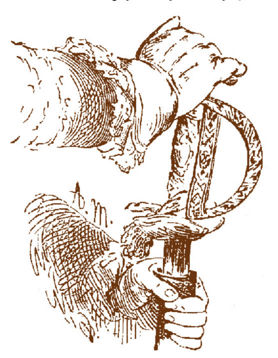
Швейдниц завоеваны; Кольберг и большая часть Померании заняты русскими! Враги Фридриха стояли твердой ногой в его владениях. Следующий год обещал им ряд блистательных и легких торжеств. Мария-Терезия почитала Силезию почти завоеванной. Для сбережения расходов она распустила 20 000 человек из своего войска. У Фридриха были отняты последние средства к обороне: пособие со стороны Англии прекратилось; Саксония была истощена: оставшиеся у него провинции разорены вконец. Кроме того, Франция приступила к мирным переговорам с Англией; стало быть, с будущего года Фридриху надлежало вести войну с французами собственными силами. Участь Пруссии была уже решена всей Европой. Надежда на непрочные обещания султана и крымцев не могла спасти Фридриха. Но и на краю бездны он стоял твердо, готовясь мужественно встретить последний удар рока, и с геройской решимостью смотрел в будущее!

Глава XXXVI. Кампания 1762 года

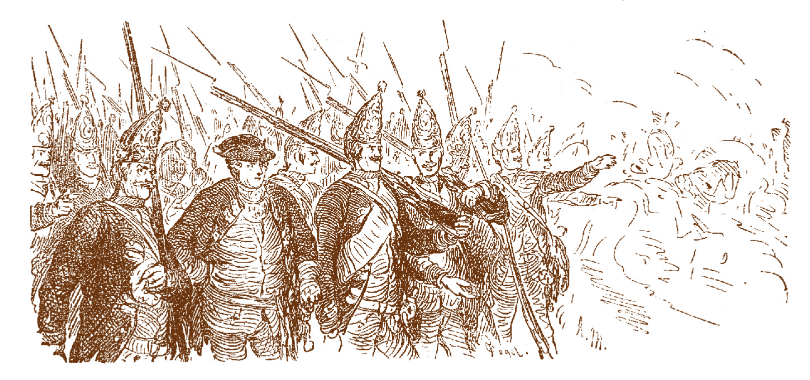
Буркерсдорф — Швейдниц — Губертсбургский мир

ок судил иначе. Неожиданное обстоятельство изменило вид всех европейских дел. 5 января императрица Елизавета скончалась. На русский престол вступил император Петр III. Юный император поспешил уверить Фридриха Великого в искренности своей дружбы и уважении. Послы с обеих сторон поскакали с поздравлениями. Немедленно было заключено перемирие. Вскоре за тем последовал формальный мир. Все прусские пленные были созваны в Петербург и после ласкового приема получили позволение возвратиться в отечество. Провинции и города, завоеванные у Фридриха, были отданы назад без всякого возмещения, а жители их разрешены от присяги на русское подданство. Войскам нашим велено было вступить в пределы империи, а по заключении мирного договора корпусу Чернышева было предписано присоединиться к армии Фридриха и состоять под его начальством.

Оба монарха старались превзойти друг друга в великодушии и щедрости. Петр III воспретил дальнейшую порубку прусских лесов, подарил значительные суммы разоренным жителям Померании и отступился от своих магазинов в Старгарте. Фридрих, со своей стороны, приказал щедро вознаградить жителей княжества Ангальт-Цербстского (родины новой императрицы) за собранные в них контрибуции и поставки.

Мир с Россией расстроил все планы противников Фридриха, а присоединение Чернышева к прусским войскам до того изумило австрийцев, что они долго не верили этому быстрому перевороту. Первым последствием союза России с Пруссией был мир со Швецией. Шведы, опозорившие свое оружие в Семилетнюю войну, владели небольшим участком Померании. Прусский полковник Беллинг с 1500 гусар поставил их в 1761 году в такое положение, что они не смели двинуться вперед. Теперь, боясь России, шведский сенат поспешил отправить в Гамбург посольство для мирных переговоров с прусским королем. 11 мая мир был заключен, и шведское войско возвратилось восвояси. Война эта принесла Пруссии одну выгоду: из шведского войска поступил на королевскую службу Блюхер, прославившийся впоследствии в войне с французами.

Все отдельные отряды, рассеянные в прусских областях против русских и шведов, теперь примкнули к армиям короля в Силезии и принца Генриха — в Саксонии.

Возвращенные из плена генерал Вернер, принц Виртембергский и герцог Бевернский, а равно и выздоровевший Сейдлиц

снова вступили в свои должности при войске. Армия Фридриха, с включением корпуса Чернышева, состояла из 60 000 человек. Почти на такое же количество войско Марии-Терезии было ослаблено отступлением русских, сильной повальной болезнью и распущенным ею корпусом. Силы уравновесились. Наконец король мог отнять у Австрии прошлогодние ее завоевания. Но австрийцы наперед угадывали намерения короля. В продолжение всей зимы они трудились над укреплением Швейдница. Владея горами, они на каждом возвышении построили по отдельной крепости и подходы к ним защитили палисадами и засеками, так что вся горная цепь представляла несколько укрепленных террас. Даун, который снова принял главное начальство над австрийской армией, занял все горные проходы. Фридрих старался нападениями и маневрами вытеснить Дауна с крепкой позиции или удалить от Швейдница. Даун отбивался и равнодушно смотрел на все его попытки. Фридрих отправил в тылу его экспедицию в Богемию. Партизаны его с русским казацким отрядом разрушали там неприятельские магазины, собирали контрибуцию — ничто не помогало. Наконец, Фридрих решил атаковать правое крыло Дауна, простиравшееся до Буркерсдорфа. Все распоряжения были уже сделаны, войска расположены. Вдруг новый удар судьбы постиг короля. Курьер из Петербурга прибыл с известием, что император Петр III 28 июня отрекся от престола в пользу своей супруги. Такая новость могла произвести совершенный переворот в делах Фридриха. Он упросил Чернышева сохранить это событие втайне, хотя бы на один день, и поспешил исполнить свой план. На следующее утро произошло Буркерсдорфское дело. Перед самым началом сражения, когда войска Фридриха стояли уже в боевом порядке, прибыл новый курьер из России. Эстафета его заключала в себе манифест о кончине императора, последовавшей в Рошпе, 6 июля, о принятии престола императрицей Екатериной II и повеление Чернышеву привести войско к присяге и немедленно отступить в Польшу. Сбылось то, чего так страшился Фридрих.

— Не требую от вас нарушения повелений императрицы, — сказал он Чернышеву, — но я надеюсь, что вы не оставите моего войска теперь, в минуту битвы, в виду неприятеля. Это значило

бы погубить меня, а государыня ваша, верно, не имела такого намерения. Не хочу, чтобы моя битва стоила хоть одной капли крови ее подданным. Я надеюсь один управиться с врагами, но я прошу вас не покидать позиции до окончания сражения, в котором ваш корпус будет только зрителем, а не участником. Весь мир оправдает поступок, которого требует от вас звание благородного вождя и благонамеренного союзника. По окончании дела — вы свободны. Чернышев был не в состоянии противиться убедительному красноречию короля. Притом требования его были так умеренны и справедливы, что исполнение их русский военачальник не мог почитать изменой отечеству. Он согласился.

— Я остаюсь! — сказал он Фридриху. — Если бы даже нашли, что поступок мой достоин смерти, я готов десять раз пожертвовать жизнью, чтобы доказать, как глубоко почитаю Ваше Величество. Но я убежден, что действую согласно с долгом совести и присяги, и уверен, что моя всемилостивейшая государыня оправдает мое убеждение.

План Фридриха был верно рассчитан. Даун, имея перед собой корпус Чернышева, не смел двинуться с места. Кроме того, войска Фридриха были так искусно поставлены, что, по-видимому, надлежало ожидать натиска на главные силы австрийцев. Усиливая себя против намерений противника, Даун не обратил особен-

ного внимания на горные укрепления и проходы. За ночь была поставлена против них прусская батарея в 45 гаубиц. Сражение началось искусным маневром, по которому пехота и артиллерия Фридриха с необузданной быстротой кинулись на неприятельские шанцы. Австрийская легкая конница хотела отбить приступ, но прусские батареи загнали ее в горные ущелья. Тогда начался приступ на горы со всех сторон. Пруссаки, под начальством Меллендорфа, как кошки взбирались по крутым высотам и обрывам и на себе взносили на них пушки.

Они брали одно укрепление за другим, теснили неприятеля в горы и, наконец, вынудили его бежать к главной армии Дауна. 1400 австрийцев пали на месте битвы, до тысячи были взяты в плен. Русские генералы, находившиеся в свите короля, с изумлением смотрели на удивительные распоряжения Фридриха и на почти невероятные действия его войска. По окончании битвы Фридрих с Чернышевым возвращался с поля сражения. Под кустом сидел солдат, тяжелораненый в голову.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил его король.

— Очень хорошо! — отвечал солдат. — Неприятель бежит, а мы побеждаем!

— Но ты сильно ранен, мой друг. Вот мой платок: завяжи им голову, чтобы не терять напрасно крови.

Чернышев был глубоко тронут этой сценой.

— Теперь я не удивляюсь успехам вашего величества, — сказал он Фридриху. — Кто так умеет привязывать к себе солдат, тот должен быть непобедим[56]!

---

[56] Граф Захар Григорьевич Чернышев с тринадцатилетнего возраста был уже в военной службе. В 1742 году он поступил в секретари при нашем посольстве в Вене. По возвращению в Россию сделан камер-юнкером при дворе наследника престола. Отличное знание иностранных языков, быстрый ум и особенная любезность в обращении вскоре доставили ему место полномочного посла на имперском германском сейме, где ему было поручено отстаивать права Петра Федоровича, как герцога Шлезвиг-Гольштейнского. Возвратившись в Петербург, он по интригам придворных подпал под опалу императрицы и был удален в армию. Во время Рейнского похода пожалован в генерал-майоры. В Семилетнюю войну Чернышев, в чине генерал-поручика, был одним из главных действующих лиц в нашей армии, отличался в малой войне с пруссаками и со славой участвовал в Цорндорфской битве. По заключении мира с Пруссией Чернышев сделан вице-президентом Военной Коллегии, управлял ей двенадцать лет; в 1773 году пожалован чином Фельдмаршала и возведен в звание президента Коллегии, но скоро должен был уступить это место любимцу счастья, Потемкину. Чернышев привел русское войско в отличный порядок и устройство; начертал для полков инструкции, положения и штаты, которые были высочайше одобрены и утверждены. Он был первым генерал-губернатором Белорусской области и образовал в ней Псковское и Могилевское наместничества. При нем Белорусский край пришел в цветущее состояние. В 1782 году Чернышев был перемещен генерал-губернатором в Москву, которая обязана ему многими лучшими своими зданиями. Здесь он получил Владимирскую ленту и скончался шестидесяти трех лет, в 1784 году. Екатерина чрезвычайно уважала Чернышева за его примерную преданность к престолу, за его светлый ум и бескорыстное самоотвержение на пользу отечества. Чтоб показать, на какой высокой степени образованности стоял Чернышев, довольно сказать, что первым другом его был умнейший и просвещеннейший человек своего времени, московский митрополит Платон. Чернышев имел редкую душу: для пользы общей он жертвовал всеми личными выгодами, не увлекался честолюбием и умел ценить достоинства своих сверстников, несмотря на то, что они обгоняли его по службе. Один из сановников, рассказывая раз при нем новости, сказал: «Представьте! Репнину дали Андреевский орден!» — «*Не может быть*, возразил Чернышев хладнокровно». — «Но я вас уверяю». «... *Не может быть* — повторил Чернышев, — *мне его дали, и вам могут дать, а Репнин сам его взял*».

В тот же день русские войска присягнули императрице Екатерине, а на следующее утро корпус Чернышева выступил в поход. Фридрих осыпал русского военачальника ласками и возложил на него орден Черного Орла. Екатерина пожаловала его генерал-аншефом, а в день своего коронования кавалером св. Андрея Первозванного. Все русские генералы получили от Фридриха подарки, и до самых границ Польши русская армия была продовольствована на его счет вином, хлебом и мясом.

Между тем, гроза, которую Фридрих ожидал со стороны России, миновала сама собой. При Елизавете, когда русские войска действовали против Фридриха, все глядели на эту войну с явным неудовольствием, почитая ее совершенно бесполезной. При Петре, во время мира с Пруссией, Фридрих сделался в России предметом всеобщей ненависти. Причиной такого странного и скорого переворота в общественном мнении были неожиданные и быстрые перемены в войске и в правлении, которые император предпринимал по образцу Пруссии, без всякого предварительного приготовления. Фридрих был его идолом, и он решил слепо подражать ему во всем. Но эти нововведения, прекрасные по своей цели, часто противоречили духу, характеру и нравам русского народа. Надлежало прививать их к России крутыми мерами. Мудрые намерения императора представляли себя в ложном свете. Появление при дворе иностранцев, которых государь осыпал милостями, породило ревность в прежних любимцах. Во всех классах народа поднялся ропот против прусского короля: его почитали виновником всех переворотов. При восшествии Екатерины на престол все единодушно желали продолжения войны с Пруссией. Но при разборе бумаг покойного императора, Екатерина нашла письма Фридриха, в которых он давал Петру самые спасительные советы: не делать быстрых переворотов в государстве, щадить права и обычаи народа, только в крайних случаях приниматься за нововведения и во всех трудных обстоятельствах

Брат его, *Иван Григорьевич Чернышев*, был известен, как отличнейший дипломат, славился тем же проницательным умом и благородством характера. Императором Павлом он был пожалован в Фельдмаршалы *по флоту* и произвел в нем такой же счастливый переворот, как брат его в армии.

более следовать внушениям благородного и нежного сердца его супруги, которое никогда не ошибется в выборе благих мер, чем горделивой и часто обманчивой уверенности в собственных силах. Эти строки обезоружили великую монархиню. Семилетняя война и без того изнурила государство, а Екатерина поставила себе правилом только тогда вмешиваться в дела других держав, когда оттого предвидится ощутительная польза для России. Итак, она приняла нейтралитет между Пруссией и Австрией, и мирный трактат с Фридрихом остался во всей своей силе.

Теперь Фридрих был совершенно спокоен. Он мог обратить все свое войско против одной Австрии. Даун, после поражения при Буркерсдорфе, был отрезан от Швейдница и отступил далее в горы. Пруссакам открылся свободный доступ к городу. Генерал Тауенцин начал осаду: 8 августа были отрыты траншеи. Две армии, одна под начальством короля, другая под командой принца Бевернского, прикрывали его. Эта осада занимает важное место в истории военной науки. Два отличных инженера: Грибоваль, со стороны австрийцев, и Лефевр, со стороны прусской, управляли осадой и защитой крепости. Оба были знамениты своими сочинениями по этой части и держались различных систем. Борьба их должна была решить, которая из двух систем лучше. Это подало повод к особенной подземной войне, в которой оба соперника

одинаково торжествовали. Между тем Даун, обойдя горный хребет, напал на армию принца Бевернского, расположенную при Рейхенбахе. Дрались с остервенением, но Фридрих подоспел на помощь к своему полководцу, и победа осталась за пруссаками. Эта попытка стоила австрийцам 3000 человек. Видя невозможность вырвать у пруссаков Швейдниц, Даун отретировался к Глацу. Два месяца продолжалась бесплодная осада. Фридрих потерял терпение и сам взялся за распоряжения. Удачным выстрелом из единорога граната была брошена в пороховой подвал, и целый бастион с двумя ротами австрийских гренадер взлетел в воздух. Тогда начались приготовления к штурму, но комендант Гаско не допустил до этого и 9 октября сдал крепость. Весь гарнизон был взят в плен. Пруссия и Австрия похоронили во время осады Швейдница по 3000 человек. 172 000 бомб и гранат было брошено в крепость, полтораста тысяч таких же выстрелов сделано по пруссакам. Фридрих показал примерное хладнокровие во время этой осады. Раз, он осматривал подкопы. Ядра и гранаты сыпались вокруг него. Одно из них убило лошадь под его пажом. Генералы просили короля ретироваться с опасного места.

— Не бойтесь, — отвечал он им, — ядро, которое должно поразить меня, падет свыше!

Восемнадцатилетний наследник престола с редкой неустрашимостью сопровождал короля во всех трудных пунктах. Взятием Швейдница кончились все операции в Силезии. Войска Фридриха пошли в Саксонию, куда и Даун отправил часть своей армии. Там принц Генрих отлично держался против всех нападений австрийцев и имперцев. Малая война велась постоянно, и почти всегда он выходил победителем из мелких стычек и сражений. Победы при Дебельне, близ Ауэрсбаха и под Теплицем доставили принцу решительный перевес над неприятелем. Имперцы были совершенно вытеснены из Саксонии, и только после большого обхода через Богемию им удалось опять примкнуть к австрийской

армии. Тогда соединенные неприятельские войска решились кончить поход генеральным сражением. 29 октября обе армии выстроились друг против друга на фрейбергских полях. Здесь обе стороны действовали так решительно, что, по словам историков, кровь лилась ручьями, и груды мертвых тел часто разделяли сражающихся. Вся битва продолжалась только два часа, после чего неприятели были так истощены, что не могли долее бороться. Сперва была опрокинута легкая кавалерия австрийцев, потом имперцы были вытеснены из окопов и отброшены к Мульде. Наконец, после упорной борьбы пехоты, Сейдлиц явился со своими кирасирами и нанес неприятелю решительный удар.

Дело под Фрейбергом было последнее в эту кампанию. Имперские войска очистили Саксонию совершенно, Даун отошел к Дрездену. Враждующие заключили между собой перемирие, и каждая армия вступила на зимние квартиры.

Между тем война в Вестфалии велась с переменным счастьем. В феврале 1761 года Фердинанд действовал с большим успехом против французов. Он напал на их зимние квартиры, уничтожил магазины и вытеснил неприятеля из многих укрепленных мест. Только Кассель и Геттинген остались в руках французов, но у Лангензальце французы потерпели такое сильное поражение, что вынуждены были очистить победителям путь к Касселю. Тогда Фердинанд послал племянника

своего на осаду этого города, а сам начал блокировать Марбург. Взятие Касселя могло лишить французов всех выгод, приобретенных ими в предыдущую кампанию. Потому маршал Броглио собрал все свои силы на нижнем Рейне, смело пошел на неприятеля и разбил союзную армию при Стангероде.

Фердинанд вынужден был ретироваться к Падерборну, а французы, овладев всей гессенской областью, открыли себе путь в Ганновер. Холод и недостаток продовольствия заставил обе армии прекратить военные действия. Малая война открылась снова на исходе июня месяца. Обе армии действовали сначала с равным успехом, но напоследок французы взяли перевес. Броглио овладел ганноверской областью, тревожил Вестфалию, взял Оснабрюк, Эмден, даже Бремен, хотя это был имперский город, и везде собирал страшные контрибуции деньгами и провиантом. Успехи французов были бы еще значительнее, если бы наступившая зима и несогласия между Броглио и Субизом не остановили военных действий. По ложным доносам последнего Броглио был отозван от войска и удален от двора[57]. На место его заступил принц Конде. С этой переменой все пошло иначе.

---

[57] Французская нация принимала живое участие в Броглио. На другой день по его отозвании от армии, в театре давали трагедию «Танкред»; при стихе:

C'est le sort d'un héros d'étre pérsécuté!
Участь героя быть преследуемым!

раздались такие неистовые рукоплескания и крики, что для прекращения шума принуждены были принять полицейские меры.

Фердинанд Брауншвейгский снова ознаменовал себя рядом побед, несмотря на то, что лорд Бут очень слабо подкреплял его войском со стороны Англии. К концу года начались между Англией и Францией мирные переговоры. Фердинанд, не обращая на то внимания, продолжал действовать и 1 ноября успел еще отнять у французов Кассель. Это был последний подвиг знаменитого полководца; через несколько дней мир был заключен. Лондонский парламент отблагодарил Фердинанда адресом, в котором назначил ему ежегодный пенсион в 3000 фунтов стерлингов. Война эта совершенно разорила Францию. Вольтер говорит: «Франция во время шестилетнего союза с Австрией гораздо более истощилась людьми и деньгами, чем во все войны, которые она вела с этим домом в течение двух веков». По статьям мирного договора французы обязаны были очистить и возвратить все завоеванные ими у англичан земли; о землях же прусских, находившихся в их руках, в договоре было упомянуто глухо. Поэтому французы еще оставались в клевском, гельдернском и других округах, и Фридриху предстояло изгнать их оттуда силой.

Перемирие, заключенное Фридрихом, распространялось только на Саксонию и Силезию. Он решил воспользоваться им для поражения прочих неприятелей. Он отправил десятитысячный корпус против имперских князей, которые держались противной стороны. Генерал Клейст со славой исполнил эту экспедицию. Он вошел во Франконию, овладел Бамбергом, потом Нюрнбергом, взял с обоих городов до двух миллионов талеров контрибуции и оттуда уже отправил партии по разным направлениям имперского союза. Прусские гусары распространяли повсюду страх и трепет. При одном их появлении

Броглио потом вступил в русскую службу в царствование Павла Петровича, переименован в генерал-фельдмаршалы, но не находя пищи для своей воинской деятельности, вышел в отставку. Он умер в Мюнстере, в 1804 году. Людовик XVIII говорил о нем: «В Броглио две редкие крайности: *храбрость юноши* **и** *опытность старца*!»

города сдавались и откупались деньгами. Так достигли они до самого Регенсбурга. Имперский сейм пришел в ужас и в крайней беде прибегнул к милосердию прусского посланника, графа Плото, на которого прежде смотрел с пренебрежением. Его покровительство спасло Регенсбург. Австрия смотрела равнодушно на действия Клейста и тогда только отправила небольшой корпус во Франконию, когда Клейст, обремененный добычей, заложниками и пленными, был на обратном пути и благополучно прибыл в Саксонию. Союзные имперские чины теперь увидели ясно, как непрочна надежда на помощь австрийцев, и спешили наперерыв отделаться от союза против Пруссии или заключить с ней мир. Бавария прежде всех объявила себя нейтральной, затем войска Палатината возвратились восвояси, и, наконец, Мекленбург заключил мир с Фридрихом и внес ему 150 000 талеров контрибуции.

Другая экспедиция была отправлена королем против французов в рейнские провинции. И она имела самый счастливый результат: владения его в самое короткое время были очищены и спасены от грабительства французских мародеров. Теперь Австрия и Пруссия должны были бороться один на один. Все преимущества клонились на сторону Фридриха. Богатые контрибуции, собранные им с имперских городов, он употреблял теперь на жалованье имперским же солдатам, которые, при расстройстве грозной исполнительной армии, целыми полками переходили под его знамена. Таким образом, он надеялся составить войско в 200 000 человек. Австрия могла выставить против него только 60 000. Кроме того, она была обременена тяжкими долгами. Подданные страдали от значительных налогов, недостаток звонкой монеты остановил ход торговли, купцы разорялись, ремесленный класс обнищал — поднялся всеобщий ропот. Эти обстоятельства заставили Марию-Терезию смирить свою гордость. Она сделала первый шаг к примирению. Фридрих был рад кончить брань, которая семь лет истощала его силы. Даже Август III увидел, что для спасения Саксонии от конечной погибели остается только одно это средство. Итак, замок Губертсбург был избран для переговоров. Каждая из враждующих держав отпра-

вила туда своего уполномоченного. На этот раз для совещаний были избраны не министры, не придворные интриганы, а чиновники, известные своей добросовестностью и светлым взглядом на вещи. Прусский советник посольства Герцберг и тайные советники: австрийский, Коленбах, и саксонский, Фрич, в конце декабря съехались в назначенное место. В первых числах января начались переговоры, а 16 февраля мир был подписан. Все три державы согласились признать взаимно свои владения в тех самых границах, в которых они находились до начала Семилетней войны, и не требовать друг с друга никаких вознаграждений. Силезия и графство Глацкое были признаны собственностью Фридриха. Австрия обязалась даже не разрушать построенных ей новых укреплений. Саксония была возвращена Августу. Кроме того, Фридрих обязался подать свой голос в пользу эрцгерцога Иосифа, сына Марии-Терезии, при избрании его в римские короли.

Так кончилась эта кровопролитная распря, которая опутала своими цепями всю Европу и закинула пламя войны даже в Америку. Кроме разорения, потери людей и долгов она ничего не принесла враждующим державам. Пруссия, опустошенная и расстроенная, однако, с восторгом ожидала прибытия своего короля в Берлин. Она чувствовала, что отныне все ее величие, безопасность и будущее счастье заключалось в нем. 30 марта, объехав Силезию, он прибыл в Берлин. Он хотел избежать торже-

ственного приема и въехал в город вечером. Но народ с утра ждал его перед городскими воротами; громкие крики «*Да здравствует великий король*!» встретили победителя. В один миг коляска его была окружена народом, и тысячи факелов запылали по улицам.

Народ ликовал: на площадях раздавались песни и заздравные тосты, все окна блистали радостными огнями. Но Фридрих был печален и с поникшей головой переступил порог своего королевского дома. После семилетнего отсутствия он возвращался в столицу, где взор его на каждом шагу встречал живые свидетельства бедствий, перенесенных подданными, и где он должен был прочесть почти на каждом лице печальный след потерь, ничем не вознаградимых. За несколько дней до приезда он писал к д'Аржансу:

«Стариком, у которого каждый день отнимает по году жизни, инвалидом, израненным подагрой, возвращаюсь я в город, в котором мне знакомы только одни стены. Там нет более близких моему сердцу. Не старые друзья встретят меня у порога, а новые раны

моего народа и бесчисленные заботы об их исцелении. С душой утомленной, с сердцем разбитым возвращаюсь я в этот город, где скоро сложу мои кости в приюте, которого покой не возмутят ни война, ни бедствия, ни злоба людей!»

На другой день по прибытии в Берлин он отправился в Шарлоттенбургскую придворную церковь, где назначено было молебствие и панихида по падшим в брани. Вся придворная капелла и множество народа ожидали его появления.

Он тихо вошел в церковь и сел в уголку. Служба кончилась, раздался победный гимн Грауна; все взоры обратились на короля: победитель стоял на коленях, опустив голову на руки, и — плакал.

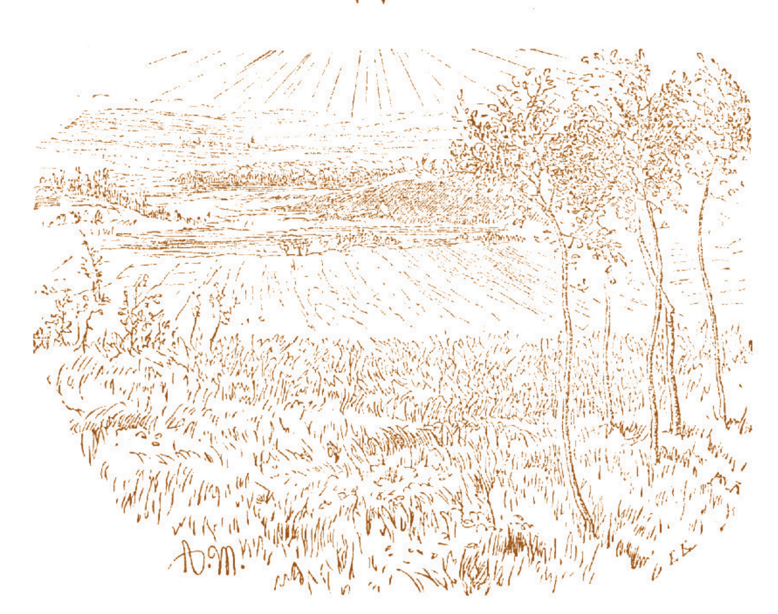
Но народ прусский имел достаточную причину радоваться. Семилетняя война возвела Пруссию в степень самостоятельного государства, пробудила в ней сознание самобытной национальности и уверенность в своих силах. Правда, она оставила опустошительный след в государстве, но это была беда домашняя, поправимая. Зато королевство Фридриха было свободно от внешних долгов и получило все средства развивать свои нравственные и физические силы из собственных источников, тогда как другие государства совершенно истощились и на долгое время результаты своей внутренней деятельности должны были употреблять на погашение иностранных займов.

Кроме того, слава прусского оружия и громкое имя Фридриха, как полководца, поставили Пруссию на уровень с сильнейшими державами и сделали ее одним из важных рычагов европейской политики. Этой войне пруссаки обязаны образованием превосходных военачальников: принцев Брауншвейгских, Генриха, Клейста, Меллендорфа, Вернера и, в особенности героя Семилетней войны — Сейдлица, имена которых надолго обеспечивали спокойствие и безопасность государства, отныне играющего важную роль в Европе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

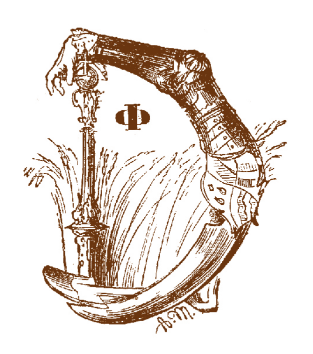
ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ФРИДРИХА.

Книга четвертая. Последние годы царствования Фридриха

Глава XXXVII. Внутренние учреждения Фридриха после Семилетней войны

ридриху надлежало много трудиться, чтобы водворить порядок и благосостояние в королевстве, расстроенном войной. Семилетняя упорная борьба стоила ему 200 000 солдат и вообще уменьшила народонаселение государства почти на полмиллиона. Несколько городов и селений были совершенно разрушены; многие страны походили на степь; большая часть путей сообщения были уничтожены. Только миллионами и столетиями можно было исцелить тяжкие раны государства. Но Фридрих, как мудрый врач, против сильных язв сумел найти сильные средства, и через десять лет Пруссия зацвела еще лучше, чем до начала войны.

Семилетней войной Фридрих поставил свое государство на такую степень значения, на которой оно могло удержаться одной силой оружия. Он понимал, что и в мирное время оно могло предаться покою только во всеоружии, как боец, всегда готовый к обороне. Он вынудил мир у неприятеля истомленного, но враг мог отдохнуть. Надлежало быть уверенным в своих силах и для новой встречи. Поэтому Фридрих, прежде всего, занялся войском. Тотчас по заключении мира он распустил из армии 40 000 прусских крестьян, которые возвратились к плугу. Несмотря на то, войско его пополнилось иностранцами, которые стекались со всех сторон, отыскивая чести служить под его победоносными знаменами. Строгая дисциплина связывала это разноплеменное войско крепкими узами. Ежедневные военные упражнения заставляли солдат думать только о своем деле, а забывать обо всем постороннем. Королевское внимание и щедрые награды, отличавшиеся, породили в них благородное состязание. Скоро новая армия стояла на той же степени совершенства, как и войско 1756 года.

Постигая сердце человеческое, Фридрих избрал честь рычагом для своей армии. Это чувство старался он раздувать в своих воинах всеми возможными средствами, зная, что оно ближе всего граничит с воодушевлением и способно на всякое пожертвование. Военное звание получило новые привилегии в гражданском быту

Пруссии. Одни дворяне производились в офицерские чины; преимущество рождения должно было вознаграждаться и всеми почестями военной службы. При этом король имел в виду и другую полезную цель. Слава прусского оружия была слишком заманчива; многие из гражданского быта поступали в полки, в надежде на возвышение. Оттого в королевстве умножался класс дворян, почитавших унижением каждое другое занятие, кроме государственной службы, а прочие полезные сословия уменьшались. По новому постановлению переход сделался невозможным, и башмачник оставался при своей колодке, как говорит немецкая пословица. Каждый член общества не выходил из круга, в котором рожден, и следовал своему призванию, не увлекаясь мечтами честолюбия, всегда пагубным для людей среднего сословия. Чтобы ознакомить офицеров с особенными тактическими приемами, Фридрих сам написал для них курс, извлеченный из собственного опыта. Курс этот раздавали им в рукописи, под строжайшим запрещением отдавать в посторонние руки, чтобы иностранцы не могли узнать его содержание. Кроме устройства войска, король заботился и о других мерах к обороне. Все укрепления были исправлены и усилены; в Зильберберге, в Силезии, построена новая крепость; запасные магазины наполнились через край; ружейные и литейные заводы работали без отдыха. Через год Пруссия имела в десять раз больше пушек, чем утратила во всю Семилетнюю войну, а число артиллерийских полков удвоилось. Чтобы с детства приготовлять дворян к их назначению, к военной службе, Фридрих увеличил берлинский кадетский корпус и основал еще два: один в Штольпе (в Померании), другой в Кульме (в Восточной Пруссии). Сверх того, в Берлине была открыта военная академия для офицеров; король выписал для нее отличнейших преподавателей из Франции. Обеспечив себя, таким образом, извне, Фридрих обратил все свое внимание на врачевание внутренних ран государства. Здесь он делал истинные чудеса. По его слову, как будто по мановению волшебного жезла, города роскошно восставали из развалин, строились деревни, болота осушались, пустыни превращались в цветущие селения.

Не одна отеческая заботливость о благосостоянии подданных побуждала его к этим быстрым и напряженным возобновлениям. Он имел и тайную, политическую цель: ему хотелось показать миру, что Пруссия, несмотря на свое истощение, была еще так сильна и богата средствами, что в несколько лет могла восстановить все разрушенное продолжительной войной и залечить все свои раны, не прибегая к постороннему пособию. С этой же целью он тотчас по заключении мира начал строить в Сан-Суси огромный дворец; на сооружение его было употреблено до пятидесяти миллионов. Этой постройкой он хотел, кроме того, пустить деньги в оборот и поправить состояние рабочего класса. При отделке этого дворца замечателен случай, который свидетельствует о чрезвычайной скромности Фридриха. Он поручил знаменитому живописцу Ван Лоо расписать потолок главного мраморного зала. Художник изобразил на нем

Олимп с полным собранием богов и в самой середине картины представил Клио, передающую парящей Славе вензель короля. Фридрих был этим весьма недоволен и приказал уничтожить свое имя.

— Я трудился не для истории, а для моего народа, — сказал он. — Все, что я сделал, принадлежит государству, а не славе. Я не завоеватель, а только защитник прав моих подданных; я не великий человек, а только порядочный король. Исполнение долга не заслуга, а успех — не подвиг! С большими издержками были снова выведены подмостки в зале, и Ван-Лоо, не желая переписывать своей колоссальной картины, закрыл вензель зеленой занавеской. И доныне еще богини славы держат в руках своих этот загадочный покров.

Чтобы провинции, наиболее пострадавшие от войны, могли поправиться, с них были сложены подати: с Силезии — на шесть месяцев, с Померании и Новой Марки — на два года. Кроме того, шесть миллионов талеров были розданы разным областям для вспомоществования обедневшим жителям, на выкуп заложенных дворянских имений и на поддержку и поправление фабрик и мануфактур, которые во время войны пришли в расстройство. Для земледельцев были назначены особые суммы. Король приказал выдать крестьянам из запасного провианта армии 42 000 четвертей зернового хлеба на посев,

почти столько же муки для пропитания и 35 000 артиллерийских и обозных лошадей для обрабатывания полей. Вообще, по исчислению кабинетс-министра Герцберга, Фридрихом роздано подданным на восстановление государства, с 1763 по 1786 год, 24 399 838 талеров. Но всего удивительнее, что все эти пожертвования были сделаны им из собственной казны, из частных его сбережений и контрибуций, собранных во время войны. Государственные суммы остались неприкосновенными. Такое уважение к народной собственности возвышает этого великого монарха еще более в глазах мира. Только с его гениальным умом, с его понятиями о чести и народных правах можно было достигнуть до таких изумительных и великих результатов.

— Государство мое богато, но сам я беден, — говорил он, — так что же? Зато мои подданные счастливы, а в этом состоит главное сокровище монарха!

Прекрасная мысль в государе! Великая черта истинного самоотвержения!

В одной Силезии Фридрих построил в восемь лет 213 деревень. Пруссия была открыта для всех семейств, гонимых религиозным фанатизмом в других государствах. Во время Семилетней войны преследование протестантов усилилось еще более в католических землях, и жертвы гонений толпами устремились под защиту Фридриха. В одном магдебургском округе было им поселено 2600 новых семейств. В Померании, в Остфрисландии, на берегах Одера и Гавеля раскинулись обширные колонии иноземных выходцев, и места болотистые и песчаные покрылись цветущими нивами и молодыми лесами. Лесоводство вообще составляло один из главных предметов забот Фридриха. В течение войны прусские леса жестоко пострадали. Они были отчасти истреблены неприятелями, отчасти порублены самим правительством на продажу. Теперь

огромное количество леса пошло на новые постройки, и король деятельно хлопотал, чтобы обеспечить грядущие поколения прусских подданных этой необходимой потребностью.

При таких усиленных действиях короля Пруссия заметно приходила в довоенное состояние.

«Фанатизм и ярость честолюбия превратили самые цветущие страны моего государства в пустыни, — писал Фридрих к Вольтеру. — Если вас интересует итог опустошений, причиненных мне врагами, то знайте, что я построил в Силезии 8000 домов, в Померании и Неймарке — 6500, а это, по всем вычислениям Ньютона и д'Аламбера, составит 14 500 новых жилищ. Большая часть была сожжена неприятелем. Нет! Мы не так вели войну; правда, и мы разрушили несколько домов в городах, которые осаждали, но число их не простирается и до тысячи. Дурной пример не ввел нас в искушение, и с этой стороны совесть моя свободна от всякого упрека».

Но на все эти вспомоществования и улучшения были потребны огромные суммы. Обыкновенных королевских доходов не доставало на покрытие издержек, которые еще более увеличивались содержанием огромного войска. Фридрих начал думать о средствах умножить доходы, не делая налогов на народ. Прежде

всего, он бросил взгляд на таможенное управление и нашел, что в Пруссии пошлины на предметы роскоши слишком ничтожны, и что тариф на привозной товар можно значительно распространить. В других государствах эта отрасль политической экономии приносила казне огромную пользу. Особенно во Франции таможенное управление было доведено до высокой степени совершенства. Фридриху хотелось завести у себя то же самое устройство. Он вызвал в Берлин знаменитого Гельвеция, генерал-президента таможен во Франции, который на этом месте доставил Людовику XV большие денежные выгоды и сам нажил огромное состояние. Гельвеций ознакомил короля с ходом дела и устроил в Пруссии главную администрацию королевских доходов, известную в народе под простым названием Régie. Она состояла из департаментов: государственного акциза и таможенных пошлин. Начальником этого учреждения был сделан француз де Лоне, который прибыл с целой ватагой голодных одноземцев. Пошлина была распространена почти на все предметы заграничного привоза и потому стала для народа несколько отяготительной. Действия новой администрации скоро распространили ропот в народе.

Чиновники ее, явясь в Пруссию почти нищими, вдруг стали играть значительные роли, обогащались за счет граждан, позволяли себе разные притеснительные меры. Незнание немецкого языка и жадность этих людей возбуждали к ним всеобщую ненависть. К тому же они имели право не только осматривать проезжающих на границах, но даже останавливать путешественников на дорогах внутри государства и делать обыски в домах.

Несмотря на такие меры, торговля контрабандой усиливалась, а ропот становился с каждым днем громче. Наконец, он должен был достигнуть до слуха короля. Фридрих увидел ясно, в чем состояла его ошибка. Он заменил французов немцами и строго запретил всякое притеснение граждан. Тогда народ примирился со своим королем. Не видя злоупотребления, пруссаки убедились в пользе самого дела и охотно платили пошлины в доход казны, зная, что эти доходы собираемы не для своекорыстных видов короля, не для обогащения временщиков и наложниц, не на роскошь придворных праздников, а для поддержки и облагодетельствования самого же народа. Кроме таможенных постановлений, король придумал и другие финансовые операции. Он присвоил казне исключительное право производства и торговли некоторыми предметами народной потребности. Первое место между этими предметами занимали табак и кофе. Табак был отдан на откуп за полтора миллиона талеров компании купцов, но компания не устояла, и казна должна была сама принять продолжение откупа. Эта монополия доставляла ежегодно миллион талеров государственного дохода и сильно развила и возвысила плантации и производство табака в Пруссии. Король сам надзирал

за действиями администрации табачного откупа. Вот что пишет об этом знаменитый Реденбек:

«Невозможно, чтобы частный торговец или фабрикант, который с детства изучил свою промышленность, вел свое дело с большим трудолюбием, внимательностью и порядком, чем Фридрих. Проницательный взор его следил за всем. Он сам приводил в порядок счетную часть, наблюдал за продажей и закупкой материалов, за фабрикацией и облагораживанием внутренних плантаций. Его проекты, предписания и распоряжения ясно показывают, что он глубоко проник даже в самые мелкие частности этой полезной отрасли государственного хозяйства».

Торговля кофе также исключительно была присвоена казне. Кофе продавался жженый и молотый, по довольно дорогой цене, а для наблюдения за контрабандой были приставлены особые чиновники, которые открывали злоупотребление по запаху жженого кофе, и потому назывались нюхальщиками. Фридрих смотрел на кофе, как на предмет роскоши, желал отучить от его употребления низшие классы народа и через то сберечь огромные суммы, которые ежегодно вывозились из королевства на покупку этого дорогого продукта.

Чтобы истребить злоупотребления, закравшиеся в судопроизводство и провинциальное управление, а равно и дурные наклонности, прививаемые народу разной безнравственной сволочью, занесенной в Пруссию Семилетней войной. Фридрих вздумал учредить, по образцу Франции, тайную полицию. Для изучения этого дела он отправил в Париж молодого полицейского чиновника, Филиппи, приказав ему подробно узнать систему министра полиции Сартина, которого чудные действия гремели по всей Европе. По возвращению в Берлин, Филиппи был сделан президентом полиции, и новое учреждение открыло свои действия. Но благая цель монарха не была достигнута. Как безответственное и самовластное правительственное место тайная полиция действовала помимо закона, оскорбляла права граждан, поддерживала сильных, боясь их влияния, и угнетала слабых, по одному подозрению, часто по ложному доносу, чтобы наживать от них деньги.

Сам Филиппи тоже не принадлежал к праведникам. Таким образом, учреждение, назначенное для обеспечения прав и собственности народа, сделалось для него родом инквизиции, полновластной губить и миловать без апелляции. А между тем, сановники смело употребляли во зло свою власть и действовали деспотически, зная, что, в случае жалобы, их сторона всегда возьмет перевес в тайной полиции, и что слишком крикливым челобитчикам там скоро заткнут рот, опозорив их названиями вольнодумцев и бунтовщиков. Страх, трепет, вопль и всеобщее негодование были следствием прекрасной, человеколюбивой мысли Фридриха. Но скоро он сам убедился в дурном направлении своей секретной полиции. В Берлине произошло тайное убийство, и Филиппи не смог отыскать виновника. Фридрих призвал его к себе и изъявил свое неудовольствие. Филиппи оправдывался тем, что не имеет достаточных средств действовать так, как Сартин, и что для полного развития тайной полиции должно учредить систему доносов и содержать множество шпионов. На это король возразил ему следующими достопамятными словами:

— Нет! На такую меру я никогда не соглашусь. Не могу отдать судьбу моих подданных на произвол наемников, которые не знают чувства чести и за деньги готовы принять на себя позорное ремесло. Хотя я желал бы уничтожить всякое злоупотребление, открыть зародыш каждого преступления, но нахожу, что средства, которыми можно достигнуть уничтожения зла, гораздо хуже, чем само зло. Спокойствие и доверие моих

подданных мне дороже всего. Пусть лучше все идет по-прежнему. Чего сам не досмотрю, то укажут мне жалобы притесненных.

И Фридрих уничтожил тайную полицию.

Несмотря на все эти тяжкие нововведения, любовь народа к Фридриху нисколько не охладевала. Каждое новое учреждение, нарушая прежний порядок вещей, вначале возбуждало ропот, но когда оно приходило в устройство, подданные сами видели благие намерения короля и охотно подчинялись его воле. Даже акцизы и пошлины, которые сначала казались тяжким налогом, наконец, были признаны делом полезным и справедливым. Все знали, что король, скопляя капиталы, почитал их не целью, но средством своих действий и всегда имел в виду не столько сами деньги, как добро, которое можно сделать деньгами. Народ знал, что в этих капиталах состоит сила и безопасность государства.

— У кого будет больше денег, тот и останется победителем! — говорил Фридрих во время Семилетней войны и доказал всю справедливость этого изречения.

К тому же добросовестность его финансовых операций ясно обнаружилась по окончании войны, когда он в три года уничтожил и приказал перечеканить всю дурную монету, распущенную жидом Эфремом. При перемене нового денежного курса народ утратил из своего капитала только 22 процента. Такую жертву можно было принести за спасение отчизны, прусского имени и народной независимости! каждый гражданин, выменяв свои деньги, смотрел на свою маловажную потерю,

как на лепту, принесенную на алтарь отечества, и радовался, что был участником в великом деле освобождения.

В то самое время, когда с одной стороны народ платил пошлины за предметы роскоши, с другой на него сыпались благодеяния короля: торговцы, фабриканты, ремесленники, сельские хозяева получали щедрые вспоможения. Фридрих являлся среди своего народа доверчиво, с участием расспрашивал каждого о делах и кротким обращением и милостью обезоруживал всякую вспышку народного неудовольствия. Множество анекдотов ярко характеризуют состояние умов в это время. Когда были открыты действия кофейного откупа, Фридрих проезжал раз по городу верхом. На одной из улиц он увидел толпу народа, которая теснилась около фонарного столба.

— Узнай, что там такое, — сказал он своему пажу.

Паж донес, что к столбу прибита карикатура. Фридрих подъехал ближе, так, что мог рассмотреть картину. Она представляла его самого, верхом на кофейной мельнице. Одной рукой он с большим усилием молол кофе, а другой жадно подбирал выпавшие зерна.

— Дети! — сказал он окружающим. — Прибейте картину повыше, чтобы всем было видно, а то вы из-за меня еще раздавите друг друга!

Эти слова возбудили всеобщий восторг. Карикатура была изорвана в мелкие куски, и народ с радостными криками провожал короля по улицам.

Другие случаи показывали еще яснее его внимательность и участие к положению самых ничтожных и беднейших из подданных. Так, ходила в народе повесть о тюрингенском кандидате богословия, который, приехав в Берлин, был остановлен и жестоко притеснен таможенными чиновниками.

Он привез с собой мешочек с прежней, дурной монетой. Вместо того, чтобы обменять ее, у него совсем отняли деньги и, таким образом, оставили в чужом городе без полушки денег, на произвол голодной смерти. В крайнем отчаянии, не евши двое суток, он, наконец, решился идти пешком в Потсдам и подать королю просьбу. Долго бродил он около дворца и, наконец, пробрался в сад, где Фридрих его увидел. Приняв от него просьбу, король вступил с ним в разговор и в заключение сказал:

— Будь покоен, мой друг! Мы как-нибудь поправим беду. Таможенные чиновники не правы, за то они возвратят тебе деньги с процентами. Ты приезжий; стало быть, не мог знать, что такая монета здесь не в ходу.

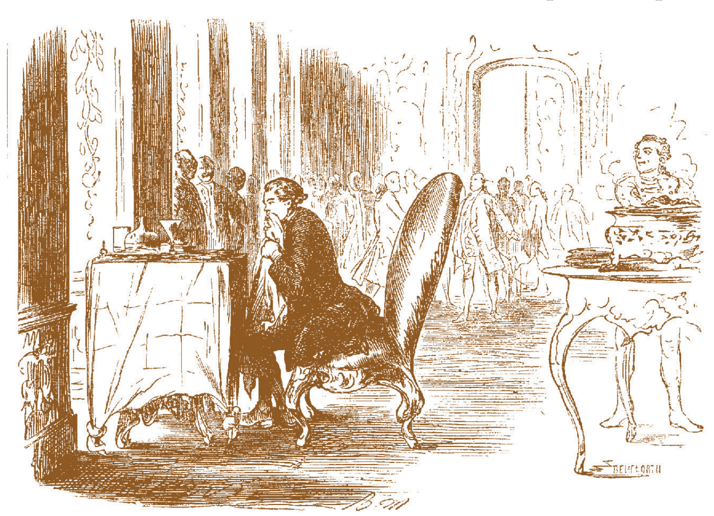
С этим словом король его оставил и возвратился во дворец. Бедный кандидат долго стоял перед великолепным зданием, не зная, что начать.

Так прошло около часа. Вдруг явился камер-гусар и позвал его во дворец. В одном из залов был накрыт стол.

— Его величество просит вас здесь откушать! — сказал один из придворных и приказал подать кандидату стул.

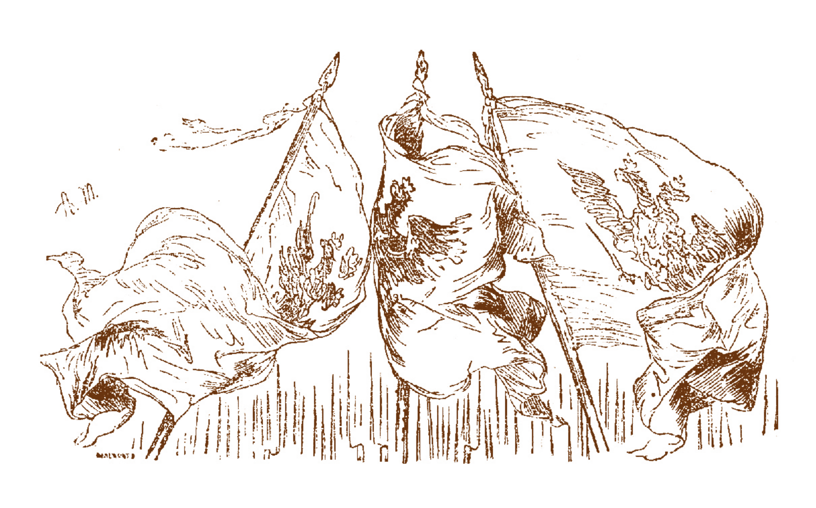
Он сел с большим смущением, но голод скоро взял свое, и он преисправно начал знакомиться с каждым блюдом. После обеда ему подали письмо от имени короля к директору таможни и пять червонцев. У подъезда стояла коляска, в которую его попросили сесть. Через два часа он был уже в Берлине и в пакгаузе. Ему не только выдали все деньги ходячей монетой, но заплатили еще 24 талера, которые он был должен трактирщику за квартиру и за необходимейшие потребности жизни. Это были обещанные королем проценты.

Эта черта королевского внимания и правосудия быстро разнеслась по всей Пруссии. Везде говорили о Фридрихе с восторгом. А старые солдаты и инвалиды Семилетней войны своими рассказами еще более разжигали к нему любовь народную.

В кругу семейств, в хижинах, и гербергах, везде, где только являлись эти герои, около них собирался кружок усердных слушателей. Добрая кружка пива развязывала им язык, и тогда не было конца повествованиям о великих подвигах старого Фрица, о его неустрашимости, любви к солдатам, о том, как он страдал вместе с ними, переносил и холод, и голод, как побеждал врагов и награждал заслуги храбрых. Старики удивлялись своему великому монарху, матери семейств молились за него, а дети с ранних лет приучались любить его. Таким образом, народность Фридриха росла с каждым днем. С нею вместе усиливались любовь и доверие подданных, и он смело мог предпринимать каждое нововведение, не опасаясь вредных последствий и неудач.

Глава XXXVIII. Политические отношения к Австрии и России. Приобретение Западной Пруссии

рена политическая занимала Фридриха не менее забот внутренних. При всей силе своей он чувствовал неудобство положения Пруссии: государство его не имело естественных границ, кроме Балтийского моря к северу. Но и тут, для защиты прусских берегов, не доставало флота. Между тем, после Семилетней воины, Пруссия образовала, так сказать, звено, связующее государства запада с северо-востоком. Фридрих поневоле становился посредником в политике обеих половин Европы. Положение почетное, но опасное. В случае вражды, он находился под перекрестным огнем той и другой части. Хотя Губертсбургский мир и обеспечил его владения и даровал ему второй голос в делах Германии, но Фридрих мог предвидеть, что при постоянном стремлении Австрии к расширению границ и к первенству, этот мир не будет продолжителен. Оборонительный трактат Австрии с Францией,

оставшийся и после Семилетней войны во всей силе, убеждал его в том еще более. Фридрих стал также думать о союзе с которой-нибудь из сильных держав. Францию он мог бы склонить на свою сторону, но она была слишком слаба и расстроена и не могла представить ему надежную опору. С Англией, изменившей ему так предательски, он не хотел более иметь дела. Турция находилась с ним в дружеских отношениях. Султан Мустафа III по заключении Губертсбургского мира прислал к нему посольство с богатыми подарками, поздравляя его с победой и прося о продолжении дружбы. С осени 1763 года уполномоченный посол Оттоманской Порты, Ахмед-эфенди, прожил в Берлине до мая месяца следующего года. Уверяют, что султан просил Фридриха прислать к нему одного из трех великих астрологов, которые помогли ему побороть врагов. На это король отвечал, что повелитель правоверных найдет их у себя, ибо эти три астролога суть его знание политических дел, его войско и казна. На что мог Фридрих надеяться от дружбы с турками? Теснимая могуществом России, сама Турция находилась в критическом положении. Влияние Франции на дела дивана делало союз с ней еще сомнительнее. Притом, войти в политические связи с султаном значило нажить себе еще опаснейшего врага, Россию, виды которой преимущественно были обращены на восток. Итак, оставалась только одна держава, которая могла достойно поддержать значение Пруссии и обеспечить ее границы с севера и с востока: это была Россия. Фридрих приложил все старания, чтобы с ней сблизиться. Посланник его, граф Сольмс, прибыл в Петербург и от имени короля попросил прочной дружбы и союза. Но успех был сомнителен. Бестужев-Рюмин, возвращенный Петром III из ссылки, снова начал свои интриги против Пруссии. Действуя через любимца Екатерины, графа Григория Григорьевича Орлова, он всеми мерами старался отклонить императрицу от союза с Фридрихом. Венский кабинет, узнав о намерении прусского короля, немедленно отправил своего министра в Петербург с таким же предложением. Посол Марии-Терезии начал вредить Сольмсу тайными происками и в то же время разными доводами старался

убедить Екатерину, что союз с Австрией может принести России неимоверные выгоды, тем более, что Австрия по физическому своему положению, разделяет неприязнь России к Оттоманской Порте и в случае войны может оказать императрице значительную помощь. Австрийский двор не щадил ничего, чтобы достигнуть цели и не допустить Пруссию до опасного для себя союза. Но с великой Екатериной было не так легко поладить, как с Елизаветой Петровной. Она не отказывалась от дружбы обеих состязающихся держав, но не хотела заключать союза, пока время и обстоятельства не укажут ей, которой стороны должно держаться. Итак, несмотря на все интриги Бестужева и австрийской партии, несмотря на сильные убеждения графа Никиты Ивановича Панина, который ходатайствовал за Фридриха и был особенно любим императрицей за глубокие политические познания и прозорливый ум, оба посланника действовали безуспешно. Но скоро сами события решили дело в пользу Пруссии. В октябре 1763 года умер Август III, обязанный польским престолом России. Он оставил после себя сына и малолетнего внука. Сын его умер в декабре того же года. Польша готовилась к избранию нового короля. Во время двадцатисемилетнего слабого царствования Августа анархия Польши достигла до высочайшей степени. Проживая постоянно в Саксонии, он почти совсем не заботился о делах королевства польского, где браздами правления овладело своеволие магнатов. Все стихии общественной жизни пришли в совершенное расстройство. Дела государственные решались сеймом, составленным из депутатов областей, которых выбирали на малых сеймиках, под влиянием золота или насилия вельмож. Liberum veto, право каждого депутата изъявлять свое несогласие на сейме подавляло часто лучшие и полезнейшие предположения в самом их зародыше. Грозное «nie pozwalam» самого ничтожного шляхтича, служившего орудием своекорыстных видов богатого вельможи, останавливало ход дел государственных и нередко решало участь всего народа. С пресечения рода Ягеллонов (смертью Сигизмунда-Августа I в 1572) этим сеймам было предоставлено избрание королей. Тогда образовалось в Польше столько же партий, сколько было магнатов, ибо каждый из них

почитал себя потомком Пяста и, следовательно, в праве на престол. При Августе III вельможи овладели почти всеми государственными поместьями, управлялись в них, как в своей собственности, строили укрепленные замки, вели междоусобные войны и лишили короля всех владений в государстве. Имея в руках средства и деньги, они возвышали голос свой над властью монархической. Дух безначалия разлился повсюду. Корысть и фанатизм духовенства раздували страсти. К внутреннему неустройству присоединились еще споры и гонения за веру. Народ враждовал между собой так же, как и магнаты. Дворянство польское гордилось своей вольностью, утопало в роскоши и разврате, предаваясь или деспотическому угнетению, или всем унижениям рабства, и не чувствовало, как влечет отечество свое в бездну погибели. Польша остановилась в своем гражданском образовании именно в то время, когда соседние с ней державы быстро начали развивать свои силы, и потому сделалась целью для видов других европейских государств. Вот печальное положение, в которое Польша пришла при государях из саксонского дома. Весьма естественно, что в толпе своевольных честолюбцев и врагов общественного порядка, которые так же легкомысленно играли судьбой отечества, как и участью своих крестьян и поместьев, отдавая их на произвол грабительства жидов-арендаторов, были и люди благомыслящие, истинные патриоты. Скорбя душой о неустройствах отчизны, они желали положить конец ее несчастьям прочным основанием монархического правления, избранием государя достойного, который силой самодержавной власти искоренил бы зло и передал престол своему потомству. Главами этой партии были два значительнейшие магната, Браницкий и Чарторижский. Не имея довольно средств отстоять свое мнение в государстве, где каждая голова имела собственное мнение и волю, они для введения нового образа правления вынуждены были прибегнуть к посредничеству других держав, наиболее им опасных, к Австрии, Франции и Турции. Россия, проникая в их намерения, не могла при этом оставаться равнодушной. Смерть Августа III и безначалия Польши заставили Екатерину принять участие в делах этого государства.

Она хотела дать полякам короля, который бы действовал согласно с ее видами. Выбор императрицы пал на литовского дворянина Станислава Понятовского, который долго жил при русском дворе и был известен как ловкий царедворец, но бесхарактерный и слабый человек[58].

[58] Вот что пишет о нем граф Линар, знавший его коротко: «Отец Понятовского был искатель приключений, (un avanturier). Из простого слуги в доме литовского помещика Мизельки, он поступил в шведскую службу и сделался доверенным лицом Карла XII. Потом он вкрался в любовь польского короля Станислава Лещинского и предательски украл у него отречение от престола Августа II. С этим важным актом поспешил он в Варшаву. В награду за такую услугу Август возвел его в графское достоинство и женил на княжне Чарторижской, происходившей от Ягеллонов. От этого брака родился Станислав-Август. Молодой Понятовский, не имея никакого состояния, но одаренный, чрезвычайно красивой наружностью и непомерным честолюбием, долго жил в Германии и Франции, в надежде на блестящую будущность. В Париже, при

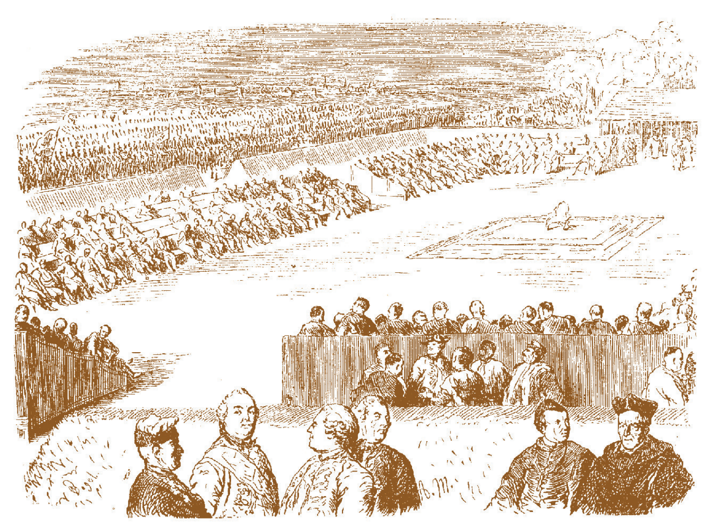
Екатерина, чтобы достигнуть цели, приняла сторону Чарторижского, которому Станислав доводился племянником. Но ей нужна была поддержка еще одной соседней державы. Граф Сольмс уверил ее, что Фридрих примет все меры, чтобы сделать ей угодное и поддержать ее требования своим авторитетом. Таким образом, 31 марта 1764 года составился оборонительный союз России и Пруссии. Статьями этого договора, который остался тайною для других держав, были гарантированы европейские владения обоих государств, с условием: не начинать войны и не заключать мира без обоюдного согласия, а в случае нападения на которую-либо сторону, союзная держава обязывалась давать вспомоществование или двенадцатью тысячами войска, или субсидией в 480 000 талеров. В двух сепаратных статьях договора было сверх того постановлено: не допускать в Польше наследственного, самодержавного правления и всеми мерами поддерживать избрание Понятовского на престол.

Прусский посол Шенайх и уполномоченные Екатерины, князь Николай Васильевич Репнин и граф Кейзерлинг, немедленно отправились в Варшаву, чтобы приготовить умы к предстоящему выбору. Примас королевства польского, князь Лубенский, и важнейшие из магнатов легко склонились на их сторону. Оставалось только согласить депутатов из провинций. Эта задача была труднее, но умные министры сумели и тут уладить дело, не унижая высоких своих доверителей низкими средствами интриги и подкупа. Репнин уговорил примаса созвать, сперва конвокационный, или *предварительный сейм*. На нем было постановлено: «решать все государственные дела не по единодушному соглашению всех членов сейма, как прежде, но по большинству голосов». Этой мерой было уни-

---

посредстве шведского посланника, ему удалось войти в значительные связи; но мать его, боясь, чтобы слишком обольстительные удовольствия этой столицы не имели на сына пагубного влияния, вызвала его из Франции. Понятовский поехал в Лондон. Там сблизился он с лордом Вильямом Гендбури, который, отправляясь послом к русскому двору, взял его с собой. Здесь служил он лорду секретарем». См. *Ecrits politiques du comte de Lynar*. Впоследствии Август III назначил Станислава Понятовского посланником при нашем дворе; но по проискам Французского кабинета он скоро был отозван в Варшаву.

чтожено пагубное liberum veto, и министры Пруссии и России могли смело приступить к избранию назначенного императрицей короля. 26 августа собрался избирательный сейм. Противоречий не было — вокруг избирательного поля стояли войска России и Пруссии, и были выдвинуты пушки. Это много содействовало к согласию сейма. Понятовский был избран единодушно в короли под именем Станислава II Августа.

Россия достигла своей цели. С этих пор императрица предписывала законы на сеймах, и король был только покорным исполнителем ее воли. Фридрих, поздравляя Станислава-Августа с восшествием на престол, написал к нему, между прочим, следующие замечательные строки:

«Не забывайте, что вы обязаны короной выбору, а не рождению. Мир, по всей справедливости, будет смотреть на ваши деяния гораздо строже, чем на других государей Европы. Вступление на престол последних есть непременное следствие их происхождения, а потому от них ожидают только того, к чему обыкновенный человек способен. Но от избранного равными себе, по единодушному согласию, от простого подданного, возвышенного в сан королевский, мир вправе требовать всего, чем можно заслужить и украсить корону. Благодарность к народу — первый долг такого монарха, потому что, после Провидения, он одному народу обязан престолом. Король по рождению, действующий

недостойно своего звания — сатира да самого себя, но избранный монарх, забывающий свой долг и сан, кладет пятно и на своих подданных. Ваше величество, верно, простите меня за излишний жар. Он — следствие чистосердечного уважения. Лучшая часть моей картины не столько наставление, чем Вы должны быть, как пророчество, чем Вы будете».

Но при состоянии тогдашней Польши и при влиянии на нее посторонних держав Станислав-Август не мог воспользоваться мудрыми советами Фридриха. Если вопрос о праве на верховную власть был решен Екатериной почти таким же средством, каким Александр Македонский развязал гордиев узел, то другой вопрос, о правах религии, волновал еще умы и разжигал страсти. В коренных постановлениях Речи Посполитой было определено, чтобы все граждане, несмотря на различие вероисповедания, пользовались одинаковыми правами в государстве. В 1569 году постановление это было снова утверждено на Люблинском сейме, и с тех пор каждый из королей польских, при вступлении на престол, приносил клятву сохранять права диссидентов[59], т. е. граждан не римско-католического исповедания. Но дела веры имели влияние и на дела политические. Большая часть польских подданных держались православного закона, и, стало быть, невольно находились под влиянием единоверной им России. Желая уничтожить эту последнюю связь между двумя народами, родственными по происхождению, польские короли, начиная с XVII века, стали притеснять диссидентов. Началось с введения Унии, т. е. смешения обрядов восточной церкви с обрядами западной. В начале XVII столетия иноверцам было запрещено строить новые церкви и возобновлять старые, участвовать в провинциальных сеймах и, наконец, даже поступать на государственную службу. Такие притеснительные меры не раз зажигали пламя бунта и заставляли подданных греко-

---

[59] *Диссидент* — значит *несогласный*. В Польше именовались так все исповедующие православную или протестантскую религии и потому не согласовавшиеся с обрядами римской церкви. Dissidentes in rebus religion's — разнящиеся в делах веры.

российского исповедания прибегать к защите русских царей, как представителей и блюстителей православия. Следствием были войны с Польшей Иоанна III, Василия III, Годунова, Алексея Михайловича. Софья укротила на время гонения против диссидентов московским договором 1686 года. Но при Петре Великом договор был нарушен, гонения начались снова и еще с большим фанатизмом. Иезуиты, найдя в Польше надежное пристанище, возбуждали в католиках непримиримую ненависть к иноверцам. Начиная с Петра Великого, Россия стала деятельно наблюдать за действиями польского правительства в отношении к диссидентам. Но при слабых королях из саксонского дома трудно было укрощать страсти народа. Политика России была обращена на другие предметы, и участь диссидентов нисколько не облегчалась. Пылкий, великодушный Петр III вознамерился принять более решительное участие в судьбе притесненных единоверцев и силой оружия восстановить их права и свободу. Но Провидению угодно было предоставить исполнение этого замысла его супруге, великой Екатерине. Тотчас по возведении Станислава-Августа на престол императрица, через князя Репнина, потребовала от короля утверждения законных привилегий диссидентов. Дворы прусский, английский, шведский и датский поддерживали это требование через своих министров. Станислав вынужден был, наконец, созвать чрезвычайный сейм. В октябре 1767 года сейм собрался. Краковский епископ Салтык и магнат Залуцкий восстали против предложений Репнина и увлекли за собой большинство голосов. Сопротивление их возбудило умы в Польше. В Торне, в Слуцке, в Радоме составлялись конфедерации под начальством маршала Гольца, Яна Грабовского и князя Радзивилла, личного врага Станислава Понятовского. Русские войска, под предводительством Салтыкова, двинулись к ним на помощь. Страшное междоусобие угрожало государству. Устрашенный Станислав увидел необходимость прибегнуть к силе власти, чтобы остановить бурю в самом ее начале. Он составил новый сейм из семидесяти депутатов. Начальники противной партии начали опять сеять раздор, Репнин приказал их арестовать и отправил в Россию. Таким

образом, дело диссидентов было кончено; сейм утвердил все их прежние права и обещал полную веротерпимость в государстве. Польша на время успокоилась. В Россию было отправлено почетное посольство, составленное из графов Виельгорского, Потоцкого, Поцея и Осалинского, для принесения Екатерине благодарности от имени Польши и княжества Литовского за оказанное ею покровительство диссидентам. Такое решительное влияние России на дела Польши стало тревожить другие государства и, в особенности, Австрию и Францию. Союз Фридриха с Екатериной мешал Австрии ясно высказать свое неудовольствие, и она до времени оставалась спокойной зрительницей событий. Франция, напротив, прибегла к обыкновенному своему орудию — дипломатическим проискам. Герцог Шуазель, управлявший министерством, не мог равнодушно видеть возрастающую силу России, которая распорядилась престолом Польши, не испросив даже согласия французского короля. Не имея средств противиться намерениям петербургского кабинета силой оружия, Шуазель пустил в ход интригу. «Французские агенты, — пишет Фридрих Великий, — появились повсюду. Одни возбуждали поляков к восстанию за свою свободу; другие уверяли диван, что могущество России угрожает Оттоманской Порте; третьи, наконец, поддерживали на стокгольмских сеймах партию Гилленборгов, чтобы через то склонить Швецию к разрыву с Россией[60]. Сам же герцог Шуазель принял на себя труд более важный: он старался отклонить прусского короля от союза с Россией. Но все его старания и все происки его агентов в Швеции были безуспешны»[61]. Зато в Польше и в Турции Шуазель имел полный успех. В марте 1768 года образовалась в Баре (в Подолии) новая конфедерация недовольных заключениями сейма. Гла-

---

[60] В Швеции, где аристократия овладела браздами правления и совершенно ограничила монархическую власть, образовались две противные партии: одна *Гилленборгов* или ***шляп***, другая *Горнов* или *шапок*. Они получили свое название от главных предводителей. Первую партию поддерживала Франция, вторую — Англия и Россия.

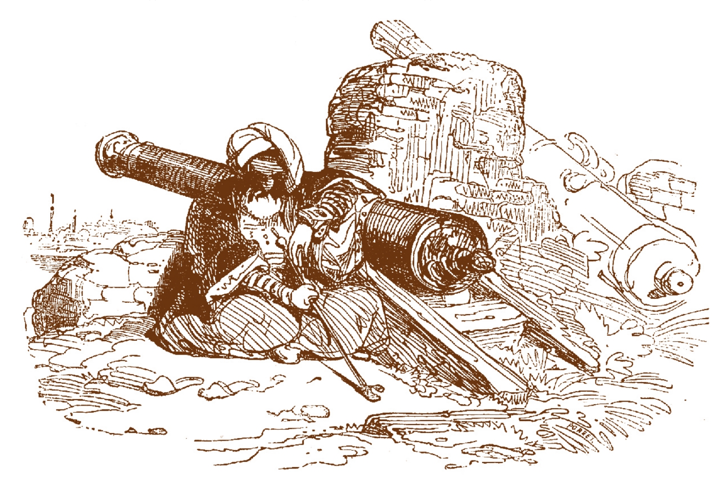
[61] Oeuvres posthumes de Frédéric II. *Berlin. 1789.*

вами ее были воевода Потоцкий, Осип Пулавский и два брата Красинские. Они распространили слух в народе, что король, по настоянию русской императрицы, намерен совершенно истребить католицизм в Польше и обратить всех поляков в православие. С быстротой ракеты пронеслась эта весть по всему королевству и воспламенила католиков — бунт вспыхнул. В Галиче и Закромиче составились еще два союза, и все три конфедерации соединились, наконец, в Кракове, объявляя решение сейма уничтоженным, а короля лишенным престола. Король и сенат вынуждены были снова обратиться к русской государыне. Войска наши немедленно вступили в Польшу, везде истребляли толпы мятежников и неутомимо преследовали их из одного города в другой, до самых берегов Кодымы. Здесь лежало селение Бальта[62], в котором конфедераты укрепились и хотели защищаться. Русские прогнали их за реку, овладели переправой и, перейдя на левый берег Кодымы, сожгли селение. Этот ничтожный случай послужил к разрыву Турции с Россией. Правый берег реки принадлежал кн. Любомирским, на левом начинались уже владения султана. Несмотря на извинения и дружественные предложения нашего кабинета, диван, подстрекаемый агентом Шуазеля, Верженем, счел разрушение Балты неприязненным действием против Порты, объявил России войну (4 октября 1768 года) и заключил русского посла Обрезкова в семибашенный замок, близ города Адрианополя.

Все усилия Фридриха примирить обе стороны остались без успеха. Против воли увидел он себя запутанным в чужую ссору и должен был выступить действующим лицом «в политических сплетнях, которыми управляется мир». Он выплатил России вспомогательные суммы, по договору, и ждал, чем дело кончится. Бессмертная слава озарила русское оружие в этой войне. В течение трех лет Россия приобретает неимоверные выгоды: Голицын дважды побеждает при Хотине; Румянцев завоевывает Молдавию и Валахию; Орлов разбивает турок при Хиосе и сжигает их флот при Чесме; Румянцев одерживает победы при Ларге и Кагуле;

[62] Ныне уездный город Подольской губернии.

Панин берет Бендеры; Долгорукий завоевывает Крым. Турция поражена на всех пунктах: войска ее ослабели и упали духом, большая часть крепостей обращена в развалины.

Такие успехи России начали сильно беспокоить Австрию и даже самого Фридриха. Он предвидел, что от увеличения сил России, он мог, подобно Станиславу-Августу, из союзника сделаться послушником этой державы и начал думать о средствах остановить ее завоевания и поддержать политическое равновесие. Австрия думала о том же. Оба государства встретились в общих им видах и, несмотря на скрытую вражду, стали искать сближения. Иосиф II, сын Марии-Терезии, который по смерти Франца I (1765) был объявлен императором и соправителем своей матери, давно смотрел на Фридриха с юношеским увлечением и горел желанием вписать свое имя в летописи мира такими же яркими, блистательными чертами. Еще в 1766 году, объезжая Богемию и Саксонию, чтобы узнать поближе театр Семилетней войны, Иосиф письменно изъявил Фридриху желание лично с ним познакомиться. Но тогда канцлер Марии-Терезии, Кауниц, нашел это неприличным. Иосиф извинился перед Фридрихом, говоря, что скоро поправит невежливость, к которой принуждает его педантство менторов. Теперь сами обстоятельства требовали сближения обоих монархов. Город Нейсе, в Силезии, был избран для их свида-

ния. 25 августа 1769 года прибыл туда молодой император. Фридрих встретил гостя на лестнице. Иосиф бросился к нему в объятия и с восторгом воскликнул:

— Теперь я совершенно счастлив! Желания мои исполнились: я вижу и обнимаю величайшего монарха и полководца!

Фридрих отвечал, что почитает этот день счастливейшим в своей жизни, потому что он послужит эпохой соединения двух домов, которые так долго были разделены враждой, и общие интересы которых требуют взаимной поддержки. И действительно, следствием свидания Иосифа с Фридрихом был договор, которым они обязались сохранять нейтралитет в случае новой войны Франции с Англией. Оба государя расстались, уверяя друг друга в искренней и прочной дружбе. Осенью следующего года Фридрих отдал императору визит. На этот раз съезд был назначен в Нейштате, в Моравии. Дорогой Фридрих завернул в Росвальд, поместье графа Годица, который славился в Европе как отличный садовод. Сады его замка могли, действительно,

назваться гесперидскими садами. Все прихоти вкуса, все вымыслы фантазии, все предания баснословия были в них осуществлены самым поразительным образом. В рощах порхали нимфы, преследуемые фавнами; на лугах играли аркадские пастухи и пастушки; сирены и тритоны плескались в водах. Все боги и богини древнего Олимпа оживали среди роскошной флоры всех земных поясов. Чудные фонтаны, зрелища, фейерверки и превращения поражали посетителя на каждом шагу и уничтожали всякую мысль о мире существенном. Многочисленная дворня графа была приучена к разным ролям этой трагикомической картины, вполне характеризующей досуг, причуды и роскошь XVIII века.

Фридрих пожалел о бедных людях, которые дрогли в холодной осенней воде, представляя наяд и тритонов, и о тонкой изобретательности ума хозяина, которая, при лучшем направлении, могла бы принести пользу человечеству. В начале сентября король прибыл в Нейштат. Иосиф выехал к нему навстречу. У городских ворот оба монарха обнялись дружески и под руку пошли во дворец, в сопровождении многочисленной свиты и народной толпы. На этом новом конгрессе Кауниц постарался склонить Фридриха к решительному союзу с Австрией, но король не желал прерывать дружеских отношений с Россией. Он обещал, однако, при-

нять все меры, чтобы потушить пожар войны, готовый охватить всю Европу, и, вместе с венским кабинетом, вызвался быть посредником между Турцией и Россией. Известный князь де Линь, находившийся на австрийской службе, оставил нам весьма любопытные записки о нейштатском съезде. Он приводит множество изречений короля, которые показывают тонкость ума и скромность Фридриха.

— Знаете ли, — сказал он раз Иосифу, — *что я состоял у вас на службе? Да, да. Первый поход мой был за дом австрийский. Господи, как времена переменчивы! — прибавил он со вздохом. — Знаете ли, — продолжал он, — что я видел последний луч славы принца Евгения*?

— Вероятно, от этого луча и воспламенился гений вашего величества, — прибавил князь де Линь.

— Бог мой! Кто же может стать наряду с непобедимым принцем Евгением?

— Тот, кто выше его! — прибавил князь де Линь. — Например, тот, кто выиграл тринадцать сражений!

О фельдмаршале Трауне Фридрих говорил:

— Это был мой наставник: у него выучился я сознавать мои ошибки.

— Ваше величество были очень неблагодарны: вы не заплатили ему за уроки, — отвечал де Линь. — Вам следовало, по крайней мере, дать разбить себя, но я не помню, чтобы это случилось.

— Я не был разбит потому только, что не дрался.

К Лаудону Фридрих обращался с особенным уважением. Он называл его не иначе, как фельдмаршалом. Это был тонкий упрек австрийскому правительству, которое не наградило заслуг достойного генерала единственно за то, что он взял Швейдниц без разрешения военного совета. Раз, перед обедом заметили, что Лаудон еще не пришел.

— Странно, — сказал Фридрих, — это не похоже на него. Обыкновенно он прежде меня являлся на место.

Садясь за стол, Фридрих поместил Лаудона по правую свою руку.

— Мне приятнее, — говорил он, — видеть вас возле, чем против себя.

Деликатность короля доходила до того, что во время пребывания его в Нейштате он и вся свита носили австрийские мундиры, чтобы прусским цветом не напоминать о недавней неприязни. Молодой император сумел расположить его в свою пользу. Вот что Фридрих писал о нем к Вольтеру:

«Я был в Моравии и видел императора, который должен играть значительную роль в Европе. Он воспитан при набожном дворе — и презирает предрассудки; вырос среди роскоши — и научился жить просто; окружен льстецами — и скромен; полон страстью к славе — и жертвует своим честолюбием сыновнему чувству; имел наставниками одних педантов и, несмотря на то, в нем столько вкуса, что он читает и ценит творения Вольтера».

Между тем содействие Фридриха к примирению Порты с Россией не имело желанного успеха. Екатерина требовала уступки Молдавии и Валахии и свободы крымцев. Австрия, боясь соседства России, вошла в переговоры с Турцией и стала

собирать войска в Венгрии. Фридрих, со своей стороны, объявил венскому кабинету, что в случае военных действий он будет поддерживать свою союзницу, русскую императрицу. Франция, пользуясь несогласием кабинетов, обратила все свое внимание на Польшу. Шуазель отправил туда несколько войска и опытного генерала, Дюмурье[63], для предводительствования инсургентами. Но что мог сделать самый лучший военачальник, когда его войска не привыкли к повиновению и не знали правил подчиненности? Сами главы конфедерации были в несогласии между собой и действовали по своему произволу. Это давало русским войскам, несмотря на их малочисленность, всегдашний перевес над ними. На всех пунктах мятежники были разбиты. Великий Суворов попробовал свой меч или, если можно так выразиться, набил руку в этой малой войне. Везде, где он являлся, конфедераты бежали, а русские праздновали победу. Битвы под Варшавой, около Бреста, при Ландскроне и Люблине, у Велички, Замостья, под Сталовичами, Пулавами, Тинецом и взятие Кракова — были первые лавровые листья, которые он вплел в свой венок, неувядаемый в русской военной истории. Здесь, в этой упорной войне с целым народом, Суворов доказал миру, что и с малым войском можно побеждать врага, как он выражался, *без тактики и практики* — одним *прозорливым взглядом, быстротой и натиском*.

Австрия, обеспокоенная успехами русских в Польше и, не видя решения дел турецких, двинула войско за польские границы и заняла графство Ципское, под предлогом старинных прав на эту область, заложенную империи в обеспечение значительного долга. Фридрих, наблюдая за всеми движениями своей соперницы и за выгодами России, также расположил десять тысяч войска в воеводствах Познанском и Кульмском, под видом кордона, для охранения Пруссии от свирепствовавшей в Турции чумы. Польша сделалась яблоком раздора. Всеобщая война готова была вспыхнуть с новой силой. Екатерина с изумлением прочла известие об этом неожиданном действии Австрии.

[63] Впоследствии знаменитый Наполеоновский маршал.

В это время принц Генрих, брат Фридриха, находился при нашем дворе. Он ездил в Швецию для свидания с сестрой и на обратном пути был приглашен императрицей в Петербург. Своим добрым, открытым характером и приятностью в обращении он сумел заслужить особенную доверенность и благоволение русской государыни.

— Странно! — сказала Екатерина, сообщая ему полученное ею известие. — В Польше, по-видимому, стоит только протянуть руку, чтобы взять, что захочешь. Но если венский двор думает присвоить себе польские провинции, то и другие державы вправе сделать то же самое.

Принц Генрих, столь же ловкий дипломат, как и военачальник, дал мысли императрицы большее развитие. Он постарался убедить Екатерину, что раздел Польши, спасая саму страну от гибельной анархии и беспрерывных междоусобий, в то же время может послужить успокоением Европы, удовлетворив всеобщие интересы. Россия в Польше найдет вознаграж-

дение за уступку Молдавии и Валахии, без которой мир с Портой невозможен; Пруссия будет удовлетворена за издержки, понесенные в турецкую войну, по поводу Польши; Австрия, получив новую область, забудет о Силезии и отстанет от союза с Турцией, где ей теперь грозит опасное соседство России. Мысль Генриха чрезвычайно понравилась Екатерине. Она попросила сообщить ее Фридриху. Фридрих, восхищенный этим неожиданным средством остановить войну и уладить все дела миролюбиво, вместо ответа прислал готовый план раздела Польши. Между русским и берлинским кабинетами скоро все было слажено. Оставалось пригласить Австрию к участию в общем договоре. Но венский двор, который сам подал повод к этому беспримерному замыслу, долго не решался. Тогда Фридрих отправил в Вену договор с Россией о разделе Польши, заключенный 5 февраля 1772 года, присовокупив, что он поздравляет Марию-Терезию с тем, что ныне судьба Европы находится в ее руках, ибо война и мир зависят от ее воли. «Я уверен, — присовокупил он, — что императрица-королева по своему всегдашнему благоразумию и благонамеренности предпочтет спокойствие Европы всеобщей войне, последствий которой никто не может ни предвидеть, ни с точностью предсказать»[64]. Эти многозначительные слова заставили Марию-Терезию согласиться на общее желание.

— Я уже не в силах, — сказала она Кауницу, — и потому должна подчиняться воле других; к общему решению присоединяю и мое.

Несмотря на такое мнение императрицы-королевы, требования Австрии были так неумеренны, что едва не расстроили всего проекта. Фридрих снова должен был прибегнуть к силе убеждений, и сам подал Австрии пример к уступчивости, отказавшись на назначенном ему участке от важнейших городов, Данцига и Торна. Австрийский посол при берлинском дворе, барон фон-Свитен, принял на себя труд склонить Марию-Терезию к требованиям более умеренным. Наконец, после долгой переписки между кабинетами, общий акт о разделе был

[64] Oeuvres posthumes de Frédéric II. Tome V. Там подробно описана вся история дележа Польши, в котором Фридрих был главным действующим лицом.

подписан 25 июля 1772 года. На долю России приходилось ее древнее, родное достояние — Белоруссия (воеводства Двинское, Полоцкое, Могилевское, Оршанское, Мстиславское, Витебское и Рогачевское); Пруссия брала воеводства Мариенбургское, Хельминское, Поморское, Вармию и часть Великой Польши, до реки Нотец; Австрия — нынешнюю Галицию. Немедленно все три державы двинули войска в свои участки, объявив на них старинные права свои. 7 сентября 1773 года сейм согласился на уступку требуемых областей, Станислав-Август издал об этом манифест. Россия, Австрия и Пруссия спокойно вступили во владение вновь приобретенных земель.

Фридрих основал права свои на требуемый от Польши участок на том, что Поморское воеводство и часть Великой Польши, на левом берегу реки Нотец, в старину принадлежали к бранденбургским владениям и были несправедливо отторгнуты польскими королями, что город Эльбинг был некогда заложен его предками за значительную сумму денег, и что воеводства Мариенбургское и Хельминское должны поступить во владение Пруссии взамен Данцига, который прежде был столицей Померании, но признан Польшей вольным городом.

Участок, полученный Пруссией, был ничтожнее всех по пространству, народонаселению и достоинству почвы. Но Фридрих сумел извлечь из него огромные выгоды для своего королевства. Во-первых, эта часть Польши составляла чересполосное владение с Пруссией. Она послужила к округлению прусского королевства и к естественной связи между ее провинциями. Во-вторых, обладание устьем Вислы сделало Фридриха хозяином всей польской торговли. Новая провинция получила название Западной Пруссии. Сам король поехал обозреть ее и тотчас же принял меры к ее устройству. В самое короткое время было в ней установлено правильное судопроизводство, собственность и личная свобода жителей были обеспечены законом. Рабство и варварское береговое право уничтожились. Везде учреждались школы, чтобы светом разума и наук облагородить грубую чувственность новых подданных, привыкших к своеволию, распутству и забвению всякого

человеческого чувства. Строились почты, больницы, фабрики; все пришло в деятельность и движение. Целые колонии пруссаков заселили пустыни и своим трудолюбием и довольством всячески поощряли беспечных поляков к подражанию.

После раздела Польши союз Пруссии и России еще более укрепился, несмотря на все усилия враждебных партий. Между Фридрихом и Екатериной завязалась постоянная, дружеская переписка. В 1776 году принц Генрих вторично посетил Петербург. При нем, в апреле месяце, скончалась супруга наследника престола, Наталия Алексеевна. Принц своим истинно родственным участием при этом горестном событии привязал к себе всю царскую фамилию. С этой минуты императрица обходилась с ним, как с членом своего семейства. Екатерина желала, чтобы Павел Петрович как можно скорее вступил в новый брак. Принц Генрих предложил для этого союза принцессу Виртембергскую Софию-Доротею-Августу, свою двоюродную племянницу. Он знал принцессу коротко и выхвалял ее, как образец красоты, ума и добродушия. Выбор его был одобрен государыней. В июне цесаревич должен был отправиться в Берлин для свидания и обручения с назначенной невестой, Фридрих делал чрезвычайные приготовления для приема высокого гостя. К русской границе было выслано для встречи его посольство. 9 июля великий князь с большой церемонией въехал в Берлин. Король приветствовал его у дворцового крыльца.

— Ваше величество! — сказал ему Павел Петрович. — Я прибыл из глубокого севера в эти счастливые страны, чтобы уверить вас в искренности дружбы, которая отныне навсегда должна связывать Россию и Пруссию, и чтобы увидеть принцессу, назначенную судьбой для украшения престола московских государей[65]. Тем драгоценнее будет она для меня и для моего народа, что я получаю ее из рук ваших. Наконец сбылись мои давнишние желания: я имею честь представиться герою, которого имя прославляется современниками и послужит удивлением для потомства.

---

[65] Предсказание Павла Петровича сбылось вполне: принцесса эта была, незабвенная в сердцах русских, — императрица Мария Федоровна.

Фридрих возразил:

— Я не заслуживаю таких похвал, любезный принц. Вы видите во мне только больного, поседелого старика; но я почитаю себя счастливым, что дожил до дня, в который могу принять в моей столице достойного наследника могущественнейшей державы, единственного сына лучшей моей приятельницы, великой императрицы Екатерины!

Потом он обратился к графу Румянцеву, который находился в свите наследника:

— Приветствую победителя Оттоманов! Я нахожу в вас большое сходство с генералом моим Винтерфельдом.

— Ваше величество! — отвечал Румянцев. — Мне было бы, очень лестно, хоть несколько походить на генерала, который с таким отличием служил под знаменами великого Фридриха.

— Нет! — возразил Фридрих. — Вы не этим должны гордиться, а своими победами; они передадут имя Румянцева позднейшему потомству.

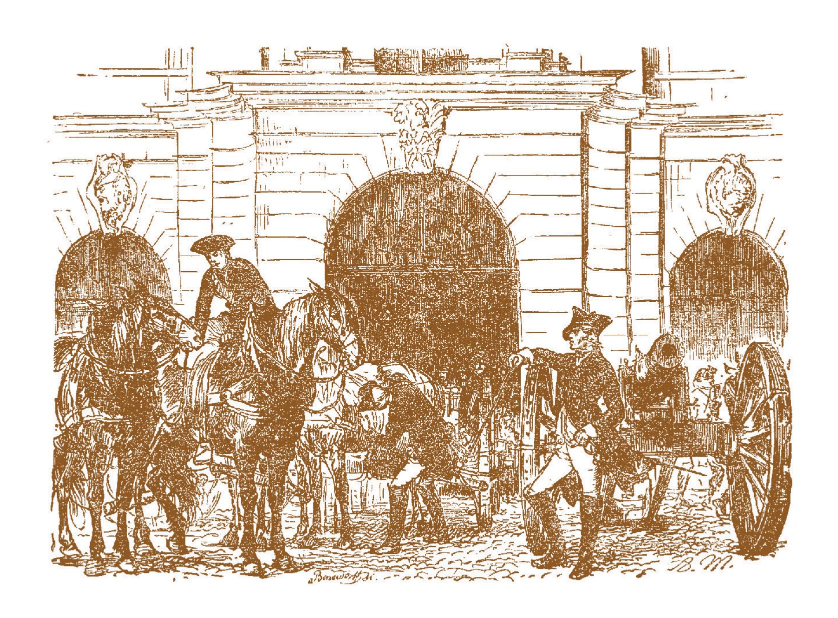
На другой день Фридрих приказал всему своему штабу явиться к Румянцеву для поздравления его с приездом. Через несколько дней близ Потсдама происходили маневры, представлявшие Кагульское сражение, выигранное Румянцевым. Сам король предводительствовал войсками и по окончании манев-

ров собственноручно возложил на русского полководца орден Черного Орла. Кроме того, Фридрих оказывал русскому герою много других почестей. На публичном заседании Академии наук, на которое был приглашен Павел Петрович со всей свитой, король посадил Румянцева возле себя, тогда как принцы крови стояли у него за стулом. На этом заседании знаменитый Формей произнес речь цесаревичу, в которой превозносил его доблести и предсказывал России под его скипетром продолжительное счастье. Потом, обращаясь к Румянцеву, он сказал:

— Да будет этот воитель надолго ангелом-хранителем русского престола. Я желал бы, высказать восторг, воодушевляющий меня при виде задунайского героя, который соединил в себе мужество Ахилла с доблестью Энея, но для этого нужен гений Гомера и Виргилия, а мой голос слишком слаб для его прославления.

Два дня спустя по приезде цесаревича было совершено его обручение. Ряд торжеств и блистательных праздников последовал за этим обрядом.

Глава XXXIX. Война за Баварское наследство. Германский союз

ок не судил мудрецу-монарху посвятить остальную жизнь мирным заботам о благе подданных. Проницательный взгляд его следил за каждым движением политического мира, и где только предвиделась малейшая опасность могуществу и самостоятельности Прусского королевства, он готов был отстаивать свои права вооруженной рукой. В продолжение нескольких веков австрийский дом домогался неограниченной власти в Германии и желал обратить всех немецких князей в покорных вассалов. Мы видели, что большая часть князей, волей или неволей, вынуждены были принять сторону Австрии в Семилетней войне. Знакомство с Иосифом убедило Фридриха, что в голове этого молодого монарха таятся обширные замыслы, и что с его пылким, предприимчивым

характером он вернее всех своих предшественников может достигнуть желанной цели. Поэтому король решил не выпускать его из виду. Большой портрет императора Иосифа стоял у него в кабинете на стуле.

— Я нарочно поставил его здесь, — сказал он одному из своих генералов, — чтобы иметь его всегда перед глазами. Император Иосиф — человек с головой; он мог бы многое произвести, но жаль, что всегда делает второй шаг прежде первого.

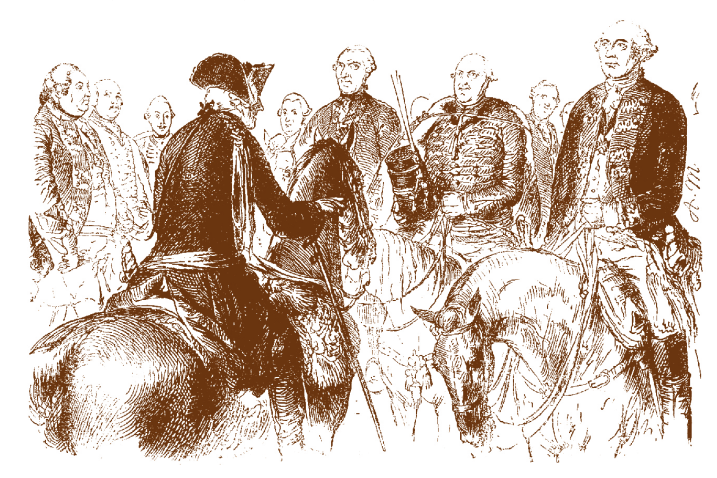
Опасения Фридриха насчет Иосифа скоро оправдались. В декабре 1777 года умер внезапно, от оспы, курфюрст баварский, Максимилиан. С ним пресекся царствовавший дом. Корона баварская перешла на боковую линию, к курфюрсту пфальцскому Карлу-Теодору. Но и он не имел законных детей, так что после него, по ближайшему праву, престол должен был достаться его двоюродному брату, герцогу цвейбрюкскому, Карлу. А на некоторую часть Пфальцского герцогства и на ландграфство Лейхтенберг могли претендовать герцоги саксонский и мекленбургский. Давно уже Австрии хотелось приобрести Баварию. Иосиф, чтобы вознаградить себя за потерю Силезии, вздумал воспользоваться этим случаем. Венский кабинет наскоро сочинил какие-то права на курфюршество и двинул войска в Нижнюю Баварию и Оберпфальц. Карл-Теодор не имел ни духу, ни средств противиться и заключил с Иосифом трактат, по которому уступил ему лучшую часть своих владений.

Такой самовластный поступок возбудил негодование Фридриха. Настала минута, где он мог и должен был показать свое преимущество перед остальными монархами Германии. Он решил выступить представителем их прав, защитником германской свободы. Через посла своего он убедил цвейбрюкского герцога просить у него защиты против неправильных притязаний императора и самовольного раздробления курфюршества, которого он законный наследник.

Начались дипломатическая переписка и переговоры. Франция и Россия приняли сторону Пруссии. Но Австрия не соглашалась отступиться от своего приобретения. Напротив, Иосиф собирал войска из Венгрии, Италии и Фландрии,

чтобы вооруженной рукой удержать за собой Баварию. Тогда и Фридрих начал приготовляться к войне, несмотря на свои лета и сильные болезненные припадки. В апреле 1778 года вся прусская армия собралась около Берлина на смотр. Обозрев полки, Фридрих созвал около себя генералов.

— Господа! — сказал он им. — Большая часть из нас с юношеских лет служили под прусскими знаменами и даже поседели на службе отечеству. Стало быть, мы друг друга знаем коротко. Дружно делили мы доселе все тревоги и тягости войны, и я убежден, что вам на старости так же неприятно проливать кровь, как и мне. Но государство мое теперь в опасности. На мне, как на короле, лежит святая обязанность защитить подданных и употребить сильные и скорые средства, чтобы рассеять угрожающую тучу. Для этой цели обращаюсь к вашей испытанной храбрости и преданности ко мне. Но прошу об одном: не упускайте из вида чувства человечества, наблюдайте, как можно строже, за порядком и благочинием войск в земле неприятельской. Не могу совершить похода вместе с вами, как в годы моей юности — я еду в почтовой коляске. Вы имеете полное право сделать то же самое. Но в день сражения вы увидите меня на коне, впереди моих храбрых. Надеюсь, что генералы мои и в этом последуют моему примеру.

Таким образом, две армии, каждая в 80 000 человек, двинулись через Силезию и Саксонию к границам Моравии и Богемии. Начальство над одной было поручено принцу Генриху, другая должна была действовать под личным предводительством короля. Фридрих отправился в Бреславль и уже намерен был вступить в Моравию. Но тут началась между ним и Иосифом переписка. Торговались, ладили, спорили; ни один не хотел уступить, и Фридрих, наконец, решительно объяснил, что дальнейшее сопротивление Иосифа почтет объявлением войны. Пылкому императору того только и хотелось. Обе армии двинулись. Пятого июля Фридрих с авангардом вступил в Богемию; скоро к нему присоединился и принц Генрих из Саксонии. Неприятели стали друг против друга в укрепленных лагерях.

Но ни одна сторона не отваживалась начать дело. Иногда происходили маленькие, незначительные стычки между разъездами и аванпостами, которые всегда оканчивались пустяками. Мария-Терезия искала средство остановить войну в начале; старалась склонить Францию и Англию на свою сторону, но везде встречала отказ. Англия была занята своей войной в Северной Америке; Франция объявила себя нейтральной. Наконец, императрица-королева, боясь за жизнь любимого

сына и опасаясь повторения Семилетней войны, без ведома Иосифа, обратилась к Фридриху и попросила прекратить вражду, говоря, что «им обоим не слишком будет выгодно вырывать друг у друга волосы, убеленные старостью». Фридрих был рад кончить распрю миролюбиво. Он начертал план договора, но австрийский кабинет не соглашался на главные статьи. Иосиф же, узнав о тайных переговорах, объявил императрице, что никогда не ступит ногой в Вену, если она заключит мир. Итак, военные действия продолжались, но недолго. Недостаток в продовольствии заставил пруссаков отступить в графство Глацкое. Там они заняли укрепленный лагерь. Австрийская конница несколько раз пыталась ловким нападением нанести им вред во время ретирады, но везде была отбита прусской пехотой.

В этих небольших битвах отличился особенной предусмотрительностью и мужеством молодой наследник прусского престола, принц Фридрих Вильгельм. Когда после того он явился к королю, Фридрих встретил его с распростертыми объятиями:

— Отныне вы мне более не племянник, — сказал он принцу, — вы мой кровный сын. Вы распоряжались, как опытный генерал; я сам не сумел бы распорядиться лучше.

Фридрих занял главную квартиру в Шацларе. Зимой австрийцы сделали нападение на Верхнюю Силезию. После не-

скольких мелких сражений король их вытеснил и занял пограничные австрийские города. Здесь он сам подвергался всем опасностям, как в молодые годы, несмотря на то, что припадки болезни сильно его изнуряли. Раз, утром ему пустили кровь; в полдень услышал он перестрелку и поскакал на место битвы. В пылу сражения перевязка с руки его свалилась, и кровь хлынула фонтаном. Сойдя с коня, он приказал первому попавшемуся ему на глаза лекарю перевязать ранку. Во время перевязки неприятельское ядро упало у самых ног его, завертелось и брызнуло вокруг себя песком. Лекарь с ужасом отскочил и затрясся всем телом. Фридрих улыбнулся и сказал окружающим:

— Этот, должно быть, немного видывал пушечных ядер.

Наконец, Франция и Россия вступились за дело притесненных, и через послов своих потребовали от Австрии окончания войны. Опасаясь, что Россия поддержит требования Фридриха силой оружия, австрийский кабинет сделался уступчивее. В марте 1779 года было заключено перемирие с Пруссией, а в мае, в Тешене, съехались уполномоченные враждующих и посредствующих держав на конгресс. Французский министр, барон де Бретейль, написал проект мира, который и был всеми одобрен. Главные статьи были следующие: Австрия возвращает Карлу-Теодору всю Баварию и Оберпфальц, за исключением одного небольшого округа, между реками Дунаем, Инном и Сальцей; герцог цвейбрюкский признается законным наследником Баварии, по пресечении же его рода престол переходит на боковые линии, а курфюрсту саксонскому и герцогу мекленбургскому назначаются денежные вознаграждения.

Россия, Франция, Пруссия и вся германская империя поручились за неприкосновенность этих прав.

Таким образом, мир снова водворился. Фридрих, потратив на эту войну до двенадцати миллионов талеров, не требовал никаких вознаграждений. Этим он хотел показать, что действовал без всяких видов своекорыстия, единственно с целью защитить права германской конституции и удержать самовластие австрийского дома в границах. С этой минуты все германские владетели стали смотреть на Пруссию, как на силу, противоборствующую властолюбивым видам Австрии, а на короля, как на защитника их самостоятельности. Баварский народ любил его до обожания. В крестьянских хижинах портрет его висел в переднем углу, близ образа св. Корбиниана, покровителя Баварии. Посередине обыкновенно теплилась лампада.

— Что это значит? — спросил раз путешественник у баварского крестьянина.

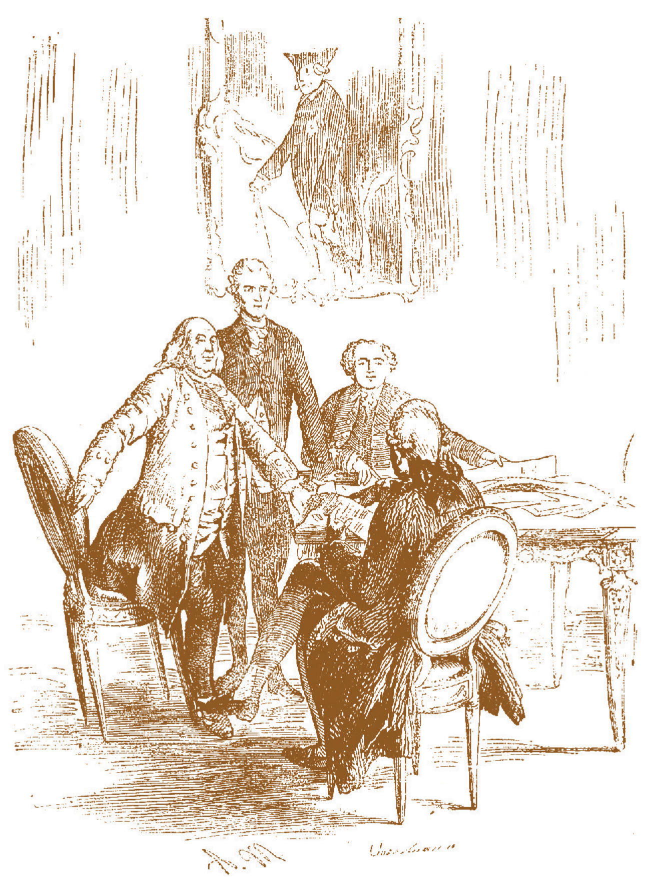
Хозяин отвечал:

— Вот этот — заступник наш на небесах, а тот — защитник на земле. Мы молимся одному за счастье другого и теплим перед обоими масло, в знак нашей благодарности.

Даже сами неприятели благословляли имя Фридриха. Когда весной 1779 года он узнал, что часть Богемии, в предыдущем году опустошенная его войсками, находится в печальном положении, так что крестьяне вынуждены идти по миру, не имея хлеба на посев, он приказал открыть им все свои пограничные запасные магазины, с правом брать зерновой хлеб или в виде займа, или покупать его за самую умеренную цену.

В политическом мире имя Фридриха сделалось еще значительнее. Вмешательство его во все дела Европы заставило другие державы искать его дружбы. Ни одно политическое предприятие не обходилось без его участия. Нередко он был приглашаем к таким союзам, которым даже не мог содействовать силой оружия. Одно его грозное имя заключало в себе довольно магической силы, чтобы подкрепить им всякое намерение.

Так присоединился он к вооруженному морскому нейтралитету, учрежденному Екатериной, хотя не имел флота; так вмешался он в борьбу голландских патриотов со штатгальтером и постарался примирить обе партии; так примкнул он и к союзу с Соединенными Северо-Американскими Штатами,

которые, вступив в 1783 году в ряд независимых держав, искали его дружбы и покровительства. Новое государство желало распространить свою торговлю в Европе и войти в политические связи со всеми державами, чтобы тем обезопасить себя от всяких покушений англичан. Оно обратилось к Фридриху, как к монарху, который во всяком полезном начинании подаст другим пример. Фридрих изъявил согласие. В 1785 году, в Гааге, уполномоченный его, Тулемейер, и послы Соединенных Штатов, Франклин, Адамс и Джефферсон, заключили союз, который, как памятник человеколюбия и беспристрастия, составляет одно из лучших украшений царствования великого монарха.

Наконец, в следующем году Фридрих основал *германский союз*, чтобы еще прочнее обеспечить права и независимость немецких владетелей. В 1780 году скончалась Мария-Терезия. Иосиф сделался самодержцем Австрии и спешил доказать миру, что он достоин престола Карла V. В один год произвел он в государстве переворот, какого не могли произвести его предшественники целыми столетиями. Он отобрал монастырские и церковные владения в казну, истреблял древние предрассудки с корнем и одним махом пера уничтожил притеснения за веру, от которых так долго страдали его подданные. Он начертал себе план действий, который должен был доставить австрийскому дому неограниченную власть над всей Германией. Виды его стремились к тому, чтобы сделать сан императора независимым от избирательных князей (курфюрстов) и духовных сановников и приобрести императорской короне главнейшие и значительнейшие германские владения. Он начал с того, что несколько духовных владений, имевших земли внутри австрийских границ, насильно обратил в светские области и посадил на епископские престолы своих двоюродных братьев. Так намеревался он поступить и со светскими владетелями, в особенности с курфюрстами, и потому хотел с самого начала дать почувствовать германским князьям, что они подчинены власти императора, который как глава империи имеет право распоряжаться по своему усмотрению и в землях своих вассалов. Вследствие того во многих смежных с Австрией графствах

и епископствах, по воле императора, стали набирать рекрут, а когда Иосиф отправил войска в Нидерланды, то во всех землях, через которые они проходили, самовольно собирали продовольствие как законную дань. Такие деспотические меры озаботили всех имперских князей. Но страх их достиг до высшей степени, когда Иосиф II в 1785 году вздумал принудить курфюрста баварского уступить ему Баварию, Оберпфальц, княжества Нейбург и Сульцбах и ландграфство Лейхтенбергское, в замену австрийских Нидерландов (за исключением Люксембурга и Намюра). Чтобы скорее склонить слабого Карла-Теодора к этой мене, Иосиф пообещал дать новым его владениям название королевства Бургундского и, кроме того, приплатить три миллиона гульденов, а в случае несогласия грозил содействием России и Франции, которые одобрили его намерения.

Такое насилие возбудило всеобщий ропот. Фридрих снова должен был выступить защитником германских прав. Он представил Екатерине всю несправедливость требований Иосифа и ясные доводы, что такой меной областей не только нарушаются коренные постановления германской конституции, но даже и система равновесия государств, потому что приобретение Баварии подаст Австрии повод простирать свои виды и на другие немецкие владения. Кроме того, этим нарушаются условия Тешенского договора, за неприкосновенность которых Россия поручилась. Екатерина отвечала, что она изъявила свое согласие императору только в случае добровольной сделки, но никогда не решится содействовать насилию. Франция, в этом случае, последовала примеру русской императрицы. Иосиф вынужден был временно отказаться от своего намерения.

Тогда Фридрих приступил к исполнению давно задуманного проекта: к составлению союза германских князей. Он сам набросал план в нескольких чертах.

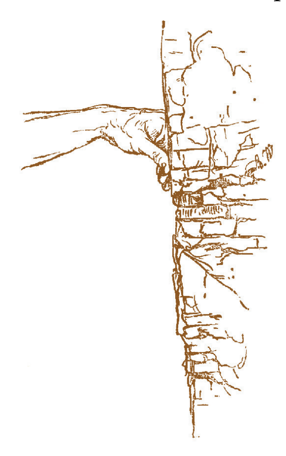
«Союз этот не оборонительный. Он заключается с единственной целью сохранить права и свободу германских князей, без различия вероисповеданий. Все в нем должно основываться на древних привилегиях и правах, дарованных золотой буллой. Не нахожу нужным припоминать старой басни о том, что у лошади можно выщипать хвост по

волоску, но нельзя оторвать его, захватив весь в руку. Предлагаемый мною союз должен обеспечивать владения каждого; он воспрепятствует честолюбивому и предприимчивому императору нарушить германскую конституцию, отрывая у князей земли по клочкам. Если не будут приняты меры заранее, император рассадит своих братцев и племянничков во все епископства, архиепископства и аббатства Германии, потом обратит их земли в светские владения и, таким образом, поддерживаемый на имперском сейме голосами братцев и племянничков, всегда будет иметь перевес над всеми. Это относится к духовным властям, права которых, по силе конституции, мы должны защищать. Но и выгоды светских владетелей зависят от обеспечения их земель. Союз наш ограничит императора во всех притязаниях, которые иногда могут переходить за границы позволенного, как мы недавно видели тому пример в Баварии. Не менее важный предмет составляют регенсбургский сейм и вецларское имперское судилище. Надо принять деятельные меры к поддержанию этих важных старинных учреждений, иначе император воспользуется ими, чтобы распространить свое самовластие над всей Германией. Вот главнейшие причины, по которым князья должны приступить к союзу, обеспечивающему их самостоятельность и общие интересы. Пусть вспомнят, что если они теперь смотрят на притеснения других, то со временем очередь непременно дойдет и до них, и тогда им останется одно право Улисса в Полифемовой пещере — право быть проглоченными после других. Союз, напротив, может иметь ту выгоду, что общий голос князей удержит императора в границах умеренности, когда он увлечется порывами честолюбия или самовластия; а если бы он вздумал употребить насилие, то найдет крепкий отпор в союзниках, сторону которых непременно примут и другие державы. Я полагаю, что эти мысли стоят зрелого обсуждения. Я набросал только важнейшие пункты, но при основательном рассмотрении им можно дать обширнейшее развитие. Г-н Герцберг, по моему мнению, имеет все необходимые способности, чтобы разработать эти идеи и дать им окончательную форму».

Герцберг, действительно, в несколько дней выработал план короля; копии с него были разосланы ко всем германским владетелям и ко дворам иностранных держав. Саксония и Ганновер первые приступили к союзу. Их примеру последова-

ли и все другие князья. В июле союз германских князей был всеми подписан в Берлине.

Таким образом, Фридрих в последние годы жизни успел воздвигнуть себе бессмертный памятник в Германии, утвердив права ее властителей на незыблемом основании, даровав ей свободу убеждения и самобытного развития и поддержав могучей рукой колеблющееся здание ее древней конституции.

Глава XL. Государственная деятельность и домашняя жизнь Фридриха после Семилетней войны

бозрев влияние Фридриха на дела политические, обратимся опять к его внутреннему управлению и взглянем на него, как на человека в домашнем быту. Мы уже видели, какими мерами он старался залечить раны своего государства, какие новые учреждения он придумал для пользы своих подданных и как деятельно трудился над развитием нравственных и физических сил Пруссии. Теперь бросим беглый взгляд на весь организм основанной им державы и рассмотрим некоторые его частности. Фридрих стоял, так сказать, на пороге двух важных эпох. Еще следы феодализма средних веков не совсем изглади-

лись с лица Европы, еще древние предрассудки оковывали ее своими цепями. Духовенство, дворянство и городские общины составляли резкие касты и мешали развитию гражданственности и всеобщей цивилизации. Но в то же время новые идеи о равенстве, гражданской свободе и народности быстро распространялись на юге и западе Европы. Французские энциклопедисты, осуществляя их в своих сочинениях, давали им обширный ход и увлекали умы, потому что французская литература со времен Людовика XIV сделалась литературой всего образованного мира. Фридрих знал, что каждая реформа, как религиозная, так и политическая, могла принести благодетельные плоды, если созреет и укоренится веками, но он предвидел также, что новые идеи, порожденные духом времени, по своей увлекательности не могли достигнуть естественного созревания и должны были проложить себе путь к осуществлению огнем, мечом и потоками крови. Желая предупредить слишком крутой переворот в своем государстве, он старался заранее ознакомить и, по возможности, освоить свой народ с этими идеями, не разрушая государственного состава, который один, по его мнению, мог поставить Пруссию на высокую степень могущества и поддержать на ней. Поэтому он так ревностно следил за успехами новых идей в сочинениях энциклопедистов, и сам старался сблизиться с проповедниками нового воззрения. Отсюда поясняется его особенная благосклонность к д'Аламберу, его привязанность к Вольтеру, с которым он продолжал переписываться даже после своей ссоры. Вольтер, жестоко оскорбленный сожжением своего «Доктора Акакия» и франкфуртским арестом, в первые минуты бешенства поклялся жестоко отомстить своему высокому покровителю.

Но Фридрих, зная корысть и алчность «первого гения Франции», сумел укротить его милостями и покорить своей власти богатыми подарками. Переписка их длилась до самой смерти Вольтера (30 мая 1778 г.) Король, получив о ней известие во время войны за Баварию, сам написал биографию и похвальное слово своему любимцу, которое было прочтено на особенном заседании берлинской Академии. Фридрих,

постигая, что все нововведения и улучшения в королевстве могут быть сделаны только неограниченной монархической властью, заботился о сохранении самодержавных форм правления, установленных его отцом. Но он в то же время дал каждому сословию права и средства отстаивать их от насилия и деспотизма властей. Сохранив прежние сословия и назначив каждому из них особенный круг гражданской деятельности, он в то же время спаял их между собой неразрывными узами. Несмотря на различие своего назначения, все они пользовались равенством перед законом. На весах правосудия не разбирались гербы дворянства и привилегии среднего сословия — одна правота решала дело в пользу той или другой стороны.

Таким образом, при различии в правах и обязанностях, укоренилась в народе идея о равенстве гражданском в отношении к верховной власти, которая высказывалась не иначе, как в законе. Всем и каждому предписывалось подчиняться постановлениям верховной власти, но никому не возбранялось высказывать о них свои мнения устно или печатно. Если эти

мнения были основательны, они часто вели к изменению или совершенному уничтожению постановления, если же были ложны, то оставлялись правительством без внимания. Эта свобода мысли сближала народ с правительством, не останавливая, однако, действий последнего. Народ, видя, что его основательные требования уважаются, чувствовал доверие к своему правительству, а правительство, в свою очередь, показывало, что все цели его клонятся только к пользе и счастью народа. Поддерживая каждое сословие с одинаковым вниманием, давая все средства к развитию и сделав переход из одного сословия в другое решительно невозможным, Фридрих заставил каждое из них действовать сообразно со своим призванием, разрабатывать свою почву и невольно пробуждал чувства самобытности и народной гордости. Оттого силы государственные развивались у него из собственных источников и росли не по дням, а по часам. Из этого развития родилась политическая независимость Пруссии, которая впоследствии поставила это государство на первую степень благоустроенности, довольства и гражданского счастья.

Дворянству было предназначено занимать почетнейшие места в службе гражданской и военной. Офицерами в прусской армии могли быть только родовые дворяне. Предоставив такие права дворянам, Фридрих хотел, чтобы это сословие отличалось благородством своих действий, чтобы честь руководила им во всех случаях жизни, и чтобы оно было изъято от

всех видов своекорыстия. Низкий поступок дворянина судился строже преступления крестьянина. Обширные земли должны были обеспечивать существование дворян, но им строго воспрещалось входить в какие-либо торговые или промышленные спекуляции. За труд и службу награждались они отличиями и честью именоваться первыми подпорами государственного здания. Фридрих щедро наделял их поместьями, заботился о том, чтобы земли доставляли им достаточные доходы и, не давая дворянству власти над крестьянами, строго наблюдал в то же время, чтобы последние в точности исполняли свои обязанности в отношении к помещикам. Такими мерами он связывал обе касты: дворянин обязан был уважать класс хлебопашцев, который трудом своим его кормил, а крестьянин ценил дворянство, как класс, доставляющий ему средства к труду и к жизни. Большинство дворянских поместий в то время были расстроены, дворянство обедняло, многие фамилии были близки к несостоятельности. Фридрих раздал им на поддержку огромные суммы и устроил дворянские банки из залогов имений целой области, где каждый помещик мог на поправку занимать деньги. В уплате их за него ручалась вся провинция, в которой находилось его поместье. Через это одни истинно нуждающиеся прибегали к помощи банков и, кроме того, между дворянством сохранялись дружба и согласие. Взаимная нужда друг в друге заставляла их сближаться и заботиться об общем интересе всей провинции. Учреждение этих областных кредитных систем имело самые благодетельные последствия и отвлекло дворянство от побочных занятий, лежащих вне его назначения. Продажа родовых имений, в особенности людям других сословий, была строжайше воспрещена. Таким образом, дворяне, желая увеличить свои доходы, поневоле были вынуждены заняться своими поместьями. И сельское хозяйство в Пруссии процвело, а кредит значительно поднялся.

При таких постановлениях Фридрих, разумеется, должен был обратить особенное внимание на быт крестьян. Чтобы не отдалить этого полезного класса от престола и не подвергнуть его произволу помещиков, от которых хлебопашцы находи-

лись в некоторой зависимости, он за долг почитал лично удостоверяться в их нуждах и открыл им свободный к себе доступ. Освободить их совершенно из-под власти помещиков он еще не решался, боясь тем нарушить права и преимущества дворян, которых сам поставил первым сословием в государстве. Но он поощрял крестьян к труду, поддерживал хлебопашество, раздавал нуждающимся хлеб и деньги, обзаводил их хозяйством и, в пример сельского устройства, учреждал вольные колонии из опытных и деятельных иностранцев. Ежегодно подавались ему отчеты о числе родившихся и умерших, о новых постройках, о посевах и жатвах, о наличном капитале крестьян, об их недоимках и прочее. «Ни один государь не знал быта своих подданных лучше Фридриха!» — говорит Беккер в своей «Всемирной Истории», и это, действительно, справедливо. Пример тому мы видим в письме, которое Фридрих написал к Вольтеру в 1777 году:

«Сейчас только возвратился я из Силезии и чрезвычайно доволен. Успехи земледелия и мануфактурной промышленности очевидны. Мы продали за границу на 5 000 000 талеров полотна и на 1 200 000 сукна. В горах открыли кобальтовый рудник, который может снабдить всю Силезию этим материалом. Мы делаем купорос не хуже иностранного, а один опытный промышленник производит индиго, который ни в чем не уступит индийскому. У нас перекаливают железо в сталь и притом гораздо легчайшим способом, чем Реомюров. Народонаселение наше с 1756 года, когда началась война, умножилось на 180 000 душ. Словом, теперь не видно и следов бедствий, которые разорили эту несчастную страну, и я, признаюсь откровенно, чувствую особенное удовольствие и гордость, что смог в короткое время поднять на такую высокую степень провинцию, почти совершенно опустошенную».

Одной из главных забот его было осушение болотистых и удобрение песчаных мест. На это употреблял он огромные суммы и, можно сказать, приобрел через то несколько хлебородных провинций.

Как дворянству и крестьянам, так и среднему сословию Фридрих указал приличное направление и назначил определенный круг действия в общем организме государства. Среднее

сословие было ограничено городовыми правами и разделялось на цехи, по древним привилегиям средних веков. Оно пользовалось исключительным правом торговли и промышленных предприятий. Король в особенности поощрял мануфактуры и фабрики, предприимчивым промышленникам давал даже на такие заведения деньги. Он сам, своим примером, поощрял дворянство к покупке отечественных произведений и старался всеми силами распространить индустриальный дух в своих подданных. Чтобы возвысить прусские фабрики, он налагал чрезвычайные пошлины на всякий привозной товар, а через поощрение фабрикантов к подражанию иностранным произведениям доводил прусские изделия до усовершенствования. Таким образом, в Пруссии образовалась мануфактурная промышленность, которая, обрабатывая свои собственные материалы, продавала их в своем же государстве; через это деньги получали правильное обращение и оставались внутри Пруссии. Некоторые отрасли мануфактурной промышленности еще при жизни Фридриха достигли значительной степени совершенства. Так, например, берлинская фарфоровая фабрика производила изделия, которые могли стать наряду с саксонскими, почитавшимися в то время за лучшие в этом роде. Чтобы доставить этим произведениям больше распространения, король стал дарить ими своих приближенных и употреблять в виде наград богатые столовые сервизы, фарфоровые вазы и другие изделия. С таким же вниманием старался он возвысить торговлю и открыть для ее деятельности обширнейшее поле. Для этого он заключал торговые трактаты и конвенции с другими государствами, основывал конторы, проводил каналы. Из них более всех важен Бромбергский канал: он соединяет р. Нетцу, вытекающую из Одера, с р. Браге, впадающей в Вислу. Это водное сообщение оживило торговлю Польши.

Так приводил он в беспрерывное движение все колеса многосложной государственной механики; подмазывал их там, где могла случиться остановка, придумывал пружины, где нужно было породить новые силы. Мудрая заботливость его предупреждала даже каждую непроизвольную остановку в ходе народной деятельности. Бесчисленное множество магазинов, наполненных

доверху хлебом, которые он основал в каждом городе, в каждом селении, почитались многими излишеством обременительным. Но судьбе угодно было дать почувствовать прусскому народу всю важность и благодетельность этой мудрой меры. В 1771 и 1772 годах вся Европа страдала от страшного неурожая. Почти во всех государствах обнаружился голод; одна Пруссия была продовольствована из богатых запасов Фридриха и могла, гордясь предусмотрительностью своего монарха, еще поделиться с соседями и извлечь материальную пользу от своей бережливости. В 1783 году сгорел до основания город Грейфенберг, в Силезии. Фридрих, из акцизных сумм, построил бедным грейфенбергцам новый красивый город и дал им все средства к обзаведению, так что несчастье пролетело над их головами, не задев их опустошительным крылом своим. В один год все процветало по-прежнему. Когда он на следующий год с наследным принцем объезжал Силезию, облагодетельствованные жители Грейфенберга прислали к нему депутацию.

— Ваше величество! — сказали посланные. — От имени всего города Грейфенберга явились мы благодарить вас за благодеяние, нам оказанное. Конечно, благодарность наша перед таким монархом, как вы, ничтожна, как песчинка перед величием солнца. Но мы будем молить Бога, чтобы он вас достойно наградил за наше счастье!

Король был тронут до слез.

— Вам не за что благодарить меня! — сказал он, обращаясь к депутатам. — Я исполнил только свою обязанность. Мой долг — помогать подданным, когда их постигло несчастье. На то я и король!

После этого мудрено ли, что он мог управлять кормилом государства, как хотел, и что народ безропотно подчинялся всем прихотям его характера, направление которого гораздо ярче обнаружилось в последние годы его жизни.

Образование и вера составляли два предмета особенной важности для Фридриха. Он заботился об учреждении повсюду народных училищ, хотя, по взгляду своему, он не совсем одобрял общественное воспитание. Но ему хотелось, чтобы даже каждый крестьянин был грамотен в его государстве, и чтобы мог здраво судить о вещах. Для этого предписано было даже в сельских школах издать ученикам в простых и понятных формах основные правила логики. В высших училищах он повелел знакомить воспитанников с древними писателями, а потому преподавание древних языков, и в особенности, латинского, поставил непременным законом. Об этом предмете он написал весьма любопытный трактат, который сообщил министру своему Зедлиду. В церковные дела он не вмешивался до тех пор, пока не видел в них фанатического направления. Религия не принималась в расчет при назначении и наградах чиновников.

— Дела убеждения до меня не касаются, — говорил он, — мое дело смотреть на заслуги и пользу моих подданных.

Поэтому прусские подданные всех вероисповеданий пользовались одинаковыми правами. Полная веротерпимость была девизом Фридриха. Это доказал он, дозволив даже иезуитам селиться в Силезии, строить монастыри и школы, несмотря на то, что орден иезуитов был уничтожен папой и изгнан из всех католических земель.

— Может быть, они и не такие христиане, какими должны быть, по мнению папы, — говорил он, — но я знаю, они очень умные люди и хорошие наставники духовенства, и потому даю им приют и свободу убеждения.

Хотя Фридрих имел свои особенные верования и даже позволял себе иногда шутки над предметами всеобщего благоговения, но он любил, чтобы подданные его строго держались церковных уставов и уважали догматы христианской веры как основу всякого счастья. Несмотря на то, он никого не стеснял в его религиозных отправлениях, а узнавая в некоторых из своих приближенных истинных христиан, отличал их особенным благоволением и часто, со вздохом, говорил, что завидует силе их убеждения. В школах приказано было преимущественно и прежде всего, обучать закону Божию.

Король поощрял духовенство, назначал духовным лицам большие пенсии, награждал особенные их заслуги, но вместе с тем не давал им никакой власти в государстве. Когда Клетчке, обер-священник армии, подал королю просьбу о том, чтобы предоставить ему право назначать полковых пасторов, которых до того определяли полковые командиры, Фридрих написал под его просьбой: «Царство твое несть от мира сего!» и отослал ее назад.

Как вера не пострадала от его особых убеждений, так и литература немецкая не была стеснена его предубеждением к отечественным писателям.

Напротив, она получила еще большее развитие от свободы, с которой каждая новая мысль могла высказываться с кафедры и в печати. Строгий цензурный устав был уничтожен; цензура ограничивалась только тремя статьями: не дозволялось писать против существа Божия, против таинств христианской церкви и против чести народа. Все остальное, даже статьи против его собственной особы, не подлежало рассмотрению цензуры. Как Фридрих смотрел на сатирические статьи против себя, можно видеть из следующего факта.

В Берлине ежегодно издавался календарь в виде альманаха, к которому всегда прилагался портрет одного из царствующих государей и несколько других картинок. В том, к которому был приложен портрет императора Иосифа II, находились сцены из Дон-Кихота. Австрийцы этим оскорблялись. Фридрих, узнав о том, приказал издать новый альманах со своим портретом и

вложить в него самые язвительные карикатуры на себя. Альманах вышел: в нем находились сцены из «Неистового Роланда!»

Таким образом, два главных недостатка этого великого человека, его предубеждение к отечественной словесности и его личные верования, не имели никакого влияния на его народ. Он хотел заблуждаться один и предоставил полную свободу мысли и убеждения своим подданным. Черта редкая в монархе с властью неограниченной!

Но венец всей его деятельности составляло правосудие. За ним наблюдал он неусыпно. Вся власть его высказывалась в законе; соблюдение закона, по его мнению, была первая обязанность подданных, отступление от него судей — первое преступление, ибо через это оскорблялось величество. Вот что писал он к д'Аламберу, в 1780 году, по поводу новых своих узаконений:

«Первая обязанность государей быть судьями своего народа. Но многосторонние занятия заставили их доверить эту священную обязанность людям, избранным для хранения закона. Несмотря на то, они не должны забывать об этой важнейшей отрасли государственного управления, не должны допускать, чтобы имя и значение их употреблялись во зло, для одних несправедливостей. Подданный не может уважать и любить монарха, именем и властью которого его грабят и разоряют. Поэтому и я должен блюсти над теми, кому поручены суд и расправа; несправедливый судья, по моему мнению, хуже разбойника: он грабит по праву, именем закона. Наблюдать за неприкосновенностью достояния граждан — долг главы каждого общества, и я стараюсь исполнять долг свой ревностно и правдиво. Без этого, к чему бы мне послужило изучение Платона и Аристотеля, законов Ликурга и Солона? Исполнение мудрых поучений философов: вот лишь истинная цель философии!»

Предоставив всем и каждому к себе свободный доступ, Фридрих мог следить за ходом судопроизводства и узнавал каждое злоупотребление закона из первых рук. В наказаниях за такие проступки судей он был беспощаден, не смотрел ни на какое лицо, удалял своих любимцев и даже смещал полезных министров, если видел, что они защищали виновных. Пример такого правосудия представляет знаменитый процесс мельни-

ка Арнольда, наделавший много шума в Европе и прибавивший самые яркие лавры к венцу великого короля.

Мельник Арнольд имел в Новой Марке водяную мельницу, за которую обязан был платить ежегодную подать помещику, графу Шметтау. В продолжение многих лет он исправно исполнял свои обязанности; потом за ним оказались недоимки, и, наконец, он совсем отказался от платежа. Помещик подал на него жалобу в кюстринское областное правление. Арнольд показал, что граф Шметтау продал соседнему владельцу, барону Герсдорфу, участок своей земли, на котором сосед, пользуясь протекавшей речкой, вырыл огромный пруд для разведения карпов и отвел в него воду. От этого у мельницы Арнольда сделалось мелководье, он мог работать только два месяца в году, во время разливов, и был доведен до разорения. Но суд не обратил внимания на отзыв мельника, даже не нашел нужным исследовать, справедливо ли его показание. Определили: продать мельницу и удовлетворить помещика. При описи мельницы не пощадили даже и остального имущества Арнольда. Все было продано с молотка, за бесценок, и бедняк с семейством своим остался без куска хлеба. Арнольд подал апелляцию в высшую инстанцию, но и там (по обычаю верить более

действиям присутственного места, чем жалующемуся на несправедливость челобитчику) приговор кюстринского суда был признан действительным. Тогда бедный мельник продал часть своего платья и пустился со всем семейством в Потсдам, просить защиты короля. Под старым дубом, против самых окон королевского кабинета, остановилась несчастная семья, ожидая с робостью решения своей участи.

Престарелая мать мельника, едва живой дед его, молодая жена и сам Арнольд составляли умилительную группу, стоя у столетнего, царственного дерева, под которым как будто искали защиты от постигшей их грозы. Король не мог их не заметить. Длинная, исписанная бумага, которую старуха держала в дрожащей руке, тотчас открыла ему цель нежданного посещения. Он позвонил, и через несколько минут расторопный камер-гусар ввел бедное семейство в богатый зал дворца. С трепетом сердечным переступил Арнольд порог королевского дома, со светлой улыбкой счастья и надежды вышел он из него. В руках его дрожал запечатанный пакет короля к председателю кюстринского верховного суда, в кармане звенела горсть талеров, которые монарх подарил ему на покрытие путевых издержек. Но Фридрих очень хорошо знал, что ворон ворону глаза не выклюет, и потому отправил верного человека, полковника Гейкинга, в Querмарк исследовать, справедливо ли показание мельника. Полковник вскоре возвратился и вполне оправдал Арнольда. Мельник пришел, между тем, в Кюстрин и доставил королевский пакет по адресу. В нем заключалась следующая собственноручная бумага Фридриха:

«Его королевское величество объявляет кюстринскому верховному суду свое высочайшее неудовольствие и крайнее убеждение, что все члены этого суда не стоят холостого заряда. Если бы суд сам занялся делом, как следует, и произнес правдивый и разумный приговор, то королю не нужно было бы посылать других на следствие. Но в этом деле поступлено не только против справедливости, но даже против здравого смысла. Когда у мельника отнимают воду на пруд для карпов, он не может молоть и, стало быть, не имеет средств платить подати. За это следует вознаградить его, а не отнимать у него остальное. Но с Арнольдом поступлено совершенно напротив: его ограбили,

прибили, обесчестили. Это неслыханная дерзость! Его величество всех вас прогонит к черту и на места ваши посадит людей со смыслом, потому что вы все недостойны хлеба, который едите. Сим повелевается суду непременно и в наискорейшем времени решить дело Арнольда по законам разума и совести и вполне удовлетворить его требования; малейшая затяжка и недобросовестность может очень дорого обойтись господам судьям — это заметьте!»

Можно себе представить, как подобное послание должно было подействовать на судей! Но люди эти, умертвившие в себе механизмом своего дела всякое человеческое чувство, привыкшие смотреть на правосудие, как на доходное ремесло, прежде всего, подумали не об исполнении воли монарха, но об отклонении от себя грозы. Оправдать мельника значило выставить областной и верховный суд виновными. В решении были подведены законы, на которых оно опиралось. Суд и теперь не изменил своего решения, говоря, что не имеет на то права, ибо, если приговор несправедлив, то вина в том закона, а не судей. Арнольда велено было вознаградить только 40 талерами за то, что при описи мельницы захвачены были и его пожитки. Мельник снова обратился к королю. Фридрих приказал рассмотреть дело в уголовном департаменте берлинского сената и непременно удовлетворить Арнольда. Но и тут оправдали приговор двух первых присутственных мест и решили, что верховный кюстринский суд не мог изменить своего решения, несмотря на приказ короля, ибо в Codice Fridericiano сказано: «Судья должен действовать по прямому смыслу закона, невзирая ни на какие высочайшие повеления». Фридрих был разгневан в высшей степени. Он видел в этом упорстве трех судебных мест явное противодействие монархической власти и род кумовства, через которое один суд прикрывал несправедливости другого. Строгим примером хотел он раз и навсегда прекратить подобное злоупотребление. Трем советникам уголовной палаты и председателю ее, гросс-канцлеру и министру юстиции Фюрсту, велено было явиться во дворец. Фридрих в это время жестоко страдал подагрой, однако не хотел откладывать дела. Строго встретил он виновных и приказал им отвечать на свои вопросы.

— Справедливо ли обвинять крестьянина, у которого отняты плуг, поле и все средства к труду и пропитанию?

— Нет, — отвечали советники, с низким поклоном.

— Справедливо ли, — продолжал король, — отнять у мельника мельницу за то, что он не уплатил подати помещику, который лишил его воды?

— Нет.

— Хорошо! — сказал король. — Но вот случай: дворянину вздумалось для своей охоты завести пруд с карпами; он отводит в него речку, которой приводилась в движение мельница. У мельника от того стал жернов, и бедняк сидит без работы. Только четыре недели в круглый год, весной и осенью, во время разливов, он может достать себе скудный кусок хлеба. Несмотря на это, дворянин, который у него отнял доход, требует, чтобы мельник платил ему исправно подать. Как же поступает для разрешения этого вопроса кюстринское правосудие? Оно повелевает продать мельницу и удовлетворить дворянина. А здешняя уголовная палата одобряет это решение. Это выше всякой несправедливости и совершенно противно отеческим видам монарха.

Гроссканцлер хотел возражать, но Фридрих громко ударил по столу и вскричал:

— Молчите! Не здесь вам следовало говорить! А там, где употребляли во зло мое имя и угнетали моего подданного под видом закона! Позорить имя короля несправедливостью — уголовное преступление, оскорбление величества! Вы уволены от вашей должности! Я приищу на ваше место человека более рассудительного. — А вы, — продолжал он, обращаясь к советникам, — вместе с кюстринскими судьями отправитесь на год в тюрьму, в Шпандау. Знайте вперед, что самый последний крестьянин и нищий — такой же человек, как и король. Забывать для него чувство человечества — верх злодеяния! Присутственное место, которое делает несправедливости, опаснее самой отчаянной шайки разбойников; от них можно защититься, а от воров, прикрывающих себя мантией правосудия, нет спасения. Судья, который теснит и давит, должен быть наказываем вдвое строже разбойника, потому что к нему идут с доверием, в надежде на защиту.

Фридрих собственноручно написал сентенцию виновным и приговорил помещиков к возвращению Арнольду мельницы и всех понесенных им убытков. Это примерное наказание остановило многие злоупотребления и заставило присутственные места действовать с большей осмотрительностью. Невзирая на то, многие почитали приговор короля слишком строгим, отставленный гросс-канцлер жил против самого дворца. На следующий день около подъезда его стояло множество экипажей. Все наперерыв спешили изъявить ему чувство своего соболезнования и сказать несколько утешительных слов. Австрийский посланник, живший возле Фюрста, воскликнул с изумлением:

— Да здесь, я вижу, свет навыворот: в других странах спешат с поклонами к новым министрам, а здесь почему-то все съезжаются к отставленным!

Сам Фридрих заметил из окна необыкновенный съезд. Когда ему объяснили причину, он сказал:

— Это делает честь моим придворным. Никогда не должно забывать сослуживца в несчастье. Я сам жалею о канцлере, но

чувство правды и безопасность последнего из подданных — первый долг короля, он выше всякого личного участия.

Вместо Фюрста назначил Фридрих обер-канцлером Крамера, бывшего министром юстиции в Силезии.

— Знаешь ли ты, кто я и кто ты? — сказал он ему при назначении. — Я — глава правосудия в моем государстве и должен Богу дать отчет в исполнении этой обязанности. Тебя я избрал себе в помощники. В соблюдении истины и правосудия обязан ты ответом и перед Богом, как перед общим Судьей, и предо мной, как перед доверителем своим. За твою оплошность я в ответе, это правда, но и мои непроизвольные грехи падут на твою душу в день судный.

Крамеру поручил он пересмотреть законы и составить руководство для всех судебных мест, сообразное с назначением и правами каждого сословия. Крамер составил две превосходные книги: «*Всеобщее гражданское право*» и «*Общий порядок судопроизводства*», которыми Пруссия руководствуется и доныне.

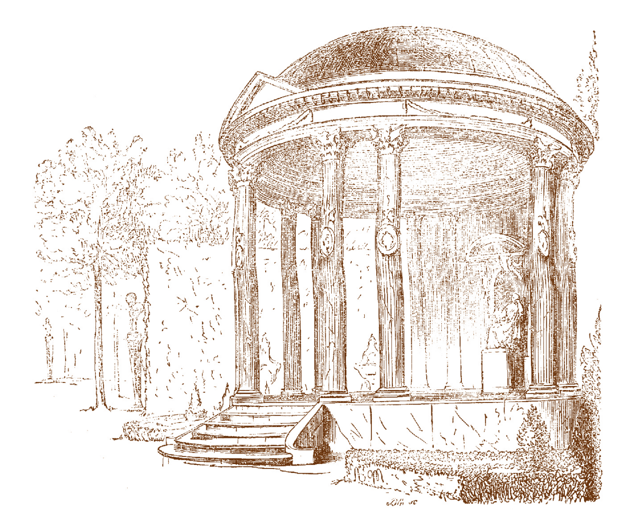
Так действовал Фридрих в делах внутреннего управления. Домашняя жизнь его, после Семилетней войны и, в особенности, после баварской кампании, представляла печальную картину. Тесный дружеский кружок прежних лет был разрушен. Все близкие его сердцу исчезали постепенно друг за другом; одних похитила смерть, другие покинули Пруссию, чтобы окончить дни на своей родине. Печально, одиноко бродил он между могилами усопших друзей, предчувствуя с каждой новой утратой, что и его земное поприще близится к своему пределу.

Одно утешение оставалось ему: воздвигать друзьям своего сердца и сподвижникам памятники, которые показали бы миру, что славу его царствования разделяли люди, достойные уважения отечества и любви своего монарха. Вильгельмовская площадь в Берлине постепенно украшалась монументами Шверину, Сейдлицу, фельдмаршалу Кейту и Винтерфельду[66]. Но чувствительнейшую утрату для сердца Фридриха составляла его сестра, маркграфиня Байрейтская. Ее памяти поставил он мавзолей совсем другого рода; в этом памятнике высказались вся мечтательность германского характера и вся нежность души короля-человека. Вот как пишет о нем сам Фридрих к Вольтеру, в 1773 году:

«Пусть назовут это слабостью или безрассудным обожанием, но я исполнил для моей сестры то, что Цицерон думал сделать для своей Туллии: я воздвиг в честь ее *храм Дружбы*.

В глубине храма поставлена ее статуя, а на каждой колонне находится медальон героя, прославившегося чувством преданности и дружбы. Храм построен в уединенной рощице моего сада, и я часто хожу туда вспоминать о моих утратах и о счастье, которым некогда наслаждался».

[66] В следующие царствования к ним присоединены еще два памятника: Цитену и Леопольду Дессаускому.

И точно, из всех старых друзей у него оставалось еще двое: старик Фуке и лорд-маршал Джордж Кейт, брат фельдмаршала, погибшего под Гохкирхом. Маркиз д'Аржанс, с которым Фридрих постоянно вел переписку, даже во время походов, покинул своего венценосного друга в 1769 году. Под старость он стал тосковать о родине, ему хотелось умереть под благодатным небом Прованса, и Фридрих, с душевной скорбью, вынужден был его отпустить. Прощание было трогательно. Д'Аржанс полагал, что король удерживает его, боясь повторения истории с Вольтером, потому что вся переписка Фридриха находилась в его руках. Чтобы успокоить короля на этот счет, он, вместе с просьбой об увольнении, послал к нему все письма, запечатанные в пакете. Но Фридрих, не распечатывая пакета, возвратил его своему другу. Кейт также уехал на родину, в Шотландию. Но старик уже не застал там ни друзей, ни родных. Горный воздух тяготил его, сердце влекло к Фридриху — в Сан-Суси сосредоточился для него весь мир. Письмо короля еще более встревожило его тоску.

«Если жизнь не порадует вас на родине — писал ему Фридрих, — то вспомните, что у вас есть друг, тоскующий в разлуке с вами. Если бы я имел флот, то покорил бы Шотландию, чтобы вас похитить; теперь же могу только простирать к вам дружеские объятия и мечтать — авось, он возвратится!»

Восьмидесятипятилетний старик заплакал и на другой же день был на обратном пути в Пруссию. Фридрих построил ему дом в Сан-Суси, возле самого сада, на дверях которого Кейт велел написать: Fridericus II nobis haec otia fecit. Все было придумано королем для полного удобства, спокойствия и счастья старика.

Кейт мог видеться с Фридрихом несколько раз в день; когда хотел, приходил к нему обедать, посылая наперед сказать, что будет, и король не садился за стол, пока он не являлся. Для послеобеденного отдыха для него была устроена особенная комната во дворце. Дворец и дом Кейта придворные звали монастырем. Старик часто говаривал: «Наш патер приор» (так звал он Фридриха) самый обходительнейший человек на свете. Живи я в Испании, за долг почел бы обвинить его перед святой инквизицией в колдовстве. Кейт сохранил привязанность к Фридриху до самой кончины. В народе его звали не иначе, как «друг короля».

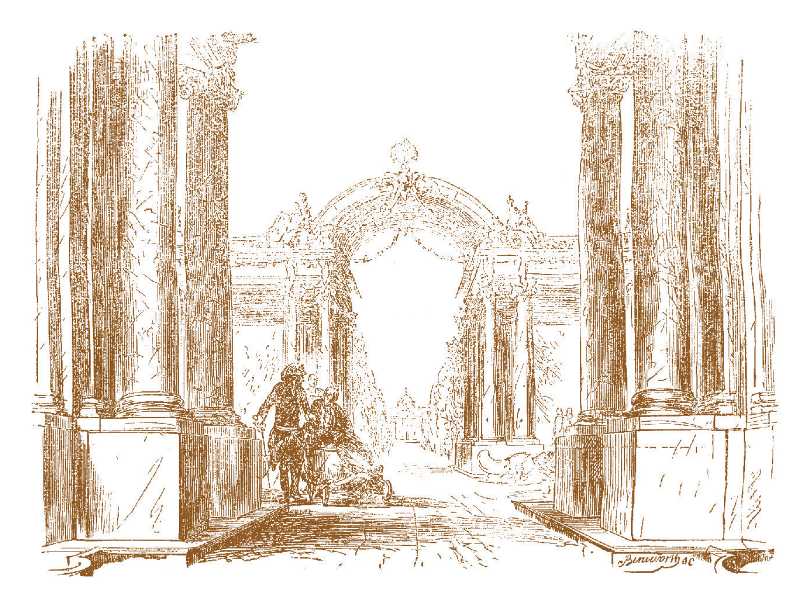
Другим любимцем Фридриха был генерал Фуке, с прекрасным характером которого мы успели уже ознакомиться во время Семилетней войны. Он был взят в плен при Ландсгуте, содержался в Кроации до самого окончания войны и терпел всевозможные лишения. Фридрих посылал ему иногда небольшие суммы, называя их «лептой вдовицы». По возвращении из плена Фуке был приглашен к королю, в Потсдам. Здесь Фридрих осыпал его милостями, окружил всеми удовольствиями и в два месяца заставил забыть страдания нескольких лет. Но дряхлость не позволяла старцу продолжать военной службы; он попросил отставки и позволения удалиться в Бранденбург, чтобы посвятить остальную жизнь служению Богу. Король назначил его пробстом бранденбургской соборной церкви, приказал купить дом и устроил его на свой счет.

— Но вы должны меня навещать, — сказал он Фуке. — Отсюда до Брауншвейга недалеко. Когда соберетесь ко мне в гости, дайте знать — я вышлю к вам моих лошадей.

Каждую неделю посылались к Фуке запасы отборнейших фруктов и вин из королевских оранжерей и погребов.

«Вы слабы, друг мой, вам нужно хорошее подкрепление, — писал ему однажды Фридрих. — Вчера отыскали в дворцовом погребе клад: бутылку венгерского из запаса моего деда. Я отведал вино — оно превосходно. Посылаю заветную бутылку и желаю, чтобы она пришлась вам по вкусу».

Фуке заметно ослабевал. Фридрих придумывал все средства, чтобы поддержать его здоровье и силы. Когда старик являлся в Сан-Суси, его сносили с лестницы в кресле и сажали в нарочно устроенную колясочку, в которой катали по саду, между тем как король сопровождал его пешком.

Когда у Фуке начал притупляться слух, Фридрих заказал ему в Париже несколько слуховых рожков.

«Благодарю, благодарю! — писал королю старец. — Я испытаю их в церкви, слушая слово Божье, и обязательно помолюсь за моего благодетеля».

Наконец, Фуке с трудом стал говорить. Король изобрел особенную машину, посредством которой, составляя буквы, можно было объясняться, и по нескольку часов в день проводил с ним в таком немом разговоре. В последний год жизни старого генерала, когда он не мог уже выезжать, Фридрих сам посещал его еженедельно. После такой внимательности и подлинно отеческих попечений о своем любимце, можно себе представить, как велика была печаль короля, когда в 1774 году ему донесли о смерти генерала Фуке. Несколько дней он был совершенно убит горем: последний друг его юности сошел в могилу, и великий монарх совершенно осиротел.

Из сподвижников его славы оставался еще дряхлый Цитен. Но с ним он не был связан интеллектуальными узами души. Он любил и уважал в старце простого, честного и благородного человека, заслуженного героя, но не делился с ним тайными побуждениями своего сердца, результатом своих нравственных

размышлений. Это был булатный меч, закаленный в горниле опыта, преданности и правоты. Король мог надеяться на его неизменную крепость и верность — и только. Фридрих не раз доказывал Цитену, как глубоко уважает и ценит его заслуги. Однажды, за королевским обедом, утомленный старик заснул. Генералы, сидевшие возле Цитена, хотели разбудить его.

— Тс! — сказал им Фридрих вполголоса. — Не троньте старика! Пусть спит, он довольно долго за нас бодрствовал.

Во время карнавала, когда в Потсдам обыкновенно съезжались все генералы, раз утром и Цитен явился во дворец. Король вышел объявить пароль. Увидев старика, Фридрих бросился к нему:

— Ба! И мой старый Цитен здесь! Очень рад, но зачем ты трудишься взбираться по моей крутой лестнице, я бы сам навестил тебя, верный друг! Ну, каково здоровье?

— Слава Богу! — отвечал Цитен. — Ем и пью хорошо, только чувствую, что силы исчезают.

— Стул! — закричал Фридрих.

Адъютант подал кресло.

— Садись! — продолжал король. — Тебе трудно стоять.

Цитен отговаривался.

— Садись, садись, старый отец! Иначе я уйду, я не желаю быть тебе в тягость.

Цитен сел, и король, стоя перед ним, расспрашивал его о малейших подробностях его жизни, здоровья, обстоятельств, занятий. Наконец, он его отпустил, обнимая и приговаривая:

— Пожалуйста, береги здоровье! Чтобы я еще долго и часто имел удовольствие тебя видеть!

Одна письменная беседа с отсутствующими друзьями утешала еще Фридриха, особенно переписка с д'Аламбером, который жил его пособиями и пенсионом. И ему хотел Фридрих воздвигнуть памятник в своем саду.

«Много есть героев, которые выигрывали битвы, — писал к нему король по этому случаю, — многие завоевали целые царства, но людей, которые написали такое превосходное творение, как ваше предисловие к Энциклопедии, очень мало. Вы достойны памятника наравне с величайшими героями».

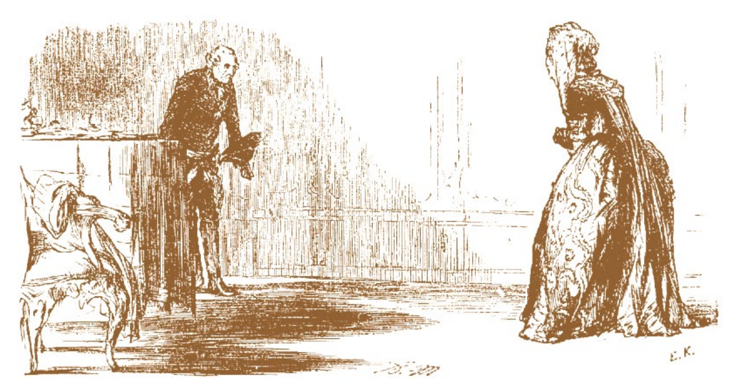

Но французский ученый отклонил от себя эту почесть.

«Государь! — писал он в ответ. — Я желаю только одного памятника — могильного камня с надписью: *Великий король дарил его милостью и осыпал благодеяниями*».

В семействе своем Фридрих также не находил утешения. С супругой он давно жил порознь. Она проводила набожную жизнь вдали от светского шума, в тишине Нидер-Шенгаузенского дворца. Оттуда сыпала она благотворения на народ, воссылала молитвы к Богу о счастье короля, своего супруга, занималась рукоделиями для украшения церквей и переводом на французский язык немецких книг духовного содержания. Редко являлась она в Берлин и то только в необходимых, официальных случаях: во время общих смотров войска, торжеств по случаю мира, семейных событий и т. п. Тогда она становилась средоточием двора. Фридрих сам подавал пример глубокого уважения и почтительности к королеве.

Во время смотров она объезжала ряды войска в золотой коляске, с великолепной упряжью. По бокам ее сопровождали король и кронпринц верхом, весь штаб, иностранные посланники и министры следовали за ними. Войско отдавало ей почести и приветствовало громкими «vivat!» Каждое утро король посылал осведомляться о ее здоровье и пожелать ей доброго дня. Все члены семейства обязаны были, сперва, явиться к ней, а потом к королю, первый вопрос которого всегда был: «Приветствовали ли вы сегодня ее величество?» Не исполнивший этой обязанности получал строгий выговор, часто наказывался арестом. Иногда король просил у королевы позволения откушать вместе с ней. Они сходились молча, почтительно раскланивались друг с другом, садились за стол и с такой же церемонией после обеда расходились.

Таким образом, была ими отпразднована и золотая свадьба, в 1783 году.

Сан-Суси королева никогда не видала: король не приглашал ее в свое уединение, а она была слишком горда, чтобы назваться к нему в гости. Но король часто с ней переписывался в стихах и прозе. Письма с обеих сторон были исполнены нежности, внимания и изысканной любезности. Иногда они обменивались взаимно своими литературными трудами: король посылал ей экземпляр своих исторических сочинений, она отдаривала его экземпляром своих переводов. Но сколько Фридриху не нравились труды королевы, столько же и супруга его не находила

удовольствия в чтении произведений его величества. Причины взаимного охлаждения покоились в самом несходстве характеров венценосной четы. Фридрих был нрава пылкого, ума быстрого и язвительного, страсти в нем клокотали и искали сочувствия. Елизавета-Кристина была решительная противоположность всему этому. Вот ее портрет, начертанный рукой маркграфини Байрейтской:

«Она высока ростом, но дурно сложена и дурно держится. Белизна ее ослепительна, зато румянец слишком яркий; глаза ее бледно-голубые, без всякого выражения и не обещают особенного ума. Рот ее мал; черты миловидны, хотя неправильны; все лицо ее так невинно простодушно, что можно подумать с первого взгляда, что головка ее принадлежит двенадцатилетнему ребенку. Белокурые ее волосы вьются от природы, но вся красота ее обезображивается нескладными, почернелыми зубами. Движения ее неловки, разговор вял, она затрудняется в выражениях и часто употребляет обороты, по которым надо угадывать, что она хочет сказать».

Несмотря на такое явное противоречие наклонностей и характеров, несмотря на насильственный союз, к которому Фридриха принудили против его воли, он в первые годы супружества, по-видимому, примирился со своей участью, и между молодыми супругами господствовало единодушие и согласие. Бесплодность Елизаветы-Кристины, кажется, была главной причиной, которая отдалила от нее супруга. По восшествии на престол он тотчас объявил наследником своего брата и с тех пор жил порознь с королевой. В старости их характеры приняли еще более определенное выражение, и тогда сближение сделалось решительно невозможным. Но Фридрих уважал ее до конца жизни и даже в духовной завещал это уважение своему преемнику.

С братом своим и наследным принцем Фридрих также не совсем ладил. Многие случаи породили взаимные неудовольствия. Строгость и взыскательность короля были главными к тому причинами. Несмотря на эти отношения, Фридрих сердечно обрадовался, когда в 1770 году у наследника родился сын. Он сам был его восприемником и после часто нянчил малютку на руках.

«Я предчувствую, что этот младенец со славой будет царствовать над пруссаками».

Так писал он к одному из друзей своих.

«Он непременно взойдет по стопам своих предков и будет не бичом, а благодетелем своего народа».

Играя однажды с маленьким принцем, Фридрих отнял у него мячик и спрятал в карман. Малютка настойчиво требовал свою игрушку обратно и, видя, что король ее не возвращает, схватил его, наконец, за полу и насильно вытащил мячик из кармана.

— О! — воскликнул Фридрих. — Это будет молодец! У него Силезию не отнимут!

Посетив наследника в 1777 году, Фридрих нашел, что крестник его не в духе.

— Что с тобой? — спросил король.

— Мне досадно, — отвечал семилетний мальчик. — Здесь все ходят в мундирах, а меня заставляют носить курточку. Я хочу быть солдатом!

— Браво! — сказал король, — Сшейте ему немедленно мундир прапорщика.

Малютка с чувством поцеловал руку Фридриха.

Все предсказания Фридриха насчет маленького принца сбылись: это был покойный прусский король Фридрих Вильгельм III, которого народ прозвал отцом своим.

Уединенную, однообразную жизнь Фридриха развлекали иногда посещения иностранных принцев и других знаменитых людей, которые приезжали в столицу Пруссии, чтобы принести прославленному герою дань своего удивления. Из них особенно были обласканы королем Лафайет и Мирабо. С последним беседы его длились иногда по нескольку часов.

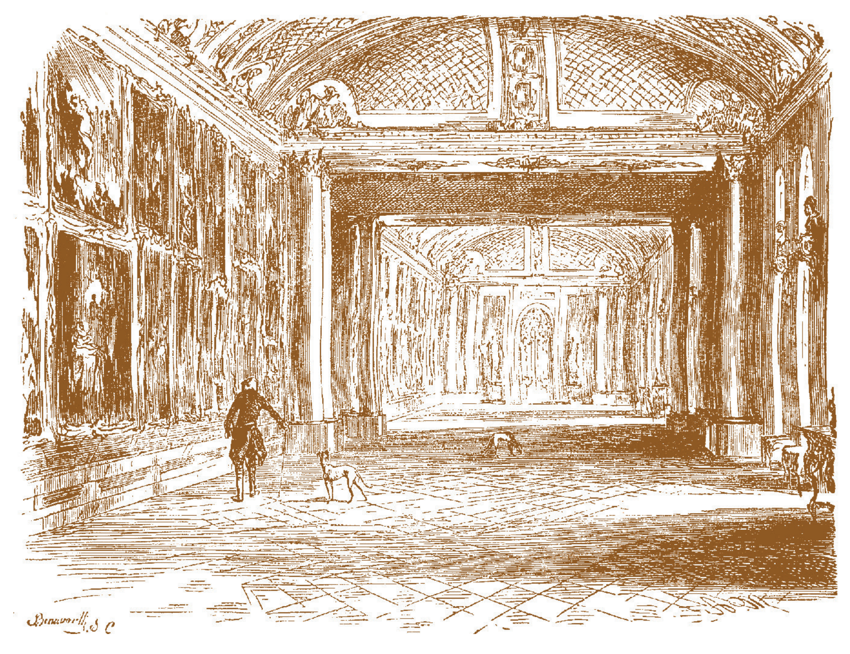
Дни Фридриха протекали, как заведенные часы, по определенному однажды порядку. В одном из писем его к Вольтеру находим мы описание ежедневных его занятий:

«Я встаю в четыре часа, — пишет он, — до восьми пью минеральную воду, играю на флейте и обдумываю новые предположения; до десяти пишу; до двенадцати смотрю и обучаю войска; после обеда до пяти работаю над делами, а вечером освежаюсь в приятной беседе».

Летом он, обыкновенно, после обеда час гулял по саду или проезжался верхом по окрестностям. В дурную погоду он посещал свою картинную галерею и по несколько часов изучал лучшие произведения древних и новых художников.

Как все великие люди, Фридрих имел свои странности. Он ненавидел новое платье и носил мундир до тех пор, пока на нем не делались прорехи, и тогда только, с большим сокрушением, решался с ним расстаться. Он беспрерывно нюхал табак. Почти на каждом рабочем столике стояла у него богатая табакерка, которая никогда не закрывалась. Но, выходя из кабинета, он никогда не брал с собой табакерки, а просто насыпал табак в карманы своего камзола. Оттого камзол и мундир его всегда были неопрятны. Раз, гроссканцлер, во время доклада, следуя машинально движению короля, который из открытой табакерки понюхал табак, также взял из нее щепотку. Король молча, как будто нечаянно, высыпал табак на пол. По возвращении домой гроссканцлер нашел у себя на столе богатую табакерку с запиской:

«Узнав, что ваше высокопревосходительство любите хороший французский табак, расположенная к вам особа просит вас употреблять его из прилагаемой табакерки».

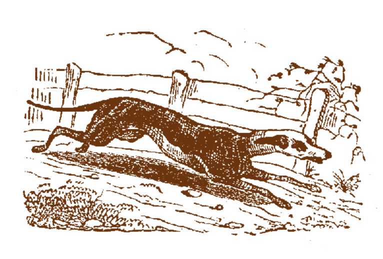
Тут только гроссканцлер вспомнил о своей неловкости и догадался, от кого прислан подарок. Он тотчас написал к королю благодарственное письмо. Фридрих отвечал:

«Благодарность ваша за табакерку, которую вам хочется получить от меня, так трогательна, что я решаюсь послать вам желаемый подарок».

Он послал ему ту самую табакерку, из которой министр понюхал при докладе.

Король чрезвычайно любил и всегда держал при себе несколько борзых собак. Одна из них, которую звали Биша, была его любимицей и не отходила от него ни на шаг. Она сопровождала его даже в походах и спала у ног его на постели. Эта собака была удивительно привязана к Фридриху. После одной жаркой битвы, когда австрийцы отняли у пруссаков весь обоз, и Бишка попалась в неприятельские руки. Фридрих был неутешен об этой потере. Грустный сидел он ночью в своей палатке, наскоро

сделанной из сучьев и солдатских плащей, как вдруг Бишка с визгом ворвалась в палатку, вспрыгнула на стол и стала ласкаться к королю. На шее у нее висел еще клочок веревки, которую она перегрызла. Король до слез был тронут и обрадован ее появлением. В другой раз, когда король один, пешком, отправился на рекогносцировку, вдали послышался конский топот.

Бишка опрометью бросилась вперед и вскоре возвратилась, поджав хвост, и с тихим, боязливым визгом потащила короля за полу. Он спрятался под ближний мостик, собака прижалась к нему, как мертвая. Через несколько минут по мосту проскакал неприятельский пикет, который проведал об одинокой прогулке короля и хотел его захватить в плен. Когда вышел философический словарь Байле, Фридрих развернул статью об инстинкте животных.

— Слышишь ли? — сказал он Бишке, которая лежала у него на коленях. — Они говорят, что у тебя нет души! — Это вздор, — моя добрая Биша! — У тебя есть душа, ты это доказала, когда спасла мне жизнь и честь моей Пруссии.

Особенно любил и ласкал Фридрих своих лошадей. Большая часть из них были белой масти. Король давал им исторические имена: одну звали Кауниц, другую Шуазель, третью Питт и т. д. Больше всех Фридрих любил Цезаря, буланую лошадь, которая участвовала в нескольких сражениях. Когда она постарела, ей отвели открытую конюшню у потсдамского дворца, откуда она могла, когда вздумает, выходить и гулять по дворцовому саду. Когда король бывал в Потсдаме, он из рук своих кормил ее сахаром, белым хлебом, дынями и винными ягодами. Лошадь до того знала своего благодетеля, что, завидев его издали, прибегала к нему, прогуливалась с ним по саду и часто преследовала его до переднего зала дворца. Когда в Потсдаме бывал развод или смотр, Цезарь, заслышав военную музыку, являлся на плац, становился возле короля, и, положив голову к нему на седло, не отходил до тех пор, пока король не

возвращался домой. Цезарь мог делать, что хотел, и никто не смел его остановить или в чем-нибудь ему воспрепятствовать.

Хотя Фридрих был свободен от всех предрассудков суеверия, однако часто любил отыскивать тайный смысл в сновидениях. Иногда сны его, действительно, имели предсказательное значение. Так, видел он сон, в ночь на 15 августа 1769 года, который любил рассказывать своим приближенным.

— Мне снилось, — говорил он, — что на западе восходит яркая звезда и растет неимоверно по мере своего возвышения над горизонтом; наконец, она стала спускаться над землей и покрыла ее ослепительными лучами. Целое море невыносимого света разлилось вокруг, как туман. Я чувствовал, что я весь покрыт лучезарным хвостом этой необычайной кометы. Я старался высвободиться из-под ее лучей и — не мог. В крайних усилиях я проснулся.

В эту самую ночь родился Наполеон!

Флейта доставляла Фридриху по-прежнему одно из приятнейших развлечений. Каждый день почти бывал маленький концерт при дворе. Однажды, когда Фридрих приготовился было играть новую пьесу своего сочинения и раздал уже камер-музыкантам партии, ему подали список приехавших в столицу. Бегло взглянул он на него и потом, положив флейту, сказал:

— Господа! Старый Бах приехал! При таком знаменитом госте нам играть не приходится.

Тотчас был послан флигель-адъютант просить Себастьяна Баха во дворец. Старому маэстро не дали даже переодеться. Он явился в дорожном платье и рассыпался в извинениях.

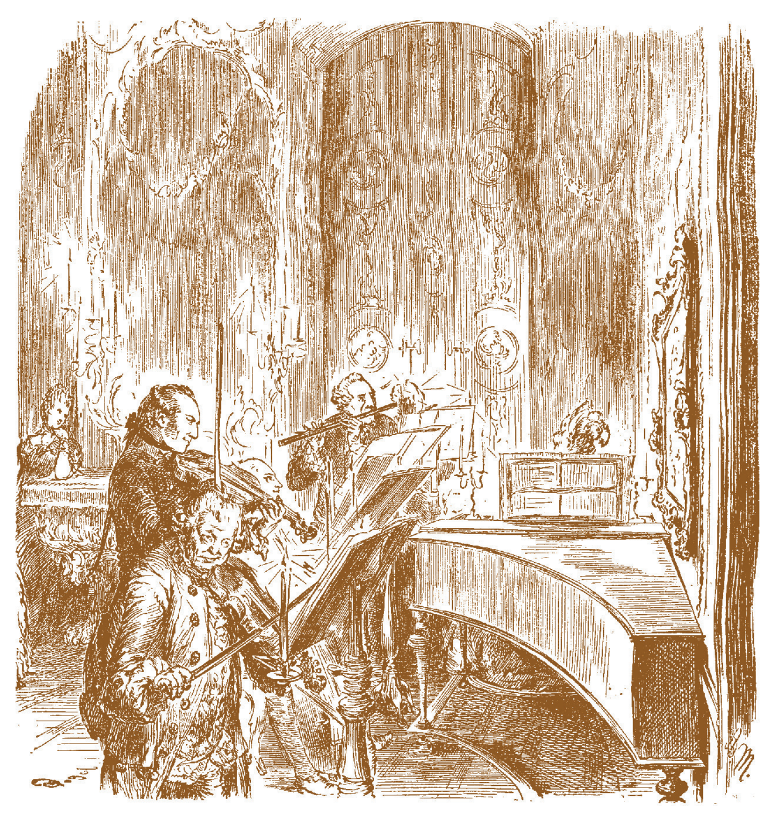
— Почтенный маэстро! — сказал ему Фридрих. — Я ценю душу человека, а не платье; последуйте моему примеру, и мы сойдемся.

Фридрих показывал ему все свои рояли, которых у него было пятнадцать; на каждом из них Бах должен был пофантазировать. Наконец, король задал ему тему, на которую знаменитый музыкант экспромтом сочинил превосходную фугу[67]. Последний

---

[67] Она впоследствии была напечатана под названием: «*Музыкальная жертва*» (Musikalisches Opfer), *Лейпциг*, 1802.

придворный концерт был самый знаменитый. Он был дан во время приезда вдовствующей супруги саксонского курфюрста, Антонии, в 1771 году. Принцесса играла на фортепьяно и пела, Фридрих аккомпанировал ей на флейте, наследный принц Брауншвейгский — на скрипке, кронпринц прусский — на виолончели, а Кванц — на альте.

Вскоре после этого концерта Кванц умер, а Фридрих лишился передних зубов и потерял амбушюр. Музыкальные вечера прекратились. Лишась и этого наслаждения, Фридрих посвятил свой досуг одним занятиям ученым и литературным. С неутомимой жаждой к познаниям изучал он древних классиков и исчерпывал все сокровища новейшей французской литературы. Часто он просиживал по целым ночам над творениями первых корифеев тогдашнего ученого мира и, между тем, не знал, что

делалось на литературном горизонте Германии, не знал Винкельмана, Клопштока, Лессинга, Гердера, Виланда, Гете, гениальным способностям которых сам расправил крылья, даровав свободу мысли и слова. Он и не подозревал, что с него начинается блистательный период германского просвещения и литературы. Учась беспрерывно, Фридрих в то же время и сам творил. Последние годы своей жизни он преимущественно посвятил историческим трудам. В сочинениях своих он следовал ходу политических событий того времени. Тотчас после Семилетней войны он описал ее в подробности, в двух частях, потом написал «Историю раздела Польши» и, наконец, «Историю войны за баварское наследство». Таким образом, он составил полную и подробную историческую картину Пруссии, от начала бранденбургского дома до своего царствования включительно. Все эти сочинения назначались для потомства и потому при жизни его не были напечатаны. Строгая истина и беспристрастие — отличительные черты его творений. Он не щадит самого себя, везде выставляет свои ошибки и промахи на вид с беспримерным самоотвержением.

Эти сочинения были изданы в свет по смерти его и составили несколько огромных томов.

Кроме исторических сочинений, он написал в последнее время и несколько трактатов, относящихся до государственного управления. Из них замечательнейшие: «Письма о любви к отечеству» и «Рассуждение о различных образах правления и обязанностях государей». Оба эти творения составляют с его «Антимакиавелли» одно целое и, по глубокому чувству человеколюбия и светлым истинам, в них высказанным, могут служить настольной книгой для монархов, желающих народу своему — счастья, а себе — мирного и благополучного правления.

«Сохранение собственности и личной свободы побудило народы избирать себе правителей для суда и расправы и подчиняться законам, ими назначаемым. — Так пишет Фридрих. — Вот начало верховной власти. Поэтому правитель был первый слуга государства. Если бы все монархи строго держались первоначального своего предназначения и во всех действиях следовали основному правилу, народы не знали бы революций и не имели бы нужды в

конституциях. Первые правители, патриархи, были главами многочисленных семейств и смотрели на подданных, как на детей своих. Все их учреждения и законы клонились к счастью членов собственного семейства. Патриархам должны подражать и те монархи, которых перст Провидения породнил с миллионами некровных им детей, наложив на чело их печать помазания».

На основании этой главной идеи созидает Фридрих правила, посредством которых правители могут стяжать мир, славу и любовь народную, а монархи достигать до апогея величия и благоденствия. От изложенных им правил он сам никогда не отступал, и где только выгодное учреждение было сопряжено с ущербом для его подданных, он отвергал его без дальнейшего рассуждения. Так, статс-секретарь Таубенгейм подал ему однажды проект увеличить государственные доходы посредством вычетов и уменьшения жалованья чиновников. Фридрих отвечал ему на это:

— Благодарю за остроумный совет. Но я нахожу его не совсем удобоисполнимым, потому что бедный класс чиновников и без

того во всем нуждается. Впрочем, я сделаю опыт и начну с приложения проекта к тебе самому. Я прикажу вычесть у тебя из жалованья 1000 талеров и не выдавать квартирных и столовых денег. Через год явись ко мне и объяви, находишь ли ты эту меру полезной для твоего домашнего быта. Если она окажется выгодной, то с будущего года я удержу у тебя половину жалованья, похвалю твое патриотическое рвение к пользам казны и введу твой проект во всеобщее употребление.

Таким образом, великий Фридрих, составив счастье своего народа, возвысив свое королевство и сходя в открытый гроб, завещал тайну своего мудрого правления и другим монархам, в которых желал жить для блага человечества, даже после смерти!

Глава XLI. Последние дни Фридриха Великого

ридрих переступил за седьмое десятилетие своей жизни. Как величественная развалина прошедшего времени, стоял он среди своего народа. Все, что принимало участие в его деятельности и разделяло внутренний мир его души — исчезло. Новые поколения возросли около него, для которых слава его имени, подвига и мысли героя сделались уже преданием. При жизни еще наступило для него потомство. Тяжкие скорби лежали у него на душе. Многие из его благодетельных учреждений не оправдались, многие замыслы не могли свершиться — обыкновенного срока человеческой жизни было для них недостаточно. Печально глядел он на ниву, в которую посадил свои семена; пахарь чувствовал уже свое бессилие, знал, что не доживет до жатвы и очень боялся за будущность.

Это тяжкое чувство, эту недоверчивость могут постигать только великие монархи. Ею томился и наш Великий Петр на склоне лет своих! Отсюда поясняется торопливость, с которой государи, в последние годы жизни, спешат приводить в исполнение свои предположения и начинания. Кроме того, Фридри-

ха томила ненависть к людям: многие из его избранников жестоко обманули его доверчивость, многие изменили самым чистым намерениям души его. Это чувство он ярко обнаружил в разговоре со знаменитым эстетиком и математиком Сульцером, которого очень любил. Сульцер утверждал, что добрые наклонности имеют в человеке всегда перевес над дурными.

— Нет, милый Сульцер! — сказал Фридрих с глубоким вздохом. — Я вижу, ты еще плохо знаешь род, к которому мы принадлежим.

— Но вы не имеете права жаловаться на этот род, — возразил Сульцер. — Монарх, которого подданные боготворят, должен быть доволен судьбой и людьми.

— Все суета! — воскликнул Фридрих. — Я люблю человечество, но презираю людей отдельно. Корысть и низкие страсти управляют ими! Что значить их обожание? Глупость! Если бы я даже осчастливил всех моих подданных, то действовал бы только на весьма малую часть земного шара, который, в свою очередь, есть ничтожная частичка целого мироздания. Как же я посмею сравнять себя с тем вечным Существом, которое управляет мирами и содержит их в порядке? Безумен правитель, который выставляет себя земным богом и требует от народа обожания! Презренны и те люди, которые играют самым святым чувством души и приносят божественную жертву на алтари земного величия! Монарху приятна благодарность народа, но в страхе, обожании и прославлении его он не нуждается!

К душевному расстройству короля присоединились еще и немощи телесные. Мы уже сказали, что он с самого младенческого возраста был слабого сложения. В молодости опасались за его жизнь. На двадцать пятом году силы его укрепились от беспрерывных телесных упражнений; лагерная жизнь и тревоги походов закалили его тело в зрелом возрасте. Но тогда же он начал чувствовать припадки геморроя и подагры. Под старость эти болезни усилились, к ним присоединилась еще водяная и хирагра. Он чувствовал, как с каждым днем силы его ослабевали.

«Вы, верно, сами догадываетесь, — писал он в 1780 году к одному из друзей своих, — что на 68-м году жизни я чувствую все признаки

старости. То подагра, то боль в пояснице, то лихорадка потешаются насчет моего существования и напоминают мне, что давно пора бросить изношенный футляр моей души».

Иногда припадки болезни были так сильны, что все почитали их смертельными; окружающие приходили в отчаяние, а он с истинно солдатским стоицизмом утешал их, говоря:

— Что делать! Я дряхлый старичишка: механика уже не действует. Но человек должен быть справедлив! Не вечно же ему жить! Башенные часы из стали и железа, да и они не выдерживают более двадцати лет, как же человек, этот ком глины и грязи, хочет быть впятеро долговечнее часов!

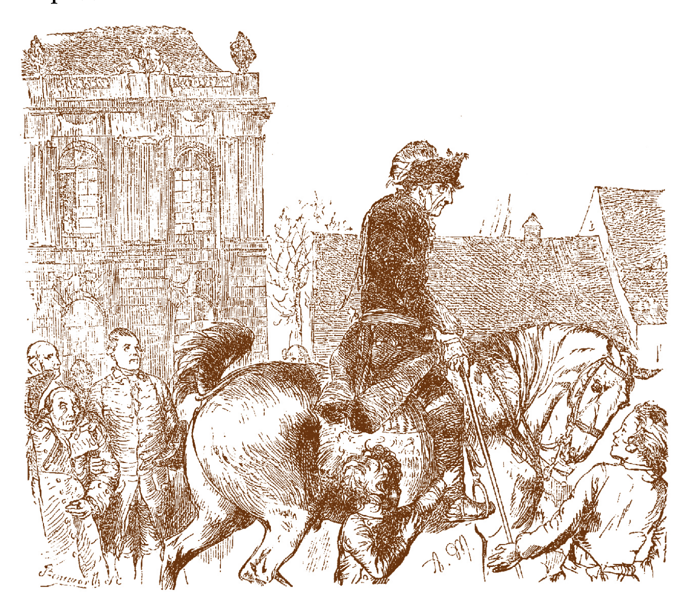
Несмотря на свои страдания, Фридрих не оставлял обычных занятий и даже на одре болезни подписывал бумаги и делал все нужные распоряжения. Но едва болезнь облегчалась, он забывал об опасности и с обычной неумеренностью принимался за свои любимые блюда[68] и напитки. От этого припадки его иногда возобновлялись с неимоверной силой. Такой припадок испытал он в августе 1776 года. Австрийский посланник уведомил венский кабинет, что король не перенесет своих страданий, и что самый долгий срок его жизни — три месяца. Вследствие того Иосиф II стал собирать войска в Богемии, чтобы тотчас по смерти Фридриха отнять у его наследника Силезию. Но Фридрих выздоровел в две недели.

«Есть люди на свете, — писал он к Вольтеру, — для которых я слишком долго живу. Они клевещут на мое здоровье, полагая, что от этого я скорее отправлюсь к праотцам. Людовик XIV и Людовик XV своим долгим царствованием утомили терпение французов. Я уже 36 лет правлю кормилом государства и, может быть, так же, как они, употребляю во зло привилегию Жизни, потому что не умираю, тогда как уже многим надоел. Несмотря на то, я держусь прежней методы: не берегу себя. Чем более бережешься, тем чувствительнее и слабее становится тело. Сан мой требует деятельности и труда, тело и душа должны покоряться обязанностям сана. В моей жизни, конечно, нет особенной нужды, но есть нужда в моем труде».

---

[68] Он особенно любил итальянскую поленту; пастеты из угря и говядину, вываренную в водке.

Фридрих редко выходил из своего монастыря, но зато, когда он показывался в народе, его встречали на каждом шагу радость, удивление и признательность. Когда он бывал в Берлине, он обыкновенно час или два в день прогуливался верхом по улицам. Тогда из всех домов высыпал народ, купцы бросали лавки, ремесленники выбегали из мастерских, окна в домах наполнялись любопытными. Всем хотелось взглянуть на старца, подвигами которого гремела Европа, дух которого наполнял собой все жилы прусского государства. Народ всегда, везде и во всем чувствовал его присутствие, но редко видел его лично и знал его только по рассказам отцов и дедов. Появление Фридриха среди своих подданных было каким-то торжеством, овацией, где благодарные пруссаки хотели высказать своему обожаемому и всеми любимому монарху, как второму своему Провидению, чувства признательности и уважения — слезами, криками радости и молитвами.

Фридрих с умилением принимал эту народную награду. Толпы наполняли улицы, он вынужден был ехать шагом. Маленькие дети преследовали его до самого дворца, кидали свои шапки в воздух, теснились около стремян и обтирали пыль с его сапог. Раз,

резвая гурьба их своими прыжками и криками испугала лошадь; король осторожно отстранил их костылем, говоря:

— Перестаньте, перестаньте, шалуны! Ступайте в школу!

— В школу! — закричали мальчишки с хохотом. — Ай да король! Ай да старичок! Столько лет живет на свете, а не знает, что по средам классов нет!

Такой же восторг встречал Фридриха и в высших слоях общества, когда он являлся в театр. При звуке труб и литавр, которые обыкновенно возвещали его прибытие, все вставали с мест, теснились, как можно ближе к его ложе, чтобы лучше рассмотреть черты монарха, и громкие «*да здравствует наш добрый король*!» заглушали оркестр, когда он показывался в ложе. И все это делалось без подготовления, без понуждения, по какому-то общему, электрическому чувству, по какому-то вдохновенному восторгу, невольно вырывавшемуся из души каждого. Вот довольно разительное описание наружности короля, которое оставил нам один из его современников[69]:

«С особенным любопытством рассматривал я этого человека, великого по своему гению. Он не высок ростом и как будто согбен под тяжестью лавров и долговременных трудов своих. Его синий кафтан, изношенный, как и его тело, длинные сапоги, поднятые выше колен, и белый камзол, засыпанный табаком, составляли что-то странное и, вместе с тем, поразительное. Но огонь его глаз ясно показывал, что он не устарел душой. Несмотря на то, что он держался как инвалид, из быстроты движений и смелой решительности во взоре можно было заключить, что он еще может драться, как юноша. Замешайте незначительную его фигуру между миллионами людей, и каждый тотчас узнает в ней короля: столько величия и твердости в этом необыкновенном человеке».

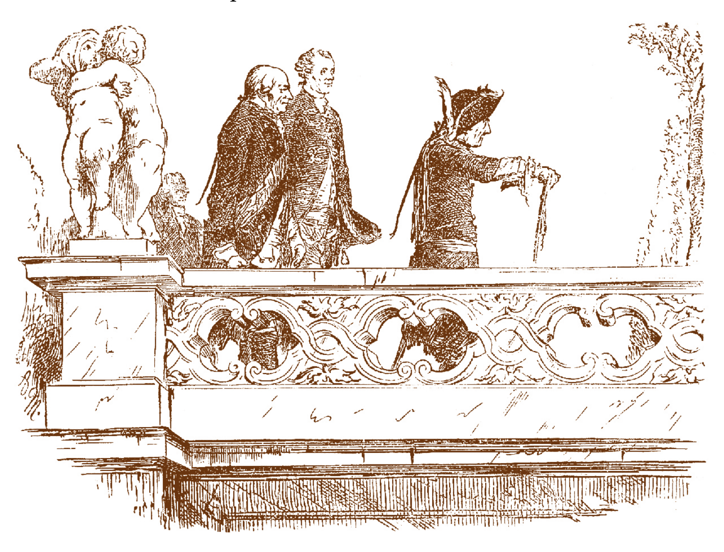
Тот же современник описал и жилище Фридриха:

«В Сан-Суси, — говорит он, — где этот старый бог войны кует свои громовые стрелы и пишет глубокомысленные творения для потомства, где он управляет народом, как заботливый отец своим домом, где он одну половину дня читает просьбы и жалобы последнего из

---

[69] Циммерман, ганноверский врач, бывший впоследствии лейбмедиком Фридриха.

своих подданных и сыплет во все стороны государства неимоверные суммы, не требуя никакого вознаграждения, кроме всеобщего счастья, а в другую становится поэтом и философом; в Сан-Суси, говорю я, царствует такая тишина, что можно расслышать каждое дуновение ветра. В первый раз пришел я в это уединение вечером, в позднюю осень. Я был странно поражен, когда увидел перед собой небольшой дом и узнал, что в нем живет герой, потрясавший мир одним своим именем! Я обошел весь дом, подходил к окнам, видел в них свет; но у дверей не было часовых; я не встретил даже человека, который бы меня спросил: кто я? чего хочу? Тут только я вполне понял все величие Фридриха! Ему не нужно вооруженных наемников и пушек для охранения: он знает, что любовь и уважение народа стоят на страже у дверей его маленького приюта»[70].

В самых отдаленных странах Фридрих пользовался тем же уважением, какое приобрел у своего народа. Эмденский шкипер Клок претерпел в 1780 году кораблекрушение у марокккских берегов. Он был захвачен в плен со всем экипажем и отведен в Магадор. Но когда тогдашний император, Мулей-Исмаил, узнал, что Клок принадлежит прусскому флагу, он приказал его представить к себе, обласкал, наградил и на своем корабле велел переправить со всеми матросами в Европу.

---

[70] Fragmente über Friedrich ben Froßen von Bimmermann. Hannover. 1790.

— Скажи своему королю, — говорил ему император, — что я заключил его в сердце, как брата и друга. Я столько слышал о его уме и великих делах, что за честь почитаю оказать ему мою любовь и уважение, возвратив его подданных в отечество. Прусский флаг всегда найдет самый радушный прием у моих берегов.

С осени 1785 года здоровье Фридриха стало заметно расстраиваться. В августе этого года были назначены маневры. Король сам хотел командовать и семь часов провел в поле под проливным дождем, при сильном северном ветре.

От сильной простуды болезнь его приняла другой оборот: у него открылась водянка в груди. Несмотря на жестокие страдания, он не оставлял своих обычных занятий; они утомляли его и усиливали болезнь. В январе 1786 года умер Цитен. Придворные старались отклонить всякий разговор о нем, чтобы не встревожить короля насчет его собственного положения. Но Фридрих сам завел речь о своем покойном товарище.

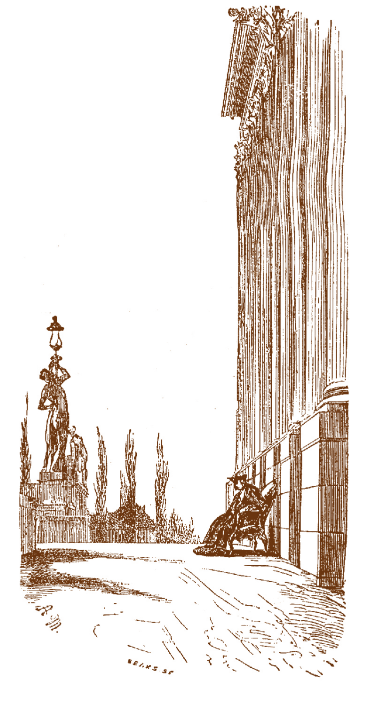
— Наш старый Цитен, — сказал он, — и в самой смерти исполнил свое назначение как генерал. В военное время он всегда вел авангард — и в смерти пошел вперед. Я командовал главной армией — и последую за ним.

Предсказание сбылось слишком скоро. С возвращением весны Фридрих почувствовал облегчение. Теплый воздух и лучи солнца благотворно подействовали на его тело и оживили в нем бодрость. Часто, по утрам, он приказывал вынести себя в кресле на так называемую зеленую террасу потсдамского дворца и тут просиживал по нескольку часов на солнце.

Видя, что часовые у входа стояли во фронте, он подозвал одного к себе:

— Друзья мои! Ходите взад и вперед! Мне легко просидеть здесь час и более, но вам трудно простоять так долго на одном месте.

Часто слуги, стоя за креслом, слышали, как он твердил, смотря на солнце: «Скоро, скоро я к тебе приближусь!» В мае король переехал в свой любимый дворец. Но лето не возвратило ему утраченных сил. Дни и ночи проводил он в вольтеровском кресле, обложенным подушками. Удушливый кашель беспокоил его беспрестанно, часто судороги сжимали ему грудь. Несмотря на то, он сохранял спокойствие духа и прежнюю свою веселость, не обнаруживал ни малейшего признака боли, не произнес ни одной жалобы. По ночам он не имел сна и забывался только на несколько минут. Тут, обыкновенно, он вступал в разговор с дежурившими при нем камер-гусарами.

— Есть ли у тебя родители? — спросил он одного из них.

— Отца нет, — отвечал камер-гусар, — он убит на войне, а старуха жива и сестры тоже.

— Чем же они занимаются?

— Прядут.

— И много получают?

— Когда работы много, гроша четыре в день.

— Мало! Тут нечем жить!

— В. В. думаете, что у нас, как в Берлине — за все дерут впятеро! Нет, в Померании жить и дешево, и привольно.

— А помогаешь ли ты иногда матери?

— Случается, талер-другой перешлешь к празднику.

— Это похвально! Ты добрый сын, люблю за это.

В следующее дежурство камер-гусара король сказал ему:

— Поди, вон там, на окне, я для тебя кое-что приготовил. На окне лежал десяток луидоров. Камер-гусар взял два и робко спросил:

— Это, ваше величество?

— Нет, нет! Возьми все! А твоей старухе я тоже послал подарочек.

Через несколько дней слуга узнал, что король назначил его матери пенсию в сто талеров. Раз ночью, другой камер-лакей, подавая королю питье, взглянул на него с участием и покачал головой.

— Что ты? — спросил Фридрих.

— Мне кажется, что доктора В. В. все вздор делают.

— Как это?

— Они пичкают вас лекарствами, а не подумают о том, что вам всего нужнее сон. Уж какое здоровье без сна!

— Правда! Добрый сон подкрепил бы меня.

— Да еще как! Я знаю это хорошо, сам был прежде фельдшером. Но В. В. не примете от меня лекарства, а то бы я вас тотчас поставил на ноги: и аппетит бы явился, и сон.

— Право? Ну, хорошо, я приму твое лекарство. Посмотрим, правду ли ты говоришь.

Король, действительно, проспал семь часов сряду и почувствовал потом свежесть и облегчение.

— Вот что называется поспать! — сказал он, пробудившись. Потом насыпал червонцев в золотую табакерку и отдал ее камер-лакею.

— Вот тебе за участие и за отличное действие твоего снадобья. По-настоящему мне следовало бы пожаловать тебя в лейбмедики, да боюсь, доктора не позволят.

В другую бессонную ночь Фридрих спросил, который час.

— Половина первого! — отвечал лакей.

— Боже мой! Как еще рано, а я не могу заснуть. Посмотри, не встали ли люди, только не буди никого. Да если увидишь Неймана (любимый его камер-гусар), так скажи ему, что тебе

кажется, будто король скоро проснется. Но если он спит, не буди, слышишь ли, не буди! Бедняжка и без того очень устал.

Так кротко, так милостиво и человеколюбиво обходился он с людьми своими в самые тяжкие минуты своей жизни. Наконец, он отдал приказание кабинетс-секретарям, которые обыкновенно приходили с докладами в 7 часов, чтобы они являлись в четыре.

— Извините, господа, что я вас тревожу по ночам. Жизнь моя клонится к концу. В таком положении я должен пользоваться временем: оно принадлежит не мне, а государству. Впрочем, — прибавил он с улыбкой, — беспокойство ваше недолго продолжится.

В это время посетил короля герцог Курляндский.

— Не нужен ли вам, любезный герцог, ночной сторож? — сказал ему Фридрих шутя. — Возьмите меня на службу; я отлично умею не спать по ночам.

Лейб-медик короля, Селле, истощал все свое искусство, чтобы хоть несколько облегчить страдания Фридриха, но тщетно. Сестра короля, герцогиня Брауншвейгская, убедила его, наконец, довериться знаменитому ганноверскому врачу, Циммерману. Но и он тотчас увидел, что в положении венценосного больного всякое человеческое знание немощно и всякая помощь бесполезна. Он сумел, по крайней мере, развлечь

короля своей умной, назидательной беседой. Фридрих задавал ему самые затруднительные медицинские вопросы. После многих споров, король, наконец, сказал:

— Но согласитесь, любезный доктор, что каждый врач прежде, чем начнет вылечивать больных, должен наполнить кладбище. Скажите мне откровенно, между нами: велико ли было ваше кладбище и давно ли вы перестали наполнять его?

— Мое кладбище было очень невелико, и я давно уже его наполнил, — отвечал Циммерман.

— Но как же вы в этом успели?

— Очень просто. Я всегда смотрел на жизнь, как на драгоценнейшее достояние человека, которое можно потерять только один раз. Поэтому, если мне его поручали, и я видел, что оно может быть потеряно, я всегда прибегал к совету старых и опытных врачей. Когда же больной умирал, несмотря на эту предосторожность, он попадал не на мое кладбище.

— Вот это умно! — воскликнул король. — Вначале каждый человек ошибается, но тот истинно умен, кто, делая раз ошибку, избегает десяти других!

Часто Циммерман бывал изумлен глубокими сведениями Фридриха во врачебной науке. Как умный человек, он не хотел рисковать своей репутацией и решился оставить Берлин прежде смерти короля, боясь, что молва и этого великого покойника отнесет на его кладбище. Король отпустил его с большим сожалением.

«Благодарю вас за участие, — писал он к своей сестре. — Врач ваш очень умный и ученый человек и рад бы от души услужить вам, но это не в его власти. Старики должны очищать место молодым — таков закон природы. Да и что такое жизнь? Жить — не значит ли видеть, как другие родятся и умирают! Впрочем, с некоторого времени мне немножко полегче. Сердце мое предано вам навеки, добрая сестра моя».

В августе болезнь короля значительно усилилась. 15 августа он, против обыкновения, проспал до 11 часов. Все ожидали его пробуждения с сердечным трепетом: доктора объявили, что сон этот должен был кончиться решительным кризисом. Фри-

дрих проснулся, весело поприветствовал окружающих, потом велел позвать кабинетс-секретарей и тихим, но твердым голосом диктовал им разные бумаги и депеши. Коменданту Потсдама объяснил он все нужные распоряжения для маневров потсдамского гарнизона, которые назначил на следующий день. Все радовались: такой деятельности и свежести давно уже не видали в больном. Но радость была непродолжительна. На следующее утро нашли короля в плачевном положении. Язык его начинал коснеть, рассудок потемнился. Кабинетс-секретари ждали в приемной, один комендант вошел в кабинет. Фридрих хотел приподнять голову, силился что-то сказать — и не смог. С печальным взором махнул он тихо рукой, давая понять, что не в состоянии более заняться делами. Комендант заплакал и молча вышел из комнаты. С этой минуты король совершенно потерял память, не узнавал окружающих. Но иногда болезненный бред его сменялся светлыми минутами. Жизнь догорала в нем, как лампада, то вспыхивая ярким светом, то померкая в тихом забвении. Ночью он спросил: «Который час?» — Ему отвечали: одиннадцать. «Хорошо, — сказал он, — разбудите меня в четыре, я нынче не работал, завтра будет много дел». Но напрасно искал он успокоения, внутренний огонь пожирал уже его сердце. В комнате царствовала священная тишина, как в храме перед совершением какого-нибудь таинства. Только врач и два лакея стояли неподвижно перед больным. Три свечи с высокого камина тускло озаряли эту картину. Вдруг больной встрепенулся, глаза его блеснули необыкновенным огнем, он хотел приподняться; камер-гусар подхватил его подмышки. Но в ту же минуту голова короля опустилась, взор остановился неподвижно, уста ясно залепетали: «О, как легко! Я взошел на гору... хочу успокоиться...» — остальные звуки замерли в судорогах последнего вздоха. Могучая душа отлетела в горнюю обитель. На руках верного слуги лежал один холодный труп.

Было 2 часа ночи. Часы Фридриха указали роковую минуту и остановились. Эти часы Наполеон впоследствии увез с собой на остров св. Елены и на смертном одре завещал своему сыну.

Вся Пруссия облеклась в траур при известии о великой своей утрате. Фридрих был оплакан чистосердечнейшими слезами.

Даже враги отдали справедливость его гениальным способностям — на его могиле. Духовное его завещание должно было вполне открыть миру — какого человека, а Пруссии — какого монарха они лишились. Вот главнейшие статьи этого замечательного акта:

«Жизнь наша — мгновенный переход от минуты рождения к минуте смерти. Назначение человека в этот краткий переход — трудиться для блага общества, к которому он принадлежит. С тех пор, как я достиг кормила правления, я старался всеми средствами, данными мне природой, по мере сил и возможностей, способствовать счастью и довольству государства, которым имел честь управлять. Я старался водворять закон и правосудие; завел порядок и точность в финансовой системе; дал армии образование, которое поставило ее выше всех войск остальной Европы. Исполнив, таким образом, обязанности мои в отношении к государству, я заслужил бы вечный упрек, если бы не подумал о домашних моих обстоятельствах. Итак, чтобы предупредить всякий спор, могущий возникнуть между родственниками за мое наследие, объявляю сим торжественным актом мою последнюю волю.

Охотно и без сожаления отдаю дыхание жизни благодетельной природе, от которой его получил, а тело мое возвращаю стихиям, из которых оно составлено. Я жил, как философ, и хочу быть похоронен, как жил — без шума, блеска и роскоши. Не желаю, чтобы тело мое было вскрыто и бальзамировано. Пусть поставят меня в Сан-Суси в склепе, под террасой, который я для себя приготовил.

Любезному моему племяннику, Фридриху Вильгельму, как ближайшему наследнику престола, предоставляю королевство Пруссию, со всеми провинциями, городами, замками, крепостями, арсеналами и военными запасами; все завоеванные и приобретенные мной по наследству земли; все коронные сокровища, каменья, золотые и серебряные сервизы, мои загородные дворцы, библиотеку, собрание редких монет, картинную галерею, сады и прочее. Кроме того, передаю ему казну, в том виде, в каком она будет находиться в день моей смерти, как достояние государства, которое может быть употребляемо только на защиту и на поддержание народа.

Королеве, моей супруге, назначаю, кроме доходов, которые она уже получает, еще по 10 000 талеров ежегодно, по две бочки вина, казенное отопление и свободный лов дичи для ее стола. Город Штеттин да будет ее резиденцией; но и в берлинском дворце ей должна быть отведена приличная, соответствующая ее сану квартира. Пле-

мянник мой обязан оказывать ей все уважение, которое она заслуживает как вдова его дяди и как государыня, никогда ни на шаг не отступавшая от путей добродетели.

Теперь о частном моем достоянии. Я никогда не был скуп и богат, следовательно, не имею значительной собственности. Доходы государственные я всегда почитал святыней, до которой нечистая рука не должна прикасаться. Никогда не употреблял я общественных денег на свои потребности. Ежегодные расходы мои не превышали 200 000 талеров. Зато я с чистой совестью слагаю с себя сан государственного правителя и не стыжусь отдать миру отчет в моих поступках. Все, что после меня останется, да будет достоянием моего племянника.

Со всей теплотой души, к какой я только способен, поручаю моему наследнику храбрых офицеров, которые совершали походы под моим предводительством. Прошу его обратить также особенное

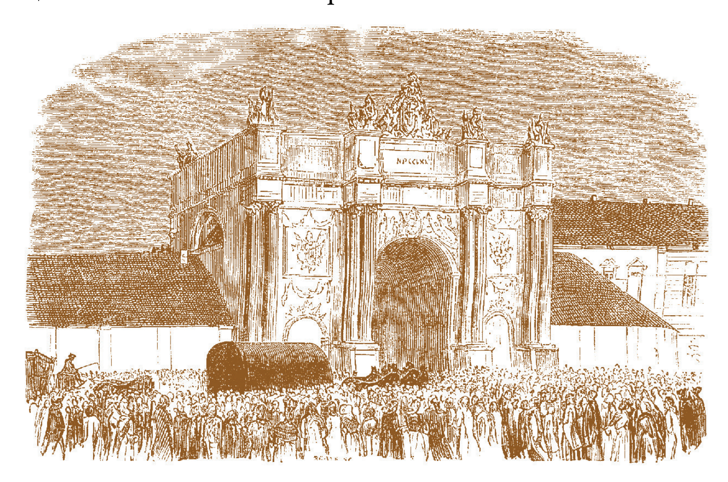
внимание на тех офицеров, которые находились в моей свите; чтобы ни один из них не страдал на старости в нищете и болезни. Он найдет в них опытных воинов, которые не раз на деле доказали свой ум, свою храбрость и преданность престолу.

Поручаю моему наследнику любить и уважать кровь свою в особах его дядей, теток и остальных родственников. Случай, управляющий назначением человека, дает и право первородства, а потому быть королем — не значит еще быть достойнее других. Прошу всех моих родственников жить в любви и согласии и не забывать, что, в случае надобности, они обязаны без малейших колебаний жертвовать личными своими выгодами к пользам и благу государства.

Последние мои желания в минуту, когда расстаюсь с миром, клонятся к счастью прусского государства. Да управляется оно всегда мудростью и правдой с неослабным вниманием. Да будет оно по кротости законов — счастливейшей, по умному распоряжению финансами — богатейшей, по храбрости и чести своей армии — крепчайшей державой в мире! Да цветет и красуется она до века!»

Вот как мыслил и чувствовал великий Фридрих на краю гроба! И почти все его желания сбылись: все семена, им посаженные, взошли и принесли его любимой Пруссии золотые плоды!

На другой день по смерти Фридриха явился новый король Фридрих Вильгельм, чтобы отдать последний долг великому покойнику. Вечером тело было перевезено в потсдамский дворец и выставлено на катафалке.

Толпы народа встретили и провожали печальную процессию. Все шли молча за гробом, и только глубокие вздохи и рыдания иногда нарушали святую тишину ночи. На другой день всем был открыт доступ во дворец для прощания с покойным королем.

Но воля Фридриха не была исполнена в отношении к месту похорон. Отпевание его тела происходило 8 сентября в гарнизонной церкви в Потсдаме, и там же гроб его был поставлен в склеп, устроенный под кафедрой.

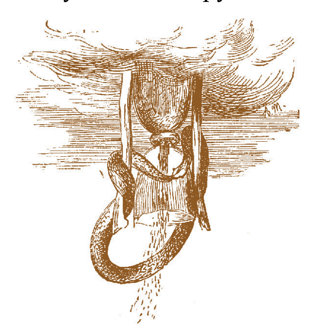
Здесь-то, в 1806 году, посетил прах великого монарха Наполеон, который хорошо понимал и умел оценить гений Фридриха. Долго стоял император перед простым надгробным камнем, на котором вместо всех трофеев и украшений была

высечена надпись Fredericus II, и голова его поникла в глубоком раздумье. Думал ли он о ничтожности земного величия или о той великой задаче в жизни монарха, которую Фридрих так хорошо выполнил? Трудно угадать, какие мечты теснились тогда в душе счастливого завоевателя. Известно только, что он взял меч, которым была завоевана Силезия и одержаны блистательнейшие победы Семилетней войны, и крест Черного Орла, под которым билось сердце Фридриха, и переслал их, как священные трофеи, своему инвалидному дому.

«Я надеюсь, — писал он, — что старые инвалиды ганноверской армии с трепетом глубокого уважения примут в дар святыню, принадлежавшую одному из первейших полководцев, память которых сохранена историей».

Но Фридрих оставил по себе более, чем память геройских подвигов. Человечество с умилением может указать позднейшим векам на жизнь этого монарха и торжественно надписать над ней три многозначительных слова, в которых заключен весь смысл назначения человека и государя:

«Мыслил, чувствовал, трудился».

Еще несколько слов

Habents sua fata libelli! *Книги имеют свою судьбу* — сказал древний писатель, и никогда изречение его не сбывалось в такой силе, как над предлагаемой здесь книгой. Судьба «Истории Фридриха Великого» в русском издании чрезвычайно любопытна и назидательна: она может представить превосходный материал для комедии нравов и для будущего историка нашей современной литературы. Чтобы достигнуть своей цели, т. е. появиться в свет, этой книге надлежало пройти сквозь огонь, воду и раскаленные трубы; переменить несколько раз издателей, побывать в нескольких типографиях, испытать самые отчаянные нападения ловких промышленников (которые завидуют каждому предприятию, могущему, по их мнению, *быть удачным*, т. е. *прибыльным*), произвести несколько жарких полемических битв и процессов и, наконец, прорваться сквозь все козни и сети, расставленные ей завистью, корыстью и недоброжелательством. «История Фридриха Великого» совершила этот трудный подвиг с мужеством и терпением, достойными великого прусского героя.

Наконец, «История Фридриха Великого» в руках читателей; каждый может оценить ее по своему усмотрению и убедиться, что если этот труд и не чужд недостатков, неизбежных во всяком деле рук человеческих, то, по крайней мере, он совершен с добросовестностью, которая должна быть отличительным качеством каждого литературного, а не *промышленного* произведения. Не стану входить во все подробности истории этой книги, но почитаю необходимым объяснить некоторые ее факты.

В одно прекрасное утро явился ко мне молодой человек, г-н Валенкамп, с тремя тетрадками издаваемой в Германии «Истории Фридриха II» Франца Куглера, украшенной иллюстрациями Адольфа Менцеля, и попросил, чтобы я принял на себя перевод этой книги на русский язык. Я согласился. Первая

тетрадь была переведена и поступила в печать. Пока длилась переписка с немецким издателем, Вебером, пока были высланы готовые политипажи, в Германии вышло еще шесть тетрадей. Прочитав их, я убедился, что Куглер пишет свой текст только для пояснения картинок, и что «История Фридриха Великого», изложенная в таких кратких и беглых очерках, не может удовлетворить русских читателей. Я предложил г-ну Валенкампу составить совершенно новую книгу по достовернейшим немецким и русским источникам, к которой, приняв историю Куглера за канву, можно бы приложить иллюстрации Менцеля. Я желал изложить по возможности полную и подробную «Историю Фридриха», представив картину всех политических событий Европы, связанных тесно с его царствованием; показать участие в них России, как одной из главных действующих держав, и, посредством собственных суждений Фридриха и самых достоверных о нем анекдотов, очертить его характер — как монарха, политика, полководца, писателя и человека. В особенности хотелось мне как можно полнее описать Семилетнюю войну и показать в ней блистательные действия русского оружия; тем более, что мы на русском языке, кроме издания К. Полевого «История Семилетней войны» — Архенгольца, никакой книги по этой части не имеем. Мне казалось, что такого рода история, изложенная в форме повествовательной, без всяких мудрствований, языком популярным, может доставить полезное и занимательное чтение для всех классов русской публики. Издатель мой был весьма доволен моим намерением. Но вскоре непредвиденные, неблагоприятные обстоятельства остановили правильный выход в свет выпусков «Истории Фридриха». Г-н Валенкамп, издав только две тетради, вынужден был передать дальнейшее издание г-ну Ольхину. Этот деятельный и предприимчивый книготорговец в течение года издал только два выпуска, т. е. четыре листа, напечатанные в типографии Бочарова. Между тем, большая часть наших журналов[71] встретили первые тетради моего труда

[71] «Отечественные Записки». — «Библиотека для Чтения». — «Русский Инвалид». — «Москвитянин». — «Литературная Газета».

самыми одобрительными и лестными отзывами. Одна только *беспристрастная* газета поразила его громами своего негодования — еще прежде, чем вышел в свет первый выпуск, и поместила потом несколько статей Н. А. Полевого, в которых почтенный критик старался доказать, что мой слог никуда не годится, называл его водевильным, вероятно, в отличие от *высокопарного*, которым сам пишет различные истории, и возводил на меня обвинения в исторических промахах, в которых сам повинен. Он говорит, например, что Фридрих не мог желать жениться в 1733 году на Анне Леопольдовне (как сказано в моей истории), *она была еще ребенок, потому что прибыла в Россию в 12 лет*. А сам почтеннейший критик пишет в своей «Русской Истории» (часть 4, стр. 282), что «нареченный жених Анны, Антон-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский, прибыл в Россию в 1733 году: *принцу было тогда 19 лет, а великой княжне Анне Леопольдовне 15*». Вот что называется — «из того же места, да не те же вести». Но этого мало. Почтеннейший критик простер свое беспристрастие до того, что очень простодушно предостерегал публику от покупки «Истории Фридриха», говоря, что она не будет окончена, вероятно, на том основании, что и его «История русского народа» поныне не окончена.

Но после сего издателем этой книги сделался г-н Липс. Печатание было перенесено в одну из лучших здешних типографий и вот, по прошествии семи месяцев, весь труд окончен. Увы! Современные нам оракулы должны уступить пальму первенства дельфийскому! Тот, по крайней мере, со своими прорицаниями не попадал впросак.

Вот факты, необходимые для пояснения медленности, с которой выходило в свет это издание. Впрочем, даже и при большей деятельности прежних издателей, оно не могло быть окончено ранее начала 1844 года, потому что немецкое издание «Истории Куглера», которое сделано для приложенных нами политипажей, закончено только в декабре 1843.

Большая часть сведений, касающихся до России, почерпнуты мной из подлинных актов, хранящихся в Архиве Генерального ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Штаба.

По просвещенному предстательству Его Сиятельства, Господина Военного Министра, покровительствующему всякому труду на пользу науки и русского просвещения, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, всемилостивейше почтив труд мой наименованием «*похвального*», Высочайше повелеть соизволил открыть мне архив Главного Штаба, с дозволением сделать из хранящихся в оном бумаг необходимые для меня выписки. Я нашел более любопытных материалов, чем мог поместить их в тесной раме моего труда, где лицо Фридриха, как главное моего рассказа, должно было всегда занимать первый план исторической картины.

Поэтому я решился впоследствии, если обстоятельства мне позволят, издать особенную книгу об участии России в Семилетней войне, в которой постараюсь воспользоваться всеми богатыми источниками, которые мне открыты милостью Монарха.

Кроме означенных материалов, я пользовался в некоторых местах:

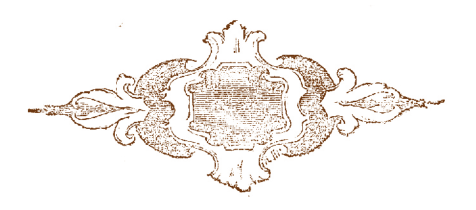
«Биографиями русских генералиссимусов и фельдмаршалов» г-на Бантыша-Каменского и «Санкт-Петербургскими Ведомостями», с 1756–1780 г. хранящимися в ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеке.

Затем, изложив все, что мне нужно было пояснить, я желаю, чтобы каждый читатель прочел мою книгу с таким же удовольствием, с каким я ее писал.

Quod potui feci, faciunt meliora potentes!

«Что мог сделал, пусть сделает лучше — кто может!»

Федор Кони

Оглавление

Кони Федор Алексеевич

История Фридриха Великого

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *И. Камаева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru